

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

В.А. Вазюлин

ЛОГИКА ИСТОРИИ

В.А.ВАЗЮЛИН

ЛОГИКА ИСТОРИИ

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
И МЕТОДОЛОГИИ**

(Издание 2-е, переработанное и дополненное)

Москва

Издательство Современного гуманитарного университета
2005

УДК 930.1

ББК 63.2

В–13

В.А. Вазюлин. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – Издание 2-е, переработанное и дополненное. – М.: Изд-во СГУ, 2005. – 432 с.

ISBN 5–8323–0377–6

В книге рассматриваются строение общества и общий закономерный ход истории человечества, дана методология отображения общества как «органического целого».

К настоящему времени это наиболее систематическое и целостное понимание сущности, законов и закономерностей развития истории человечества.

Впервые законы и категории функционирования и развития общества раскрываются в их внутренней взаимосвязи.

Представленная в книге теория и методология понимания общества диалектически «снимает», но не устраняет противоположность материалистического и идеалистического понимания истории.

Книга В.А. Вазюлина «Логика истории» предлагает совершенно новую методологию всего комплекса общественных наук. Она создает возможность для наиболее адекватного познания и предвидения закономерностей развития человека и общества, чем это было в истории философии и в распространенных современных подходах.

УДК 930.1

ББК 63.2

ISBN 5–8323–0377–6

© Вазюлин В.А.

© Изд-во Современного гуманитарного университета, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Часть I. Методология исследования развития общества как «органического целого» 6

Часть II. Структура общества 31

Глава 1. Простейшее отношение общества как процесс. Строение простейшего отношения 31

Глава 2. Переход от простейшего отношения к сущности общества 61

Глава 3. Сущность общества 77

§ 1. Труд и производство как процесс обмена веществ между человеком и природой 77

§ 2. Производственные (трудовые) отношения 129

Глава 4. Явление и действительность человеческого общества. Общественное сознание, его формы. Надстройка. Люди как личности 157

Часть III. Процесс исторического развития общества . . 223

Глава 1. Начало процесса исторического развития общества и первоначальное возникновение общества 227

Глава 2. Формирование человеческого общества 239

§ 1. Начальный период формирования человеческого общества. Рабовладельческая общественно- экономическая формация 251

§ 2. Второй период формирования человеческого общества – период развития крупной частной собственности на неадекватной ей основе. Феодалная общественно-экономическая формация	277
§ 3. Завершение формирования человеческого общества. Капиталистическая общественно-экономическая формация	297
Глава 3. Зрелость человеческого общества. Коммунизм . . .	319
Послесловие	345
Вместо дополнения	351
Ответы на вопросы и выступление на I теоретической конференции Международной логико-исторической школы. МГУ им. М.В. Ломоносова – Современная гуманитарная академия. 2002 г.	351
Вступительное слово на II ежегодной теоретической конференции Международной логико-исторической школы. МГУ им. М.В. Ломоносова – Современная гуманитарная академия. 2003 г.	377
О необходимости диалектического снятия классической исторической формы марксизма (доклад и ответы на вопросы на III ежегодной теоретической конференции международной логико-исторической школы. МГУ им. М.В. Ломоносова – Современная гуманитарная академия. 2004 г.)	384
Приложение. К греческим читателям	415
Литература	419

ВВЕДЕНИЕ

Для успешной деятельности прогрессивных сил необходимы постоянные теоретические исследования, позволяющие все точнее и глубже определять перспективы развития и ближайшие цели, соотношение тех и других, пути и способы социальных преобразований.

История человечества движется к зрелому состоянию общества. В настоящее время уже намечаются, в той или иной степени, варианты подхода к нему.

В данной работе рассматривается история человечества как история его закономерного развития от возникновения до зрелости, как естественно-исторический процесс перехода от одной стадии к другой.

Акцент в позиции автора делается не на простом, «зряшном» отрицании нынешней стадии развития общества, а на диалектическом «снятии» как современной, так и всех прошлых стадий будущим развитием общества.

Часть I

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА КАК «ОРГАНИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО»

Образцом исследования общества на определенной исторической ступени его развития является величайшее произведение марксизма – «Капитал».

В «Капитале» К. Маркса не только гениально раскрыты экономические отношения капиталистической общественно-экономической формации, в нем содержатся также наиболее глубокое обоснование материалистического понимания истории и систематическое развитие диалектико-материалистической логики. Говоря о теоретическом значении этого произведения, В. И. Ленин писал: «Теперь – со времени появления «Капитала» – материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...» [3, т. 1, с. 139–140]. А Ф. Энгельс в рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» отмечал: «Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению» [1, т. 13, с. 497].

Чтобы понять, что именно Ф. Энгельс имеет в виду, говоря о методе, выработанном К. Марксом, следует обратить внимание еще на одну его мысль из этой же работы: «В сочинении, подобном тому, которое лежит перед нами, не может быть и речи о простой критике отдельных, оторванных друг от друга положений политической экономии, об обособленном рассмотрении тех или других спорных экономических вопросов. Напротив, это сочинение с самого начала построено на систематическом

охвате всего комплекса экономических наук, на связном изложении законов буржуазного производства и буржуазного обмена. А так как экономисты являются не чем иным, как толкователями и апологетами этих законов, то это изложение является в то же время критикой всей экономической литературы.

Со времени смерти Гегеля вряд ли была сделана хотя бы одна попытка развить какую-нибудь науку в ее собственной, внутренней связи» [там же, с. 494].

Предметом научного исследования в «Капитале» является капиталистическая общественно-экономическая формация как «органическое целое» (К. Маркс).

Что такое органическое целое? Органическое целое есть такое целое, для которого характерна прежде всего внутренняя взаимосвязь (взаимодействие) сторон. Если это целое разложить на его составляющие, то исчезнет самая его суть. Например, если бы мы разложили какой-либо живой организм на составляющие его элементы, части и т. п., то жизнь была бы разрушена.

Подход К. Маркса к капиталистической общественно-экономической формации как к органическому целому коренным образом отличается от подхода буржуазных экономистов.

До К. Маркса экономисты представляли себе общество в основном как сумму изолированных индивидов, как такое целое, элементы которого связаны друг с другом главным образом внешне. Элемент (часть и т. п.) такого целого, будучи взят отдельно от других элементов, в основном сохраняет свою специфику.

Представление буржуазной политэкономии об изолированном человеке, о человеке, производящем изолированно от других людей, или о так называемой «робинзонаде», выросло на почве частной собственности. Частная собственность отчуждает людей друг от друга. Люди, захваченные отношениями частной собственности, представляют себе человека в качестве изоли-

рованного индивида (как «атом»), а общество – как механический агрегат таких индивидов.

К. Маркс, отстаивавший (практически и теоретически) интересы класса, призванного объективным ходом истории возглавить борьбу за общественную собственность, и в области методологии упор делал на внутреннюю взаимосвязь, внутреннее взаимодействие. Это позволило ему при анализе частной собственности объяснить жизнь общества и понять саму частную собственность как общественное отношение.

Предмет в качестве органического целого изучал уже Гегель. Но марксова позиция коренным образом отлична также и от гегелевских воззрений на органическое целое.

Согласно воззрениям объективного идеалиста Гегеля, абсолютная идея отчуждает от себя предметный мир и, проходя через его конечность и неразумие, возвращается к себе, но уже как к сознающей себя. Абсолютная идея Гегеля, по сути, есть мышление, оторванное от материи и понятое как совершенно самостоятельное. Причем у Гегеля в качестве абсолютной идеи фигурирует мышление как изначальное и как объективный, надиндивидуальный процесс, сущностью предметного мира оказывается абсолютная идея, предметный мир не имеет своей сущности и как материальный мир полагается этим объективным процессом мышления. Поэтому для Гегеля органическое целое по своему существу в конечном счете выступало как духовный продукт, но продукт объективного духа, который лишь осознается субъективным духом. Следовательно, в этом смысле органическое целое оказывалось несуществующим в материальной действительности независимо от мышления. Представление, мысль об органическом целом фактически были поняты в отрыве от действительного существования этого целого.

Следовательно, были порваны связи с той почвой, на которой и из которой развивается представление о реальном органическом целом. Поскольку же представление об органическом целом и понимание этого целого определяются реально суще-

ствующим органическим целым и поскольку изменение этого представления и понимания определяется изменением самого реального органического целого, постольку отрыв мышления от материального бытия, понимание объективного мышления как абсолютно самостоятельного, а материального бытия – как отчуждения этого абсолютно самостоятельного мышления означали в конечном счете признание неизменности этого оторванного от материального бытия мышления.

Гегелевская методология выражает попытку великого мыслителя преодолеть отчуждение людей друг от друга. Однако эта попытка была предпринята с позиции отношения к существующему (антагонистическому) обществу как неизменному, а потому единственным способом преодоления отчуждения было преодоление его в мысли, в представлении, т. е. в отрыве от действительного преодоления общественных антагонизмов.

К. Маркс же, выражая взгляды последовательно революционного класса, возглавляющего борьбу всех трудящихся против эксплуатации, борьбу за упразднение старого, антагонистического общества, и в области методологии, во-первых, строго отличал реальное органическое целое от его отображения в мышлении и, во-вторых, последовательно рассматривал органическое целое в процессе его развития.

Таким образом, диалектико-материалистический подход К. Маркса внутренне един со строго определенной практически-политической позицией. Более того, правильная практически-политическая позиция служит необходимой основой для разработки истинной методологии.

Однако верная практически-политическая позиция сама по себе автоматически не порождает верную методологию. Теоретическое отображение реально существующего органического целого весьма сложно и осуществляется в процессе развития противоречий.

Каковы же пути, способы, средства отображения органического целого в процессе его развития?

Сначала лишь назовем их. Органическое целое в процессе его развития отображается – если говорить в самом общем виде – способом восхождения от абстрактного к конкретному, а также посредством единства логического и исторического рассмотрения. Причем, на наш взгляд, «механизм» восхождения от абстрактного к конкретному состоит из следующих (перечисленных в порядке последовательности их выдвижения на первый план в процессе восхождения) основных блоков: категорий поверхности, сущности, явления и действительности [подробнее см. 48].

С чего начинается отображение органического целого? Прежде всего необходимой предпосылкой отображения органического целого является его реальное существование. Реально существующее органическое целое может быть обозначено термином «реальное конкретное». Реально существующее органическое целое первоначально отображается чувственно, в живом созерцании, воспринимается по преимуществу непосредственно, внешне. Попадающие в поле зрения стороны предмета представляются в основном как несвязанные друг с другом; предмет выступает как хаотическое нагромождение сторон, сами стороны отнюдь еще не выделяются как таковые. Предмет воспринимается как хаотическое «целое». Это непосредственно синтетический подход к предмету. Затем – если брать логическую последовательность в «чистом» виде – происходят ознакомление преимущественно с отдельными сторонами и изучение их по отдельности, т. е. доминирует анализ.

Однако было бы неверно сказать, что тут имеют место лишь восприятие и изучение отдельных сторон предмета. С самого начала внимание людей к данному органическому целому привлекается какой-то жизненной потребностью. Например, исследование буржуазных экономистов стимулировалось потребностью в увеличении буржуазного богатства. Стремление осознать потребность и то, что ее может удовлетворить, рождает догадку о предмете в целом, очерчивает, сначала очень прибли-

зительно, границы интересующего предмета. Эта догадка, первоначальное представление об изучаемом предмете, и направляет анализ. Анализ, в общем и целом, через случайные отклонения идет от рассмотрения более сложных сторон предмета ко все более простым его сторонам, пока не выделяется простейшая сторона данного органического целого. Надо иметь в виду, что хотя целое дано реально, но осознаются, осмысливаются пока, главным образом, стороны предмета по отдельности. Например, К. Маркс так описывает путь, который буржуазная политическая экономия прошла при своем возникновении: «Когда мы с точки зрения политической экономии рассматриваем какую-нибудь данную страну, то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между городом, деревней и морскими промыслами, между различными отраслями производства, с вывоза и ввоза, годового производства и потребления, товарных цен и т. д.

Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Однако при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население – это абстракция, если я оставляю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю тех основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. ... Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более детальных определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о це-

лом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений» [1, т. 46, ч. I, с. 36–37].

Итак, познание органического целого первоначально идет от хаотического представления о целом, т. е. от конкретного, как оно дано в представлении, в живом созерцании, ко все более и более простым определениям, пока, наконец, не определится простейшая сторона (отношение и т. п.) целого. На этом пути преобладает анализ. Но уже здесь движение познания противоречиво. Анализ совершается в единстве с синтезом. Наличие общественной потребности в познании данного предмета, догадка о том, что он такое есть, направляют познание, и заставляют искать связи анализируемых сторон. Тем не менее первоначально все же господствует анализ.

Таков реальный первоначальный путь познания. Осознание же его может быть и односторонним. Преобладание анализа может заслонить наличие в этом процессе познания моментов синтеза, тогда первоначальная стадия познания органического целого предстанет как только аналитическая. Это было характерно для классиков буржуазной политической экономии¹.

Каков же конечный пункт этого движения познания от хаотического представления о целом? Выделение простейшей стороны, простейшего отношения органического целого.

Что же такое простейшая сторона (отношение), если ее определить в связи с названным выше движением познания? Это есть предел расчленения органического целого. Дальнейшее расчленение уже выводит за рамки данного предмета. Например, простейшее отношение капиталистической экономики – товар. Товар имеет потребительную стоимость и стоимость. Стоимость нельзя понять, не поняв, что такое потребительная стоимость.

---

¹ Здесь следует отметить, что К. Маркс отличал классиков буржуазной политической экономии, стремившихся к трезвому и точному исследованию буржуазного богатства, от вульгарных буржуазных экономистов, от беззастенчивых апологетов буржуазного общества.

Но потребительную стоимость нельзя взять в качестве простейшего при рассмотрении экономики капитализма, ибо потребительная стоимость существует не только при капитализме и даже не только при наличии товара. Если взять в качестве простейшего потребительную стоимость, то будет утеряна специфика капитализма. Отражение простейшей стороны в мышлении, говоря другими словами, есть самое абстрактное понятие. Абстракция представляет собой отвлечение. В определении простейшей стороны познающий приходит к максимальному отвлечению от всех остальных сторон предмета. Следовательно, рассмотренный путь познания есть путь от хаотического представления о целом к простейшему отношению, стороне, от чувственного конкретного к абстрактному.

После того как закончена стадия познания, на которой органическое целое расчленялось на отдельные стороны, которые изучались преимущественно по отдельности, и выделялись все более простые стороны, начинается следующая стадия. На этой стадии в качестве главной стоит задача установления связи, единства, взаимодействия различных сторон. Причем познание идет главным образом от простейшей стороны органического целого ко все более сложным его сторонам. Это движение познания называется восхождением от абстрактного к конкретному. Результат восхождения от абстрактного к конкретному есть уже такое отображение реально существующего органического целого, в котором стороны органического целого поняты не хаотически, не вне связи друг с другом, а в единстве друг с другом. Но ведь, как уже говорилось выше, самая суть органического целого состоит в специфическом, своеобразном внутреннем единстве его различных сторон. Следовательно, на той стадии познания, когда преобладает восхождение от абстрактного к конкретному, главным содержанием исследования становится раскрытие сущности органического целого.

На предыдущей стадии познание направляется к сущности, совершается проникновение в существенные связи, и все

же преобладает познание внешнего и т. п. Сущностная связь фиксируется, представляется по преимуществу как простая рядоположенность сторон предмета или как следование одного его элемента (стороны) за другим, т. е. главным образом как внешняя связь сторон.

На стадии восхождения от абстрактного к конкретному преобладает отображение внутренней связи, внутреннего единства сторон, т. е. такой связи, когда каждая сторона становится определенной по своей сущности именно вследствие ее связи с другими сторонами органического целого.

Конкретное как результат, конечный пункт восхождения от абстрактного к конкретному есть единство (и притом главным образом внутреннее единство) различных многообразных определений предмета.

В восхождении от абстрактного к конкретному преобладает синтез. Вместе с тем, подобно тому как на предыдущей стадии анализ хотя и преобладал, но осуществлялся в единстве с синтезом, так и на стадии восхождения от абстрактного к конкретному синтез, хотя он и преобладает, совершается в единстве с анализом. Как установление различия отдельных сторон (т. е. анализ) невозможно без того или иного сходства между ними, так и установление единства, связи сторон (т. е. синтез) невозможно без установления различия между ними. Но преобладание анализа или синтеза возможно. «Прожектор» нашего сознания может освещать то одно, то другое. То на освещенном участке находится различие сторон, а их связь затенена, то, наоборот, освещается единство сторон, а их различие находится в тени.

Следовательно, так или иначе мышление человека и на первой, и на второй стадиях осуществляется в единстве этих противоположностей – анализа и синтеза. Кроме того, и сами стадии выступают как противоположности по отношению друг к другу: на первой преобладает анализ, а на второй – синтез. В целом – если брать основную линию движения познания – ото-

бражение органического целого совершается по спирали: сначала возникает догадка о предмете, предмет представляется по преимуществу как нерасчлененное «целое» (хотя те или иные различия сторон фиксируются уже здесь), затем вычленяются стороны предмета и изучаются по отдельности; наконец, как бы происходит возвращение к первоначальному «целостному» представлению о предмете, но уже на основе знания отдельных его сторон и как установление единства внутренних связей сторон предмета.

Восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой главную стадию в отображении органического целого, ибо именно на этой стадии первостепенной задачей становится раскрытие внутренних связей, внутреннего единства сторон органического целого, иначе говоря, совокупности законов и закономерностей, сущности органического целого.

В истории познания человечества были два наиболее типичных заблуждения по поводу описанных выше стадий познания. Реальный процесс познания очень сложен, труден, и эти заблуждения, при определенных условиях, могут иметь место — пусть не в развитом виде — и в индивидуальном познании. Знание истории и сути заблуждений — довольно эффективное лекарство против них.

Первое типичное заблуждение. Движение от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному познающий человек воспринимает в отрыве от восхождения от абстрактного к конкретному, анализ в отрыве от синтеза и абсолютизирует движение от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному, абсолютизирует анализ. Между тем мы видели, что эта стадия предшествует второй и включает вторую в себя как подчиненный, еще неразвитый момент. Такое заблуждение, если его придерживаться последовательно, ведет к беспорядочному, хаотическому накоплению знаний, к скольжению по поверхности предметов, процессов, к отрицанию сущности, к отрицанию

внутренних, невидимых на поверхности связей предметов, процессов. В наиболее отчетливом виде такая позиция в области политической экономии присуща вульгарным экономистам, а в области философии – позитивистам.

Второе типичное заблуждение. Восхождение от абстрактного к конкретному отрывается от противоположного движения познания, синтез отрывается от анализа и абсолютизируется восхождение от абстрактного к конкретному, абсолютизируется синтез. Это заблуждение в наиболее развернутом и последовательном виде представлено в логике Гегеля.

Гегель высказал много гениальных догадок о месте и роли способа восхождения от абстрактного к конкретному в сознании, о его механизме и т. д. Однако Гегель представил восхождение от абстрактного к конкретному как единственный способ образования знаний и лишил действительного познавательного значения противоположное движение познания.

Что это значит и к чему это привело?

Движение от чувственного конкретного к абстрактному есть движение от живого созерцания к мысли, к понятию, это процесс сопоставления мыслей с чувственными данными, с тем, как реальный предмет дан в живом созерцании, это сопоставление мыслей, понятий с фактами.

Лишить действительного познавательного значения движение от чувственного конкретного к абстрактному и утверждать, что только восхождение от абстрактного к конкретному есть действительное познание, – значит оторвать ход мысли от сопоставления с чувственными данными, с данными живого созерцания, с фактами, значит признавать, что развитие мысли не зависит от фактического положения дела. В еще более общем виде это означает, что мышление отрывается от реальной действительности и изображается как только само себя порождающее. А это есть не что иное, как идеализм.

Последовательное, диалектико-материалистическое понимание способа восхождения от абстрактного к конкретному необходимо включает в себя следующие моменты.

Во-первых, восхождение от абстрактного к конкретному не чистое самопорождение мысли, а отображение реального органического целого, реального конкретного.

Чем более развито реальное конкретное, тем, естественно, более развитым может быть способ восхождения от абстрактного к конкретному. В восхождении от абстрактного к конкретному отображается главным образом сущность, внутренние связи органического целого, причем отображение осуществляется движением познания от простейшего отношения органического целого ко все более сложным отношениям этого целого.

Чтобы способ восхождения от абстрактного к конкретному стал господствующим отображением органического целого, нужно, чтобы это целое созрело, чтобы оформились его стороны, отношения. Простейшее отношение реально становится вполне простейшим отношением данного органического целого тогда, когда оформляются остальные, более сложные отношения этого целого.

Во-вторых, правильное применение способа восхождения от абстрактного к конкретному необходимо предполагает предварительное осуществление стадии движения познания от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному. Это относится и к науке в целом, и к отдельному индивиду. Наука, предметом которой является данное органическое целое, должна пройти путь, на котором преобладает движение познания от чувственного конкретного к абстрактному. Познающий индивид должен быть достаточно развит, чтобы в его познании данного органического целого мог стать господствующим способ восхождения от абстрактного к конкретному. Для этого он также должен пройти в своем разви-

тии стадию, на которой преобладает движение познания от чувственного конкретного к абстрактному.

В-третьих, оба хода движения познания – от чувственного конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному – должны постоянно браться в их единстве, но при этом следует различать преобладание то одного, то другого на разных этапах познания¹.

Заключая специальное рассмотрение способа восхождения от абстрактного к конкретному, представляется целесообразным после его общей характеристики еще раз коснуться «механизма» этого хода познания, но теперь уже под более строгим категориальным углом зрения. Без такой характеристики нельзя достаточно точно и полно изложить вопрос о соотношении исторического и логического.

«Механизм» восхождения от абстрактного к конкретному более подробно и строго раскрывается во взаимоотношениях категорий «поверхность» (или непосредственность), «сущность», «явление», «действительность».

Отображение начинается с отображения той стороны, которая схватывается непосредственно, т. е. выступает на поверхности. Так, К. Маркс в «Капитале» начинает рассмотрение товара с потребительной стоимости, т. е. с того, как товар прежде всего бросается в глаза. Эта сторона характеризуется главным образом сама по себе, независимо от другой стороны, взаимодействующей с ней.

Затем обнаруживается внешняя связь первой, поверхностной, внешней стороны с другой стороной. Например, в «Капитале» К. Маркс показывает, что потребительная стоимость при определенных условиях является носителем стоимости.

---

¹ Все эти три обстоятельства, по сути дела, не учитываются в популярной концепции талантливое советского философа Э. В. Ильенкова, что существенно сказывается на трактовке способа восхождения от абстрактного к конкретному и на понимании возможностей его применения.

От установления внешней связи первой стороны со второй мысль движется к характеристике второй, внутренней, стороны самой по себе вторая сторона берется независимо от первой. К. Маркс в «Капитале» после рассмотрения потребительной стоимости товара самой по себе и установления ее внешней связи со стоимостью переходит к определению стоимости самой по себе, в ее независимости от потребительной стоимости. Вторая, внутренняя сторона взаимодействия и оказывается собственно сущностью взаимодействия, или сущностью в узком смысле. Только на этом уровне начинает познаваться собственно самодвижение. Дойти до познания собственно сущности предмета – значит дойти до отражения его внутренних противоречий.

Мы упомянули, что вторая сторона, сущность предмета теперь рассматривается сама по себе, независимо от первой стороны. Однако речь идет не об абсолютном забвении того, что стало известно о первой стороне. При диалектическом движении мышления предшествующий путь познания не исчезает полностью, а сохраняется в снятом, преобразованном виде. Во второй стороне снимается первая, первая становится моментом второй. Собственно сущность предмета противоречива: предмет в сущности соотносится с самим собой как с другим, внешним ему предметом. Так, рассмотрение К. Марксом в «Капитале» стоимости самой по себе необходимо предполагает предварительное рассмотрение потребительной стоимости самой по себе, и рассмотрение потребительной стоимости самой по себе в снятом виде имеется при рассмотрении стоимости самой по себе, т. е. стоимость сама по себе внутри себя относится к иному, к потребительной стоимости.

После того как определена сущность сама по себе, мышление отправляется в обратный путь: от сущности к поверхности. Но теперь поверхность предстает иначе, другими сторонами, гранями, нежели до определения сущности. В поверхности оказываются теперь интересными лишь те ее грани, через кото-

рые «светится», проявляется сущность. Это *явление* сущности предмета. В анализе товара К. Маркс, рассмотрев сначала потребительную стоимость саму по себе, затем внешнюю связь потребительной стоимости со стоимостью и стоимость саму по себе, излагает учение о формах проявления стоимости, ибо стоимость проявляется в отношениях потребительных стоимостей товаров.

Наконец, фиксируется специально единство явления и сущности, а также и формы этого единства. Единство явления и сущности, формы единства явления и сущности есть действительность. Можно заметить, что термин «действительность» здесь употребляется не в значениях «реальность», «материя», «реализовавшаяся возможность» и т. п. Важно не путать эти значения друг с другом.

Мышление шло от того, как предмет выступает на поверхности¹, вглубь, а затем движение стало противоположным. В отражении действительности предмета мышление возвратилось к поверхности, но теперь уже к поверхности, понятой на основе сущности, а следовательно, к другим граням, моментам поверхности.

---

¹ Здесь необходимо пояснить термин «поверхность». Он вводится нами не из прихоти, а потому, что уже употребляющиеся для обозначения категорий термины при развитом выше понимании не подходят. Термин «явление» не подходит потому, что отражение внешнего в предмете, не «просвеченное» знанием сущности, значительно отличается в логическом, категориальном плане от отражения внешнего в этом предмете, «просвеченного» пониманием сущности. Обозначать и то, и другое одним термином «явление» — значит смешивать различные категории. Термин «внешнее» здесь тоже не подходит, так как его смысловое содержание заключается в единстве и противоположности только с «внутренним», а задача заключается в том, чтобы обозначить категорию, отличную не просто от категории «внутреннее», а от категорий «сущность», «явление», «действительность». В наибольшей степени было бы уместно употребить термин «бытие» (быть, есть), ибо с точки зрения категориального, мыслительного содержания в хаотическом представлении о целом фиксируется, что что-то есть (мелькают впечатления, и еще в значительной мере не ясно, что есть, но несомненно ясно, что что-то есть).

Только на пути рассмотрения сущности самой по себе и на пути движения от сущности к явлению и действительности главным предметом специального рассмотрения становятся внутренние связи и отношения. На пути от поверхности к сущности на первом плане стоит анализ внешних связей и отношений. *Собственно сущность, явление и действительность есть сущность в широком смысле.*

Однако сказать только это было бы недостаточно. Мышление все время движется в противоположных направлениях, реализуется как единство противоположностей. Уже на пути от поверхности к сущности хотя и не доминирует, но присутствует в качестве подчиненного момента противоположное движение мысли. Так, К. Маркс начинает с определения потребительной стоимости, имея в виду ее связь со стоимостью, хотя саму эту связь он еще не рассматривает. К. Маркс выделяет в определении потребительной стоимости самой по себе то и только то, что важно для обмена товаров. Каждого товаровладельца, чтобы он мог обменивать свой товар и получить другой, интересует лишь способность товара удовлетворять потребность; товаровладельцу безразлично, как была открыта и создана потребительная стоимость товара другого товаровладельца и т. п. К. Маркс в определении потребительной стоимости самой по себе отвлекается от того, чем порождается потребность, как данная вещь удовлетворяет человеческую потребность. Он не поясняет, почему им одно выделяется, а другое опускается. Лишь затем, при специальной характеристике обмена товаров, читатель может обнаружить эти основания.

Следовательно, мысль тут идет и от поверхности к сущности и от сущности к поверхности, хотя господствует первый путь. На пути от сущности к явлению и действительности положение меняется на прямо противоположное; господствует движение от сущности к явлению и действительности, а движение от поверхности к сущности сохраняется в качестве подчиненного момента.

Освоение теоретического отображения органического целого также должно быть одновременно и движением вперед, и как бы возвращением к уже освоенному материалу.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному применим постольку, поскольку те или иные черты процесса развития созрели. В классическом же, наиболее полном виде способ восхождения есть мысленное отображение зрелой стадии процесса развития, представляющего собой органическое целое.

Сформулированная таким образом проблема восхождения от абстрактного к конкретному оказывается проблемой исторического и логического: реального процесса развития и его отображения в мышлении¹.

Реальное органическое целое развивается.

Возникает вопрос: каковы стадии развития реального органического целого и какие стадии познания с необходимостью ими обуславливаются?

Органическая целостность не образуется мгновенно. Вначале возникают *необходимые предпосылки*, или, иначе говоря, *начало*² объекта. При этом собственно самого объекта еще нет. Так, до появления капитализма возникают докапиталистические товарно-денежные отношения.

На следующей стадии, или ступени, образуется впервые собственно сам объект. Это есть первоначальное возникновение данного органического целого. Например, первоначальное возникновение капитализма состоит прежде всего в появлении

---

¹ Это лишь один, но главный (в случае, когда речь идет об отображении в мышлении предмета как органического целого) аспект проблемы исторического и логического.

² Термином «предпосылка» подчеркивается ее отличие от того, чему она предпосылается. В термине «начало» выделяется прежде всего единство с тем, началом чего оно служит. Поскольку мы главным образом стремимся выявить внутренние связи, внутреннее единство процесса развития, постольку мы находим целесообразным в таком контексте употреблять термин «начало», а не «необходимая историческая предпосылка».

товара «рабочая сила». Первоначальное возникновение означает, что возникло собственно данное органическое целое, собственно данный объект.

Затем начинается преобразование возникшим новым органическим целым той унаследованной системы, из которой и на почве которой оно возникло. Это – процесс *формирования* нового органического целого.

Завершение преобразования унаследованной основы образующимся новым органическим целым представляет собой его *зрелость*. На этой ступени явственно обнаруживаются противоречия, ведущие к его преобразованию в иной предмет.

Таковы главные стадии, ступени прогрессивного развития объекта в качестве органического целого.

На стадии предпосылок, начала не существует еще сущность нового органического целого, его внутренние противоречия. Образование предпосылок нового органического целого происходит в рамках какого-то иного процесса развития и как *отрицание* этим процессом развития самого себя. Необходимость и определенность предпосылок, начала нового органического целого определяются *необходимостью и определенностью отрицания* предшествующего развития. Но по отношению к новому органическому целому прежнее развитие, его противоречия, его сущность суть *внешние* противоречия, *другая* сущность. Следовательно, с одной стороны, новое органическое целое появляется необходимо, поскольку необходимо отрицание предшествующим развитием самого себя и поскольку отрицание имеет определенность, ибо отрицается определенное, какое-то особое предшествующее развитие. С другой стороны, новое органическое целое есть внешнее, случайное по отношению к предшествующему развитию, новое органическое целое имеет другие внутренние противоречия, другую – свою собственную – сущность. Таким образом, с точки зрения предшествующего развития – новое органическое целое есть продукт предшествующего развития, и потому оно *необходимо*, с точки

зрения самого *нового* органического целого – оно по сущности отлично от предшествующего развития и потому является *случайным, внешним* по отношению к нему. Новое органическое целое, поскольку оно есть *отрицание* предшествующего развития, *необходимо* обусловлено, определено определенностью, характером *предшествующего* развития. Новое органическое целое, поскольку оно по сущности отлично от предшествующего развития, существует и развивается в отличие от предшествующего развития, *внешне, случайно* по отношению к предшествующему развитию. Новое как *отрицание* старого есть продукт старого, негация старого, оно есть именно *не-старое*, а потому имеет определенность старого, но, так сказать, с отрицательным знаком. Но новое, развивающееся на своей собственной основе, новое, как по сути своей отличное от старого, имеет свою собственную определенность, несводимую просто к отрицательной определенности старого, и постольку новое нельзя предвидеть на основании знания старого, такие стороны нового должны развиваться реально, чтобы их можно было познать.

Вместе с тем, отрицание сущности старого есть образование сущности нового, хотя сущность нового к отрицанию сущности старого не сводится. Следовательно, возникшая новая сущность дает возможность принципиально более глубокого (отличного по сущности) предвидения зрелости возникшего нового, выделения сущности нового в ее отличии от сущности старого.

Итак, возникновение сущности нового есть и *отрицание* старого (а значит, эта новая сущность в ее определенности определяется, хотя и отрицательно, сущностью старого), и возникновение чего-то по качеству, по сущности, отличного от качества, от сущности старого и от отрицательной определенности старого. С первой стороны, возникновение новой сущности – необходимость, со второй – случайность.

В развитии есть необходимость, но нет фатальности. Новое с необходимостью образуется из старого, необходимо обуславливается старым, но новое не сводится к старому. Новое есть, вместе с тем, отличное от старого (по качеству, по сущности) и в том числе от отрицательной определенности старого (и старым).

Возникновение сущности нового есть единство необходимости и случайности. Случайность (случайности) во время возникновения сущности нового может повлиять (и влияет) на то, какова будет сущность нового. Конечно, случайности действуют в единстве с необходимостью отрицания старого. Применительно к истории общества это значит, что случайные условия (таковы природные условия) во время перехода от одной стадии развития общества к другой могут *существенно* повлиять на характер образующейся стадии.

Новое, поскольку оно – результат предшествующего развития, необходимо, а значит, внутренне едино со старым. Новое же, поскольку оно по качеству, по сущности отлично от старого, внешне, случайно связано со старым, не обусловлено старым. Следовательно, если мы рассматриваем исторические предпосылки, начало нового только с точки зрения нового в его отличии от старого, то они предстают как возникшие чисто случайно; если же мы берем исторические предпосылки, начало новой стадии только с точки зрения предыдущей стадии, то они предстают как возникшие чисто необходимо. Если рассматриваем исторические предпосылки, начало новой стадии только с точки зрения зрелости ее (т. е. с точки зрения зрелости новой стадии в отличие от ее предшествующего развития), то все предшествующее развитие этой стадии и ее исторические предпосылки, начало предстают как *необходимое* предшествующее развитие, от моментов незрелости в таком случае отвлекаются. Если же новая стадия рассматривается главным образом с точки зрения ее исторических предпосылок, начала и незрелых ступеней этой стадии, то в развитии стадии выступает еще не-

расчленившееся, непосредственное единство необходимого и случайного.

Новое всегда образуется в единстве необходимости и случайности, внешнего и внутреннего, возможности и действительности и т. д., но все же роль той или другой из противоположностей на разных стадиях развития нового различна.

Когда развитие находится на стадии подготовки образования исторических предпосылок нового, главным является предвидение самой возможности наступления нового, а не того, каково именно оно будет. И эта возможность, если предшествующее развитие созрело для образования нового, фиксируется главным образом с точки зрения того, что новое *необходимо* наступит.

Наступает пора самого момента перехода к новому. Наступление этого момента именно в это время и в этом месте зависит прежде всего от *случайностей*, воздействие случайностей на то, каково именно будет новое, в наибольшей степени сказывается именно в «момент» возникновения нового. Возникновение нового есть возникновение новой сущности, закономерности, новой необходимости. По мере того как органическое целое созревает, действенность воздействия случайностей на его развитие уменьшается, оно развивается все более и более благодаря своим специфическим внутренним противоречиям.

Каковы же источники развития нового органического целого?

На стадии образования исторических предпосылок, или начала, нового органического целого источник их развития лежит во внутренних противоречиях процесса развития, предшествующего новому целому. Во время первоначального возникновения нового органического целого источником первоначального возникновения нового органического целого служит единство внутренних противоречий предшествующего развития, необходимо ведущих к образованию нового целого, и

внешних, случайных (по отношению к названным внутренним отношениям) обстоятельств.

С первоначальным возникновением сущности нового органического целого возникает новый источник движения – источник самодвижения именно *этого, нового* органического целого, новые внутренние противоречия, специфические для этого целого. Сначала этот источник движения является ведущим, но не господствующим в развитии нового органического целого. Прежняя целостность с ее внутренними противоречиями не исчезает сразу с возникновением нового органического целого. Новое органическое целое вследствие своего самодвижения и в процессе взаимодействия с условиями своего возникновения, с предшествующим процессом, развивается, преобразует соответственно себе предшествующее развитие. В ходе этого преобразования наступает такая стадия, когда источник самодвижения нового органического целого становится из ведущего господствующим, а прежний источник развития низводится все более на роль снятого, подчиненного и преобразованного момента источника движения стадии. Но достигнув господства, источник самодвижения своим осуществлением приводит к созреванию возможностей и необходимости устранения этой стадии. Апогей всякого определенного процесса развития есть высший уровень его прогрессивного развития, который есть вместе с тем начало его заката.

Главным стадиям, ступеням прогрессивного развития объекта в качестве органического целого соответствуют вполне определенные стадии познания.

Стадии развития незрелого органического целого по преимуществу воспроизводятся посредством движения от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному, а восхождение от абстрактного к конкретному играет подчиненную роль. Положение меняется на прямо противоположное в процессе отображения зрелого органического целого: теперь доминирует восхождение от абстрактного к кон-

кретному, а движение от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному становится подчиненным моментом.

Зрелость органического целого есть особая стадия процесса его развития. Прошрое не сохраняется полностью в настоящем, но и не исчезает полностью, оно сохраняется в настоящем в преобразованном виде. Настоящее изменяется, развивается, а значит, так или иначе содержит зародыши будущего, превращается в будущее.

Поэтому в марксистском понимании восхождение от абстрактного к конкретному должно быть таким отображением существующей стадии развития, таким отображением настоящего, чтобы это отображение было и отображением прошлого, и отображением будущего в настоящем.

Зрелая стадия развития органического целого мысленно воссоздается посредством движения мышления от поверхности к сущности, но главным образом движением мышления от сущности к явлению и действительности органического целого. Это движение мысли есть воспроизведение не только существующего органического целого, но вместе с тем в снятом виде и истории его становления.

В движении мышления от поверхности к сущности отображается в снятом виде исторический процесс образования необходимых исторических предпосылок и первоначального возникновения данного органического целого, а в движении от сущности к явлению и действительности рассматривается в преобразованном виде процесс преобразования унаследованной основы возникшим новым органическим целым. Например, в «Капитале» К. Маркс сначала характеризует товар, деньги, превращение денег в капитал. Логически — это путь от поверхности капитала к его сущности, но тут в снятом виде представлено также историческое развитие необходимых предпосылок капитала и его возникновения.

Прошлое не только преобразуется, но оно в преобразованном виде сохраняется в настоящем. Настоящее не относится к прошлому таким образом, что оно абсолютно лишает прошлое самостоятельности. Так понимал отношение прошлого и настоящего Гегель. В применении к историческому развитию человечества это означало, что прошлое лишалось всякого самостоятельного значения, но тогда настоящее оказывалось целью истории. В марксистском понимании прошлое никогда полностью и абсолютно не исчезает в настоящем, так же как и будущее не сводится полностью к настоящему.

Поэтому и в мысленном отображении зрелого органического целого должны быть три относительно самостоятельных витка спиралевидного движения мысли, в которых отражается настоящее, а кроме того, прошлое и будущее, в их относительной самостоятельности существования в настоящем. В логике «Капитала» отображаются поверхность капитала (товарно-денежные отношения), сущность капитала (производство прибавочной стоимости), явление капитала (обращение капитала), действительность капитала (формы единства процессов производства и обращения капитала). Имеется и рассмотрение поверхности, сущности, явления и действительности товара, а также характеристика предпосылок возникновения нового способа производства (качество, количество, мера отрицания капитала – тут нет сущности и т. д., ибо сущность нового коммунистического способа производства пока не зарождается).

Правильное решение указанных проблем позволяет понять органическое целое, так сказать, в корне. Такое понимание не самоцель. Оно необходимо для сознательного фундаментального практического преобразования познаваемого предмета, для управления развитием органического целого.

В следующем разделе работы мы попытаемся показать возможности использования кратко рассмотренной выше методологии в изучении человеческого общества. Если общество есть органическое целое и если это целое достигло ступени зрелос-

ти, то его надо рассмотреть преимущественно способом восхождения от абстрактного к конкретному, а это значит, что следует начинать с простейшего отношения и идти к более сложным отношениям, начинать с поверхности и идти к сущности и т. д.

Лишь изучение общества посредством способа восхождения от абстрактного к конкретному и в единстве логического и исторического рассмотрения позволяет достаточно последовательно и глубоко выявлять внутренние связи различных сторон, различных сфер жизни общества, что имеет громадное практическое значение, ибо служит необходимой *теоретической* предпосылкой управления общественной жизнью в целом. Воздействие на развитие коммунистического общества главным образом путем проб и ошибок не соответствует природе этого общества. Чем более возрастает, развивается его целостность, тем в большей мере необходимо целостное теоретическое его отображение.

Часть II

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Глава 1

ПРОСТЕЙШЕЕ ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА КАК ПРОЦЕСС. СТРОЕНИЕ ПРОСТЕЙШЕГО ОТНОШЕНИЯ

Познание в развитой форме строения, или структуры общества, и в том числе выделение в «чистом» виде его простейшего отношения осуществимы лишь при отображении развитого общества. К развитому человеческому обществу, по нашему мнению, относится подлинная история человечества, в отличие от ее предыстории. Уже на завершающей стадии предыстории человеческого общества, т. е. при капитализме, создаются реальные возможности для перехода к подлинной истории человечества, а потому и определенные возможности для познания в развитой форме структуры общества (в том числе и для выделения в более или менее «чистом» виде простейшего отношения общества). И все-таки до построения социализма возможности для выделения простейшего отношения общества существенно отличны от тех возможностей, которые создаются с возникновением социализма, т. е. коммунизма, хотя еще только формирующегося.

Развитое человеческое общество встает перед умственным взором тех, кто приступает к его рассмотрению, как некоторая совокупность людей. Аналитическое расчленение общества, взаимодействия людей, взятого в качестве данного, приводит к выделению отдельного человека, т. е. индивида¹, также выступающего в качестве данного. Причем, если общество фиксируется как дан-

---

¹ Здесь (но не вообще) разница между понятиями «человек» и «индивид» не имеет значения.

ное, то индивид берется таким же образом, но с тем различием, что человек есть данный элемент, а общество есть данное определенное взаимодействие этих элементов. Продолжая анализ, приходим к тому очевидному факту, что каждый человек, каждый индивид прежде всего должен жить, поддерживать биологическое существование, свое и своего биологического вида.

Если мы рассматриваем человека как данный элемент общества, то первое, что бросается в глаза, это то, что он есть живой организм, живое существо, которое поддерживает свою жизнь и продолжает свой биологический вид. Это обстоятельство выступает при рассмотрении человека и общества прежде всего, наиболее непосредственно, и в этом смысле оно может быть квалифицировано как «поверхность», «бытие» процесса (человеческого общества).

Следовательно, и ход анализа, и максимально непосредственный, неопосредованный взгляд на человека и на отношения людей друг к другу приводят к выделению в качестве простейшего отношения общества – взаимодействия человека с окружающей средой для поддержания собственной жизни и взаимодействия людей друг с другом для продолжения своего биологического вида¹.

И то, и другое взаимодействия представляют собой относительно самостоятельные процессы в рамках в конечном счете одного, внутренне единого биологического взаимодействия людей друг с другом и с остальной природой. Причем речь идет не просто о биологическом взаимодействии живых существ друг с другом и с остальной природой, а о биологическом взаимодействии *людей* друг с другом и с остальной природой. Но вместе с тем выделяется не сугубо социальное, а именно *биологическое* взаимодействие.

---

¹ Довольно широко в последнее время стало распространяться представление о том, что простейшее отношение человеческого общества есть труд. Это представление в логическом аспекте основано на смешении сферы сущности с простейшим отношением, смешении, идущем в советской литературе от в целом интересной и глубокой книги Э. В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса» (М., 1960).

Мысль об этом простейшем отношении человеческого общества можно пояснить, несколько забегаая вперед и привлекая к рассмотрению исторический аспект. Простейшее отношение данного процесса, предмета есть необходимая историческая предпосылка возникновения этого процесса, предмета, превращающаяся с возникновением сущности этого процесса, предмета в необходимую предпосылку, условие его функционирования. Вместе с тем, простейшее отношение – такая необходимая историческая предпосылка данного процесса, предмета, которая, достигнув определенного развития, сама превращается в качественно и по сущности иной процесс, сохраняясь в нем как снятый, преобразованный момент. Биологическое взаимодействие живых существ друг с другом и с остальной природой существует до возникновения социального, с образованием социального это биологическое, с одной стороны, становится необходимой предпосылкой, условием существования и развития социального, а с другой стороны, это биологическое включается в движение социального, преобразуется им и превращается в снятый, модифицированный момент движения социального. Конечно, биологическое взаимодействие людей друг с другом и с остальной природой никогда не будет абсолютно полностью преобразовано социальным, условие никогда не превращается полностью лишь в следствие того, условием чего оно есть. И тем не менее, это биологическое в качестве предпосылки, условия социального необходимо предполагает социальное, не существует как только «чисто» биологическое.

Предмет нашего рассмотрения – общество, взаимодействие людей, а потому мы выделяем биологическое не вообще, а в человеке, в отношениях людей друг к другу и притом сначала по преимуществу биологическое как условие, предпосылку социального, т. е. с точки зрения процесса познания биологическое в человеке и в отношениях людей друг к другу выделяется так, как оно выступает до специальной характеристики социального, или в относительной (но не абсолютной)

независимости от социального. Так как это независимость относительная, а не абсолютная, так как это рассмотрение предпосылки, предпосылка же не существует без того, предпосылкой чего она служит, то связь, единство биологического с социальным при такой характеристике уже здесь присутствует, но она не освещается специально.

Биологическое взаимодействие людей друг с другом и с остальной природой не полностью тождественно взаимодействию животных друг с другом и с остальной природой, оно всегда так или иначе, в той или иной степени и в том или ином отношении очеловечено. Однако пока человек берется непосредственно и специально не характеризуется социальное, не объясняется, почему и как развивается, «производится» специфически человеческое в человеке, до тех пор не может быть специально отмечено то, что присуще человеку именно как человеку, от того, что присуще ему только как живому существу.

И все-таки человек выступает на этой стадии рассмотрения по преимуществу (но не исключительно) со стороны своей биологической природы, биологических взаимоотношений со средой и друг с другом, а среда – главным образом со стороны своей природной определенности. Речь идет именно о людях, но в их биологической определенности, в их биологических взаимоотношениях. С самого начала человек фиксируется в единстве биологического и социального. Например, потребности в обуви, одежде, поскольку обувь, одежда необходимы для сохранения жизни, – физические потребности. Однако, даже не говоря о характере обуви, одежды, потребность в них для защиты от неблагоприятных внешних воздействий специфичны для человека. И все же первоначально социальное предстает непосредственно единым с биологическим и как бы моментом биологического, ибо поддержание и порождение жизни человека есть ближайшим и непосредственным образом животное, биологическое существование и порождение человека. Таким образом, непосредственное единство биологического и социального, в непосредственно рассмат-

риваемых людях, предстает прежде всего с биологической стороны этого единства. В свою очередь, эта биологическая сторона *двояка*. Она представляет собой биологическое отношение людей друг к другу и к остальной природе.

После характеристики биологического в человеке и в отношениях людей друг к другу, биологического, взятого в относительной самостоятельности по отношению к социальному, будет специально рассмотрено социальное, а затем специальному изучению подвергнется проявление социального в биологическом, единство социального и биологического, а также формы этого единства.

Единство биологического и социального присутствует в нашем изложении с самого начала. И хотя оно и не представлено специально, тем не менее влияет на последовательность и характер рассмотрения биологического.

При отображении чисто биологического взаимодействия (взятого в историческом аспекте) организма и окружающей среды строго последовательное изложение должно начинаться с характеристики среды, из нее следует вывести возможности существования тех или иных организмов, отобразить их строение, функционирование и т. п., и лишь затем нарисовать картину обратного воздействия организмов на окружающую природу. Эта последовательность диктуется тем, что в образовании и изменении сугубо биологического взаимодействия организма с окружающей средой в конечном счете главным является воздействие окружающей среды на организм, а не наоборот. Во взаимодействии человека с окружающей природой, напротив, главным оказывается воздействие человека на окружающую природу, человек не приспосабливается к окружающей природе, а по преимуществу «приспосабливает» ее к себе, преобразует ее. Поэтому при рассмотрении биологического взаимодействия человека с окружающей природой следует начать именно с отношения людей как биологических существ к остальной природе и друг к другу.

Итак, мы начинаем рассмотрение общества с биологического взаимодействия именно людей с остальной природой, при этом

предполагается, что в это определение входит рассмотрение биологического отношения людей друг к другу.

Само биологическое взаимодействие людей с остальной природой есть процесс, и отображено оно может быть лишь *процессом* познания. С чего же целесообразно начать характеристику биологического взаимодействия людей с остальной природой?

Эти компоненты взаимодействуют друг с другом. Но, как уже было сказано ранее, при отображении биологического взаимодействия человека со средой необходимо начать с человека, а не со среды. Рассмотрим сначала один компонент взаимодействия, или взаимодействие пока лишь со стороны одного компонента. Человек как компонент этого взаимодействия – живое существо с определенным организмом, с определенным строением тела. Если дан, если есть налицо организм с определенным строением (а человек в качестве живого существа здесь берется просто как данный), то для поддержания его жизни необходима соответствующая окружающая среда.

Поскольку предполагается данность организма человека, постольку организм предстает не изменяющимся, а значит, предполагается и природная среда, не изменяющаяся настолько, чтобы вызвать изменение строения организма человека.

Если биологическое взаимодействие людей с природой фиксируется как данное, имеющееся в наличии, то при его рассмотрении в первую очередь выступает тот факт, что человек должен жить, поддерживать свое существование, и лишь затем то, что он производит новую жизнь, поддерживает существование своего биологического вида.

Поддержание собственно существования каждым человеком есть реализация взаимоотношения человека и среды для сохранения человека. Здесь имеются два компонента: человек в качестве живого существа определенного строения и природная среда как условие физического существования индивидов. Конечно, при логическом способе рассмотрения абстрагирование этих компонентов происходит от того этапа развития человечества, когда уже

имеются современный биологический вид человека и изменение человечеством природной среды. Выделяется же пока только то, что и после образования человека в качестве особого биологического вида и при наличии общественного производства человек всегда остается живым существом с определенным строением тела, а природная среда (пусть так или иначе, в той или иной мере преобразованная) — необходимым условием его биологического существования.

Определение нужды, «требования» организма к окружающей среде есть потребности¹ человека как биологического существа. Потребности являются биологическими, если они необходимы, во-первых, для поддержания жизни человека, а во-вторых, для порождения новой жизни. В наиболее простой форме и в наименее преобразованном социальном виде биологические потребности человека существуют в том случае, когда они удовлетворяются непосредственно и при помощи девственной природы (например, дыхание в условиях незагрязненной вследствие преобразующей деятельности человека воздушной среды).

Если же необходимые биологические потребности не могут быть удовлетворены лишь девственной природой самой по себе, если они могут быть удовлетворены посредством и на основе преобразования природы, то тем самым и постольку биологические потребности начинают включаться или включаются в социальное движение, становятся социально «окрашенными» биологическими потребностями. В той или иной степени и животные изменяют природу, но это изменение, в отличие от человека, не характерно для них, не есть та основа, на которой зиждется их специфика в качестве животных. Подробнее об этом, а также о стадиях превращения животного воздействия на среду в человеческое воздействие на среду будет сказано позднее.

---

¹ Конечно, потребности организма обусловлены не только строением организма, но и особенностями окружающей среды. Но если отвлечься от происхождения потребностей и представить их как нечто данное, то они выступают именно в виде «требований» организма к окружающей среде.

Биологические отношения людей к природе и друг к другу приобретают специфически человеческую окраску, если их осуществление так или иначе, в той или иной степени опосредствуется процессом общественного преобразования природы или процессами, вырастающими на основе последнего. Такие биологические отношения становятся вместе с тем и социальными.

Если человек, который рассматривается при характеристике простейшего отношения как данное живое существо, предстает при предположенных обстоятельствах в качестве нуждающегося в определенной среде, в качестве имеющего потребности, то природная среда при этом оказывается условием биологического существования людей, предметы природной среды выступают в виде предметов, способных удовлетворить потребности.

Характеристика указанного взаимодействия с выделением лишь необходимых биологических потребностей и предметов, способных их удовлетворить, есть характеристика этого отношения в его потенции. Реализация же его есть потребление, т. е. удовлетворение потребностей предметами, способными их удовлетворить. (В соответствии с темой главы мы имеем в виду необходимые биологические потребности, предметы, способные их удовлетворить, и сам процесс удовлетворения такого рода.) *Простейшее отношение человеческого общества, отношение, взятое в качестве реализующегося, есть потребление как удовлетворение биологических потребностей человека.*

Потребление уже само в себе, самым своим совершением вносит изменения в условия своего возобновления, уничтожая предметы потребления. (При рассмотрении потребления обнаруживается, что потребление предмета потребности изменяет саму потребность. Теперь потребность выступает уже как зависящая не только от организма, но и от среды, от ее особенностей.) Возобновление предметов потребления другими природными процессами и удовлетворение человеком животных потребностей уже в

силу того, что это разные природные процессы, не могут находиться в устойчивом, постоянном соответствии друг с другом.

Когда фиксируются человек в качестве живого существа и среда как условие его биологического существования, тогда отмечается внешнее отношение человека как живого существа и среды. Когда фиксируются необходимые биологические потребности и предметы, способные их удовлетворить, тогда осуществляется переход к рассмотрению внутреннего отношения человека как живого существа и среды. Собственно же внутреннее отношение человека как живого существа и среды есть потребление, т. е. сам процесс удовлетворения телесных потребностей посредством предметов потребления (напомним, что *здесь потребление берется в том виде, когда не выделяется средство удовлетворения потребностей*, когда имеется только, с одной стороны, потребитель с его потребностью, а с другой стороны, предмет (или предметы) потребления).

Проследив отношение человека как живого существа и среды «с высоты птичьего полета», спустимся пониже и сделаем тот же путь, так сказать, по земле, рассмотрим отношение несколько подробнее, а вместе с тем проанализируем переход к более сложным отношениям.

Со стороны необходимости поддержания биологического существования человек выступает в качестве живого существа, имеющего организм определенного строения. Организм определенного строения нуждается в определенной окружающей среде. Эти нужды, «требования» организма к среде есть физические потребности и в конечном счете обусловленные ими психические потребности, т. е., говоря в целом, биологические потребности. Биологические потребности человека, поскольку они определяются именно строением организма, оставались и остаются, по крайней мере до сих пор и в основном, неизменными в различные исторические эпохи развития человечества. Пока биологически человек не изменяется (или, по меньшей мере, существенно и заметно не изменяется), сохраняется и нечто неизменное в потреб-

ностях, в требованиях человеческого организма к среде, несмотря на существование и образование бесконечно разнообразных предметов потребления, несмотря на изменения в ценностной шкале оценок животных потребностей и т. д.¹

---

¹ При логическом рассмотрении биологического до специальной характеристики социального в анализе выступает как раз то обстоятельство, что биологически человек не изменяется (или заметно, существенно не изменяется) на протяжении, по крайней мере, всей прошедшей истории со времени возникновения *homo sapiens*. В связи с этим следует уточнить понимание отношения фейербаховской и марксовой трактовки человека. К. Маркс в 6-м тезисе «Тезисов о Фейербахе» пишет: «Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений».

Фейербах, который не занимается критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным: 1) абстрагироваться от хода истории, рассматривать религиозное чувство [*Gemüt*] обособленно и предположить абстрактного — *изолированного* — человеческого индивида; 2) поэтому у него человеческая сущность может рассматриваться только как «род», как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только *природными* узами» [1. т. 3, с. 3].

Во-первых, всегда, когда речь идет о сущности человека, ссылаются на содержащееся в этом тезисе определение К. Марксом сущности человека, не учитывая того обстоятельства, что во время написания «Тезисов о Фейербахе» К. Маркс еще не выделил производственные отношения в качестве определяющих все другие общественные отношения. С выделением же производственных отношений в таком качестве, на наш взгляд, меняется и определение сущности человека, о чем подробнее будет сказано в главе «Сущность общества».

Во-вторых, К. Маркс, вырабатывая материалистическое понимание истории, естественно, обращает тут внимание лишь на недостаток Л. Фейербаха. Если же принять во внимание и недостаток, и достоинство воззрения Л. Фейербаха, то можно сказать так: при рассмотрении человека в качестве современного биологического вида абстрагирование от хода истории вполне правомерно, ибо ход этой истории либо совсем не изменяет, либо более или менее существенно не изменяет того обстоятельства, что человечество образуется как продукт природы и в дальнейшем существенно не изменяет биологический вид.

Заблуждение Л. Фейербаха относительно природных, в том числе биологических, уз человека состояло в том, что он сферу предпосылок, ту сферу, в которой скрывалось простейшее отношение общества, принял за сущность человека, выявить которую он не сумел. Л. Фейербах, конечно, знал, что человек существует в обществе, что имеет место ход истории. Однако включить эти факты в теоретическое рассмотрение он в основном не сумел. Фейербах не смог дать *теоретическое* объяснение общества и хода истории.

От строения организма человека зависит структура биологических потребностей: потребности, удовлетворяемые посредством процессов пищеварения (потребность в пище и воде), дыхания (потребность в воздухе), выделения (потребность выведения из организма конечных продуктов распада, образующихся при пищеварении и дыхании), в процессах защиты и локомоции, в деятельности органов чувств и мозга (потребности в чувственных раздражениях определенной величины и характера, в ориентировке...) и т. д.

Каждая биологическая потребность может быть определена качественно и количественно. Каждая биологическая потребность имеет свою меру (единство качества и количества). Удовлетворение потребности организма, выходящее за рамки меры, неблагоприятно воздействует на организм человека. Например, существует область температур, выше и ниже которой длительное существование организма человека невозможно. Причем, при прочих равных условиях, чем меньше отклонение температуры от этой области, тем длительнее может существовать организм человека, и наоборот. Существуют определенное соотношение различных биологических потребностей и мера соответствия разных биологических потребностей, а также противоречия в удовлетворении этих различных потребностей. Например, если потребность в пище удовлетворяется максимально, а потребность в движении минимально, то это есть противоречие, вредно сказывающееся на организме.

Так как биологический вид человека (со времени возникновения современного биологического вида и до настоящего времени) остается одним и тем же (или, по крайней мере, существенно одним и тем же), то сохраняется неизменной качественная и количественная определенность необходимых биологических потребностей, остается одной и той же мера каждой необходимой биологической потребности и их совокупности¹.

---

¹ Для более успешного решения современных задач, необходимо целостное, объемное биологическое изображение человека, так сказать, биологическая голограмма человека.

Так, потребность в пище может быть удовлетворена бесконечно разнообразным сочетанием разных количеств различных продуктов. Однако при этом для нормального существования человеческого организма необходим постоянный качественный состав пищи. В ней должны иметься белки, жиры, углеводы, витамины, минеральные соли ... Количество каждого из необходимых веществ и их соотношение зависят от возраста, пола, внешних условий, активности организма. Но потребности в каждом из необходимых веществ, хотя и изменяются количественно, все же изменяются в некоторых постоянных для человеческого организма пределах.

При нормальном функционировании организма в состоянии покоя потребности в пище минимальны. Организм взрослого здорового человека при разнообразных индивидуальных различиях имеет некоторые средние минимальный и максимальный пределы потребления необходимых питательных веществ; при потреблении ниже минимального и выше максимального пределов длительность существования организма человека – при предположении наличия оптимума прочих условий – меньше видовой продолжительности жизни.

Минимальный и максимальный пределы существуют для каждой биологической потребности. Имеется и оптимум у каждой биологической потребности. Оптимальное удовлетворение человеком своих биологических потребностей (при нормальной наследственности) дает ему возможность достигнуть видовой (родовой) продолжительности жизни. Дальнейшее увеличение продолжительности жизни связано уже с изменением самой видовой продолжительности жизни, с воздействием на человеческую наследственность, на генетический аппарат человека.

Итак, человек как живое существо имеет биологические потребности, «требования» к окружающей среде, удовлетворение которых необходимо для поддержания его в качестве живого организма. Биологические потребности зависят от строения организма человека. Поскольку организм человека с возникновением че-

ловека как нового биологического вида и до настоящего времени не изменился (по крайней мере ныне нет достоверных данных об изменениях, если даже предположить, что они произошли), постольку не изменились и необходимые для поддержания жизни биологические потребности человека. С точки зрения обусловленности строением организма биологические потребности имеют неизменную качественную и количественную определенность, неизменную меру, неизменна, с этой точки зрения, и совокупность «требований» организма к среде.

Второй компонент – среда. Среда первоначально предстает в качестве условия биологического существования людей. Среда как условие биологического существования человека есть окружающая среда. В таком отношении среда выступает лишь как нечто пассивное, как «кладовая» для получения того, что удовлетворяет биологические потребности человека. Характеристика среды тогда сводится главным образом к определению того, насколько богатой или бедной «кладовой» (в количественном и качественном отношениях) она является. Среда как «кладовая» предметов потребления может иметь более или менее разнообразный или однообразный «набор» предметов потребления, большее или меньшее количество предметов потребления, входящих в «набор». Естественно, чем богаче «кладовая» в качественном и количественном отношениях, тем больше возможностей для удовлетворения биологических потребностей человека. И наоборот.

Биологическая потребность из потенциальной становится реализованной потребностью лишь в потреблении. Способность предмета удовлетворять биологическую потребность человека реализуется также в потреблении. До, вне потребления и потребность, и предмет потребления есть лишь возможности.

В потреблении биологическая потребность исчезает, уничтожается, и вместе с тем потребление создает условия для возрождения, возобновления потребности. Предмет же потребления уничтожается и самим потреблением, функционированием организма человека не возобновляется.

Биологическая потребность удовлетворяется, исчезает в потреблении, и этим же потреблением образуются условия для ее возобновления. Это соответствует самой сути живого. Живое существует лишь в единстве восстановления и разрушения, в живом разрушение — основное условие восстановления, а восстановление — основное условие разрушения. Поэтому, говоря о биологических потребностях, надо рассматривать не только потребности созидания, восстановления, но и потребности разрушения, а значит, и потребности в выделении продуктов обмена вещества. В самой сути своей живое есть внутреннее единство ассимиляции и диссимиляции. Также по самой сути живого телесные потребности постоянно возобновляются, постоянно возобновляется процесс их удовлетворения. Но, во-первых, процесс удовлетворения биологических потребностей с необходимостью, своим собственным осуществлением ведет к образованию продуктов распада, в своем непосредственном виде неспособных стать снова предметами потребления. Во-вторых, процесс удовлетворения потребностей есть разрушение, уничтожение предметов потребления, поэтому при достаточно длительном, бесконечном поддержании жизни данных организмов произойдет полное истощение данных предметов потребления.

Потребление как процесс поддержания биологического существования человека, если оно постоянно возобновляется, с необходимостью предполагает, что вследствие действия каких-то иных природных процессов, процессов, совершающихся вне рамок этого потребления, происходит возобновление предметов потребления, по крайней мере с не меньшей скоростью и эффективностью, чем скорость и эффективность потребления.

В предельном случае, т. е. в случае бесконечного, постоянного возобновления потребления в том же виде и масштабе, такое потребление предполагает превращение отходов удовлетворения человеком биологических потребностей вновь в предметы потребления того же количества и качества (разумеется, превращение может совершаться лишь при помощи иных, чем это потребление, процессов).

Если бы потребление могло бесконечно, постоянно возобновляться в том же самом виде и масштабе, то это была бы совершенно замкнутая система, включающая в себя, наряду с человеком, такие процессы, которые отходы потребления вновь превращают в предметы потребления. Существование систем совершенно, т. е. абсолютно, замкнутых, а следовательно, абсолютно изолированных от всего остального, невозможно в принципе¹. Уже простое повторение процесса есть всегда его изменение, процесс не может возобновляться совершенно одинаково. Кругооборот веществ в природе изменяется уже в силу своего повторения. Законсервировать природу, в том числе земную (а такие мысли и не подчас высказываются в связи с неблагоприятной экологической обстановкой), нельзя, можно лишь приостановить, иначе направлять те или иные изменения в тех или иных ее областях.

Может существовать лишь более или менее замкнутая система, относительно замкнутая система. Устойчивость системы, ее замкнутость относительны, всякая система конечна. Всякая система проходит этапы образования, устойчивости и разрушения. Чем выше организация системы, тем более отчетлива – при прочих равных условиях – ее устойчивость, и наоборот. Но побеждает всегда не устойчивость, не равновесие противоположностей, а их борьба.

Если же система совершенно незамкнута, то она и совершенно неустойчива, она уже не есть система. Отсюда ясно, что если переносят центр тяжести вопроса об экологическом кризисе на взаимодействие между природой и обществом, то тем самым видят главным образом внешнее отношение разных систем, придают решающее значение неустойчивости этих систем, в современной экологической ситуации видят главным образом кризис, а общество рассматривают по преимуществу как неустойчивую, разрушающуюся систему (такой же подход и к земной природе), полагают, что наступил необратимый конец общества. Напротив, те, кто считают возможным рассматривать лишь социальное при

---

¹ Допущение возможности существования таких систем есть метафизическое допущение.

анализе современной экологической ситуации, фактически подходят к обществу только как к замкнутой системе, не видят ее кризисной стороны, к обществу подходят как к образованию, которое будет бесконечно существовать.

Мы полагаем неверными и тот, и другой подходы. Внешнее не есть только внешнее, а внутреннее не есть только внутреннее, их необходимо рассматривать в развитии и во взаимосвязи, то же следует сказать и о конечности и бесконечности развития общества. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Итак, возобновление биологических потребностей человека и процесс их удовлетворения, с точки зрения специфики живого, есть их *постоянное* возобновление, повторение. Это возобновление имеет внешний и внутренний пределы.

Рассмотрим *внешний предел* возобновления биологических потребностей человека, процесса их удовлетворения. Если выделить только внешний предел и отвлечься от внутреннего предела, то отмеченное возобновление предстанет беспредельным, бесконечным. Это отвлечение не совершенно произвольно, оно выделяет специфику живого тела как самовозобновляющегося.

Внешним пределом при таких условиях будут, во-первых, ограниченность предметов потребления (вообще или того или иного вида, рода предметов потребления) и, во-вторых, ограниченность пространства для выделения продуктов распада (заполнение продуктами распада жизненного пространства). Относительно кругооборота веществ, включающего и организм человека, предполагается, что он не абсолютно замкнут, т. е. не может повторяться постоянно и полностью. Потребление только от природы данных предметов потребления неизбежно означает тупик для существования организма человека, в конечном счете «удушение», разрушение продуктами распада его жизненного процесса (если, конечно, индивиды не могут переселиться в зоны, не заполненные этими продуктами распада).

Если исчерпанные предметы потребления могут быть заменены другими готовыми предметами потребления, если при недо-

статке предметов потребления в данном месте люди имеют возможность переселиться в другое место, то самовозобновление будет продолжаться посредством использования готовых предметов потребления. Если во всех возможных местах поселения предметов потребления имеется меньше жизненно необходимого минимума, то это приводит к вымиранию, к гибели. Если предметов потребления, данных природой в готовом виде, достаточно для нормального функционирования тела, то самовозобновление тела осуществляется без внешних помех. Если же количество и «ассортимент» готовых от природы предметов потребления колеблется где-то около того, что минимально необходимо для поддержания биологического существования человека, то биологическое существование оказывается возможным длительно, однако вместе с тем постоянно имеется острая нехватка предметов потребления, данных природой в готовом виде. При такого рода нехватке этих предметов потребления, непреодолимой ни переселением, ни использованием готовых от природы предметов потребления, аналогичных потребляемым, единственный остающийся путь преодоления острой нехватки предметов потребления – воздействие на те процессы, которые приводят к образованию готовых от природы предметов потребления, а не просто потребление этих готовых предметов.

Внутренний предел возобновления биологических потребностей, процесса их удовлетворения. Жизнь внутренне противоречива. «...Отрицание жизни по существу содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, – смертью. Диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится» [1, т. 20, с. 610]. Следовательно, внутренний предел физического существования индивида коренится в самой сути физического, телесного существования.

Этот внутренний предел преодолевается порождением нового индивида. В отношениях индивидов разного пола внутреннее единство осуществляется как единство внешне, независимо друг от друга существующих индивидов. В отношениях разных полов внут-

ренный процесс самовозобновления живого расчленился на внутренне единые, но внешне самостоятельно существующие противоположности. (Поэтому по самой сути дела зарождение нового индивида может быть прервано в любой момент, на любой стадии.)

Внутреннее единство индивидов разного пола как возможность существует в виде половой потребности. Полностью процесс реализации внутреннего единства индивидов разного пола, взятых в качестве живых существ, состоит в порождении нового индивида и уходе за ним до приобретения им способности к самостоятельному биологическому существованию.

Суть живого — в его постоянном самовозобновлении, поэтому биологически жизнь вида (рода) важнее жизни отдельных индивидов, видовые (родовые) связи играют определяющую роль по отношению к отдельным индивидам. И поддержание жизни индивида, и порождение новых индивидов есть самовозобновление живых индивидов.

Поддержание собственной жизни представляет собой поддержание индивидуального существования. Даже тогда, когда человек поддерживает свою жизнь ради других людей, непосредственно поддержание им своей жизни есть нечто индивидуальное. Напротив, порождение новой жизни и поддержание жизни нового индивида до тех пор, пока он не приобретет способности к самостоятельному биологическому существованию, есть по своей сути родовое (видовое) действие. Даже в том случае, если оно осуществляется субъективно ради порождающих индивидов.

Род (вид) — биологическая сущность индивида¹, приобретающая внешнее существование по отношению к индивиду. В отношении индивида и рода индивид относится к своей собственной сущности как к отделившейся от него, приобретшей внешнее существование в качестве совокупности остальных индивидов рода.

Поддержание биологического существования индивида совершается непрерывно. Эта непрерывность осуществляется посредством

---

¹ Тут можно уточнить сказанное ранее. Л. Фейербах принял сущность биологического индивида за сущность человеческого индивида, причем первую сущность он вполне отчетливо не выделил.

возникновения, удовлетворения и возобновления биологических потребностей. На определенном этапе возобновления биологического существования индивида для поддержания нормального биологического существования самого этого индивида требуется действие по порождению новой жизни, т. е. возникает такая телесная потребность индивида в поддержании своего собственного существования, удовлетворение которой есть вместе с тем порождение новой жизни, продолжение жизни рода (вида). Такова половая потребность.

Половая потребность – это потребность индивида в поддержании своего нормального индивидуального существования, т. е. индивидуальная потребность. Но «потребление», удовлетворение особой индивидуальной потребности есть производство другой, новой жизни, нового индивида (или новых индивидов).

Итак, удовлетворение половой потребности, по ее биологической природе, биологической сути, представляет собой одновременно и индивидуальное, и родовое действие. В удовлетворении половой потребности и затем в удовлетворении родительского инстинкта индивидуальное есть одновременно родовое.

Здесь мы впервые сталкиваемся с необходимой связью индивидов друг с другом, связью, внутренне, необходимо обусловленной строением их организма.

Добыча имеющихся в природе в готовом виде средств пропитания, охрана и защита от нападения и т. п. могут требовать совместных действий, может быть даже так, что без совместных действий нельзя поддержать индивидуальное существование и даже существование вида. Но по своей сути объединение для добычи (данных в природе в готовом виде) средств к биологическому существованию, для нападения, для охраны и защиты от нападения не требуется всегда с необходимостью.

Половая же потребность и родительский инстинкт, напротив, никогда не могут быть удовлетворены без того или иного объединения с другим индивидом (с другими индивидами). Удовлетворение половой потребности и родительского инстинкта по своей сути всегда видовое (родовое) действие.

У животных в нормальном случае (за исключением болезненных отклонений) удовлетворение половой потребности всегда заканчивается рождением нового индивида (или новых индивидов). Каждый же человек способен вмешиваться в самую суть своей животной родовой жизни: он может прервать зарождение новой жизни на различных ее стадиях. Тем самым каждый человек приобретает возможность разорвать это внутреннее единство своего биологического вида (рода), индивидуального и родового, обособиться от рода. А значит, образуется возможность, при соответствующих социальных условиях, способная представить большую или меньшую опасность для самого существования биологического вида (рода) *homo sapiens*. Появиться или не появиться новому человеку – зависит не только от биологической природы человека (биологической нормы и биологических отклонений от нормы), но также (при биологически нормальных индивидах) от социальной жизни, от социальных потребностей. Вмешательство человека в нормальный биологический процесс порождения новой жизни происходит под влиянием социальных потребностей.

Таким образом, от рассмотрения отношения человека к природе, отношения, заключающегося в поддержании собственного физического существования, мы перешли к рассмотрению отношения людей друг к другу по поддержанию жизни. Переход этот осуществляется через рассмотрение такой потребности человека в качестве живого существа, которая одновременно есть потребность в продолжении вида. В логическом аспекте это есть движение мысли от отображения взаимодействия на уровне непосредственности к отображению его на уровне сущности.

С появлением на свет детей получает вполне самостоятельную внешнюю форму существования потребность в продолжении вида (родительский инстинкт, отношение к детям) в отличие от половой потребности. Следовательно, происходит дифференциация половой потребности и потребности лишь в продолжении рода.

Достижение половой зрелости есть апогей биологического существования индивида и вместе с тем начало «заката». Но с реализа-

цией половой потребности, с рождением детей основной функцией родителей в качестве живых существ становится научение детей способности самостоятельно поддерживать свое биологическое существование. По мере приобретения детьми такой способности существование родителей для продолжения жизни вида становится излишним¹.

Стадия старости, умирания человека как живого существа начинается тогда, когда погасла половая потребность и когда дети приобрели способность к самостоятельному поддержанию биологического существования. На стадии старости, умирания главной—с точки зрения человека как живого существа, становится потребность в индивидуальном биологическом самосохранении, а так как при этом затухает или отсутствует половая потребность, потребность в продолжении рода, то нарастает противоречие между индивидом и видом (родом). Действительно, если поддержание жизни формирующегося индивида необходимо как предпосылка для продолжения жизни вида, если поддержание его жизни вместе с тем есть потенциально и поддержание жизни вида, если в половозрелый период происходит актуально поддержание половозрелыми индивидами жизни вида, то в старости угасает способность поддерживать и продолжать жизнь вида (угасает половая потребность, потребность в размножении) и потребность в самосохранении обособляется от потребности в продолжении жизни вида. Это с одной стороны. С другой стороны, и у детей, если стать на сугубо биологическую точку зрения, исчезает при старении родителей нужда в последних². Кроме того, и потребность в само-

---

¹ Необходимость обучения молодых особей особями старшего поколения возникает в процессе эволюции органического мира с появлением у живых существ условных рефлексов. Чем сложнее прижизненно образующаяся система функциональных связей живого существа с окружающей средой, тем — в общем и целом, при прочих равных условиях — сложнее и длительнее его научение в процессе его индивидуального формирования.

² По нашему мнению, чем выше расположен вид на «древе» биологического развития, чем более развита психика у представителей вида, тем более как бы «смягчается» противоречие между индивидом в старости и видом, тем значительно больше сохраняются черты, свойства, присущие предыдущим стадиям отношения индивида и вида.

сохранении, вероятно, при достижении видовой продолжительности жизни угасает (видовая продолжительность жизни, естественно, при стихийно складывающихся условиях существования, может быть достигнута случайно, как исключение).

В старости, с биологической точки зрения, на первый план выходит противоречие индивида и вида (рода). Старый индивид — при прочих равных условиях — утрачивает биологическое «оправдание» своего существования.

Специальный уход, специальная забота о поддержании существования старых особей своего вида в развитом виде присуща лишь людям, человечеству. (В неразвитом виде такая забота может иметь место и у животных.) И если старый человек теряет способность к биологическому продолжению вида, то как социальное существо он способен сохранять большое значение, располагая значительным социальным опытом и сохраняющейся подчас до самой смерти способностью передавать его новым поколениям. В старости становится особенно заметным то, насколько социализировался данный индивид, насколько социальное «вошло в его плоть и кровь». Чем менее человек социализирован, тем — при прочих равных условиях — бессмысленнее, безысходнее и горше его существование в старости. Даже любовь старых жены и мужа друг к другу, любовь старого человека к своим родным, детям, внукам и правнукам есть, в значительной мере благодаря социализации, продолженная, усиленная и видоизмененная биологическая потребность, характерная для периода половой активности ¹.

Итак, внутренний предел самовозобновления биологического существования человека преодолевается порождением новых людей, биологическим существованием человеческого вида (рода).

---

¹ В свою очередь, отказ детей от старых родителей означает, что дети находятся, так сказать, «на животном уровне», что у них, как минимум, недостаточна внутренняя социализация. То же справедливо и относительно заботы общества о стариках. Степень и характер заботы о стариках — один из показателей того, как далеко ушло общество от животных взаимосвязей, преобразовало их.

Но является ли биологическое существование человеческого рода беспредельным или оно имеет какие-то пределы?

Внутренние пределы продолжения человеческого рода заключены в строении тела индивидов, принадлежащих к разным полам. В жизни здоровой женщины период, когда она способна к деторождению, может колебаться в некоторых пределах, составляя в среднем 18–20 лет. Высшую границу оптимального использования способности к деторождению одной женщины образует, видимо, рождение 6–7 детей. Отклонение в сторону максимума может быть довольно большим, хотя и не беспредельным. Воспроизводительная способность мужчины колеблется в более широких пределах, но и для нее существуют некоторые пределы.

При прочих равных условиях пределы возможности размножения, увеличения численности рода зависят от количественного соотношения мужчин и женщин при максимальном использовании их воспроизводительных способностей.

Мы здесь исходим только из внутренних отношений индивидов биологического вида (рода), а потому отвлекаемся от специального рассмотрения модификаций, вносимых в эти отношения социальной жизнью. В том числе мы отвлекаемся даже от тех ограничений половых отношений, которые вызваны необходимостью сохранить жизнеспособными будущие поколения. Например, исключение половых отношений между ближайшими родственниками. Ибо такие ограничения возникают только в том случае, если длительно существуют коллективы с постоянным составом их членов и если имеется достаточное число индивидов (при очень небольшом числе индивидов в замкнутых коллективах, естественно, более или менее жесткие ограничения половых отношений становятся неблагоприятными для продолжения рода). А эти последние обстоятельства вызываются к жизни социальным развитием и могут быть специально рассмотрены после специальной характеристики социального, социальной жизни.

Внутренние возможности размножения, поскольку они зависят от строения тела мужчины и строения тела женщины, от

количественного соотношения мужчин и женщин, при котором могут быть максимально использованы их воспроизводительные способности, модифицируются рядом обстоятельств и никогда не осуществляются в «чистом виде». Но именно перечисленные моменты определяют максимальный предел размножения человеческого рода, предел, вытекающий из внутренних собственно биологических отношений по продолжению рода.

Итак, рост народонаселения (с точки зрения простейшего отношения) зависит от специфики воспроизводительных возможностей мужчины и женщины, от количественного соотношения мужчин и женщин, а также от природной среды, от ее возможности служить «кладовой» для удовлетворения биологических потребностей.

В процессе продолжения рода роль мужчины и женщины различна в силу различия строения их тела. Это различие существует не только в различных воспроизводительных возможностях мужчины и женщины, но и в различном участии в совершающихся отношениях по продолжению рода. Женщина рождает и выкармливает ребенка. А потому ее возможности добывания пищи и т. п., естественно, сужены. Мужчина же по своему биологическому предназначению, помимо участия в акте порождения, призван к добыванию средств для физического существования, охране и защите от нападения.

Из отмеченных выше различий между мужчиной и женщиной (в том числе и из различия воспроизводительных способностей) следует, что «стоимость» каждой женщины, с точки зрения сохранения вида, выше «стоимости» каждого отдельного мужчины, что для более благоприятного продолжения рода сохранность жизни женщин должна быть в целом более устойчивой, чем сохранность жизни мужчин. Отсюда вытекает большая устойчивость организма женщин к постоянно действующим неблагоприятным факторам (например, к чрезмерному или недостаточному количеству пищи, к колебаниям качественного состава пищи и т. п.) и, наоборот, большие возможности мужчин для действия в условиях случайных и чрезвычайных. В общем и целом природа женщин

заставляет их избегать условий случайных и чрезвычайных, а природа мужчин заставляет «искать» их. Поэтому смертность лиц мужского пола, при прочих равных условиях, от случайных обстоятельств выше, чем у женщин. Соответственно различаются, на наш взгляд, физические и психические качества мужчин и женщин. Например, мужской организм более приспособлен к чрезвычайным физическим усилиям, а женский организм выносливее по отношению к длительным, близким к обычным неблагоприятным внешним воздействиям. Например, лица женского пола более осторожны, осмотрительны, менее склонны к риску, чем лица мужского пола, и т. д. Это, конечно, может зависеть и от индивидуальных особенностей, и от влияния социальной жизни. Но тем не менее, с точки зрения биологической, мужчины – разведчики рода человеческого, его авангард, а женщины принадлежат к ядру рода.

В природе численность биологического вида – при невозможности переселения и, в конечном счете, даже при наличии этой возможности – определяется соотношением с условиями существования. Численность биологического вида в конце концов устанавливается такой, чтобы «воспроизводство» самой окружающей природой предметов потребления уравнивалось с их потреблением, использованием. Ухудшение природных условий ведет к уменьшению размножения, улучшение природных условий – к увеличению размножения.

Внутренний предел самовозобновления биологического существования индивида, как уже говорилось, преодолевается рождением новой жизни, продолжением вида (рода). Процесс порождения индивидами новых индивидов, взятый сам по себе, бесконечно возобновляется.

Внутренний предел возобновления рода существует лишь как предел возможности размножения в данное время. Но отсутствует внутренний предел самого порождения: порождение новых индивидов проистекает necessarily из природы существующих индивидов. В конечном счете предел продолжения вида (рода) оказывается внешним пределом. Им являются условия существо-

вания. Предел продолжения человеческого рода лежит в условиях существования, во взаимодействии людей с внешним по отношению к ним, с природой.

Самовозобновление биологического существования индивида и продолжение биологического существования рода имеют своим конечным пределом наличие предметов потребления, условий существования. Всякое условие существования, с точки зрения возможности его использования для поддержания биологического существования, есть предмет потребления, предмет для удовлетворения биологической потребности.

С точки зрения индивида, минимум предметов потребления есть такое количество и качество предметов потребления, которое минимально необходимо для самовозобновления биологического существования индивида в данное время. Поскольку же определяющим является продолжение жизни рода, постольку минимум предметов потребления есть такое количество и качество предметов потребления, которое минимально необходимо не только для поддержания биологического существования индивида, но и такого поддержания биологического существования, которое позволило бы ему достигнуть возраста, при котором возможно деторождение, и продолжить существование вплоть до достижения новым индивидуумом способности к самостоятельному биологическому существованию. Верхней границей этого минимума служит такая, достижение которой позволяет численности членов рода поддерживаться постоянной (не уменьшаться и не увеличиваться, а просто воспроизводиться). Нехватка предметов потребления, нехватка предметов для удовлетворения телесных потребностей (при отсутствии возможности переселения в другую среду), если она постоянна, вызывают необходимость перехода к воздействию на процессы, приводящие к образованию предметов потребления.

Если количество и качество предметов потребления ниже отмеченных минимумов, то это влечет за собой гибель рода. Если и поскольку имеется изобилие предметов потребления, данных

природой в готовом виде, то самовозобновление рода происходит без внешних препятствий.

Наиболее остро необходимость перехода к воздействию на процессы, приводящие к образованию готовых от природы предметов потребления, сказывается тогда, когда количество и качество этих предметов потребления колеблются около минимума, который необходим для поддержания биологического существования индивидов и рода.

Простейшее отношение общества и семья. Выше мы говорили о природных отношениях между мужчинами и женщинами, родителями и детьми. Эти природные отношения включаются в социальную форму движения. Мы их фиксировали, отвлекая от социальной формы движения, но не рассматривая специально воздействие социального на природные отношения, т. е. мы брали природные отношения в их непосредственной связи с социальным, подчеркивая именно ту сторону, что это – природные отношения.

Биологические отношения между мужчинами и женщинами по продолжению рода, биологические отношения родителей и детей образуют биологическое «ядро» семьи. Но семья не сводится к этому биологическому «ядру». Семья есть продукт воздействия общества, социального, на это биологическое «ядро». Семья – «преломление» общества, социального через это биологическое «ядро». Следовательно, семья представляет собой продукт взаимодействия социального и биологического, а не только биологическое и не только социальное. При таком подходе к семье не общество образуется из развития семьи, а семья образуется с образованием общества (при исторически определенных социальных условиях). И логически нельзя начинать с семьи как более простого и переходить к обществу как более сложному. Рассмотрение семьи предполагает анализ биологических отношений людей по продолжению рода, выяснения специфики социального, и лишь «преломление» специфики социального через биологические отношения людей по продолжению рода дает возможность вскрыть специфику семьи. Если логически брать семью в каче-

стве простейшего отношения общества, то в историческом аспекте это соответствует взгляду на то, что общество выросло из семьи постольку, поскольку в этом отдельном, особом существовании проявляется жизнь вида.

Отношения родителей и детей, вообще старшего и младшего поколений, — проявление сущности видовых отношений в отношениях индивидов. С точки зрения этих отношений, индивидуальное потребление ребенка оказывается процессом, который опосредуется деятельностью родителей по обеспечению предметами потребления, т. е. этот процесс выступает теперь с той стороны, что он есть форма проявления отношения родителей и детей, старшего и младшего поколений. Более развитой формой проявления отношения родителей и детей, старшего и младшего поколений служит научение родителями (старшим поколением) детей (младшего поколения) способности к самостоятельному поддержанию своего биологического существования. Но приобретение этой способности есть приобретение способности к самостоятельному обеспечению себя предметами потребления. Из сказанного следует, что способность к самостоятельному обеспечению себя предметами потребления, поскольку она приобретает не от рождения, а образуется в индивидуальном развитии при решающей помощи родителей, старшего поколения, представляет собой форму проявления в индивиде видовых отношений. Реализация этой способности есть видовое отношение, *проявляющееся* в деятельности индивидов.

В этих формах поддержание собственного существования (простое потребление без обеспечения себя предметами потребления и потребление, предполагающее специальный процесс предварительного получения предметов потребления) предстает в снятом, преобразованном виде.

Ход мысли, которому мы следовали в этой главе, в общем и целом соответствует ходу индивидуального развития.

Выделяя и рассматривая удовлетворение биологических потребностей индивида при отвлечении от рассмотрения такой био-

логической потребности, как половая потребность, от добычи и производства предметов потребления, мы тем самым фиксируем процесс, в наиболее «чистом виде» имеющийся в детском возрасте, у формирующегося индивида, притом это потребление тем более «очищено» от остальных упомянутых моментов, чем младше возраст ребенка. По мере своего индивидуального биологического формирования человек приобретает потребность (и способность) в продолжении вида, а также способность к самостоятельному поддержанию своего биологического существования. Последняя из названных способностей не может быть сформирована у человеческого индивида без участия старшего поколения. Следовательно, характеристика способности к самостоятельному поддержанию своего биологического существования предполагает рассмотрение отношения родителей и детей, старшего и младшего поколений, а значит, и половых отношений индивидов.

Удовлетворение биологических потребностей (исключая удовлетворение половой потребности) есть ближайшим образом только индивидуальное действие. Удовлетворение половой потребности есть такое индивидуальное действие, которое одновременно представляет собой родовое (видовое) действие. Половые отношения – непосредственно видовые отношения. Видовые отношения есть *сущность* индивидов как живых существ. Отношения родителей и детей по поводу воспитания у детей способности к самостоятельному поддержанию своего биологического существования – *проявление* видовых отношений в индивидуальных действиях родителей и детей.

Пока человек в качестве живого существа только еще формируется, его индивидуальное существование имеет «самоценное» значение для вида, или, иначе говоря, поддержание жизни формирующихся индивидов непосредственно тождественно поддержанию жизни вида.

По достижении половой зрелости половая потребность становится одной из необходимых жизненных потребностей индивида. Притом это такая потребность в поддержании своего индиви-

дуального существования, удовлетворение которой есть одновременно взаимоотношение с другим индивидом, имеющим аналогичную потребность, и зарождение нового индивида (или новых индивидов). Реализация половой потребности есть непосредственная связь разных (по полу) индивидов одного вида. Если формирующийся биологически индивид продолжает жизнь вида уже тем, что он существует как отдельный индивид, то индивид, реализующий свою половую потребность, поддерживает жизнь вида не просто как отдельный индивид, а как биологически непосредственно связанный с другим индивидом (другого пола). Связь их осуществляется посредством удовлетворения потребности в поддержании своего существования как особого индивида, а вместе с тем эта связь есть порождение нового индивида (новых индивидов), т. е. продолжение жизни вида.

Однако и в случае удовлетворения биологических потребностей, в случае созревания и удовлетворения половой потребности поддержание жизни вида происходит главным образом благодаря поддержанию своего индивидуального существования. Положение кардинально меняется с рождением ребенка. Поддержание жизни иного индивида (ребенка) внешне отделяется от поддержания собственной жизни (родителей). Поддержание родителем своей жизни как «самоценной», как отдельной теряет значение для продолжения жизни вида. Жизнь родителей сохраняет значение для продолжения жизни вида лишь постольку, поскольку они способствуют сохранению, поддержанию жизни детей и образованию у последних способности к самостоятельному поддержанию биологического существования. Отдельное, особое существование этих индивидов (родителей) само по себе теряет свое значение для поддержания жизни вида, оно сохраняет это значение лишь постольку, поскольку их существование необходимо для поддержания биологического существования других индивидов (детей), непосредственно представляющих собой воплощение жизни вида.

Глава 2

ПЕРЕХОД ОТ ПРОСТЕЙШЕГО ОТНОШЕНИЯ К СУЩНОСТИ ОБЩЕСТВА

В предыдущей главе мы, по сути дела, характеризовали потребление человека как непосредственно тождественное с «производством» (и с «производством» собственной жизни, и с «производством» другой жизни), а также отношения, образующиеся в процессе этого потребления, т. е. отношения по «производству» жизни.

Высшая форма отношений людей по «производству» жизни — это отношения родителей, старшего поколения, и детей, младшего поколения, в ходе которых у детей формируется способность к самостоятельному обеспечению себя предметами потребления. Следовательно, способность к самостоятельному обеспечению предметами потребления и сам процесс этого обеспечения представляют собой *проявление видовых* отношений. Иначе говоря, процесс обеспечения предметами потребления есть *проявление* в деятельности *индивидов* жизни *вида*.

Важно напомнить, что и здесь изложение ведется под логическим углом зрения, а поэтому предмет рассмотрения — человек — выступает как данный. Поэтому в качестве *данной*, т. е. уже имеющейся налицо, фиксируются и биология человека, и соответствующая природная среда.

С точки зрения высшей формы отношения индивидов по «производству» жизни, весь процесс «производства» жизни предстает как *проявление* жизни вида и *формы* этого проявления. Жизнь вида и индивидов в качестве его представителей осуществляется в противоречии между организмом (организмами) и окружающей

природной средой при решающем влиянии, в конечном счете, природной среды.

В самой неразвитой форме (обозначим ее в качестве формы I) существования этого противоречия потребление еще непосредственно тождественно с процессом обеспечения предметами потребления. Это отношение живых существ к окружающей среде *характерно для растений*. Среда, обеспечивающая возможность существования растения, окружает его непосредственно. Такое отношение сохраняется у человека и животного (например, таков процесс дыхания), но сохраняется, конечно, в снятом, преобразованном виде.

В этой форме осуществления противоречия между живым существом и окружающей природной средой именно особенности среды решающим образом определяют потребление. Причем, здесь потребляющее живое существо *непосредственно связано с потребляемым материалом, обеспечение предметами потребления непосредственно тождественно с самим потреблением*. Но материал потребления создается иными процессами, нежели процесс потребления. Следовательно, если потребление внутренне едино с материалом потребления и непосредственно с ним связано, то *образование* материала потребления случайно по отношению к потреблению, не связано с ним необходимо.

Более развитой формой (назовем ее формой II) упомянутого противоречия служит такая форма, при которой имеет место относительное обособление друг от друга потребления и процесса обеспечения предметами потребления. Относительно обособленное существование процесса обеспечения предметами потребления по отношению к самому непосредственному потреблению *характерно для животных*, в отличие от растений. Решающую роль и здесь играют особенности окружающей природной среды. Для животных характерна¹ не непосредственная окруженность их природ-

---

¹ Речь идет о характерном для животных и растений, а не о том, что присуще всем животным, в отличие от всех растений, или наоборот. Растения не абсолютно неподвижны в процессе обеспечения своей жизнедеятельности, а среди животных имеются такие, которые имеют довольно сильную выраженность «сидячего образа жизни».

ной средой, обеспечивающей их жизнедеятельность, а такая природная среда, которая вынуждает их *двигаться* для обеспечения себя соответствующими предметами потребления. Для этой формы, в отличие от первой, характерно отсутствие изначальной непосредственной связи живого существа с предметами потребления. Потребление остается, разумеется, невозможным без материала (а точнее, здесь уже предметов) потребления. Однако установление непосредственной связи живого существа с предметами потребления опосредствуется относительно самостоятельным процессом обеспечения предметами потребления.

Форма II существенно отличается от формы I по характеру связей. В форме II сохраняется внутренняя связь живого существа с предметами потребления и обеспечением предметами потребления (без того и другого жизнь этих существ невозможна). Но тут *внутреннее единство* живого существа с предметами потребления совершается *через внешнюю связь внутренне единых, но внешне обособленных* различных процессов: потребления и обеспечения предметами потребления. Это уже не непосредственная связь одного (живых существ) с другим (предметами потребления), а связь, осуществляемая через *внешнюю связь*, обособленность различных внутренне связанных процессов (потребления и обеспечения предметами потребления). А поэтому возможность нарушения единства (вплоть до гибели индивида) здесь несравненно вероятнее, чем при непосредственной связи одного с другим.

Форма II значительно более зрелая форма существования упомянутого выше противоречия, чем форма I.

И в форме I, и в форме II живые существа не только испытывают воздействие окружающей среды, но и сами воздействуют на нее. В форме I это происходит путем потребления материала, черпаемого из окружающей природной среды, и выделения продуктов распада. В форме II обратное воздействие на природную среду, присущее форме I, сохраняется в снятом, преобразованном виде. Но для формы II характерно наличие относительно обособленного от потребления процесса обеспечения предметами потребе-

ния. Последнее же необходимо предполагает, во-первых, *специальное обратное воздействие* на окружающую природную среду, отличное от обратного воздействия на эту среду процесса потребления, во-вторых, также и *специальные средства, органы* такого воздействия.

Самое простое осуществление процесса обеспечения предметами потребления в качестве относительно обособленного процесса есть его осуществление при помощи органов тела. В пределах этой формы процесса обеспечения предметами потребления имеются две главные разновидности: обеспечение растительными и животными предметами потребления (отрицательное выражение этих разновидностей: защита от неблагоприятного воздействия растений и от нападения животных). Обеспечение предметами потребления растительного происхождения представляет собой процесс более простой, чем обеспечение предметами потребления животного происхождения.

У человека сохраняются обе разновидности этой формы обеспечения предметами потребления в более или менее снятом, преобразованном виде. В относительно менее преобразованном виде — это, например, собирание дикорастущих растений или охота на животных с применением только органов тела.

Эта форма относительно обособленного процесса обеспечения предметами потребления для своего беспрепятственного осуществления необходимо предполагает наличие достаточного количества и качества предметов потребления, данных природой в *готовом* виде. Животный способ воздействия на предметы потребления в процессе *обеспечения* предметами потребления — в отличие от самого потребления — есть главным образом *механическое* воздействие на предметы потребления (например, срывание листьев, плодов, применение зубов хищным животным). Природа выступает как «кладовая» готовых предметов потребления, а способ воздействия на эти предметы потребления в рамках относительной самостоятельности процесса обеспечения

предметами потребления – как, по преимуществу механическое воздействие.

Еще более развитой формой (форма III) обеспечения предметами потребления служит использование (главным образом механических) свойств предметов неорганического и органического происхождения (например, камня, палки, кости) для обеспечения предметами потребления, данными природой в *готовом* виде. Эта форма в более или менее снятом виде сохраняется у человека. Таково, например, использование палки для сбивания высоко висящих плодов или бросание камня для защиты от нападения животного.

Эта форма промежуточная, переходная; с одной стороны, она выходит за рамки предшествующей, а с другой стороны – сходна с ней. В самом деле, тут в качестве средств для обеспечения предметами потребления применяются предметы, не представляющие собой органы тела. И в то же время все это – средства извлечения из «кладовой» природы готовых предметов потребления, эти средства действуют как органы тела, как простое, непосредственное продолжение органов тела, как «неорганические органы тела» (К. Маркс). *Для того, кто их применяет, они образуют лишь продолжение органов тела, хотя сами эти предметы как средства обеспечения предметами потребления применяются в той функции, которая им не свойственна вне этого процесса.*

Будучи существенно сходна с формой II, форма III существенно отличается от нее тем, что в качестве специальных средств обратного воздействия на окружающую природную среду используются *не только органы тела*. И все же, пока предметы (процессы) среды, не представляющие собой органы тела, применяются *лишь в иной функции*, оставаясь сами по себе неизменными, использование их остается более или менее *случайным*. Решающая роль особенностей природной среды в противоречии между живыми существами и окружающей природной средой сохраняется: средства воздействия, не представляющие собой органы тела и применяемые в их неизменном природном

виде, позволяют в общем и целом только более полно вычерпывать из «кладовой» природы данные природой в готовом виде предметы потребления.

Если в форме II средствами обратного воздействия на окружающую среду служат лишь органы тела, то в форме III арсенал средств воздействия потенциально оказывается несравненно более богатым. Форме III свойственно то, что процессы, предметы, явления природы, используемые для воздействия на другие процессы. предметы, явления природы, входят в качестве подчиненного посредствующего звена в процесс воздействия на предметы и т. п. при помощи органов тела. Средства воздействия в качестве подчиненного момента обуславливаются прежде всего и главным образом строением органов тела, их биологическими возможностями, а также предметом, на который происходит воздействие. Главную роль играют органы тела и предметы, на которые направлено воздействие. Тем самым решающей остается зависимость обеспечения предметами потребления от строения органов тела и от наличия готовых предметов воздействия. Сами средства воздействия, не представляющие собой органы тела, лишь черпаются в готовом виде из «кладеза природы» и только используются в иной функции, а именно в функции средств воздействия, которое происходит ради обеспечения предметом потребления.

Внутренний предел самой «кладовой» предметов потребления, данных природой в готовом виде, не устраняется, но возрастают возможности черпать из этой «кладовой» больше предметов потребления, данных природой в готовом виде.

Этот внутренний предел устраняется тогда, когда средства воздействия, не представляющие собой органы тела, превращаются *из подчиненного в главенствующий момент* воздействия. Последнее же происходит тогда, когда средства воздействия, не представляющие собой органы тела, на свой лад преобразуют оба крайних компонента, которые они опосредствуют.

Превращение таких средств воздействия из подчиненного в главенствующий момент само обуславливается крайними компо-

нентами процесса: с одной стороны, применение таких средств сталкивается с сопротивлением, противодействием предметов и т. п., на которые направлено воздействие, с другой стороны, имеется недостаточное удовлетворение биологических телесных потребностей. Средства воздействия, не представляющие собой органы тела и применяемые для получения предметов телесного потребления, изменяются и притом *не только функционально, но и морфологически* для преодоления этого двустороннего противодействия и в соответствии со *своей* предметной природой.

Так как средства воздействия отличаются от природно данных предметов, существующих вне процесса обеспечения предметами потребления, не только функционально, но и морфологически, а также отличаются от органов тела, то предмет, на который направлено воздействие, в конце концов, соответственно преобразуется, превращается в *искусственно созданный предмет*¹.

Преобразование средств воздействия, не представляющих собой органы тела и применяемых ради обеспечения предметами потребления, из подчиненного в главенствующий момент процесса обеспечения предметами потребления, приобретение ими не только функционального, но и морфологического отличия от предметов, данных природой в готовом виде, преобразование соответственно возможностям этой морфологии средств воздействия обоих крайних членов процесса обеспечения предметами потребления есть переход к IV форме.

В форме IV разрешается (а тем самым и развивается) противоречие между живыми существами и окружающей их природной средой. Во всех остальных ранее рассмотренных формах живое существо внутренне едино с материалом, предметами потребления и, в этом смысле, с окружающей природной средой. Однако природные процессы, в ходе которых образуются матери-

---

¹ Разумеется, образование средств воздействия, не только функционально, но и морфологически отличных от данного природой в готовом виде, ведет к определенному преобразованию и другого крайнего компонента — организма живого существа. Однако, напоминая, при логическом рассмотрении необходимо исходить из биологии человека как из уже данной.

ал, предметы потребления, есть иные процессы, нежели само потребление. Они лишь внешне, случайно, через свои результаты связаны с потреблением. А поэтому потребление подвержено в конечном счете решающему действию факторов, *не зависящих от него, случайных* по отношению к нему. Внутренняя связь процессов образования материала, предметов потребления, с самим потреблением отсутствует. Осуществление потребления в этом отношении есть случайность. Чем случайнее по отношению к потреблению возможность наличия предметов потребления, данных природой в готовом виде, тем — при прочих равных условиях — более развитым должно быть обратное воздействие живых существ на окружающую природную среду для обеспечения потребления. Следовательно, характер, степень обратного воздействия живых существ на окружающую их природную среду определяются *особенностями* этой среды (если выразить это в историческом аспекте — *изменением* окружающей природной среды).

Противоречие между, с одной стороны, функционированием и возобновлением потребления и, с другой стороны, процессами образования предметов потребления, выражающееся в несоответствии (по количеству и качеству) имеющихся в природе готовых предметов потребления и потребностями потребления, разрешается в корне лишь тогда, когда само образование предметов потребления происходит ради потребления, или, иначе говоря, при подчинении образования предметов потребления процессу потребления. А это с необходимостью наступает там и тогда, где и когда средства воздействия процесса обеспечения предметами потребления, не представляющие собой органы тела, служат главным моментом обеспечения предметами потребления, соответственно себе преобразующим все остальные моменты, в том числе образование предметов потребления.

Для этой формы характерно не обеспечение предметами потребления, данными природой в готовом виде, *а обратное специальное воздействие на образование предметов потребления.* Тем самым устанавливается *внутреннее единство* не только потреб-

ностей, потребления с материалом, предметами потребления, с процессами получения предметов потребления, данных природой в готовом виде, но и с *процессами образования* предметов потребления. Образование предметов потребления ради потребления есть *производство*. Итак, для формы IV характерны *внутренняя связь, внутреннее единство производства и потребления при решающей роли производства*.

Таким образом, в форме IV имеется *главенствующая роль средств* воздействия процесса обеспечения предметами потребления, не являющихся органами тела, по отношению к потреблению, к потребностям, к воздействию органов тела, а также к предметам, на которые они воздействуют. При чем речь идет о средствах воздействия, морфологически (а не только функционально) отличных от предметов, данных природой в готовом виде. Такие средства воздействия преобразуют соответственно себе и потребности, потребление и предметы потребления. Обеспечение предметами потребления оказывается *созиданием* этих предметов ради нужд потребляющего, т. е. *образование* предметов потребления есть в данном случае их *созидание, производство*. Следовательно, имеется *внутреннее единство потребностей, потребления не только с материалом, предметами потребления, но и с процессами, образования предметов потребления*. Вместе с тем, в рамках уже этого внутреннего единства потребления с производством само внутреннее единство существует как *расчлененное*. В самом деле, процесс обеспечения предметами потребления расчленяется: выделяется специальный процесс производства средств воздействия, он отделяется от процесса производства предметов потребления, вместе с тем выделяется как отличный от них процесс добычи предметов для осуществления этих процессов и научение подрастающего поколения всему этому. Главным моментом в форме IV служит процесс производства средств производства.

Главным же моментом во внутреннем единстве потребления и производства, как уже ясно из сказанного, оказывается *производство*, хотя оно и возникает и в конечном счете существует ради

потребления, а следовательно, определяется потреблением, подчиняется ему, тем не менее возникшее, сформировавшееся производство решающим образом формирует потребление соответственно самому себе.

До сих пор мы идем в общем и целом от потребления к производству, а поэтому нас интересует прежде всего и главным образом именно то, что производство совершается ради потребления, и мы здесь выделяем то обстоятельство, что потребление внутренне едино не только с предметами потребления, но и с процессом их образования (образование, созидание предметов потребления происходит именно ради потребления и в этом смысле подчиняется потреблению).

Потребление внутренне едино с предметами потребления, так как только в потреблении предмет становится действительным предметом потребления.

Потребление внутренне едино с процессом образования предметов потребления тогда, когда последний есть процесс созидания, производства предметов потребления, созидания ради потребления. Потребление в таком случае созидает производство двояким образом. Во-первых, «тем, что только в потреблении продукт становится действительным продуктом. Например, платье становится действительно платьем лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не живут, фактически не является действительным домом. Таким образом, продукт, в отличие от простого предмета природы, проявляет себя как продукт, *становится* продуктом только в потреблении» [1, т. 46, ч. I, с. 27]. Во-вторых, «тем, что потребление создает потребность в *новом* производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой. Потребление создает влечение к производству; оно создает также и тот предмет, который в качестве цели определяющим образом действует в процессе производства. И если ясно, что производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме, то ... столь же ясно, что потребление *полагает* предмет производства *идеально*, как внутренний образ,

как потребность, как влечение и как цель. Оно создает предметы производства в их еще субъективной форме. Без потребности нет производства. Но именно потребление воспроизводит потребность» [там же, с. 28].

Мы здесь идем от рассмотрения потребления к рассмотрению производства и пока еще не характеризовали специально производство, а также созидание производством потребления. Для нас на таком пути важно охарактеризовать пока только то, что переход к производству совершается через *установление, обнаружение* внутреннего единства потребления с производством (и притом в определенной форме). Специальное же отображение этого внутреннего единства целесообразно дать в процессе и на основе рассмотрения производства самого по себе и воздействия производства на потребление.

В главе о простейшем отношении мы фактически начали отображение общества с собственно потребления, с потребления самого по себе, чтобы в следующей главе подойти к отображению производства. Но потребление само по себе «есть непосредственно также и производство, подобно тому как в природе потребление химических элементов и веществ есть производство растения. Что, например, в процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления, человек производит свое собственное тело, — это ясно; но это же имеет силу и относительно всякого другого вида потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека. Это — потребительное производство» [там же, с. 27]. Сюда же относится и то, что «... естественный акт создания потомства представляет собой потребление жизненных сил» [там же, с. 26].

Итак, от производства жизни — своей и потомства, а также отношений по этому поводу, т. е., по *сути* дела, от *собственно потребления* (как простейшего отношения), мы переходим к *собственно производству*, т. е. к производству жизненных средств.

Этот переход совершается в процессе развития противоречия между живыми существами и окружающей их природной сре-

дой. В этой главе мы кратко рассмотрели основные формы этого противоречия, вплоть до той формы, в которой оно разрешается¹.

Уже в форме I имеется «предзародыш» определенного обратного воздействия на окружающую природную среду ради потребления: *избирательное* потребление веществ (сюда мы включаем в данном случае и выделение продуктов распада). В форме II обратное воздействие на окружающую природную среду совершается не только непосредственно самим потреблением, но и обособляется в относительно самостоятельный процесс обеспечения предметами потребления, а тем самым и предмет природы не просто потребляется, но подвергается воздействию до, вне непосредственного потребления. Следовательно, уже воздействие людей на природу при помощи только органов тела содержит в «зародыше» переход от потребления готовых предметов потребления к их производству. Но такое воздействие принципиально ограничено, оно

---

¹ Уже здесь следует сказать, что хотя переход к воздействию на процессы образования предметов потребления ради потребления есть разрешение противоречия между процессами образования предметов потребления и потреблением, однако это противоречие не может быть устранено полностью, оно поднимается на качественно более высокую ступень. Человек ради своего потребления *подчиняет* природу. Однако у природы, несмотря на ее «*подчинение*», имеется свой «характер», природное различие процессов создания предметов потребления и самого потребления не исчезает полностью. Напротив, рост и совершенствование *подчинения* человеком природы вместе с тем ведут к тому, что развивается, во все больших масштабах и глубине обнаруживается «сопротивление» природы разрушению протекающих в ней процессов, «сопротивление», все более затрудняющее поддержание биологического существования людей. Это «сопротивление» природы в конце концов вынуждает и вынудит перейти от «подчинения» к «равноправию», когда подчинение природы целям человека уравнивается деятельностью человека по сохранению и возобновлению природы, как она существует сама по себе, а также заставляет во все более возрастающей степени выходить за пределы земного обитания человечества.

От способности человечества сохранить устойчивость этого состояния будет в немалой мере зависеть сохранение неизменности его как биологического вида (рода).

имеет предел в строении органов тела. Это биологически определенный предел воздействия.

Гораздо более богатые возможности имеются в форме III (при воздействии на одни предметы, процессы природы при помощи других предметов, процессов природы, причем те и другие используются как данные природой в готовом виде). При этом в форме III использование органов тела остается необходимостью, ибо воздействие совершается ради потребления.

Форма III, как мы уже отмечали, промежуточная. Лишь в форме IV, когда средства воздействия, не представляющие собой органы тела, приобретают не только функциональное, но и морфологическое отличие от предметов, данных природой в готовом виде, и когда они преобразуют соответственно себе и потребности, потребление, с одной стороны, и предметы, становящиеся предметами потребления, с другой стороны, тогда само преобразование предметов потребления оказывается производством, которое совершается ради потребления.

И в этой форме остается необходимостью использование органов тела для приведения в движение средств воздействия, не

Если же в конце концов разрушение природных процессов, как они протекают сами по себе, не будет уравниваться их возобновлением в этом «первозданном» виде (нарушение такого «равновесия» будет, по нашему мнению, расти по мере исчерпания возможностей земной среды, включая и земную поверхность, и земные недра, и земную «оболочку»), то перед человечеством рано или поздно встанет дилемма: либо вымирание, либо изменение своей биологической природы. А так как по самой сути дела, какие бы усилия человечество ни прилагало, возобновление природных процессов в их совершенно «первозданном» виде невозможно, то люди в будущем встанут перед необходимостью и биологически приспособиться к новой среде. Длительное, постоянное проживание человека во внеземных, искусственно созданных условиях, на наш взгляд, как раз и приведет в конце концов к какому-то изменению биологии человека (расчеты на то, что искусственно созданная среда, образованная людьми вне сферы земного обитания, в полной мере будет совпадать с естественно возникшей средой, или, вернее, что воздействия той и другой среды на человека будут одинаковыми, на наш взгляд, вряд ли оправданы, влияния на человека искусственного и естественного никогда, по природе своей, не могут быть совершенно тождественными).

представляющих собой органы тела, ибо воздействие должно быть направленным, оно должно совершаться ради потребления¹. Правда, использование органов тела низводится до положения одного, и притом подчиненного, рода средств воздействия.

Взаимодействие человека с природой в специфически человеческой форме (форма IV) выступает здесь с двух сторон: со стороны участия в нем человека, использования органов его тела и со стороны внутреннего единства с потреблением, т. е. со стороны созидания предметов потребления, со стороны результата воздействия. С первой из названных сторон *одно и то же* взаимодействие человека с природой есть *труд*, со второй – *производство*. Это – одно и то же, но с разных сторон. Однако понятие «труд» может быть употреблено *и в более узком смысле*, как непосредственное использование органов тела человека в сравнении с используемыми человеком природными процессами, совершающимися без его непосредственного трудового участия. В последнем значении К. Маркс употреблял термин «труд», отличая его от термина «производство», когда писал о примерах перерывов рабочего времени: «Таким образом, во всех этих случаях время производства у авансированного капитала состоит из двух периодов: из первого периода, в течение которого капитал находится в процессе труда; и из второго периода, в течение которого форма существования капитала – форма еще неготового продукта, – предоставляется воздействию естественных процессов, не находясь при этом в процессе труда» [1, т. 24, с. 270]. Если в узком смысле слова эти естественные процессы не находятся при этом в процессе труда, то в широком смысле слова они все же включены в сферу труда.

В ходе изложения мы пришли к фиксированию внутреннего единства процессов образования предметов потребления и самого потребления. Как такое единство образование предметов потребления есть *производство* предметов потребления. Причем произ-

---

¹ Человек с его органами тела остается *всегда* необходимым моментом, компонентом воздействия.

водство, будучи в конечном счете направлено на создание предметов потребления, само внутри себя расчленено (на добычу материала производства, производство средств производства, производство предметов потребления, производство человека как участника производства).

Теперь мы перейдем к специальному рассмотрению собственно производства, производства жизненных средств в его внутреннем и притом расчлененном единстве с потреблением.

Но предварительно еще одно соображение по поводу охарактеризованных форм обеспечения предметами потребления. Осуществление первых трех форм решающим образом зависит от окружающей природной среды. Осуществление формы IV решающим образом зависит от производства средств производства, а не от окружающей природной среды. Но природная среда и в форме IV, во-первых, остается необходимым условием производства, процесса обеспечения предметами потребления и потребления, во-вторых, в форме IV в снятом, преобразованном, подчиненном виде сохраняются отношения к окружающей природной среде, специфические для остальных форм, природная среда в снятом виде входит в производство, *а потому и постольку окружающая природная среда представляет собой фактор развития производства*, процесса обеспечения предметами потребления, хотя и не главный, не решающий в производстве самом по себе. Производство есть определенное *взаимодействие* человека и природы. Следовательно, не только человек воздействует на природу, но и природа воздействует на человека.

В формах I и II, поскольку они берутся как относительно самостоятельные, а не просто в их подчиненности форме IV, мы наблюдали преобладающее воздействие природы на человека. Форма III – промежуточная форма. В форме IV решающим, определяющим становится воздействие человека на природу, а воздействие природы на человека – подчиненным. Поэтому специальное рассмотрение формы IV – взаимодействия человека и природы – мы и начнем со стороны *воздействия человека на природу*. Взаи-

Структура общества

модействие же человека и природы со стороны участия в нем человека есть *труд*.

Глава 3

СУЩНОСТЬ ОБЩЕСТВА

§ 1. Труд и производство как процесс обмена веществ между человеком и природой

Процесс труда предполагает прежде всего телесную *потребность* в предмете потребления.

Труд вообще¹ включает следующие компоненты: человек как субъект труда, предмет труда, средства труда, результат, или продукт, труда. Взаимодействие этих компонентов и есть сам труд. Труд осуществляется в определенной форме, определенным способом. Это есть способ труда. Человек должен так привести в движение свои органы тела, использовать такие средства и такой предмет труда, чтобы получить требуемый, заранее известный результат. «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действия и которой он должен подчинять свою волю» [1, т. 23, с. 189].

Марксова характеристика цели взята нами из той главы «Капитала», где К. Марксу, в соответствии с задачей его исследования, необходимо было проанализировать труд как *данный*. Если же дан либо какой-то процесс сформировавшегося труда, либо труд вообще, то можно сказать, что труд начинается с постановки цели, и это

---

¹ Определение «труда вообще» дано, как известно, К. Марксом [1, т. 23, с. 188–197].

будет совершенно справедливо. Цель выступает как предвосхищение результата в представлении, т. е. идеально; цель как закон определяет способ и характер труда. Но, как и всякую истину, это положение нельзя абсолютизировать. При абсолютизации же этой истины представляется, что сама цель дана изначально и что идеальное есть первичное по отношению к материальному, говоря менее категорично и в менее общем виде, что цель определяющим, решающим образом воздействует на процесс труда, сама будучи независимой или почти независимой от процесса труда, от остальных компонентов процесса труда, и во всяком случае, не представляя собой подчиненный момент процесса труда. Цель при этом предстает только с точки зрения ее воздействия на процесс труда и его компоненты, а воздействие процесса труда и остальных его компонентов на цель исчезает из поля зрения или недооценивается.

Если же мы рассмотрим труд вообще специально в связи с его происхождением, то тогда будет необходимо сказать о *взаимодействии* всех его компонентов.

В таком случае цель не только предшествует процессу труда и не только как закон определяет способ и характер труда, но она сама зависит от процесса труда, от остальных его компонентов. Более того, с диалектико-материалистической позиции именно процесс труда в конечном счете играет определяющую роль по отношению к цели, а не цель, не идеальное образование по отношению к процессу труда.

Цель, будучи предвосхищением результата данного процесса труда и определяя как закон его способ и характер, сама сформировывается именно в процессе формирования ранее совершавшихся процессов труда и может быть поставлена именно в (осознаваемой или неосознаваемой) связи с ними. Имея в виду взаимодействие всех компонентов труда, следует сказать, что в возникающем труде вообще цель, целеполагание также лишь возникают и что то же верно для особой цели всякого особого нового процесса труда: особая цель этого особого нового процесса труда возникает и сформировывается окончательно вместе с возникно-

вением и формированием всех основных компонентов этого процесса труда. Имея в виду взаимодействие всех компонентов труда, мы утверждаем, что цель *действительно* есть цель, т. е. в полной мере оказывается целью, не просто тогда, когда в ней предвосхищается результат, когда она определяет как закон способ и характер труда, но тогда, когда она, будучи окончательно (для совершающегося процесса труда) скорректирована воздействием остальных компонентов труда, реализуется в результате труда. Если же в цели полностью предвосхищается результат процесса труда, то это значит, что совершающийся процесс труда полностью повторяет уже ранее совершившийся процесс труда. Следовательно, по нашему убеждению, цель в ее завершенном, вполне сформировавшемся виде, т. е. *вполне действительная* цель, есть цель, *реализованная* в результате процесса труда. Мы – подчеркиваем еще раз – имеем в виду взаимодействие цели с процессом труда и с остальными компонентами труда, а значит, воздействие не только цели на процесс труда и его остальные компоненты, но и воздействие процесса труда, его компонентов на цель, на предвосхищение результата в представлении, на действие цели в процессе труда. Цель, взятую в связи с действием на нее процесса труда и всех его компонентов, мы и называем *действительной* целью, в отличие от цели как возможности, возможной цели. Возможная цель – это цель как предвосхищение результата в представлении, цель как закон, определяющий способ и характер труда. Превращение цели из возможной в действительную представляет собой вместе с тем превращение цели в результат.

Действительная цель предполагает соответствующие средства, иначе она или не будет достигнута совсем или будет достигнута лишь частично. Действительная цель предполагает и соот-

---

¹ Нередко встречается неверное представление, будто предмет труда при рассмотрении труда выступает также и как средство. К. Маркс в «Капитале» отчетливо показал, что предмет труда есть средство с точки зрения *результата* взаимодействия человека и природы, но тогда предмет труда предстает как средство не труда, а *производства* [1, т. 23, с. 192]. Здесь же рассматриваем цель *труда*.

ветствующий предмет труда¹, иначе она также или не будет достигнута совсем, или будет достигнута лишь частично. Действительная цель предполагает наличие соответствующих трудовых умений, навыков и т. п. в обращении со средствами и предметами труда, иначе эта цель неосуществима или полностью, или частично, т. е. не есть действительная цель. *Действительная цель есть реализующаяся цель. Чисто идеальная цель есть фантазия, а не цель. Действительная цель есть такое идеальное, которое существует лишь как свое иное, лишь через свою противоположность, реальное; идеальное существует как идеальное постольку, поскольку оно осуществляется. Идеальное вне этого превращения есть лишь возможность (или абстрактная, т. е. возможность, для осуществления которой нет условий, или реальная, т. е. такая, для осуществления которой есть необходимые и достаточные условия).*

Действительная цель есть лишь цель, *реально* возможная и реально *осуществляемая*¹.

Цель есть прежде всего, если рассматривается труд. вообще, предвосхищение, представление предмета, который может удовлетворить биологическую потребность, до того, как эта потребность удовлетворена или начала удовлетворяться. Вместе с тем, собственно цель, развитая цель, т. е. специфически, собственно человеческая цель, необходимо предполагает также предвосхищение средств труда, предмета труда и способа труда.

Отмеченные выше формы (II, III, IV) воздействия человека на природу есть и три общеисторические формы образования труда, и три формы, которые проходит всякий новый процесс труда, и, следовательно, три формы образования цели. Потребность предшествует цели. Потребность – момент потребления. Будучи включен в трудовое, производительное отношение, этот момент процесса потребления трансформируется, превращается в цель. В

---

¹ Подобно тому как «только в потреблении продукт становится действительным продуктом» [1, т. 46, ч. I, с. 27], цель становится действительной целью лишь в ее реализации.

первом из отмеченных выше случаев цель (как только еще возникающая) предстает как предвосхищение того, что может удовлетворить потребность, и как констатация различия между предвосхищаемым предметом и условиями его образования. Если переформулировать это с точки зрения решения задачи, то тут обнаруживаются в приблизительном виде то, что следует найти, и возможные условия получения искомого. Во втором случае цель выступает также и как предвосхищение средств воздействия, но эти средства предстают главным образом как найденные готовыми, как данные. В третьем случае цель сформировывается окончательно, ибо и средства труда, и предмет преобразуются соответственно необходимости в получении данных предметов потребления, выявляется и способ труда, соответствующий цели.

Следовательно, собственно *цель сформировывается в развитом труде и функционирует во вполне развитом виде в повторяющемся процессе труда*. Но развитая цель не может предшествовать возникающему и формирующемуся процессу труда. *В повторяющемся процессе труда, при простом, неизменном возобновлении процесса труда цель в полной мере предшествует реальному труду. При возникновении, формировании, развитии процесса труда цель не полностью предшествует реальному труду, а возникает, формируется, развивается вместе с ним.*

Итак, если опираться только на рассмотрение повторяющегося, просто возобновляющегося в том же самом виде процесса труда и абсолютизировать это рассмотрение, то тогда с неизбежностью последует неверный вывод о том, что цель всегда в полной мере предшествует преобразованию и что цель как идеальное решающим образом воздействует на процесс труда. Если эта абсолютизация распространяется на весь исторический процесс, то она приводит к утверждению, будто вся история совершается с заранее, до ее совершения намеченной целью. Если эта абсолютизация распространяется на возникновение человека, то это приводит к утверждению, что сначала у человека возникла способность целеполагания, а затем уже происходило реальное преобразова-

ние природы. Если эта абсолютизация распространяется на образование нового процесса труда, то она приводит к утверждению возможности с самого начала полностью предвосхитить в цели образующийся новый процесс труда.

Кроме того, уже потому, что в реальной жизни общества труд никогда не сводится лишь к просто повторяющемуся процессу, невозможно абсолютно точное предвосхищение человечеством развития общества. Отсюда следует, что законы истории в той или иной мере всегда будут образовываться и действовать, не проходя через сознание людей.

Цель не существует вне связи с потребностью. Без потребности не может быть цели. Но потребность еще не есть цель. Цель необходимо предполагает соотнесение потребности с результатом труда, но не только с ним, а также с предметом, средством и способом труда. Цели как действительной цели нет вне этого единства.

Средство труда – то, при помощи чего человек воздействует на что-то другое определенным способом для достижения цели, создания предмета, способного удовлетворить потребности. Средство труда вне этого единства представляет собой просто предмет природы (а если он воздействует на другой предмет, то такое воздействие есть природное воздействие одного природного предмета на другой природный предмет).

Предмет труда – то, на что происходит воздействие при помощи средства труда определенным способом для достижения результата труда, создания предмета, способного удовлетворить потребности. Вне этого единства предмет труда оказывается просто предметом природы.

Способ труда – то, как происходит воздействие при помощи средств труда на предмет труда для достижения результата, осуществления цели, создания предмета, способного удовлетворить потребность.

Результат труда как именно результат – то, что создается трудом при помощи воздействия средств труда на предмет труда для осуществления цели, образования предмета, способного удовлетворить потребность.

Что касается потребности и труда, то потребность без труда существует, труд же без потребности существовать не может, ибо труд существует для создания предметов, способных удовлетворить потребности. Цель, средство труда, предмет труда, способ труда, результат труда друг без друга не существуют именно как таковые. Но они не только не существуют друг без друга, но и порождают друг друга. Изменение какого-либо из этих моментов приводит к соответствующему изменению других моментов – изменению, преломленному, разумеется, через их специфику. Эта специфика двоякая. Во-первых, специфика, закономерная для труда самого по себе, – это особое место, роль каждого момента в труде. Во-вторых, каждый из этих моментов (средство, предмет, способ, результат труда) существует всегда в каком-либо материале. То же, по нашему мнению, относится и к цели, поскольку она берется во взаимосвязи с другими компонентами труда и с процессом труда. Материал, в котором существуют моменты труда, есть нечто внешнее, случайное по отношению к ним и их внутренней связи.

Потребность вызывает необходимость в определенном предмете потребления. В цели предвосхищается предмет, способный удовлетворить потребность, как *созданный* предмет, т. е. предвосхищаются не только результат, но и предмет, и средства, и способ труда. Сам *процесс труда* есть применение соответствующих цели средств к соответствующему цели предмету труда соответствующим цели способом для получения соответствующего цели результата.

В самом процессе труда, по мере его реализации, все эти моменты так или иначе исчезают, за исключением результата. И в то же время, пока процесс труда не завершится, они существуют в их специфике. Что же касается результата, то он, напротив, еще не существует, поскольку процесс труда не завершился.

Цель действительно существует лишь в единстве с результатом, в единстве со своей реализацией. Но реализуясь, цель и сохраняется, поскольку ее реализация не завершилась, и исчезает, поскольку реализация уже произошла. По достижении результата труда цель *данного* процесса труда исчезает (до начала данного

процесса труда она имелась лишь в связи с ним как реальная возможность), она воплощается в его результате.

Средство труда также существует как средство труда до этого процесса труда как реальная возможность, т. е. лишь в связи с его будущим осуществлением, а в самом этом процессе труда средство труда потребляется. Поскольку образуется результат труда, постольку средство труда исчезает, превращается в результат. Поскольку возможности этих средств труда не исчерпаны в процессе труда, постольку они сохраняются в качестве средств труда.

Применительно к предмету труда верно то же самое. Предмет труда существует в качестве предмета труда лишь в связи с процессом труда, как реальная возможность, в самом процессе труда предмет труда реализуется в качестве предмета труда, потребляется, исчезает в результате.

Способ труда исчезает вместе с процессом труда постольку, поскольку *данный* процесс труда неповторим, индивидуально своеобразен. Способ труда также угасает в результате труда.

В результате угасают (становятся, так сказать, непосредственно не данными) цель, средство, предмет, способ труда.

Когда речь шла о том, что каждый из перечисленных моментов труда не существует без других и все они не существуют друг без друга, то, по сути дела, выделялась их внутренняя связь именно друг с другом.

С точки зрения *только внутренней связи* моментов труда, процесс труда предстает как следующие крайности. Во-первых, с точки зрения лишь внутренних связей моментов труда друг с другом (и, следовательно, при отвлечении от процесса удовлетворения телесных потребностей), результат труда с необходимостью есть полное исчезновение цели, средства, предмета, способа труда, т. е. данный процесс труда предстает как совершенно, абсолютно неповторимый, как абсолютно превращающийся в результат. Естественно, при этом невозможны никакие побочные, непредвосхищенные в цели продукты, результаты труда, а также невозможны и никакие отходы процесса труда. Во-вторых, с точ-

ки зрения лишь внутренних связей моментов труда друг с другом, моменты труда взаимно полностью полагают друг друга, следовательно, полностью сохраняются своим единством и в своем единстве, т. е. данный процесс труда возобновляется в абсолютно том же самом виде, а значит, бесконечно. Если все моменты труда своим единством абсолютно, полностью полагают друг друга, то и результат труда вновь становится предметом абсолютно такого же труда, результатом которого он является. При этом так же, как и при первой крайности, невозможны никакие побочные, непредвосхищаемые результаты и никакие отходы процесса труда. Обе крайности имеют одну почву – *абсолютизацию отличия* труда, общества от природы.

Отсюда не следует, что выделение внутренней связи моментов труда в чистом виде есть такая абсолютизация. К самой этой связи мы подошли через рассмотрение потребности, потребления, предмета, способного удовлетворить потребность.

Труд невозможен без потребности, но потребность есть нечто *внешнее* по отношению к внутренним моментам труда. *Потребность, лишь превращаясь в цель, становится внутренним моментом труда.* Потребность предшествует труду. Труд вызывается к жизни прежде всего жизненно необходимыми потребностями¹. Результаты труда должны быть прежде всего предметами, способными удовлетворить именно такие потребности. Цикл, в начале которого стоят жизненно необходимые потребности человека, опосредствуется трудом и завершается потреблением продуктов.

Для полного возобновления этого цикла в том же самом виде необходимо, чтобы удовлетворение жизненно необходимой потребности при помощи продукта труда было вместе с тем возобновле-

---

¹ Конечно, потребности не сводятся только к потребностям в поддержании жизни индивидов и рода. Но, тем не менее, образуется труд все-таки прежде всего ради удовлетворения таких потребностей; эти потребности, их связь с трудом и при логическом рассмотрении должны быть отображены прежде рассмотрения других потребностей и их связи с трудом.

нием в том же самом виде и потребности, и средства, и предмета, и способа труда.

Сам этот цикл своим собственным совершением возобновляет лишь жизненно необходимую потребность (потребление живым существом предмета, удовлетворяющего его необходимую жизненную потребность, есть поддержание жизни и, следовательно, возобновление этой потребности). Мы пока отвлекаемся от изменения, которое вносит этот цикл в возобновление жизненно необходимой потребности. Остальные же моменты цикла самым совершением этого цикла не воспроизводятся. Ни потреблением продукта труда, предназначенного для удовлетворения жизненно необходимой потребности, ни процессом труда, ведущим к этому продукту, средства, предмет, способ труда и цель (поскольку ее существование зависит от них) не воспроизводятся.

Между тем самовозобновление жизненно необходимых потребностей, необходимость поддержания жизни индивида и рода, требует – при вышеотмеченных условиях – *возобновления, повторения* процесса труда. Именно при переходе к рассмотрению возобновления, повторения процесса труда он выступает как *целый цикл* по отношению к *другому* циклу, т. е. процесс труда выступает теперь прежде всего со стороны своей целостности и притом в связи с необходимостью удовлетворения возобновляющихся жизненно необходимых потребностей. Поэтому труд как целое при рассмотрении его возобновления, простого повторения, предстает как средство для удовлетворения жизненно необходимых потребностей, а жизненно необходимые потребности приобретают качество цели процесса труда как просто повторяющегося целого. Следовательно, при этом *социальное выступает пока подчиненным моментом биологического*, животного существования человека и человеческого рода.

При переходе к рассмотрению процесса труда *в его возобновлении* (в единстве с процессом удовлетворения жизненно необходимых потребностей) обнаруживается также необходимость *специального различия* между биологическим отношением и тру-

дом, между биологическим и социальным в отношении человека к природе. Жизненно необходимая потребность самовозобновляется процессом потребления предмета, ее удовлетворяющего. Компоненты, моменты труда самим этим процессом труда не возобновляются. Эта различная роль потребности и моментов труда в труде как *повторяющемся* процессе вызывает и необходимость специального рассмотрения различия между внутренним и внешним в самом труде.

Средство труда как компонент, момент труда есть внутренне присущее труду. Но средство труда исчезает в результате труда и не возобновляется самим этим процессом труда потому, что оно представляет собой трансформированное *природное* тело, что материалом для средства труда в конечном счете служит нечто *природное, внешнее* по отношению к самим внутренним связям труда, а также и к жизненно необходимым потребностям.

Предмет труда как момент труда также внутренне присущ труду и без труда не существует. Но предмет труда исчезает в результате труда и не возобновляется самим *этим* процессом труда потому, что он есть включенное в процесс труда тело природы, т. е. включенное в процесс труда нечто *внешнее* по отношению к этому процессу труда.

Цель труда также постольку не возобновляется самим тем процессом труда, в котором она осуществляется, поскольку она в своей определенности находится в единстве с определенными средствами и предметом труда. Она не возобновляется потому, что цель человека есть особое свойство человека, свойство, образующееся благодаря труду и отличное от тех жизненно необходимых потребностей, условием, средством удовлетворения которых оно служит.

То же верно и по отношению к способу и продукту труда.

Возобновление средства и предмета труда при повторении процесса труда происходит путем включения новых, до этого не включавшихся в процесс труда тел, процессов, предметов природы того же (в простейшем случае) качества и количества, что использовались в предшествующем процессе труда.

Возобновление цели труда происходит при повторении процесса труда, так как цель есть трудовое свойство *человека*, его жизненно необходимых потребностей, и отдельно от процесса труда не существует. Цель как предвосхищение результата в *представлении* есть психическое образование, определенное функционированием организма. А потому цель, целеполагание зависят от природных задатков человека, решающим же, главным в целеполагании, в образовании и функционировании цели является труд.

Следовательно, с точки зрения *повторения* процесса труда, труда как *возобновляющегося* в том же виде, и притом процесса труда, взятого в единстве с процессом удовлетворения жизненно необходимых потребностей, жизненно необходимая потребность выступает как самовозобновляющаяся, средство и предмет труда — как возобновляющиеся под действием самовозобновляющейся жизненно необходимой потребности при возможности черпать из природы все новые количества тех же самых материалов для средства и предмета труда. Цель в процессе труда, с точки зрения «участия» в ней природного «материала» человека, есть психическое образование, определенное функционирование органов тела человека.

При рассмотрении процесса труда в его повторении, возобновлении в том же самом виде, появляется необходимость в *специальном различении личного и вещного факторов в труде*: человека с его трудовыми качествами, с одной стороны, и средств и предметов труда, с другой стороны. Личные и вещные факторы труда играют разную роль в *возобновлении* труда.

Что же диктует необходимость повторения, возобновления процесса труда при выделенных условиях? Жизненно необходимая потребность. Из всех моментов рассмотренного цикла именно жизненно необходимая потребность возобновляется вместе с возобновлением жизни, возобновляется самим процессом потребления. Необходимость удовлетворения тех же самых самовозобновляющихся жизненно необходимых потребностей и вызывает повторяемость, возобновление процесса труда.

Первоначально, в простой форме, жизненно необходимая потребность удовлетворяется предметом потребления, данным природой в готовом виде. Если эта потребность при определенных условиях вызывает к жизни процесс труда, если она или количественно или качественно не может быть удовлетворена данными природой в готовом виде предметами потребления, то продукты труда, удовлетворяющие эту потребность, неизбежно отличаются от того, что дано в готовом виде природой, по крайней мере количественно.

Простое дальнейшее повторение этого одного и того же процесса труда, дающего один и тот же вид продукта в одном и том же количестве, ведет к совершенствованию этого процесса труда. Ведь один и тот же природный материал, используемый для средств и предметов труда, никогда не может быть совершенно однороден, его свойства колеблются в тех или иных границах. Поэтому необходимость в постоянном повторении одного и того же процесса труда ведет к стремлению найти возможно более однородный природный материал для средств и предметов труда. Поскольку средства труда служат для обработки не одного, а многих предметов труда, постольку их форма, материал более устойчивы, чем форма, материал предметов труда. Поэтому однородность материала предметов труда — при отмеченном условии — имеет меньшее значение, чем однородность материала и устойчивость форм средств труда. Следовательно, при наличии данного рода природного материала для предметов труда при повторении одного и того же процесса труда, во-первых, происходит выделение устойчивых свойств природного материала данного рода для средств труда и устойчивых свойств материалов данного рода для предметов труда; во-вторых, прежде всего средства труда из данного рода природного материала приобретают устойчивую, универсальную форму, все более превращаясь в искусственно созданные средства труда.

Таким образом, природный материал и форма предметов труда более изменчивы (если исходить из самого существа различия между по крайней мере механическими средствами и предметами

труда), чем природный материал и форма средств труда. Но устойчивое в этой изменчивости закрепляется для последующих процессов труда прежде всего в средстве труда, сначала в изменении его функции, а затем и в изменении формы.

Наиболее вероятна (с точки зрения существа отношения средств и предметов труда друг к другу) изменчивость природного материала предметов труда данного процесса труда. Поэтому наиболее вероятно возникновение новых сведений, умений, навыков и т. п. при использовании прежних, имеющихся налицо средств труда для воздействия на изменившийся материал того же рода предмета труда. Но общее, универсальное закрепляется, делается устойчивым тогда, когда закрепляется в универсализированной для данного процесса труда форме средств труда. Это закрепление приводит к тому, что создание такого рода продуктов приобретает устойчивость в количественном отношении, а самый продукт получает устойчиво повторяющуюся форму.

Итак, сначала средство труда дано так или иначе в готовом виде. Оно применяется к определенному роду предметов. Материал предметов изменяется в пределах данного рода. В связи с этим изменяются, соответственно, и функции данного средства труда. Накапливаются знания, сведения о свойствах этого рода предметов труда, о колебаниях и том устойчивом, что сохраняется при наличии колебаний этих свойств, а также умения, навыки действия данным средством труда при изменяющихся свойствах данного рода предметов труда, сведения о свойствах данного средства труда. Все эти умения, навыки, сведения приобретаются в процессе применения данного средства труда к предметам данного рода с вариативным природным материалом. Соответственно изменяется средство труда, все более универсализируясь для обработки предметов данного рода в данный продукт.

Приобретение средством труда универсальной формы для обработки данного рода предметов труда, а значит, изменение не только по функции, но и по форме взятого в готовом виде средства труда, изменение формы, которое делает данное средство труда

универсальным для обработки данного рода предметов в данный продукт, есть *зрелость* данного процесса труда. Полностью зрелость данного процесса труда завершается, во-первых, тогда, когда *применение* средства труда, универсального для данного повторяющегося процесса труда, приводит к окончательному закреплению умений, навыков использования универсального средства труда для создания строго устойчивого, повторяющегося продукта труда из изменчивых предметов труда данного рода, когда знания об универсальном, общем для данного процесса труда фиксируются в устойчивой форме; во-вторых, тогда, когда предмет труда данного рода предварительно обрабатывается для придания ему однородности, устойчивости, меньшей изменчивости в качестве предмета труда.

Таким образом, повторение, возобновление одного и того же процесса труда ведет к его созреванию, вызываемому самим его возобновлением. Его возобновление вызывается необходимостью удовлетворять самовозобновляющиеся жизненно необходимые потребности.

Созревание же процесса труда по своей сути, как следует из сказанного выше, есть вместе с тем его *расчленение*.

Для потребления данных природой в готовом виде предметов потребления их надо достать, найти, собрать и т. п., *вообще добыть*. Для получения предметов потребления при помощи данных природой в готовом виде средств труда надо добыть и средства труда, и предметы труда. *Добыча* материала для средств и предметов труда сохраняется и в зрелом процессе труда. Но помимо этого в нем выделяются обработка, создание средств труда и создание предметов потребления при помощи созданных средств труда. При вполне зрелом процессе труда имеет место также предварительная обработка предмета труда для придания ему однородности, вообще нужных свойств. При повторении, возобновлении процесса труда он сталкивается с пределом возобновления жизни индивида, в связи с этим возникает необходимость — для постоян-

ства повторения, возобновления труда – передачи сведений, умений, навыков новым индивидам, подключающимся к труду.

Различие процессов труда (помимо различия, вытекающего из внутренних связей самого труда) зависит также от определяемой строением тела расчлененности жизненно необходимых потребностей (например, производство пищи как особый вид производства). Кроме того, различие процессов труда зависит от рода природного материала предметов и средств труда (например, производство животной и растительной пищи). Зависимость процессов труда от рода природного материала и от совокупности жизненно необходимых потребностей, обусловленной строением тела, есть различие процессов труда, вызванное воздействием внешнего на внутреннее, на процесс труда.

Таким образом, процесс труда, взятый в его возобновлении, повторении, предстает как обособляющийся на различные процессы труда вследствие, во-первых, своих внутренних связей, во-вторых, обусловленной строением организма расчлененности потребностей, в-третьих, различия разных родов природного материала предметов и средств труда.

Что касается третьего, то более подробная его характеристика целесообразна при историческом рассмотрении, ибо то, каково именно различие родов природного материала предметов и средств труда, есть нечто случайное по отношению к самому по себе процессу труда вообще.

Что касается второго, то оно относится к созданию разного рода предметов потребления. Обусловленные этой расчлененностью жизненно необходимых потребностей различия процессов труда есть (как и третье) внешнее по отношению к самому по себе процессу труда.

Что же касается первого, то это расчленение процесса труда, обусловленное самим возобновлением, повторением процесса труда. Применительно к современной промышленности это разделение на добывающую и обрабатывающую промышленность, производство средств производства, производство предметов

потребления, подготовку кадров. Естественно, пока имеет место возобновление труда, будут существовать и различия, вызываемые самим его возобновлением.

Универсализация средств труда для создания продуктов определенного рода из соответствующего рода предметов труда *есть по своей сути, вместе с тем, и дифференцирование* этих средств труда от средств труда, служащих для создания других родов продуктов. Ибо чем больше выделяется общее именно данного рода, тем больше этот род отличается от других родов. Общее существует через различие (точно так же, как различие возможно лишь при наличии общего).

Возобновление, повторение процесса труда с необходимостью приводит одновременно ко все большему единству, «прилаженности» друг к другу различных моментов труда. В цели с повторением данного процесса труда все более точно предвосхищаются результат, а также средства, предмет и способ труда, требующиеся для его получения. Средство труда все более совершенствуется, приспособляется к данному процессу труда. То же верно и для других моментов процесса труда.

Но вместе с установлением все большего единства моментов процесса труда происходит и все большее вычленение, отделение моментов труда друг от друга. Вообще установление связи осуществляется через свою противоположность, через вычленение взаимосвязанных моментов. Действительно, чем более точно в цели предвосхищаются результат труда, соответствующие ему средства, предмет, способ труда, тем больше отчленяется результат от средств, предмета, способа труда, тем больше вычленяется то, *что* предвосхищается, от самого предвосхищения и т. д. То же верно и относительно других моментов труда. Чем совершеннее данный процесс труда, тем труднее, при прочих равных условиях, овладеть каждым из его компонентов в отдельности, тем более сложно и важно уловить их взаимосвязь. Вычленение моментов процесса труда, совершающееся вместе с углублением их единства, есть *собственно внутренняя дифференциация* процесса труда.

Итак, что же заставляет возобновлять, повторять процесс труда и что создается простым повторением процесса труда?

Возобновлять процесс труда вынуждает прежде всего необходимость поддержания жизни людей, т. е. самовозобновление их биологических, телесных потребностей. Биологические, телесные потребности, самовозобновляясь в процессе потребления продуктов труда, требуют и возобновления этих продуктов, а значит, и возобновления труда.

Труд в таком случае совершается ради удовлетворения телесных потребностей, ради поддержания физического существования, т. е. служит *средством* для поддержания физического существования, для удовлетворения телесных потребностей.

Что же происходит с трудом в процессе его повторения, т. е. при простом его возобновлении?

Если телесная потребность удовлетворяется при помощи продукта труда, то произведенные предметы потребления отличаются от предметов потребления, данных природой в готовом виде, количественно, по крайней мере. Удовлетворение телесной потребности при помощи продукта труда, производства означает, что удовлетворение телесной потребности *опосредствовано* наличием цели, других трудовых качеств человека, наличием средства и предмета труда.

При возобновлении, повторении данного процесса труда происходит потребление средств и предметов труда, а также трудовых сил человека. При все новом и новом возобновлении, повторении данного процесса труда, т. е. при непрерывном, постоянном, совершающемся устойчиво повторении данного процесса труда, расходуется, исчезает данный предмет труда. Предмет труда должен поступать извне данного процесса труда, а в этом процессе труда он превращается в продукт труда (что есть необходимость для процесса труда) и в отходы труда (что происходит не всегда). Извне данного процесса труда должны поступать и средства труда. В самом простом случае и предмет труда, и средство труда имеются вне данного процесса труда в природе в готовом виде.

При достаточно длительном и многократном повторении данного процесса труда оказывается израсходованной и сила труда данного человека. Тогда требуется вступление в процесс труда нового человека. Здесь повторение данного процесса труда наталкивается на ограниченность продолжительности жизни отдельного человека и расходования его трудовых сил. И дальнейшее повторение данного процесса труда предполагает как свое необходимое условие продолжение рода человека.

По мере того, как данный процесс труда продолжает повторяться, выделяются некоторые общие, устойчивые свойства, качества применяемых в нем средств и предметов труда, а также и трудовых качеств человека. Средство труда, соответственно, изменяется, универсализируется, сначала изменяются функции, а затем и формы, строение делается более устойчивыми, приспособленными к совершению именно данного процесса труда. Соответственно растет необходимость в однородном предмете труда, в придании предмету труда до его вступления в данный процесс труда в качестве предмета труда устойчивой однородности, одинаковости (например, выплавка железа определенного качества). Соответственно и в человеке, совершающем данный процесс труда, вырабатываются некоторые трудовые качества, универсализированные, обобщенные, устойчивые в рамках данного процесса труда.

При достаточно устойчивом повторении данный процесс создания при помощи труда определенного предмета потребления, удовлетворяющего биологическую потребность, приводит к образованию процессов труда, в которых создаются средства труда, предметы труда и люди труда. Само повторение данного процесса создания при помощи труда предметов потребления приводит к усложнению и расчленению труда на труд по созданию предметов потребления и труд по созданию средств и предметов труда, а также на труд по подготовке человека труда.

Усложнение и рост труда рано или поздно наталкиваются на ограниченность сил отдельного человека, приводят к разделению труда.

Возобновление, повторение данного процесса труда вызывается, во-первых, необходимостью поддержания жизни данного индивида, во-вторых, продолжением жизни рода. Чем больше число индивидов нового поколения по сравнению с числом индивидов прежнего поколения, тем – при прочих равных условиях – больше должно быть число одновременно совершающихся процессов данного труда. Пределы повторения процесса труда заключены, с одной стороны, в человеке (в продолжительности трудовой части жизни индивида и числе индивидов), с другой стороны – в природе. Количество природного материала данного рода служащего исходным материалом для средств и предметов труда, не бесконечно, а потому простое повторение данного процесса труда приводит к исчерпанию прежнего природного материала для средств и предметов труда. Тем самым создается необходимость в *переходе к иному* процессу труда. Предел же, заключающийся в человеке, в отмеченном выше значении, *непосредственно* при повторении данного процесса труда не ведет к иному процессу труда.

Простое повторение данного процесса труда, производства предметов потребления ведет к расчленению процесса труда, к образованию различных видов труда и, в конце концов, к переходу данного процесса труда в иной процесс труда.

Мы рассматривали процесс труда как средство для удовлетворения биологической потребности. Но биологическая потребность не одна, существуют различные биологические потребности. Различие биологических потребностей зависит прежде всего от строения тела человека и от данного природой различия предметов потребления.

Различные биологические потребности удовлетворяются различными предметами потребления. Невозможность удовлетворения биологических потребностей одними и теми же предметами потребления может определяться качественным различием самих биологических потребностей. Например, потребность в сохранении более или менее постоянной внешней температуры в пределах, при которых человек может существовать длительно,

обеспечивается одеждой, обувью, жильем, а потребность в пище — предметами питания.

Разнообразие процессов труда в таком случае зависит от разнообразия качественно различных биологических потребностей.

Одна и та же биологическая потребность может удовлетворяться различными предметами потребления. Прежде всего и главным образом разнообразие предметов потребления, удовлетворяющих одну и ту же потребность, определяется разнообразием природных материалов, из которых состоят предметы и средства труда. Например, производство предметов потребления растительного и животного происхождения (внутри этих больших подразделений могут быть мелкие; так, в производство предметов потребления животного происхождения входят производство мяса, выделка шкур, производство молока и т. д.) или производство средств труда из камня, различных металлов и т. д.

То, что одна и та же биологическая потребность может удовлетворяться различными предметами потребления, не вытекает necessarily ни из биологической потребности самой по себе, ни из компонентов труда, их внутренней связи, а определяется разнообразием внешних по отношению к человеку природных условий. Поэтому поскольку различие процессов труда зависит от природного разнообразия, постольку наличие *различных* процессов труда вызывается внешними, случайными по отношению к труду причинами. Разнообразие же видов труда, поскольку оно зависит от разнообразия биологических потребностей, есть уже не чисто внешнее по отношению к труду, а зависимое от разнообразия того, для чего труд служит средством.

Рассматривая простейшее отношение общества через призму процесса труда, можно также сказать, что разнообразие биологических потребностей преломляется в разнообразии различных процессов труда (хотя разнообразие процессов труда зависит не только от разнообразия биологических потребностей), что усложнение и рост процессов труда, наталкиваясь на пределы возможностей индивидов как живых существ, приводит к разделе-

нию труда по индивидуальным качествам, по качествам, которыми различаются мужчины, женщины, дети, старики. Повторение данных процессов труда в конце концов достигает предела продолжительности трудовой жизни отдельного индивида. Продолжение жизни рода требует включения во всякий данный необходимый процесс труда новых индивидов. Сформировавшийся процесс труда не совершается без наличия в том или ином отношении универсализированных, обобщенных, устойчивых трудовых качеств. Следовательно, необходима особая подготовка новых индивидов к труду, передача им, воспитание у них трудовых качеств, требующихся для совершения данных процессов труда.

Таким образом, разнообразие процессов труда зависит от разнообразия природных условий, от разнообразия природного материала предметов и средств труда, от строения необходимых биологических потребностей, от индивидуальных качеств людей, от их различий по полу и возрасту, а также от различий, вытекающих из внутренней природы, специфики компонентов труда и их внутренней взаимосвязи, т. е. из совершения самого процесса труда.

Повторение процесса труда по созданию предметов потребления приводит к образованию также и труда по созданию средств труда, труда по созданию предметов труда, труда по созданию человека труда, т. е. вызывает к жизни *многообразие различных видов труда*. Отмеченное здесь многообразие порождается *внутренними* связями самого процесса труда. Это многообразие различных видов труда вырастает вследствие того, что и человек труда, и средство, и предмет труда изменяются самим процессом труда соответственно ему; средство и предмет труда уже не просто даны природой в готовом виде, а изменены процессом труда, человек труда также приобретает трудовые качества, закрепляемые и в функциях, и даже в строении его биологических органов. Следовательно, *процесс труда* преобразует на свой лад все компоненты труда, а значит, *создает адекватную себе основу, т. е. формируется, созревает*.

Отмеченное многообразие видов труда (процессы труда по созданию предметов потребления, средств и предметов труда, человека труда) есть многообразие зрелого труда. В незрелом, возникающем труде нет этого многообразия, а есть создание предметов потребления при природных средствах и предметах труда и человеку как таковом, который может участвовать в труде без особой подготовки.

Созревание процесса труда есть преобразование соответственно процессу труда всех его компонентов, в том числе и человека. В зрелом процессе труда труд «отпечатывается» в человеке не только функционально, но и морфологически, и в этом отношении образуется, так сказать, телесная *трудовая* потребность, т. е. потребность в труде *здорового человеческого* организма.

Пока труд не созрел, он служит главным образом *средством* для удовлетворения внешних по отношению к нему телесных потребностей. Источник возобновления, повторения труда лежит вне самого труда, есть *внешний* по отношению к самому труду *источник движения труда*. Это источник не только повторения, но и расширения, развития труда, производства. Но, во-первых, это источник расширения во вполне определенных пределах: он диктует развитие труда до тех пор, пока индивиды не смогут обеспечить себя в конечном счете таким количеством предметов потребления, которое необходимо для максимального удовлетворения биологических потребностей (такой природный максимум есть у каждой телесной потребности); по достижении указанного максимума он превращается в источник повторения производства в том же самом объеме (естественно, при неизменной численности населения); *развитие* труда по достижении упомянутого максимума будет диктоваться уже ростом численности населения. Во-вторых, по своей сути этот источник необходимо предполагает *количественное* расширение труда (вплоть до достижения упомянутого максимума), но не предполагает с необходимостью качественного изменения труда. Качественное изменение труда вызывается этим источником негативно, а не позитивно: если для

удовлетворения биологических потребностей количественного изменения труда *недостаточно*, если количественное изменение труда сталкивается с внешними пределами (например, недостаточностью природного материала для данного рода предметов труда), то происходит качественное изменение. Центр тяжести при таком источнике движения труда лежит в количественном изменении труда, а качественное изменение занимает подчиненное положение.

Когда же труд созревает и, следовательно, человек труда изменяется не только функционально, но и *морфологически*, соответственно процессу труда, тогда, по нашему мнению, образуется потребность нормального, здорового человеческого организма в совершении самого процесса труда. Строение организма определяет возможности его функционирования и обуславливает потребность в реализации этих возможностей. Поскольку строение организма человека, и прежде всего его рук и мозга, специфично по сравнению со строением организма животных, постольку существует природная потребность в реализации этих специфических возможностей. Однако тут мы имеем дело не с чисто природной потребностью, а с потребностью, образующей внутренний момент социального, момент, не существующий вне внутреннего единства с социальным, однако и не сводимый полностью к социальному. Известно, что человеческий индивид, попавший в животную среду в раннем возрасте, остается на уровне животного развития, у него не реализуются возможности, вытекающие из специфики строения человеческого организма. Специфически человеческие потребности, в том числе и потребность в труде, при этом не формируются. Следовательно, потребность в труде *не есть сузубо биологическая* потребность. Вместе с тем, самые высокоразвитые животные при совершеннейшем обучении и воспитании не могут сравниться с людьми по своему развитию. Это свидетельствует о том, что способность человека к труду и его потребность в труде имеют *также биологическую природную основу*. Потребность в труде, поскольку благодаря ей реализуются возможности,

обусловленные специфическим строением организма человека, имеет «телесную, природную сторону», есть потребность в специфически человеческом функционировании организма человека, или, иначе говоря, потребность в реализации специфически человеческих природных задатков.

Все рассматривавшиеся выше жизненно необходимые потребности внешни труду. Здесь существенно лишь удовлетворение таких потребностей, оно может быть достигнуто и трудом, и добычей предметов потребления, данных в готовом виде природой. Напротив, реализация специфически человеческих природных задатков может быть осуществлена лишь в труде и никак иначе. Потребность в специфически человеческом функционировании организма человека, главным образом рук и мозга, есть потребность организма человека, внутренне единая с самим трудом, не существующая и не реализующаяся вне труда. Хотя труд, как следует уже из существования его в качестве средства для поддержания физического существования человека, далеко не всегда может быть реализацией, совершенствованием, развитием специфически человеческих природных задатков, в процессе труда могут и разрушаться, уродоваться эти задатки.

Поскольку в процессе труда уродуются, разрушаются природные задатки человека, постольку такой труд не может быть потребностью. Труд является потребностью, если он реализует, совершенствует, развивает природные задатки человека. Такой труд, с одной стороны, есть труд ради совершенствования, развития специфически человеческих природных задатков, с другой стороны и вместе с тем, этот труд есть реализация потребности в труде. Но если предметом потребности служит сам труд и удовлетворение потребности в труде есть процесс труда, то такой труд оказывается самоцелью, трудом ради труда. (Предваряя последующее изложение, заметим, что труд ради труда – это превращение труда в нечто иное.) Итак, если труд реализует, совершенствует, развивает специфически человеческие природные задатки, если труд совершается ради реализации, совершенствования этих за-

датков, то такой труд есть, вместе с тем, труд ради труда. Человек не чужд такому труду, а внутренне един с ним, такой труд — это не чуждый человеку труд, а его собственный труд, труд как «органическая» для него жизнедеятельность. Труд, который есть потребность, не служит просто средством для человека, а представляет собой его собственную жизнедеятельность особого рода.

Доминирование труда как средства характерно для возникающего и формирующегося труда, труд как потребность при этом необходимо существует, но в качестве подчиненного момента. В исторически сформировавшемся труде доминирует труд как потребность, труд как средство остается, но низводится на роль подчиненного момента, необходимого условия. Потребность в труде — это потребность в возобновлении труда. Количественное изменение (количественная сторона труда, количество предметов потребления) остается необходимым условием, но перестает быть главным в труде. Сначала на первый план выходит качество предметов потребления, а затем (или одновременно?) качество самого труда. Труд ради удовлетворения жизненно необходимых, телесных потребностей и труд ради удовлетворения потребности в труде, с одной стороны, в общем и целом не существуют друг без друга (реально не существует труд как средство поддержания биологического существования и труд ради удовлетворения потребности в труде в полном отрыве друг от друга), а с другой стороны, цели того и другого труда внешни друг другу, полное совпадение того и другого труда может быть, а может и не быть, из сути того и другого труда не вытекает необходимость их полного совпадения. Таким образом, труд как средство поддержания биологического существования и труд как потребность и едины, и *противоречат* друг другу. Противоречие между ними имеет место и тогда, когда доминирует труд ради поддержания биологического существования, и тогда, когда доминирует труд ради потребности в труде, хотя в том и другом случаях имеются качественно различные стадии противоречия.

Противоречив и труд, осуществляемый ради потребности в труде. С одной стороны, труд как потребность имеет место лишь тогда, когда он соответствует природным задаткам человека, а если труд уродует, калечит природные задатки человека, то он не может быть потребностью. С другой стороны, труд, происходящий ради потребности в *труде*, есть труд ради труда, труд как самоцель. Но труд как самоцель есть нечто совершающееся объективно, само по себе, а значит, нечто независимое от человека, от его природных задатков. Совершенствование, развитие природных задатков человека не имело бы места, если бы труд не был чем-то не только соответствующим природным задаткам человека, но также и чем-то таким, для совершения чего необходимо изменение этих задатков, т. е. также чем-то в определенной мере независимым от природных задатков человека.

Если труд совершается ради потребности в труде, то труд как средство для удовлетворения жизненно необходимых потребностей остается неизбежным, хотя и подчиненным, моментом. Потребность в труде есть потребность в возобновлении труда. Поскольку труд совершается ради удовлетворения жизненно необходимых потребностей, качество продуктов труда и качество самого труда по преимуществу даны с данностью биологических потребностей, а развитие труда и его продуктов выступает в виде изменения *количества* предметов потребления, на первом плане в развитии труда стоит достижение максимума удовлетворения, количественного насыщения необходимых биологических потребностей (следовательно, потребностей, по своей сути не изменяющихся, пока существенно не изменяется человек как представитель определенного биологического рода). Качественное изменение труда и его продуктов хотя и происходит, но как в общем и целом подчиненное количественному изменению. Если же труд совершается ради потребности в труде, то труд как средство для удовлетворения телесных потребностей остается необходимостью, хотя и подчиненной труду ради потребности в труде. На первый план в

развитии труда выдвигается *качество* труда, его качественное изменение, а количество труда оказывается подчиненным моментом.

Почему потребность в труде, в отличие от отношения к труду как средству для удовлетворения биологических потребностей, связана преимущественно с качеством труда, а не с количеством? Потребность в труде имеет своим предметом потребления труд. Потребление как реализация потребности в труде есть главным образом сам процесс труда, а не его результат¹. Труд из потребности в труде уже есть не только средство, но и самоцель, а вместе с тем процесс, совершающийся ради реализации трудовых качеств человека. Но при постоянном использовании трудовые качества человека совершенствуются, развиваются. Труд ради потребности в труде есть тем самым труд ради использования, совершенствования, развития трудовых качеств человека.

Потребность в труде, во-первых, зависит от организма человека, а во-вторых, от самого процесса труда. Что касается первого, то труд должен соответствовать возможностям организма, т. е. не быть чрезмерно утомительным, он должен также активизировать все органы и системы человека, способные участвовать в труде, быть разнообразным, по своим природным качествам человек должен быть способен к успешному выполнению этих процессов труда без чрезмерного напряжения сил своего организма. Развитие потребности в труде со стороны возможностей организма имеет свои биологические, телесные пределы.

Что же касается второго, то развитие потребности в труде происходит путем развития, совершенствования процесса труда;

---

¹ Если изолировать последнее утверждение, оторвав его от контекста, то может возникнуть вопрос: Вы что же, пишете о счастливом Сизифе? Сизиф в греческой мифологии – царь Коринфа, осужденный богами вечно вкатывать на гору камень, который, достигнув вершины, скатывался обратно. «Сизифов труд» – вынужденная, совершаемая в соответствии с чуждой внешней необходимостью, бесплодная работа. Мы же пишем здесь о труде как внутренней необходимости, не бесплодной, а развивающей силы человека, удовлетворяющей его потребность в развивающем его труде.

сам процесс труда не ставит пределов своему развитию. Развитие процесса труда может происходить путем совершенствования существующего процесса труда и путем перехода к иному (при прогрессивном изменении к более развитому) процессу труда.

Совершенствование уже существующего процесса труда и переход к иному, новому процессу труда, с точки зрения роли человека, есть творчество, такой труд есть творческий труд. Совершенство есть красота. Творчество по своей сути – совершенствование. По нашему мнению, всякий творческий труд есть труд по законам красоты. Главной, наиболее характерной чертой труда, совершающегося ради потребности в труде, есть творчество по законам красоты. Мера труда, его разнообразие есть необходимые, но не главные черты труда ради потребности в труде.

Итак, поскольку труд есть средство для удовлетворения биологических потребностей, постольку эти потребности берутся как данные, процесс труда выступает преимущественно как *повторяющийся*, а изменение процесса труда – по преимуществу, как *количественное* изменение; поскольку же труд совершается ради потребности в труде, постольку потребность оказывается потребностью, созданной самим трудом, процесс труда выступает преимущественно как *изменяющийся*, а изменение процесса труда – по преимуществу, как *качественное* изменение. При чем труд, даже если он – средство, никогда в реальной действительности не есть абсолютно только средство, а труд ради потребности в труде в реальной действительности никогда не может быть исключительно только таковым и не быть в той или иной мере также и средством.

Есть ли предел качественному изменению процесса труда?

Этот предел, во-первых, ставится биологическими возможностями индивида, продолжительностью его трудовой жизни, а также продолжением жизни рода. Во-вторых, пределом служит ограниченность тех или иных природных материалов. Как тот, так и другой предел может преодолеваться (т. е. они не абсолютны, а

относительны). Они есть, хотя и в разной степени и по-разному, *внешние пределы* процесса труда.

А ставит ли процесс труда внутренний предел своему развитию? (Внутренний предел процесса – такой предел, который ставит сам процесс своим собственным совершением.) Мы уже писали выше, что в зрелом процессе труда все компоненты труда созданы самим трудом, а не даны природой в готовом виде. В зрелом труде и человек труда, и средство труда, и предмет труда есть сами результат, продукт труда. Следовательно, и человек труда, и средство труда, и предмет труда по мере развития труда приобретают все большую зависимость от прошлого труда, от накопленного труда и относительную независимость от совершающегося труда. Пока компоненты труда даны природой в готовом виде, совершающийся труд зависит от природы. Когда компоненты труда сами в основном есть продукты труда, тогда совершающийся труд, по преимуществу, зависит от уже накопленного, от прошлого труда. И каждое новое поколение должно считаться с накопленным до него трудом, с имевшимся до него производством, как с чем-то независимым от его воли и желаний, с чем-то таким, что оно должно принять ради удовлетворения телесных потребностей и продолжения рода.

В зрелом процессе труда, поскольку все его компоненты созданы трудом, зависимость совершающегося труда от прошлого труда *устойчива, фиксирована в компонентах совершающегося труда*. Но зависимость совершающегося труда от труда совершившегося означает тем самым также невозможность для поколения, совершающего труд, по произволу совершать его, т. е. определенную *независимость* совершающегося труда от воли и желаний людей, совершающих этот труд. Таким образом, с созреванием труда *созревает и объективная закономерность развития труда*, отличная от природных объективных закономерностей (хотя и единая с природными закономерностями, включающая их в качестве своего момента и в качестве своего условия).

Зрелость процесса труда означает установление, *созревание внутренней связи* компонентов труда: в незрелом процессе труда объединяются компоненты, данные природой в готовом виде, в зрелом же процессе труда объединяются компоненты, созданные самим (прошлым) трудом. Одновременно зрелость труда есть установление созданной самим трудом *относительной самостоятельности, обособленности* компонентов труда в рамках их внутренней связи: в самом деле, процессы подготовки человека труда, создания средств и предметов труда по мере развития труда становятся все более сложными и зависящими каждый от своей относительно самостоятельной истории.

Такое обособление в рамках внутренней связи и способствует развитию труда, и препятствует его развитию. Но все же труд в общем и целом имеет возможность прогрессивно развиваться до тех пор, пока самостоятельность компонентов труда остается относительно и подчиненной их внутренней связи.

Труд поставит внутренний предел своему развитию, если внутренняя связь компонентов труда вследствие роста обособленности его компонентов будет разорвана. Нельзя закрывать глаза на то, что тенденции, ведущие к этому, имеются. И необходимы специальные усилия человечества, направленные на их нейтрализацию. По мере развития труда все более растут могучие преобразующие силы человечества. Но вместе с тем растет и независимость производства от человечества: зависимость производства от человечества становится все более опосредствованной, расчлененной, сложной, человек все более вытесняется из непосредственного процесса производства. *Следовательно, развитие труда имеет и тенденцию саморазрушения труда его собственным развитием.*

Процесс труда, если он просто повторяется, остается главным образом тем же самым, неизменным, или изменяется количественно. Вместе с тем, простое повторение труда включает в себе, хотя и подчиненные, моменты качественного изменения. Единство количественного и качественного изменения исходного качества

есть мера изменения. В мере изменения господствующую роль играет качественное изменение (в единстве с количественным).

Качественное изменение уже возникшего процесса труда мы уже отмечали. Кратко говоря, оно состоит в том, что в возникшем процессе труда средства труда преобразуются из просто данных извне в созданные самим трудом, то же самое происходит и со всеми остальными компонентами труда. *Превращение компонентов труда из преимущественно данных труду извне в преимущественно созданные процессом труда представляет собой одновременно и формирование внутреннего источника самодвижения труда как главного (по сравнению с внешним источником движения труда) источника развития труда.* Преобразование компонентов труда из извне данных условий труда в его следствия, как мы видели, оказывается и процессом внутреннего расчленения процесса труда на различные и в то же время внутренне единые процессы (процесс добычи материала для средств и предметов труда, создание средств труда, создание предметов труда, создание предметов, способных удовлетворить телесные потребности, подготовка новых поколений к труду).

При логическом рассмотрении достаточно, на наш взгляд, сказать, что возобновление труда в конце концов приводит к преобразованию соответственно совершающемуся труду и человека, и природных условий. Человек и природные условия, в той степени, в какой они преобразуются в труде, становятся продуктами труда, т. е. искусственно созданными. В этом отношении поскольку развивается труд, постольку изменяются и будут изменяться человек и окружающие его условия (сфера «окружения» все больше расширяется и углубляется). Что касается биологических потребностей человека, то, когда мы вели речь о простейшем отношении общества, они выступали как зависящие главным образом от биологии человека, от строения его организма, а следовательно, как неизменные (при предположении, что биологический род *homo sapiens* существенно не изменился, не изменяется и не изменится).

После рассмотрения процесса труда становится необходимым фиксировать то обстоятельство, что под воздействием труда биологические потребности (при предположении неизменности биологии человека) не изменяются, поскольку они зависят от биологии человека, а поскольку они зависят от труда – изменяются с возникновением и дальнейшим развитием труда. С точки зрения биологии человека существенно, чтобы предметы потребления и само потребление поддерживали биологическое существование – в идеальном случае оптимально. С точки зрения воздействия труда на телесные потребности, последние могут удовлетворяться бесконечно разнообразными предметами потребления, создаваемыми трудом, изменение биологических потребностей и потребления может как прогрессировать, так и регрессировать соответственно прогрессу и регрессу труда, границы потребления как процесса удовлетворения биологических потребностей устанавливаются развитием труда, общества, а не биологией человека.

При этом биологический аспект такого потребления (потребления для поддержания биологического существования – в идеальном случае в пределах оптимума) и трудовой, социальный, его аспект есть хотя и связанные, но все же разные аспекты и могут как гармонизировать, так и выступать в качестве противоположностей и даже противоречить друг другу. Например, в том или ином обществе социальный престиж может быть, в частности, прямо пропорционален объему талии. Естественно, люди, принадлежащие к крайним слоям, группам и т. п., могут выходить за пределы физиологической нормы.

Изучение *внутренней расчлененности* процесса труда ведет нас по пути дальнейшего углубления *логического* рассмотрения.

Внутренняя расчлененность процесса труда на различные внешне самостоятельные, а внутренне единые процессы труда по мере их роста и усложнения наталкивается на ограниченные возможности индивидов, и при таких условиях *различные* внутренне связанные процессы труда или ступени, моменты процессов труда,

выполняются *различными* индивидами или группами индивидов. *Труд разделяется* между разными людьми или группами людей.

Именно *внутреннее разделение труда* между разными людьми (группами и т. п.) прежде всего и главным образом внутренне связывает людей не просто как живых существ, а как занимающихся *трудом*. Именно с *рассмотрением разделения труда* осуществляется *переход к рассмотрению существенной связи людей друг с другом как людей*, в отличие от их связей друг с другом, просто как живых существ.

Разделение труда, или взаимоотношения людей в процессе разделенного труда, имеет две основные стороны: во-первых, оно есть разделение и взаимосвязь, по преимуществу и непосредственно обусловленные преобразованием *природы* и непосредственно необходимые для такого преобразования; во-вторых, разделение труда, или связь людей в процессе разделенного труда, опосредуясь преобразованием природы, есть взаимосвязь людей, поскольку они используют труд как средство, при помощи которого могут быть – в простейшем случае – удовлетворены лишь биологические потребности, а при более сложном и глубоком отношении к труду – как средство главным образом удовлетворения потребности в труде (удовлетворение биологических потребностей в этом случае оказывается моментом, подчиненным удовлетворению потребности в труде).

Разделение труда есть разделение труда людей между людьми. Люди разделяются по видам труда. Разделение труда включает в себя также разделение *средств, предметов и продуктов* труда. Рассмотрим первую сторону разделения труда. В разделение труда в качестве обязательного момента входит разделение труда между людьми. Но разделение труда между людьми зависит от характера предметов труда, от характера средств труда и от качеств (умений, навыков и т. п.) людей труда как участников процесса труда. Поскольку разделение труда определяется предметами и средствами труда, постольку разделение труда имеет *технологический* аспект. Взаимосвязи людей в той мере, в какой

они непосредственно диктуются предметами и средствами труда, представляют собой *технологические* отношения людей в труде.

Поскольку разделение труда непосредственно диктуется качествами людей как трудящихся (в том числе умениями, навыками и т. п.), постольку разделение труда имеет *организационный* (в узком смысле слова) аспект. А взаимосвязи людей, в той степени, в какой они непосредственно определяются качествами людей как трудящихся, – *организационные* отношения людей в труде.

Говоря о первой стороне разделения труда, мы выделяем отношение людей к *преобразуемой природе*, а отношения людей друг к другу (технологические и организационные) рассматриваем с точки зрения их непосредственной определяемости отношением людей к *преобразуемой природе*.

На отношения людей в труде, если возвратиться от труда к простейшему отношению, могут влиять, во-первых, индивидуальные потребности, индивидуальное потребление, необходимость производить предметы индивидуального потребления, во-вторых, отношения людей друг к другу по продолжению рода.

Если предметы индивидуального потребления могут быть произведены индивидуальным трудом, то, естественно, отношения людей в труде не вызываются трудом. Отношения людей в труде необходимы тогда, когда труд не может быть осуществлен одним человеком. Когда, при каких условиях и почему труд не может быть осуществлен одним человеком?

Компоненты труда, о которых шла речь выше, сами по себе, как таковые не вызывают необходимости объединения людей в труде. Они вполне могут быть компонентами индивидуального труда.

Конечно, компоненты труда *могут* и требовать объединения людей в труде. Но это объединение не вытекает из их внутренней связи в процессе труда и специфической роли каждого компонента в труде. Так, средство труда, с точки зрения внутренней связи в процессе труда, есть то, при помощи чего человек в соответствии с целью процесса труда изменяет предмет труда для получения результата, предвосхищенного в цели. Но это место средства тру-

да в процессе труда однозначно не определяет, приводится ли средство труда в движение отдельным индивидом или группой индивидов, или всем обществом. Средство труда, независимо от того, кем (индивидом, частью общества или всем обществом) оно приводится в движение, остается средством труда.

То же верно и относительно других компонентов процесса труда.

Объединение людей в труде, вытекающее из компонентов труда, может быть обусловлено не их внутренней связью в процессе труда, т. е. может порождаться не трудом самим по себе, а *природным материалом* компонентов труда, следовательно, чем-то *внешним* по отношению к внутренним связям компонентов в процессе труда. Природный материал компонентов труда есть нечто случайное, внешнее по отношению к процессу труда самому по себе. Природный материал компонентов труда может быть таким, что он не требует объединения людей в труде, а может быть и таким, что требует того или иного объединения людей в труде.

В наиболее простой форме процесса труда, когда и средства труда, и предметы труда даны природой в готовом виде, особенно сказывается зависимость процесса труда от природного материала, в том числе и необходимость или отсутствие необходимости объединения людей в труде особенно (по сравнению с более развитыми формами труда) зависит от природного материала компонентов труда.

Природные возможности человека, использующего данные природой в готовом виде средства труда для изменения предметов труда, также данных природой в готовом виде, хотя и могут варьироваться, но тем не менее ограничены, конечны. Природные данные различных индивидов, представляющие собой индивидуальные природные задатки к труду, их индивидуальные качества в этой наиболее простой форме труда, сказываются на труде наиболее непосредственно и в наибольшей степени (по сравнению с более развитыми формами труда) влияют на особенности процесса труда.

Сами по себе природные возможности индивидов не вызывают их объединения в труде, в производстве. Необходимость (речь идет о внешней необходимости) объединения имеется тогда, когда или средство труда по своему природному материалу, по своей природной данности таково, что приведение его в движение превышает природные возможности одного индивида, или предмет труда по своему природному материалу таков, что при помощи данных природой в готовом виде средств труда его изменение превышает возможности индивида.

Если средство труда, данное природой в готовом виде, по своему природному материалу требует для приведения в движение усилий более чем одного индивида, то индивиды совместно, объединенно приводят в движение это средство труда. Количество индивидов, требующихся для этого, обуславливается прежде всего природной данностью, природным материалом средства труда (при средних природных данных индивидов). Например, удары, производимые по свае с целью ее забивания в дно озера, могут потребовать для приведения в движение ударного средства усилий нескольких человек.

Если предмет труда, данный природой в готовом виде, по своему природному материалу требует для своей обработки при помощи данных природой в готовом виде средств труда одновременных усилий нескольких индивидов, то индивиды совместно, одновременно используют одно или несколько средств труда для обработки одного предмета труда. Таким предметом труда может быть, например, совместное сооружение плотины посредством ручного труда.

Разделение людей на группы в труде такого рода обуславливается главным образом их *природными различиями* (например, по физической силе, по полу и возрасту) .

Преобладает объединение *однородных* усилий людей, т. е. *простая кооперация*. Это *неразвитая форма простой кооперации* в труде, производстве, ибо она обусловлена главным образом *природным* материалом компонентов труда.

В развитой форме процесса труда, а именно в такой форме, когда процесс труда преобразовал соответственно себе и человека, и средство, и предмет труда, т. е. когда характерным для труда становится то, что и человек, и средство, и предмет труда есть продукты прошлого труда, зависимость объединения людей от природного материала компонентов труда остается, но уже не как господствующая, не как самая характерная. Например, объединение людей в производстве зависит и в современных развитых странах от наличия тех или иных полезных ископаемых, их количества и качества, однако эта зависимость не оказывает в конечном счете определяющего воздействия на форму объединения людей в производстве.

Рассмотренное объединение людей вызывается обстоятельствами, внешними по отношению к самому процессу труда. Это *внешняя* (по отношению к самому процессу труда) *необходимость объединения людей* в труде, производстве. Само объединение людей имеет характер еще внешний, случайный, обусловленный по преимуществу природой. Разделение людей на трудовые группы также обуславливается, по преимуществу, воздействием природы на труд.

Вообще, пока труд возникает, формируется, воздействие природы на образующегося человека непосредственно более значительно, чем воздействие человека на природу. При регрессивном развитии человечества воздействие природы на развитие человечества вновь станет более значительным, чем воздействие человека на природу.

Внутренняя необходимость объединения людей в процессе труда, обусловленная самим трудом, начинает обнаруживаться при рассмотрении процесса труда в его повторении, возобновлении. Само повторение процесса труда, как мы видели, приводит к обособлению от труда по созиданию предметов индивидуального потребления труда по подготовке человека труда, труда по созданию средств труда, а также труда по созданию предметов труда. За исключением подготовки человека труда все остальные перечислен-

ные виды труда сами по себе, как таковые, по своей сути не требуют объединения людей. Напротив, подготовка человека труда невозможна без объединения, по крайней мере, двух людей: обучающего и обучаемого.

При повторении данного процесса труда оно (повторение) наталкивается на предел продолжительности трудовой жизни индивида и на необходимость для продолжения рода включения в этот процесс труда нового индивида. Следовательно, само простое повторение данного процесса труда приводит к необходимости объединения людей в труде, объединения для передачи трудовых качеств одного индивида другому индивиду, для трудового обучения и воспитания. В наиболее простом виде – это передача трудовых качеств родителей детям. Это есть простая *внутренняя связь* людей в труде. Она представляет собой одновременно и внутреннее единство, и внутреннее различие людей в труде: внутренне связаны различные – обучающий и обучающийся.

Созидание предметов потребления, людей в качестве трудящихся, средств труда и предметов труда распределяется между разными людьми постольку, поскольку эти виды труда так сложны, развиты, что их осуществление превышает возможности отдельного индивида. Разделение труда может осуществляться также ради улучшения качества и увеличения количества процесса труда и его продуктов.

Все перечисленные виды труда едины друг с другом. Распределение внутренне единых разных видов труда между разными людьми означает также единство этих людей в труде. Единство обучаемого и обучающего – единство внутри процесса созидания человека труда, трудящегося. Между этими видами труда и внутри труда по подготовке человека труда имеется не только внутреннее единство, но и определенное количественное соотношение.

Для созидания определенного количества и качества предметов потребления при данных средствах и предметах труда требуется соответствующее количество данных средств труда и данных предметов труда, а также соответствующее количество

трудящихся с определенными трудовыми качествами. В свою очередь, для созидания данных средств труда необходимо строго определенное количество предметов труда, из которых изготавливаются средства труда, строго определенное количество трудящихся производителей с соответствующими трудовыми качествами. То же верно и относительно созидания предметов труда. В процессе подготовки трудящихся должно быть соответствующее число обучаемых (для всех видов подготовки) и обучающихся (соотношение числа обучающихся с числом обучающихся определяется – сознательно или стихийно – требующимися трудовыми качествами и тем, в какой степени требуется их развить). При труде главным образом ради удовлетворения телесных потребностей доминируют в общем и целом обучение и воспитание трудящихся *минимуму* трудовых качеств, необходимых для труда. При труде главным образом ради удовлетворения потребности в труде доминируют в общем и целом обучение и воспитание трудящихся *максимуму* трудовых качеств, потребных для труда.

Разделение труда может происходить для созидания *наибольшего количества* продуктов труда. Разделение труда может происходить для созидания *лучшего качества* продуктов труда. В том и другом случаях речь идет главным образом о труде ради созидания *продуктов*. Труд служит тут преимущественно средством для удовлетворения телесных потребностей, это состояние доминирует в условиях, когда обмен веществ между человеком и природой не развит настолько, чтобы он мог дать изобилие предметов потребления для удовлетворения телесных потребностей. Труд, направленный на увеличение количества, и труд, направленный на улучшение качества, здесь не могут, в общем и целом, не противоречить друг другу.

При труде, направленном главным образом на увеличение количества продуктов труда, процесс труда ускоряется. При переходе определенной меры скорости увеличение количества происходит при ухудшении качества. При погоне за количеством качество ухудшается. Напротив, при производстве, труде, направленном

на улучшение качества продуктов, их количество уменьшается по сравнению с тем, когда главным в труде является количество. Для каждого процесса труда имеется *мера*, когда увеличение созидания количества продуктов не ухудшает качество и когда улучшение качества продуктов не ведет к уменьшению их количества. *При невозможности создать изобилие предметов потребления эта мера не может, как правило, соблюдаться: увеличение количества продуктов происходит при ухудшении их качества, а улучшение качества продуктов – при уменьшении их количества.* При таких условиях труд, направленный на увеличение количества, есть массовый труд, а труд, направленный на улучшение качества, есть труд для немногих, меньшинства (в том числе труд по созданию предметов роскоши).

Разделение труда зависит от того, на что направлен данный труд – на увеличение количества или на улучшение качества. При прочих равных условиях в одном и том же виде труда для получения одного и того же количества продуктов труда в первом случае нужно меньше трудящихся, чем во втором.

При труде ради удовлетворения потребности в труде главным становятся не количество и даже *не качество продуктов* труда (то и другое необходимо, но недостаточно при таком производстве), а *качество процесса* труда и *соблюдение такой его меры, которая не превышала бы возможностей здорового организма.* При этом – при прочих равных условиях – число людей, занятых разными видами труда, возрастает по сравнению даже с трудом ради качества *продуктов* труда, ибо, хотя качество продукта требует и качественного процесса труда, одно и то же качество продукта может быть получено за счет разных по качеству процессов труда (например, за счет перенапряжения сил трудящегося). Особенно возрастают число обучающихся по сравнению с числом обучаемых, качество и продолжительность процесса обучения, ибо происходит обучение трудовым качествам по максимальным меркам.

Итак, это разделение людей труда есть их разъединение по различным видам труда, но разъединение при внутреннем един-

стве этих видов труда, при их объединении. Разделение людей по названным видам труда зависит, во-первых, от соотнесенности возможностей людей с требованиями приведения в движение средств и предметов труда (т. е. с возможностями «управляемости», податливости воздействию человека со стороны прежде всего средств, а также предметов труда), во-вторых, от направленности труда (от последней зависит главным образом *количество* трудящихся, занятых данным видом труда).

Внутренняя необходимость объединения людей в труде вызывается внутренней расчлененностью и внутренним единством расчлененного труда. Различные индивиды занимаются различным, но внутренне единым трудом. Это происходит при распределении различных трудовых операций, действий, видов единого процесса-труда между различными людьми. Внутренняя необходимость *объединения* людей в труде осуществляется *через разделение* единого труда между различными людьми. К внутренней расчлененности процесса труда относится его расчленение на труд по добыче предметов труда, по созданию средств труда, предметов труда, человека труда. Следовательно, тут каждый компонент процесса труда вообще создается особым видом труда.

Это разделение труда, которое проникло в самый *процесс* труда, есть *внутреннее* разделение труда. *Более широким внутренним разделением труда служит такое разделение труда, при котором особыми, разделенными процессами труда становятся постановка цели и ее реализация*, – более широким уже потому, что отделение цели от реализации ее представляет собой отделение одного момента процесса труда от всех остальных. Человек в процессе труда вообще ставит цель, в соответствии с целью приводит в движение средство труда и воздействует на предмет труда. Постановка цели и ее реализация – внутренне единые и противоположные, противоречащие друг другу стороны процесса труда. Распадение этих сторон на различные процессы труда есть приобретение внутренне едиными сторонами относительно обособленного внешнего существования. Это есть, по сути дела, разделение

умственного и физического труда. Если предположить, что разделение труда (в том смысле, в котором оно пока здесь рассматривается) исчезнет в определенной мере, то тем самым исчезнет и внутренняя трудовая необходимость объединения людей.

Поскольку разделение труда определяется природными возможностями и трудовыми качествами человека, данными средствами труда и предметами труда, способом труда, целью процесса труда, требуемым продуктом, постольку разделение труда есть непосредственно момент самого процесса труда (предполагается расчлененный, разделенный процесс труда).

Но процесс труда может быть задуман и осуществлен по-разному. Даже если даны цель, средства труда, предмет труда, то и тогда сама реализация цели может происходить более или менее быстро, более или менее качественно. И это определяется уже не компонентами труда самими по себе и не их внутренней связью как компонентов труда. Тем более различной может быть реализация, если цель не дана, а должна быть поставлена, если именно такие-то средства труда не даны, а должны быть или *выбраны* из имеющихся средств труда, или *заново созданы*, если предмет труда не дан, а должен быть или выбран из имеющихся предметов труда, или заново создан.

Следовательно, разделение труда не связано непосредственно и жестко только с природными возможностями и трудовыми качествами человека, со средством труда и предметом труда.

Разделение труда есть не только разделенность различных людей (или групп людей) по различным трудовым актам, но и единство, взаимосвязь разделенных людей. Разделение труда, будучи вызвано, в частности, невозможностью выполнения всего труда одним человеком, *относительно самостоятельно* по отношению к отдельным людям, участвующим в труде. При наличии определенного количества людей труд может быть разделен между ними по-разному, в соответствии или несоответствии, в большем или меньшем соответствии с их природными и трудовыми качествами. При наличии определенных средств труда и при определен-

ном их количестве, требующемся для использования труда, он может быть разделен по-разному (одно средство труда может приводиться в движение, скажем, одним человеком, а другое такое же средство труда может приводиться в движение двумя людьми, т. е. труд последних может быть облегчен; одно средство труда может использоваться, например, в течение суток, а другое такое же средство труда – в течение семи часов и т. д.). Разделение труда и связь людей в разделенном труде могут в различной степени использовать имеющиеся природные возможности и трудовые качества людей, имеющихся налицо, имеющиеся средства и предметы труда, т. е. разделение труда и связь людей в разделенном труде неоднозначно детерминированы природными возможностями и трудовыми качествами людей, имеющихся налицо, имеющимися средствами и предметами труда. Поскольку разделение труда и связь людей в разделенном труде определяются именно этими обстоятельствами, постольку разделение труда и связь людей в разделенном труде непосредственно входят как моменты в процесс обмена веществ между человеком и природой, в трудовое, производительное отношение людей к природе.

Разделение труда и связь людей в разделенном труде зависят, как уже отмечалось выше, от того, служит ли труд главным образом средством для удовлетворения биологических потребностей или совершается главным образом ради удовлетворения потребности в труде. В этом аспекте разделение труда и связь людей в разделенном труде также входят как момент в процесс обмена веществ между человеком и природой.

Но разделение труда и вообще объединение людей в труде есть не только их отношение друг к другу как относящихся к природе и непосредственно зависящих от преобразования природы. Это есть вместе с тем отношение людей *друг к другу*, их взаимодействие как живых существ, обладающих телесными потребностями природными задатками, потребностью в труде.

Если самым простым при рассмотрении человека является то обстоятельство, что человек должен поддерживать биологичес-

кое существование – свое и своего рода, то и отношения людей в труде в самом простом их виде есть отношения ради удовлетворения необходимых жизненных потребностей. Таким образом, отношения людей друг к другу в труде в простейшем случае определяются тем, каковы эти отношения с точки зрения возможности обеспечения предметами потребления, необходимыми для поддержания биологического существования индивида и рода. Но в таком случае труд и отношения в труде предстают с точки зрения *продуктов* труда, обмен веществ между человеком и природой выступает с точки зрения результатов, продуктов этого обмена. Труд, с точки зрения продукта труда, предстает как *производство*.

С точки зрения результата, продукта труда, весь процесс, приведший к результату, есть *процесс производства*, средства труда и предмет труда – *средства производства*, человек труда – *производитель*. Тогда и сам результат, продукт есть *продукт производства*. Способ применения человеком средств труда к предмету труда, с точки зрения продукта, результата, есть *способ производства* (в узком смысле слова)¹. Цель труда, с точки зрения продукта труда, есть *цель производства* (тоже в узком смысле слова).

На первый взгляд представляется, что не имеет никакого значения, смотрим ли мы на процесс обмена веществ между человеком и природой с точки зрения участия в нем человека или с точки зрения продукта труда. Между тем это не совсем верно. Эти разные точки зрения позволяют выделять не только общие для каждой из них, но и специфические стороны обмена веществ между человеком и природой.

Именно с точки зрения продукта привлекает особое внимание не только участие человека в этом процессе, но и роль природы. В образовании продукта участвуют не только человек с его

---

¹ При капитализме продукты труда господствуют над людьми, в том числе и над производителями. Поэтому при отображении капитализма на первый план выдвигается рассмотрение процесса преобразования человеком природы с точки зрения продукта, соответственно весь процесс предстает прежде всего как производство (на первый план выступают средства *производства*, способ *производства*, *производительные* силы, *производственные* отношения).

трудовыми качествами, не только средства труда, поскольку они приводятся в движение и изменяются *человеком*, т. е. не только средства *труда* и предмет *труда* (предмет, на который направлено воздействие человека), но и предметы, процессы, материалы *природы* с их природными закономерностями. Именно с точки зрения продукта, результата природа предстает не просто как то, на что направлены усилия людей, не как нечто лишь подлежащее изменению, преобразованию человеком, но также как нечто *относительно самостоятельное* участвующее в процессе обмена веществ между человеком и природой. Или, иначе говоря, *с точки зрения участия человека, т. е. с точки зрения процесса и компонентов труда, природа выступает лишь объектом* воздействия, лишь чем-то пассивным, лишь пластичным материалом, изменения которого полностью определяются человеком и его трудовыми качествами и средствами труда (причем и средства, и предмет труда не выступают в их зависимости от природного материала, а фиксируются с точки зрения участия, роли, активности человека). «Соппротивление» природы этому «нажиму» кажется — при таких условиях — только чем-то негативным. Именно, *с точки зрения продукта, результата* труда, выявляется необходимость *специального фиксирования участия природы* в обмене веществ между человеком и природой, участия природы в этом обмене в отличие от участия в нем человека. Впервые именно с такой точки зрения принимается во внимание *относительно самостоятельное влияние природы* на человека в обмене веществ между человеком и природой, взаимодействие человека и природы.

Если в простейшем отношении общества природное и социальное *непосредственно тождественны* друг другу, если при переходе от простейшего отношения к сущности и в труде выступило в первую очередь *отличие* социального от природного, то теперь — именно при рассмотрении труда, с точки зрения его продукта, результата, — становится важным выделять *различия внутри* социального между социальным и природным.

Каково же участие природы в производстве продукта? Прежде всего сам человек – продукт и часть природы. В производстве продукта он участвует и как социальное, и как природное существо, как существо, обладающее определенными природными задатками и действующее в определенных природных условиях. Средства труда и предметы труда состоят из природного материала, обладающего своими природными закономерностями, свойствами. В каждом данном процессе труда человек приводит в движение средство труда и с его помощью изменяет предмет труда. Но средство труда состоит из какого-то природного материала, предмет труда также состоит из природного материала. И природный материал средства труда, и природный материал предмета труда имеют свои природные свойства, свои природные закономерности. Следовательно, эти свойства, закономерности в так или иначе измененном виде используются, используется и взаимодействие природных свойств, закономерностей средства и предмета труда друг с другом.

Без участия природы производство продуктов невозможно. Но одна природа, конечно, не *производит* продукты труда, производства. Необходимо также участие человека в производстве. Однако и только человек без природы не может произвести продукты. Для производства необходимы и человек, и природа. В производстве, в преобразовании природы природа не есть только природа сама по себе в ее включенности в процесс преобразования, т. е. в той или иной модифицированности процессом преобразования. Производство сформировывается тогда, когда и человек, и природа изменяются под влиянием друг друга, когда человек есть результат *взаимодействия* его как живого существа, преобразующего природу, с природой, и природа включается в обмен веществ с человеком и постольку становится результатом *взаимодействия* человека и природы в процессе преобразования природы человеком.

Но участие природы и человека в производстве различно. Природные свойства, закономерности материала средств и предметов труда не могут не сказываться на производстве, а если иметь

в виду возобновление производства, то не может не сказываться на производстве не только качество, но и количество «природных запасов» природных материалов для средств и предметов труда. Наличие или отсутствие природных материалов для средств и предметов труда, их качество и количество могут ускорять или тормозить производство, а то и делать его невозможным. Человек должен в этом отношении *приспосабливаться к природе*.

И все же производство есть преобразование природы человеком, т. е. главным образом *воздействие человека* на природу: воздействие человека на природу (а не природы на человека) — *решающее, определяющее* для характеристики производства. Производство, собственно говоря, присуще лишь человеку, а не животным, не природе самой по себе.

Во взаимодействии человека и природы сначала природа приводит к образованию человека. Человек возник как продукт природы. Следовательно, *решающим* для первоначального возникновения человека (при образовании человека как биологического вида) было *воздействие природы* на животного предка человека. Когда же человек возник, тогда *решающим* для его развития стало *воздействие человека* на природу, а воздействие природы на человека и приспособление человека к природе — подчиненным.

В создании продукта производства участвуют и силы природы, и силы человека, но не в отрыве друг от друга, не сами по себе, а как включенные в снятом виде в процесс преобразования человеком природы. В процессе преобразования человеком природы человек выступает как субъект, а природа — как объект. Но человек преобразует природу при помощи природных же сил. А преобразуемая природа также влияет на процесс как результат своего преобразования. Процесс действия чего-то на что-то другое зависит от того, *что* действует, и от того, *на что* оно действует.

Результат взаимодействия есть результат и действия, и обратного действия; и то, и другое есть силы, образующие продукт взаимодействия. То же верно и относительно результата, продукта производства как продукта взаимодействия человека и приро-

ды. И силы человека, и силы природы приводят к образованию результата их взаимодействия.

С точки зрения продукта, результата производства, участие человека и участие природы выступают как силы производства, как *производительные силы*. Причем, так как продукт производства — результат взаимодействия человека и природы, то в качестве производительных сил ни человек, ни природа не являются вне связи, вне взаимодействия друг с другом. Как человек, так и природа в качестве производительных сил существуют лишь в *производстве* продуктов, результатов, как *участники* производства продуктов, результатов.

В производстве человек и природа представляют собой два внутренне взаимосвязанных, внутренне единых полюса. Человек внутри этого единства есть *производитель*. В качестве производителя человек есть и природное существо, существо, единое с природой, и полюс, противостоящий остальной природе. Остальная природа внутри производства поляризуется в виде природных условий производства и, ближайшим образом, в виде предметов труда. Конечно, от человека исходит импульс производства, человек активен, он воздействует на предметы труда, а предметы труда есть то, что подвергается воздействию. Оба полюса внутри производства опосредуются средствами труда. Средства труда состоят из природного материала, но в качестве средств труда есть *трудовые органы человека*, средства воздействия человека на предмет труда. С точки зрения участия человека, предмет труда и тем более условия труда есть нечто пассивное. С точки зрения продукта производства и, следовательно, *взаимодействия* человека и природы, а значит, также учета не только участия человека, но и участия природы в производстве, и предмет труда, и условия производства, и природа, поскольку она включена в средства труда, и природа, поскольку сам производитель есть продукт природы, есть не только нечто испытывающее воздействие, но и само действующее на человека.

Исходя из сказанного, в состав *производительных сил вообще* следует включать, во-первых, человека-производителя, во-вто-

рых, средства производства (в средства производства входят средства и предмет труда, а также условия производства). Конечно, производительными силами они служат только в действительно совершающемся процессе производства.

Способ использования производителями средств производства в процессе созидания продуктов, взятый лишь в аспекте обмена веществ между человеком и природой, есть *способ производства в узком смысле* (о способе производства в широком смысле слова будет сказано позже).

Довольно широко распространено представление, согласно которому в производительные силы следует включать только производителя и средства труда. Дискуссия о том, включать или не включать в производительные силы предмет труда, во-первых, так окончательно и не завершилась, во-вторых, если ясно, какой вопрос дискутируется, то остается неясным смысл дискуссии. Какое, собственно говоря, имеет значение, включено ли будет понятие предмета труда в понятие производительных сил или нет? Может быть, это просто игра в понятия?

Нам думается, что точка зрения сторонников невключения понятия «предмет труда» в понятие «производительные силы» основывается на смешении труда и производства. С точки зрения труда, *участия человека*, действительно следовало бы выделить только эти компоненты. Но ведь понятие «производительные силы» есть понятие, в котором фиксируются силы человека и природы, с точки зрения их участия в создании *продукта*. А с точки зрения продукта, в его образовании участвует не только человек, но и природа¹.

---

¹ Кроме того, очень важно заметить следующее. Невключение понятия «предмет труда» в понятие «производительные силы» внутренне связано с представлением о том, что активен только человек с его средствами труда, а предмет труда только пассивен. Производительное отношение человека к природе предстает не как взаимодействие, а как действие человека с его средствами труда на пассивную природу. Этот взгляд на производительные силы, пусть и неявно, неосознанно для его сторонников, исходит из того, что природа — пассивный материал, которым люди распоряжаются как хотят, не опасаясь обратного отрицательного воздействия природы на человека.

Сторонник невключения предмета труда в производительные силы ищет, опять-таки пусть и неосознанно, источник развития не во взаимодействии, а

Тем не менее разница «участников» создания продуктов производства заставляет сказать, что именно производители служат главной производительной силой. Средства труда есть их трудовые, производительные органы.

То, что выше говорилось о труде, с определенными модификациями может быть сказано и о производстве.

Компоненты труда есть компоненты производства, возобновление труда в том же или изменяющемся виде есть возобновление производства в том же самом или изменяющемся виде, разделение труда есть разделение производства. *Разделение труда*, поскольку оно сказывается на создании продукта труда, *есть производительная сила*. (Отношение разделения труда как производительной силы к перечисленным выше производительным силам подобно отношению разделения труда к компонентам труда вообще.)

Но мы уже подчеркивали, что в характеристике труда природа хотя уже предстает необходимым моментом обмена веществ (ведь речь идет об обмене веществ между человеком и природой), однако ближайшим и главным образом выступает *негативно*, как то, что должно быть преобразовано. В характеристике же производства природа в своей необходимости для этого процесса обмена веществ выступает уже *и позитивно*. Тем самым выдвигается на авансцену в позитивной форме зависимость трудового воздей-

---

только в одной из сторон взаимодействия, тем самым только во внешнем. Если у сторонников такого подхода речь идет об источнике развития общества, то они ищут его не во взаимодействии производительных сил и производственных отношений, а в производительных силах, т. е. только в одном из компонентов взаимодействия. Такой ход мысли заставляет, в свою очередь, искать то, что есть источник развития производительных сил. И снова источник видят в одном из компонентов – в потребностях. Так можно поступать до бесконечности. Но практически бесконечность тут скорее всего прекращается: дальше в расчленении идти как будто некуда. И тогда растворяют источник развития общества в совершенной неопределенности: все стороны жизни общества – факторы его развития, все они влияют на развитие, т. е. возвращаются к хаотическому представлению. По сути дела, эта точка зрения – отказ от изучения внутреннего, в том числе от внутреннего источника развития общества, и сведение внутреннего к внешнему.

ствия человека на природу от природы самой по себе. Поэтому, на наш взгляд, не случайно, что тогда, когда человечество стало широко использовать в своей трудовой деятельности силы природы, стало пробивать себе дорогу представление о том, что человек не есть только господин природы, а природа не есть только раба человека.

Если учитывается не только в негативной, но и в позитивной форме «участие» природы в созидании продуктов, то отчетливо выступает *объективность* производства, *независимость* производства *от воли, желания, сознания людей*, несмотря на то, что производят люди и производят для себя. Кроме того, природа, поскольку она есть не только негативный, лишь сопротивляющийся «участник» процесса обмена веществ с человеком, но также и «участник», позитивно воздействующий на этот обмен, в позитивной форме входит *внутри* самого этого процесса обмена веществ. А так как природа существует до и независимо от человека и человечества и постольку есть нечто внешнее человеку, то она, вступая в обмен веществ с человеком, никогда не становится абсолютно зависимой от человека, она остается и внутри производства вместе с тем чем-то внешним, случайным по отношению к человеку. Например, разделение труда как *разделение производства* зависит не только от человека, его сил и возможностей, но и от природных процессов, включенных в созидание продуктов производства; природные же процессы сами по себе внешни по отношению к процессу труда.

Наиболее конкретно производительные силы при логическом их рассмотрении предстали перед нами как разделение труда, как разделение производства. Оставаясь пока в рамках логического аспекта, мы отвлечемся от более конкретной характеристики производства, с точки зрения «участия» в производстве природы, ибо, как вытекает из сказанного, это означало бы переход к специально историческому аспекту анализа производства. При этих предпосылках разделение производства в логическом аспекте берется как разделение труда между людьми, с точки зрения получения продуктов.

§ 2. Производственные (трудовые) отношения

Люди объединяются в труде, в производстве. Объединение людей в производстве (труде) может диктоваться внешней необходимостью, когда преобразование природы невозможно в одиночку, вследствие, главным образом, характера природных процессов, природных материалов, включаемых в процесс труда. Например, погрузка тяжелого бревна на телегу несколькими людьми есть кооперативный труд, обусловленный, по преимуществу, самим природным материалом предмета труда.

Объединение людей в производстве (труде), продиктованное внешней необходимостью, означает, что труд имеет общественный характер. Но это, можно сказать, *внешний общественный характер труда*. Объединение людей в труде, производстве может вытекать из внутренней расчлененности самого процесса труда. Это самое глубокое основание объединения людей в труде. В отличие от первого, назовем его *внутренним общественным характером труда, или собственно общественным характером труда*. Самые глубокие отношения людей в труде, производстве – отношения людей в процессе совершения внутренне расчлененного труда, когда различные его моменты выпадают на долю различных людей. *Переход от анализа производства (труда) к анализу отношений людей в производстве (труде) совершается через рассмотрение общественного характера труда*. Но самым глубоким «слоем» этого перехода служит разделение труда между людьми, обусловленное главным образом развитием внутренней расчлененности процесса труда, т. е. внутренний, или собственно общественный, характер труда.

До сих пор мы фиксировали производство, а также потребление как процессы обмена веществ между человеком и природой. При этом обнаруживаются как относительная самостоятельность, так и внутреннее единство производства и потребления.

Производственные (трудовые) отношения пронизывают производство и потребление, опосредствуют их. Производственные

отношения, в отличие от трудовых отношений, представляют собой отношения между людьми в процессе обмена веществ между человеком и природой, с точки зрения продукта, результата, а не участия человека в этом обмене веществ (подобно тому, как производство есть этот обмен веществ, с точки зрения продукта, а труд — с точки зрения участия в нем человека).

Производство (труд) в простейшем случае и простейшем выражении происходит ради поддержания биологического существования (индивида и рода). Поэтому отношения людей между собой в производстве (труде) представляются *на поверхности* прежде всего как отношения по поводу *продуктов* производства, служащих предметами индивидуального потребления.

Можно подумать, что, определяя таким образом поверхностное выражение производственных отношений и отличие производственных отношений от трудовых, мы отождествляем производственные отношения с их поверхностным выражением. Но это не так. Ведь если производство есть процесс обмена веществ между человеком и природой, с точки зрения продуктов обмена, то тем самым производство не сводится к продуктам производства. То же верно и относительно производственных отношений.

Самое поверхностное выражение производственных отношений есть отношения людей между собой по поводу продуктов производства, служащих предметами потребления. Но в чем же состоят при этом сами отношения людей между собой? В распределении продуктов. Но распределение не сводится только к распределению продуктов производства, служащих предметами потребления. «Распределение в самом поверхностном понимании выступает как распределение продуктов и, таким образом, представляется отстоящим далеко от производства и якобы самостоятельным по отношению к нему» [1, т. 46, ч. I, с. 33]. Но если распределение так представляется на поверхности, то при более глубоком рассмотрении обнаруживается, что распределение коренится в производстве.

«...Прежде чем распределение есть распределение продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) – что представляет собой дальнейшее определение того же отношения – распределение членов общества по различным родам производства (подчинение индивидов определенным производственным отношениям). Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет структуру производства» [там же]. Несколько далее К. Маркс задается вопросом, каково отношение распределения в процессе производства к самому производству, и отвечает следующим образом: «В каком отношении к производству находится это определяющее его распределение, есть, очевидно, вопрос, относящийся к самому производству. Если скажут, что тогда, по крайней мере, – поскольку производство необходимым образом исходит из известного распределения орудий производства, – распределение в этом смысле предшествует производству и образует его предпосылку, то на это следует ответить, что производство действительно имеет свои условия и предпосылки, которые образуют собой его моменты. Последние могут на первых порах выступать как естественно выросшие. Самим процессом производства они превращаются из естественно выросших в исторические, и если для одного периода они выступают как естественная предпосылка производства, то для другого периода они были его историческим результатом. В самом процессе производства они постоянно изменяются. Например, применение машин изменило распределение как орудий производства, так и продуктов. Современная крупная земельная собственность сама есть результат как современной торговли и современной промышленности, так и применения последней к сельскому хозяйству» [там же, с. 33–34]. «Структура распределения, – указывает К. Маркс, – полностью определяется структурой производства. Распределение само есть продукт производства – не только по распределяемому предмету, ибо распределяться могут только результаты производства, но и по форме, ибо определенный способ участия в произ-

водстве определяет особые формы распределения, те формы, в которых люди принимают участие в распределении» [там же, с. 31–32]. Если распределение продуктов производства есть внешний «слой» распределения, то глубинным «слоем» распределения служит распределение людей по различным родам производства и распределение средств производства.

Целью производства служит потребление. Как бы ни относились люди друг к другу в производстве, по поводу ли продуктов потребления, по поводу ли родов производства, по поводу ли средств производства, они всегда относятся друг к другу в производстве в конечном счете ради потребления. Поэтому во всех этих случаях отношение людей друг к другу состоит в распределении, в присвоении¹.

Что такое распределение? Распределение продуктов, сфер, средств производства означает разделение их между людьми. Будучи разделены, они могут быть потреблены соответственно своей природе или переданы другим людям. Разделенные продукты, сферы, средства производства *присваиваются людьми*, получившими их, т. е. потребляются соответственно своей природе.

Распределение – это характеристика разделения между людьми продуктов, сфер, средств производства как *уже имеющих*, характеристика со стороны того, *что* разделяется между людьми. *Присвоение* – это определение *процесса*, в ходе которого устанавливается фактическая возможность (фактическая способность) человека распоряжаться по своему усмотрению долей (частью) продуктов, средств производства, осуществлять тот или иной труд. *Фактическое распоряжение* долей предметов, средств производства, то или иное фактическое включение в сферы производства

---

¹ Обмен и обращение, если под обращением понимается обмен в целом, по нашему мнению, есть исторически преходящая форма производственных отношений (при коммунизме достигающее людей по распределению будет непосредственно или в основном непосредственно совпадать с тем, что требуется индивиду, и тогда обмен становится или совсем не нужен, или его роль становится весьма незначительной), и потому при рассмотрении производственных отношений как таковых от них можно отвлечься.

есть *собственность*. Иначе говоря, собственность есть фактическое распоряжение предметами, средствами производства, трудом (своим или чужим).

Распределение в широком смысле слова, с одной стороны, и собственность, присвоение, с другой стороны, есть одно и то же, только в первом случае мы имеем дело с тем, *что* разделяется между людьми, а во втором — с тем, что разделяемым или разделенным *распоряжаются люди как своим*. При чем собственность есть результат присвоения, отношения собственности — результативные отношения по сравнению с отношениями присвоения как процессом их образования.

Распределение, присвоение, собственность в качестве производственных отношений являются отношениями между людьми, отношениями людей друг к другу по поводу предметов, средств производства и самого труда (а также продуктов труда, о чем речь пойдет ниже).

Распределению, присвоению может подлежать и нечто не произведенное, например девственный лес. Можно быть собственником предметов, данных природой в готовом виде. Тогда это будет отношениями между людьми (люди делят между собой данное природой в готовом виде), однако эти разделяемые предметы не произведены людьми, и поэтому их распределение, присвоение, собственность на них не будут собственно производственными отношениями. Пользование предметами, данными природой в готовом виде, — если взять его вообще в *отрыве от* производства — не есть ни распределение, ни присвоение, ни собственность: это животное бессознательное потребление «ухваченного» членом животного сообщества.

Распределение (присвоение, собственность) данного природой в готовом виде есть производственное отношение только в том случае, если данное природой в готовом виде включено в процесс производства (труда) либо в качестве производителя, либо в качестве средства труда, либо в качестве предмета труда, либо в качестве их того или иного сочетания. Поскольку человек, средство

труда и предмет труда даны природой в готовом виде, не преобразованы процессом труда, не стали продуктом предшествующего труда, постольку производственные отношения не вполне отделились от простого животного использования природы, постольку распределение, присвоение, собственность не вполне оформились, не есть сформировавшиеся производственные отношения.

Собственность на конечные *продукты* производства, т. е. на предметы, способные удовлетворить биологические потребности, их распределение, присвоение порождаются собственностью на производителя, средства производства, на сам труд, их распределением и присвоением. Для краткости в последующем мы будем употреблять термин «компоненты производства», имея в виду производителя (или производителей, что здесь не имеет значения) средств производства, сам процесс производства и продукты производства.

Распределению, присвоению могут подвергнуться человек труда (производитель), средство труда (в узком смысле, т. е. те вещи, «посредством которых труд воздействует на предмет труда и которые поэтому так или иначе служат проводниками его деятельности» [1, т. 23, с. 191], и в широком смысле, т. е. «все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться» [там же]), предмет труда, сам труд. Субъектом присвоения, собственником может быть индивид, та или иная часть общества, все общество (все человечество).

Рассмотрим теперь, каким образом происходят распределение, присвоение, каковы формы распределения, присвоения, собственности и чем именно эти формы определяются.

Если производство возникает, формируется и существует ради удовлетворения биологических потребностей, то производственные отношения должны, в конечном счете, быть такими, чтобы производительное отношение к природе осуществлялось наилучшим образом, производственные отношения должны предоставлять наибольшие возможности для развития производительного отношения к природе, для преобразования природы.

Производственные отношения могут предоставлять различные возможности для преобразования природы и – *если речь идет о поддержании биологического существования* – для производства *продуктов*, служащих предметами индивидуального потребления. Распределение, соответственно, есть распределение продуктов производства между людьми. Распределение продуктов производства, с точки зрения людей, между которыми распределяются продукты, есть присвоение продуктов. Завершение присвоения человеком продуктов производства – это не что иное, как их потребление.

Таким образом, потребление теперь предстает не просто потреблением индивидов, а таким процессом, которым завершаются распределение, присвоение, реализация собственности, т. е. индивидуальное потребление, удовлетворение телесных потребностей, выступает как внутренне единое с производственными отношениями, хотя здесь это единство выступает своей внешней стороной.

Распределение *продуктов* производства невозможно (если отвлечься от внешних, случайных обстоятельств) без распределения производителей по сферам производства, без распределения средств производства, т. е. без распределения компонентов *процесса* производства. Как продукт производства создается в процессе производства, так распределение продуктов производства основывается, порождается распределением компонентов процесса производства. Распределение компонентов процесса производства необходимо для распределения продуктов производства, а распределение продуктов производства необходимо для их потребления, *потребление – мотив, цель* для производства. Но реализация этой цели, создание продуктов происходят в процессе производства. Поэтому процесс *производства – господствующий момент* в этих отношениях. Распределение компонентов *процесса* производства – это *самый глубокий «слой»* производственных отношений.

Акцентирование внимания на *распределении* компонентов процесса производства означает подчеркивание того, что компо-

ненты процесса производства выступают как продукты прошлого труда, прошлого производства. Это распределение есть вместе с тем *присвоение* компонентов процесса производства. Всякое присвоение есть потребление (*своим* нельзя сделать что-то иначе, как в конечном счете потребляя¹ его).

Таким образом, производство как производительное отношение людей к природе есть одновременно (с точки зрения единства производства, осуществляемого различными людьми, с потреблением) распределение, присвоение и потребление компонентов процесса производства. Производительное отношение людей к природе выступает не только как отношение к природе, но вместе с тем как производственное отношение (и как отношение людей по поводу продуктов производства и как их отношение в самом процессе производства). Производственные отношения в *процессе* производства предстают как самый глубокий «слой» производственных отношений.

Тем не менее, производственные отношения имеют *внешне относительно самостоятельную форму* своего существования именно в *распределении продуктов производства*, форму, отличную от формы существования процесса производительного отношения к природе и от формы существования потребления.

Рассмотрим подробнее, чем и каким образом определяется эта форма распределения, с тем, чтобы затем перейти к более подробному анализу самого глубокого «слоя» производственных отношений и производственных отношений в целом.

Распределение продуктов производства есть разделение продуктов производства (представляющих собой предметы потребления) между людьми. Следовательно, это распределение предполагает, во-первых, что производство ведется не одним человеком, а многими людьми; во-вторых, что разделяются продукты производства; в-третьих, что продукты производства пред-

---

¹ Потребление бывает двух основных видов: производительное потребление, т. е. потребление, реализация компонентов производства, и индивидуальное потребление, т. е. собственно потребление.

ставляют собой предметы потребления, что они удовлетворяют потребности. Кроме того, распределение *продуктов* производства определяется распределением *компонентов процесса* производства.

Производственные отношения именно как производственные основываются на имеющихся *возможностях* обмена веществ между человеком и природой, на труде, производстве как отношении человека к природе. Распределять, присваивать можно лишь то, что произведено либо может быть произведено при имеющихся возможностях обмена веществ между человеком и природой. Распределять, присваивать (или избегать) какие-либо виды труда, сферы производства можно только, если обмен веществ между человеком и природой предоставляет те или иные *возможности* разделения труда, разделения производства.

Производственные отношения в качестве отношений есть необходимость, поскольку процесс обмена веществ между человеком и природой не может совершаться вне такой связи. Но и при этом труд, производство создают *спектр возможностей* для той или иной реализации производственных отношений.

На реализацию этого спектра возможностей оказывают «давление» все моменты труда, производства как обмена веществ между человеком и природой, но, имея в виду их специфику, можно сказать, что это — «давление», в общем и целом, разной силы. Поскольку главным, решающим в процессе сформировавшегося труда, производства играет воздействие человека на природу, а не природы на человека и поскольку во взаимодействии человека и природы имеет место поляризация, постольку наибольшее «давление» на образование тех или иных производственных отношений оказывают *люди-производители, трудящиеся, средства труда, разделение труда* (с точки зрения отношения человека и природы), в меньшей мере, но все же влияют на реализацию тех или иных производственных отношений имеющиеся предметы труда и природные условия труда, производства.

Пока труд только возникает, формируется, он, хотя и есть уже ведущий фактор специфически человеческого развития, еще не господствует. Соответственно, хотя воздействие человека на природу стало ведущим по сравнению с воздействием природы на человека, но воздействие природы на человека господствует. Поэтому и человек труда, и средства труда тут – ведущий фактор развития производственных отношений, но непосредственно господствуют предметы труда и их влияние на возникающие и формирующиеся производственные отношения. (Человек зависит главным образом от нахождения данных природой в готовом виде предметов труда, от их обработки ¹.)

Если производственные отношения решающим образом зависят именно от развитости людей труда и средств труда, то *решающим в уже сформированных производственных отношениях является распределение людей труда и средств труда. В возникающих и формирующихся производственных отношениях это распределение является лишь ведущим в развитии, в то же время непосредственно господствует распределение предметов труда.*

Итак, распределение компонентов процесса труда, производства и распределение продуктов производства определяются местом, ролью, значением труда индивидов в совокупном труде, в системе производства.

Распределение по самой своей сути есть разделение *целого* на части. Следовательно, распределение, производственные отношения представляют собой сторону общества как *целого*. Необходимость производственных отношений вытекает из *общественного* характера труда, из характера труда как *целого*. Поэтому разделение труда между людьми, каждый вид разделенного труда постольку воздействуют на распределение, на производственные отношения, поскольку и разделение труда, и каждый вид труда

---

¹ Кстати, поэтому не случайно эпохи возникновения и формирования процесса труда различаются на основании степени обработки *предмета труда*, обрабатываемого материала природы.

вливают на совокупный труд как *целое*, поскольку от этого зависит совокупный труд как *целое*. Поскольку же данный процесс труда предстает именно в качестве *части* целого, а не части *целого*, постольку он не влияет на производственные отношения, на распределение, постольку разделение труда не есть вместе с тем производственное отношение. Конечно, часть не есть только часть, она всегда есть часть целого. Следовательно, всякое разделение труда есть одновременно производственное отношение, так или иначе влияет на распределение, в том или ином отношении одновременно есть распределение компонентов процесса труда, производства и продуктов труда, производства. Но разделение труда, вид разделенного труда есть производственное отношение именно как часть *целого*. Иначе говоря, *разделение труда представляет собой производственное, отношение именно как общественное разделение труда*. Разные виды труда в разной степени представляют целое, совокупный труд, соответственно, их роль как производственных отношений и в производственных отношениях различна.

Такие виды зрелого труда, как производство человека труда, производство средств труда, производство предметов труда, различаются тем, что производство людей труда и производство средств труда в совокупном труде играют более важную роль, чем производство предметов труда, но, тем не менее, это есть по преимуществу *частные* виды труда наряду с таким частным видом труда, как производство предметов труда.

Иное дело разделение труда на умственный и физический, на труд по постановке целей, касающихся всего сообщества, на труд по организации труда сообщества как целого и на труд по реализации целей. Первый вид (виды) труда относится именно к *целостности* совокупного, общественного труда, второй его вид (виды) — к *частям* совокупного труда. Поэтому такое разделение оказывается решающим для различия внутри производственных отношений, для различия в распределении, для образования групп, классов.

Цель имеет особое значение в процессе труда. Конечно, нет полной цели без средства и предмета труда, без продукта труда, и каждого из этих компонентов нет друг без друга в качестве компонентов процесса труда. *Тем не менее, именно цель объединяет компоненты труда в целое*, ибо трудовой процесс есть не что иное, как действия по преобразованию предметов труда при помощи его средств в соответствии с целью процесса труда. Именно *цель направляет действия* со средствами труда, воздействие с их помощью на предметы труда. Объединение различных трудовых действий в соответствии с целью есть *организация* процесса труда. Поэтому разделение труда между трудом по постановке целей, оперированию целями, организационными функциями и трудом по реализации целей, исполнительскими функциями представляет собой разделение между тем, что, по преимуществу, есть труд как целое, и тем, что имеет частное значение в совокупном труде.

Постановка целей, организация, управление имеют дело с трудом как целым, реализация, исполнение – с частным в труде. Поэтому при наличии такого разделения труда непосредственно решающую роль в производственных отношениях играют люди первого вида труда, а люди второго вида труда – подчиненную. Только такое разделение труда обуславливает существенно различные присвоение и распределение продуктов труда, производства между группами людей, занятыми этими видами труда.

Итак, производственные отношения определяются прежде всего тем характером компонентов труда, который играет главную роль в *совокупном* труде. Что такое характер компонентов труда, исключая человека? *Характер вещественных компонентов* труда – это то, как приводятся в действие компоненты труда. Тот или иной вещественный компонент труда может приводиться в действие индивидом, группой, всем обществом.

Характер процесса труда определяется характером вещественного компонента труда, играющим решающую (по отношению к характеру другого вещественного компонента процесса труда) роль в процессе труда.

Требует ли тот или иной вещественный компонент процесса труда индивидуальных или групповых усилий или усилий всего общества — это не исчерпывает характер компонентов процесса труда. В характер компонентов процесса труда входит и то, каких именно трудовых усилий требуют вещественные компоненты процесса труда от человека. Вещественные компоненты процесса труда требуют от человека тех или иных знаний, умений, навыков, их известного характера, широты и глубины, той или иной количественной определенности трудовых усилий. Все это также воздействует на производственные отношения, а именно на самый их «механизм». В общем и целом их воздействие на человека может быть благоприятным или неблагоприятным. При неблагоприятном воздействии процесса труда в целом, тех или иных его компонентов люди стремятся избежать такого воздействия, и при отсутствии возможности такого изменения процесса труда, которое устранило бы его неблагоприятное воздействие, между людьми происходит борьба за то, чтобы избежать этого воздействия, что при предположенных условиях объективно возможно лишь за счет усиления этого неблагоприятного воздействия на другого человека (или других людей).

Складываются отношения враждебности, борьбы людей друг с другом. Напротив, при благоприятном воздействии вещественных компонентов процесса труда на людей создаются возможности для складывания отношения благожелательности, дружбы и т. п. Однако тут важна и количественная определенность, ибо при недостаточном удовлетворении потребностей людей в отмеченных благоприятных воздействиях между людьми опять-таки имеют место отчужденность, борьба и т. п., хотя и качественно менее жесткие, чем в борьбе за то, чтобы избежать неблагоприятных непосредственных воздействий процесса труда на человека и, следовательно, за переложение такого труда «на плечи» других людей.

Воздействие компонентов процесса труда на производственные отношения осуществляется не только непосредственно в про-

цессе труда, но и через потребление продуктов труда. Здесь главную роль играет то, в каком отношении находятся качество и количество продуктов к биологическим потребностям. При устойчивом поддержании биологического существования жизни людей возможны два основных состояния: либо качество и количество продуктов производства достаточны лишь для минимального удовлетворения биологических потребностей людей или несколько превосходят этот минимум, но не достигают оптимума удовлетворения биологических потребностей, либо качество и количество продуктов производства достаточны для устойчивого оптимального удовлетворения этих потребностей. При первом состоянии между людьми идет борьба из-за продуктов производства, устанавливается враждебность друг к другу; при втором состоянии исчезает основа для этой борьбы.

Каким образом изменяются производственные отношения? Необходимость в изменении производственных отношений возникает по мере того, как изменяются характер и уровень развития производительного отношения к природе.

Следует различать *характер средств производства*, обусловленный, по преимуществу, *природой* (например, создание при помощи ручных средств труда плотины, перегораживающей течение большой реки), и характер средств производства, являющихся, по преимуществу, *продуктами* труда, т. е. созданными средствами производства.

Поскольку характер средств производства обусловлен природой, постольку он есть нечто *извне* данное по отношению к обществу. Поскольку же характер средств производства создается самим производством, постольку он есть нечто *внутреннее* по отношению к обществу. Конечно, при этом важно иметь в виду, что чисто внешнее и чисто внутреннее в реальности не существуют оторвано друг от друга, внутреннее и внешнее всегда имеются в единстве друг с другом.

Предположим, что средства труда и предметы труда даны природой в готовом виде и характер средства труда и предмета

труда обусловлен главным образом природой. Такой характер труда назовем *природно-обусловленным характером труда*. Этот характер могут иметь только средства труда или только предметы труда, или не все, а те или иные средства труда, или не все, а те или иные предметы труда. Определяет характер совокупного труда в целом характер тех средств производства, которые играют решающую роль по отношению к другим средствам производства. Если средства и предметы труда, их характер созданы трудом, то такой характер труда мы назовем *общественно-обусловленным*.

Производственные отношения – это общественные отношения людей в производстве. Поэтому средства производства по их воздействию на производственные отношения необходимо различать прежде всего по тому, какого субъекта они требуют: индивида, части общества (группы, класса и т. д.) или всего общества. Следовательно, с точки зрения воздействия средств производства на производственные отношения, нужно различать индивидуальный, частичный и собственно общественный характер средств производства. Индивидуальный и частичный характер средств производства *в конечном счете* есть их общественный характер, ибо всякие средства производства возникают и существуют в совокупном труде, но они не имеют собственно общественного характера.

Если сравнить средства производства, данные природой в готовом виде, и средства производства, созданные трудом, с точки зрения общественного характера труда, то по самой сути тех и других общественный характер первых не развит по сравнению с общественным характером вторых. Ведь вторые сами созданы трудом, и, следовательно, то производство, в котором они применяются, внутренне связано с тем производством, в котором они создаются. По мере развития производства растет и разделение труда, а значит, развивается общественный характер производства.

Что касается *уровня, т. е. количественной* стороны дела, то в общем виде об этом уже сказано выше.

Каково воздействие производственных отношений на производительное отношение к природе? Сами производственные отношения есть форма, обнаруживающаяся при *специальном* рассмотрении *единства*, целостности производительного отношения к природе с простейшим отношением общества. Поэтому необходимо рассмотреть не только воздействие производственных отношений на производительное отношение к природе, но и воздействие производственных отношений на простейшее отношение общества (сюда входит, например, анализ семьи как экономической ячейки общества). Однако прежде – при возвратном движении мысли – выступает первое воздействие.

Если производительное отношение людей к природе действует на производственные отношения через человека (*производителя*) и *средства производства*, то производственные отношения действуют на производительное отношение людей к природе *через человека*. Ибо связующим звеном между производственными отношениями и производительным отношением к природе служат люди: в первом случае *они* относятся друг к другу, во втором – *они же* относятся к природе.

Каковы важнейшие качества человека как компонента производительного отношения к природе?

Знание свойств, средств, предметов, способов труда, способность к *познанию*, т. е. к приобретению новых знаний, к постановке целей (в том числе к постановке целей, новых не только для индивида, для той или иной части общества, но и для общества в целом), *сознание*, т. е. знание и познание индивидом себя в *единстве* с другими индивидами, с обществом, – такова первая группа качеств.

Вторая группа качеств – *умения и навыки*. Последние характеризуют способность индивида к практическим действиям со средствами и предметами труда. Умения и навыки предполагают то или иное знание и познание; взятые как таковые, они должны соответствовать цели, быть целесообразными, но их специфика в

том, что они есть способности к *практическому* действию, к *реальному* действию со средствами и предметами труда.

Третья группа качеств – *побуждения* к труду, *стимулы* труда. Из рассмотрения простейшего отношения вытекают следующие виды стимулов к труду: труд ради удовлетворения биологических потребностей, ради поддержания жизни индивида и труд ради продолжения жизни рода (в том числе и особенно – труд родителей ради поддержания жизни детей). При рассмотрении производительного отношения к природе помимо отмеченных выявляется еще один вид стимулов к труду – труд ради удовлетворения потребности в труде, труд ради совершенства и совершенствования самого процесса труда.

При рассмотрении производственных отношений выделяются еще два вида стимулов к труду: труд ради борьбы с другими людьми за присвоение компонентов процесса труда и продуктов труда, труд ради других людей, ради помощи другим людям.

Как производственные отношения действуют на человека, представляющего собой компонент производительного отношения к природе?

Отношения борьбы между людьми образуются там и тогда, где и когда для всех взаимоотносящихся людей нехватает возможностей для полного удовлетворения их потребностей (биологических потребностей индивида, потребностей в поддержании жизни рода, потребности в труде и т. д.). Наиболее устойчивым результатом борьбы оказывается не уравнительность присвоения, распределения, а удовлетворение потребности одних за счет того, что потребности других удовлетворяются даже в меньшей степени, чем они удовлетворялись бы при уравнительности.

Отношения труда ради других и т. п. возможны там, где нет такого недостатка в возможностях удовлетворения потребностей людей.

При господстве отношений борьбы развитие одних людей идет за счет развития других, общество разделяется на враждующие части. «Победители» заинтересованы в производительном

отношении к природе и его развитию постольку, поскольку это выгодно именно им. «Побежденные» заинтересованы в производительном отношении к природе, его развитию не непосредственно, а опосредствованно, через отношение к «победителям», через отношение последних к «побежденным».

При господстве отношений сотрудничества, взаимопомощи, труда ради других развитие каждого становится условием развития всех (ибо труд совершается ради других), общество едино. Все заинтересованы в производительном отношении к природе, его развитию ради полного удовлетворения биологических потребностей индивидов, потребностей в продолжении рода, потребности в труде, ради поддержания и совершенствования отношений взаимопомощи и т. п.

Производственные отношения влияют на производительное отношение к природе через человека, они влияют и на возможности удовлетворения биологических потребностей, и на труд. Производственные отношения непосредственно определяют, какие по количеству и качеству предметы потребления получает человек, место, роль, значение именно таких-то людей в совокупном труде.

А как сам человек может влиять на труд? Какова роль человека в труде?

Человек трудится при помощи определенных средств труда, обрабатывая определенные предметы труда. Если человек работает с данными средствами и предметами труда, то его роль состоит прежде всего и главным образом в их использовании. В конечном счете именно ради человека и человеком целесообразно приводятся в действие средства труда, и тем самым обрабатывается предмет труда. Поэтому от человека зависит, в какой мере он использует возможности, имеющиеся у наличных средств и предметов труда, каким именно конкретным способом он будет трудиться. Способ труда, способ производства определяется возможностями наличных данных средств и предметов труда, но он зависит также и от человека, от того, насколько и как человек реализует эти возможности.

Способ труда, способ производства как зависящий только от средств производства в действительной жизни существует лишь потенциально, как спектр возможных осуществлений. В качестве реального способ труда, способ производства всегда включает человека и притом людей в их отношениях с другими людьми. В конце концов активность в труде, производстве исходит от человека.

Если рассматривать процесс труда как просто повторяющийся, при тех же самых средствах и предметах труда, то от человека зависит, как трудиться: более или менее интенсивно, длительно, с большей или меньшей тщательностью и т. п., а качество и количество повторяющегося процесса труда могут выражаться в качественных и количественных различиях продуктов труда. При *просто повторяющемся* процессе труда главным для человека является с необходимостью *результат, продукт труда*, труд совершается главным образом как средство получения продуктов, результатов. Следовательно, стимулом к труду служит стремление получить предметы потребления. Поэтому производственные отношения при преобладании в обществе повторяющегося труда действуют позитивно на производительное отношение к природе главным образом через распределение, получение людьми предметов индивидуального потребления.

Сам процесс труда, поскольку он есть лишь средство для получения результата, не есть для человека потребность, а есть лишь *внешняя* необходимость. Он выполняется или по принуждению, или ради получения результата, продуктов, предметов индивидуального потребления, но не ради самого процесса труда. При таком труде естественно желание избежать труда. При данных обстоятельствах человек не избегает труда тогда, когда он трудится непосредственно либо на себя, либо на тех близких людей, к которым он относится как к самому себе, и, если он трудится непосредственно не на себя и близких своих, он не избегает труда постольку, поскольку количество и качество предметов потребления, получаемых им, определяются количеством и качеством его

труда. Если же человек, при отмеченных обстоятельствах, трудится непосредственно не на себя и своих близких, если качество и количество получаемых им предметов потребления не определяются качеством и количеством его труда, то человек избегает труда и для совершения труда оказывается необходимым принуждение со стороны других людей.

Итак, при просто повторяющемся процессе труда производственные отношения влияют *позитивно* на человека труда через распределение результатов труда и именно предметов потребления; на сам процесс труда производственные отношения влияют позитивно тогда, когда человек при помощи индивидуально приводимых в действие средств труда и индивидуально обрабатываемых предметов труда непосредственно присваивает продукты своего труда, представляющие собой, пусть и в конечном счете, предметы потребления; но производственные отношения влияют на процесс труда иначе, поскольку имеется объединенный, *совокупный* труд индивидов: из самого процесса труда возникает стремление избежать его, и тогда труд осуществляется тем успешнее, чем совершеннее принуждение к труду, распределение труда оказывается не добровольным, а принудительным. Кстати, во всех обществах с застойным производством главным является производство предметов индивидуального потребления, труд совершается как средство для их получения, как внешняя необходимость. То, что активность в труде, производстве исходит от человека, видно уже при рассмотрении просто повторяющегося процесса труда. В этом случае человек приводит в движение неизменяющиеся средства труда и обрабатывает одинаковые предметы труда. Сам человек тоже по преимуществу не изменяется.

Но, как мы видели, в конце концов повторение процесса труда оказывается и его изменением, повторяющийся процесс труда превращается в изменяющийся процесс труда. А тут активность исходит от человека, сталкивающегося с условиями и компонентами труда, которые он вынужден изменять, уже просто повторяя процесс труда.

При господстве изменяющихся процессов труда на первый план выступает изменение компонентов процесса труда (средств, предметов труда и самого человека труда)¹. Результат труда остается необходимым, но все же центр тяжести перемещается с результата на процесс труда. *Процесс* труда становится главной целью, а результат – подчиненным моментом. Труд осуществляется, по преимуществу, не как средство для получения предметов индивидуального потребления (это низводится на положение, хотя и необходимого, но подчиненного момента), а ради потребности в труде, ради самого процесса труда. Только тогда, когда возникает потребность в труде, труд приобретает *внутренний стимул, внутренний источник* своего движения, становится *внутренней необходимостью*.

Производственные отношения при преобладании в обществе труда ради потребности в труде, т. е. при господстве изменяющегося, а не повторяющегося труда, действуют позитивно на производительные силы и через получение людьми предметов потребления, и *главным образом путем распределения труда*.

При господстве потребности в труде люди стремятся к труду. Человек в общем и целом не избегает труда ни тогда, когда труд непосредственно дает ему свои плоды, ни тогда, когда труд совершается непосредственно для других людей. Возможные противоречия между людьми могут возникать не на той общей почве, которая порождает желание избежать труда, если только это не увеличивает количество, не улучшает качество получаемых им предметов потребления, а на той общей почве, которая порождает стремление к труду. Противоречия в последнем случае могут возникать, если стремление людей к труду того или иного количества и качества превосходит объективные возможности предоставления им труда такого качества и в таком количестве.

---

¹ Для капитализма, если сравнить его с предшествующими формами общества, характерно изменение процессов труда. И тем не менее это изменение еще не господствует, оно подчинено накоплению продуктов труда.

Переход от повторяющегося труда, от труда как средства для удовлетворения биологических потребностей к труду изменяющемуся, к труду ради потребности в труде, представляет собой снятие предыдущего состояния труда последующим, т. е. такое преобразование предыдущего состояния труда, когда оно сохраняется, но становится подчиненным моментом последующего состояния труда.

Этот переход имеет не только качественную, но также и количественную сторону. *Производство, труд ради удовлетворения биологических потребностей лишь тогда могут стать подчиненными моментами труда ради удовлетворения потребности в труде, а повторяющийся труд – подчиненным моментом изменяющегося труда, когда производство, труд достигают уровня, при котором возможно удовлетворение оптимума биологических потребностей.* Лишь по достижении этого уровня начинается такое развитие производства (труда), когда производство (труд) ради получения предметов, способных удовлетворить биологические потребности, перестает играть преобладающую роль в производстве (труде), начинается длительный процесс возрастающего преобладания труда ради потребности в труде.

Материальное производство как *внешняя необходимость* есть производство как средство для удовлетворения биологических потребностей. Как внешняя необходимость материальное производство необходимо всегда. Но материальное производство есть и *внутренняя необходимость*, а именно тогда и постольку, когда и поскольку оно совершается ради удовлетворения потребности в труде. Преобладание материального производства как внешней необходимости – менее развитое состояние производства по сравнению с тем его состоянием, когда преобладает материальное производство как внутренняя необходимость.

При господстве повторяющегося труда производственные отношения воздействуют на человека через получение им предметов потребления, представляющих собой продукты труда, а также они воздействуют на применение человеком имеющихся у него неизменных трудовых качеств.

При господстве изменяющегося труда производственные отношения действуют так же, как при господстве повторяющегося труда, ибо повторение есть необходимый момент изменения, но в подчиненном виде, а главным становится влияние производственных отношений на изменение человека, точнее, на прогрессивное развитие человека.

Если при преобладании повторяющегося труда главным является то, насколько и как производственные отношения способствуют производству предметов потребления или тормозят его, то при преобладании изменяющегося труда главным является то, насколько и как производственные отношения способствуют развитию человека труда или тормозят его.

Производительные силы (в единстве с простейшим отношением) определяют производственные отношения, в свою очередь производственные отношения влияют на производительные силы, имеет место их единство. *Единством* производительных сил и производственных отношений является *способ производства в широком смысле слова*. Термин «способ производства», как говорилось выше, может употребляться также в узком смысле слова. Способ производства в широком смысле слова целесообразно зафиксировать термином *«общественный способ производства»*.

Общественный способ производства и представляет собой *сущность общества*. Наиболее глубоко диалектика производительных сил и производственных отношений осуществляется как собственно общественный характер производства. Именно собственно общественный характер производства и есть диалектика производительных сил и производственных отношений как *противоречие*, или, иначе говоря, собственно общественный характер производства и есть собственно противоречие, развитое противоречие производительных сил и производственных отношений. В нем производительные силы есть производственные отношения, а производственные отношения есть производительные силы: каждая из противоположностей есть свое иное в отрицании своего иного.

На этой ступени углубления в сущность диалектики производительных сил и производственных отношений заканчивается рассмотрение логического аспекта этой диалектики, ибо дальнейшее исследование данного противоречия ведет к изложению его разрешения, что при нынешнем уровне социального развития, находящегося на первой фазе зрелого (т. е. коммунистического) общества, наиболее приемлемо посредством исторического способа рассмотрения. Заметим лишь следующее.

Ныне соотношение производительных сил и производственных отношений в качестве самовозобновляющегося берется в лучшем случае на уровне их соотношения в качестве содержания (производительные силы) и формы (производственные отношения). Рассмотрение общественного способа производства в аспекте содержания и формы выдвинулось в познании общества тогда, когда образовалось противоречие между достигнутыми производительными силами и *капиталистическими* производственными отношениями. Достигнутые производительные силы выступают здесь как в общем и целом достаточные для упразднения старых и утверждения новых, социалистических производственных отношений. Таким образом, *производительные силы* выступают как в основном данные, а *производственные отношения* фиксируются как *спектр возможностей*, более или менее не соответствующих или более или менее соответствующих данным производительным силам. Напротив, при анализе *социалистического* общества социалистические *производственные отношения* представляются в основном данными (речь идет только об их совершенствовании), и *главная задача* видится в развитии *производительных сил*. В обоих случаях то одна, то другая из противоположностей фиксируется как данная. Поэтому диалектика производительных сил и производственных отношений в историко-материалистическом аспекте берется в ее функционировании, как в общем неизменная для всех исторических стадий развития человечества, и тогда *не замечают того фундаментального обстоятельства, что сама диалектика производительных сил и производственных отношений развива-*

ется. Причем – что наиболее существенно – производительные силы как таковые, производственные отношения как таковые, их соотношение как таковое развиваются. Между тем ныне общее соотношение производительных сил и производственных отношений мыслится как неизменное, не осмысливается то, что сама диалектика производительных сил и производственных отношений возникает, формируется, развивается и когда-нибудь исчезнет.

Если производительные силы берутся как данные, то производственные отношения предстают как главным образом определяемые ими. Производственные отношения в большей или меньшей степени «лежат» в пределах возможности наличного, данного производительного отношения к природе, изменение производственных отношений может быть осуществлено в пределах этих возможностей. Спектр этих возможностей определяет общее направление к предельной их реализации посредством производственных отношений. Но эти возможности могут быть реализованы в разных отношениях и в различной степени: хотя общее направление изменения производственных отношений определяется наличным производительным отношением к природе, однако реализация возможностей может быть осуществлена в различных отношениях и в различной степени, т. е. в так или иначе различающихся производственных отношениях.

Здесь, при данных производительных силах, в реализации их возможностей люди могут влиять на степень и в какой-то мере, частично на характер их реализации.

Изменение производственных отношений, даже частичное, есть изменение производства как *целого* (в том или ином отношении). Следовательно, степень и частично характер реализации возможностей, имеющихсЯ в наличных производительных силах, хотя в общем и целом определяются этими производительными силами и наличными производственными отношениями, но зависят и от чего-то такого, что не сводится полностью ни к наличным производительным силам, ни к наличным производственным отношениям. Что же еще влияет на реализацию посредством произ-

водственных отношений возможностей, имеющихся в наличном производительном отношении к природе?

Влияют сами люди, но постольку, поскольку их цели и действия не сводятся только к наличному производительному отношению к природе и к наличным производственным отношениям. Таков неизбежно последовательный ход мыслей в том случае, если производительные силы фиксируются как данные.

И наоборот, если в качестве данных берутся производственные отношения, то дело предстает так. Изменение производительных сил происходит в рамках определенных производственных отношений, а не просто само по себе, не вне производственных отношений, не в чистом виде. И тут производственные отношения определяют, как именно и в какой степени реализуются возможные изменения, имеющиеся в производительных силах. Сами по себе эти возможности есть лишь возможности, реальны они только в единстве с наличными производственными отношениями.

Тем не менее, всякие производительные силы имеют тот или иной, более или менее определенный спектр возможностей своего изменения, и производственные отношения не могут «игнорировать» весь этот спектр. Наличные производственные отношения могут воздействовать на изменение производительных сил в рамках того спектра возможностей изменения производительных сил, который имеется в наличных производительных силах. При этом и при предположении определенных производственных отношений в качестве данных и производительных сил в качестве данных их отношение, по сути дела, представляется внешним, а потому наиболее глубокое противоречие общественной жизни ищут не в самом взаимодействии производительных сил и производственных отношений, а вне его. Типичный ход рассуждений таков: производственные отношения определяются производительными силами, производительные силы зависят от потребностей... Действительное положение вещей представляется перевернутым: внутреннюю связь (соотношение производительных сил и производственных отношений) принимают за внешнюю, а более повер-

хностное, внешнее предстает в качестве внутреннего, в этом более поверхностном ищут источник самодвижения общества.

Внимательный читатель может заметить, что наше изложение шло от рассмотрения человека как биологического существа, в котором *непосредственно* едино биологическое и социальное, причем на первый план в этом единстве выступает биологическое в человеке (но не в отрыве от социального, социальное присутствовало в неявном виде), к характеристике *преимущественно социального, социального самого по себе* (в связи с биологическим, но без специального анализа этой связи), т. е. к характеристике труда, производства, производительных сил и производственных отношений. Теперь мы перейдем к *специальному* рассмотрению *единства и форм* единства социального и биологического, единства уже не непосредственного, а внутри себя расчлененного.

Прежде чем продолжить этот анализ, вернемся к способу производства.

Предположим, что наличные производственные отношения позволяют наилучшим образом реализовать возможности, имеющиеся в наличном производительном отношении к природе. Тогда при производительном отношении к природе, повторяющемся в том же самом виде, производственные отношения остаются теми же самыми (прочие условия предполагаются равными).

Но производительное отношение к природе при его простом возобновлении оказывается, как мы видели, вместе с тем его изменением. Общее направление изменения производительного отношения к природе в таком случае сначала определяется необходимостью производить ради удовлетворения биологических потребностей, двигателем развития производительного отношения к природе тут служит сохраняющаяся разность между количеством и качеством продуктов производства и мерой биологически обусловленных потребностей. По достижении производством такого уровня, когда эти продукты производства имеются в изобилии для удовлетворения телесно обусловленной меры биологических потребностей, главным двигателем развития производительного от-

ношения к природе становится удовлетворение потребности в труде – противоречие между потребностью в труде и достигнутым уровнем и характером возможностей ее удовлетворения.

Изменение производительного отношения к природе происходит в рамках определенных производственных отношений, а не просто само по себе, не вне производственных отношений, не в чистом виде. И тут производственные отношения определяют, как именно и в какой степени реализуются возможности изменения, имеющиеся в данном производительном отношении к природе. Сами по себе эти возможности есть лишь возможности, реальны они только в единстве с наличными производственными отношениями.

Тем не менее, всякое данное производительное отношение к природе имеет тот или иной, более или менее определенный спектр возможностей своего изменения, и производственные отношения не могут «игнорировать» весь этот спектр. Наличные производственные отношения могут воздействовать на изменение производительного отношения к природе в рамках того спектра возможностей изменения производительного отношения к природе, который имеется в наличном, данном производительном отношении к природе.

Глава 4

ЯВЛЕНИЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ, ЕГО ФОРМЫ. НАДСТРОЙКА. ЛЮДИ КАК ЛИЧНОСТИ

Рассмотрение человека как индивида, как существа, в котором непосредственно едины биологическое и социальное, есть рассмотрение предпосылки человека как личности. Переход к анализу труда, производительного отношения к природе – это переход к анализу человека как *естественного* существа, к анализу сущности человека¹. *Человек, поскольку он – общественное, а не просто биологическое существо, есть личность. Личностное в человеке есть специфически человеческое в человеке.*

Труд, производство как взаимоотношение человека и природы диктует возможность человека в качестве общественного существа. Но именно в производственных отношениях эта возможность *реализуется*. Именно включенность в производственные отношения есть реальная включенность индивидов в *обществен-*

---

¹ В широком смысле сущность включает в себя собственно сущность, явление и действительность. Это включение в сущность явления и действительности правомерно потому, что явление и действительность не есть нечто лишь непосредственное, а есть *необходимые (сущностные)* формы проявления сущности в непосредственном. В узком смысле слова сущность есть сущность сама по себе в отличие от непосредственного, внешнего и т. п., в том числе от необходимых форм проявления сущности в непосредственном, внешнем и т. п. В широком смысле сущностью человека является *вся совокупность, весь ансамбль общественных отношений*. В узком смысле сущность человека – единство производительного взаимоотношения с природой и производственных отношений, или, можно сказать, единство производительных сил и производственных отношений.

ные взаимоотношения с природой. Производительное отношение индивидов к природе – возможность их существования в качестве личностей; включенность индивидов в производственные отношения, в общественные отношения производства есть реальность их существования в качестве личностей.

Следовательно, все люди, поскольку они трудятся, производительно относятся к природе и участвуют в производственных отношениях, уже тем самым представляют собой личности¹. Сфера общественного производства есть ядро человеческого общества. Таковую же роль сфера общественного производства играет и в образовании, и в развитии людей как личностей.

Предположим, что производительное отношение к природе и производственные отношения существуют, воспроизводятся в неизменном виде. Тогда включение в них новых рождающихся и подрастающих индивидов будет превращением этих индивидов в личности. Но, будучи включены в производственные отношения, эти индивиды перестанут изменяться как личности. Их деятельность в качестве личностей будет неизменной, неизменно повторяющейся, не требующей изменения целей, и потому, так сказать, механической, безличностной.

Производительные силы и производственные отношения *проявляются* через биологические, шире говоря, природные связи людей друг с другом и с остальной природой. Ныне выделяется сфера социального в узком смысле слова. Но выделяется эта сфера скорее на эмпирическом уровне, определяется же путем перечисления того, что к ней относится. Мы пополагаем, что *сфера социального в узком смысле слова – это сфера явления общества*. Тем самым оказывается возможным вычленить эту область теоретически.

---

¹ Следует иметь в виду, что сами производственные отношения исторически возникают, формируются, развиваются, а потому и люди как личности в этом смысле тоже находятся исторически на разных стадиях развития. Поэтому, например, ответ на вопрос, являлся ли раб-производитель личностью, необходимо предполагает решение вопроса о том, на какой стадии развития находились производственные отношения (в их отличии от природных) в рабовладельческом обществе.

В самой простой форме общественный способ производства проявляется через отношение человека как биологического существа к остальной природе, через биологическое потребление. Например, с биологической точки зрения человек для поддержания своего существования, для удовлетворения потребности в еде нуждается в определенном количестве определенных веществ, представленных в различного рода предметах природы. Потребность в пище и ее удовлетворение, взятые как относящиеся к сфере явления общества, – это потребление *произведенных* предметов потребления и при помощи *произведенных* средств, следовательно, в этом отношении потребность в пище социально обусловлена.

В более сложной форме проявления общества происходит «просвечивание» социального, общественного способа производства через отношение биологического воспроизводства людей. Законы народонаселения, например, относятся главным образом к сфере явления общества.

Еще более сложная развитая форма проявления общества – непосредственное воздействие на биологические потребности людей самого процесса труда: воздействие на человека как биологическое существо длительности, интенсивности процесса труда, производства, влияние на человека как биологическое существо условий труда и производства, разделения труда и производства, а также отдыха и т. д.

В сфере явления общества общественное «просвечивает» через биологическое и в биологическом, но все же основным остается то, как социальное обнаруживается *непосредственно* в биологическом, в биологических связях *индивидов*. Возьмем, например, классы (правда, строго говоря, рассмотрение классов не входит в задачу логического рассмотрения общества, так как классы существуют только на некоторых не вполне зрелых стадиях развития человечества). Классы различаются прежде всего в сфере сущности общества, внутри общественного способа производства. Вместе с тем, классы относятся и к сфере явления общества, имеют социальную сторону в узком смысле слова. В этом социальном

аспекте класс выступает главным образом с точки зрения того, что его место и роль, единство положения его членов в общественном способе производства проявляются в *одинаковости* жизни индивидов, относящихся к классу (в одинаковости условий труда, производства и в одинаковости их влияния на индивидов, в уровне обеспеченности пищей, жильем и т. д. и т. п.). Можно сказать, что в таком, узком социальном отношении *единство* класса предстает *через одинаковость* жизненных интересов входящих в него *индивидов*.

При рассмотрении сферы явления общества люди уже предстают *в какой-то степени как личности, и все же непосредственно на первый план выступает то, что они есть человеческие индивиды*.

Предположим теперь, что производительное отношение к природе и производственные отношения изменяются. Это значит, что изменяется деятельность людей в качестве личностей. Именно изменение производственных отношений, изменение *общественных* отношений производства порождают потребность предвосхитить изменение общества в представлении, идеально. Чем более сформировались производственные отношения и чем кардинальнее нужда в их изменении, тем больше потребность предвосхищения изменения общества.

Именно *изменение* производственных отношений ближайшим образом порождает потребность в индивидах, в той или иной степени *сознающих* свое участие в *общественном целом*. Или, иначе говоря, потребность в *общественном* сознании вытекает из производства как *процесса*, т. е. как изменяющегося, и ближайшим образом — из *общественных* отношений производства как *процесса*, т. е. как именно изменяющихся отношений. *В полной мере человек есть личность в качестве сознательного участника изменения общества как целого* (а значит, и соответствующего изменения себя самого).

Забегая вперед, чтобы снять недоразумения, возможные у некоторой группы читателей, заметим следующее. Сознание в це-

лом вырастает из процесса производства и главным образом существует ради процесса производства. *Сознание имеет в себе две стороны*; с одной стороны, это предвосхищение в представлении, т. е. идеально, результата преобразования предмета труда средствами труда, иначе говоря, речь идет о *знании*; с другой стороны, это есть предвосхищение в представлении, идеально, своего отношения к людям и людей к себе, отношений людей друг к другу. Вторая сторона и есть само по себе сознание, т. е. знание со стороны его *общественного* существования, существования через общественные отношения. С этой второй стороны, сознание само по себе необходимо включает в себя, необходимо предполагает самосознание. Сознать, *совместно, общественно* знать нельзя, если индивиды не отличают себя друг от друга в качестве знающих, если индивиды не знают себя в качестве знающих по отношению к другим индивидам. Первая сторона (знание) вырастает преимущественно из взаимоотношения человека и природы, вторая сторона — из взаимоотношения людей в производстве, труде. И подобно тому как производительные силы и производственные отношения, труд как обмен веществ с природой и труд как общественный труд существуют реально лишь в их внутреннем единстве, так и обе стороны сознания внутренне едины друг с другом в своем различии. Как отдельный человек не существует вне внутренней связи с другими людьми, обществом и наоборот, так и сознание людей внутренне едино и различно с самосознанием. Тем не менее можно заметить, что первая сторона сознания (знание) в большей мере обусловлена отношением человека к природе, а вторая сторона (собственно сознание) в большей мере обусловлена отношениями людей друг к другу в труде, в производстве, общественными отношениями производства. И если мы ближайшим образом выводим здесь *вторую* сторону сознания из производственных отношений, то первая сторона вне специального фиксирования ее связи со второй рассмотрена при характеристике обмена веществ человека и природы.

Всякое данное производительное отношение к природе имеет спектр возможностей своего применения и изменения. В зависимости от тех или иных производственных отношений эти возможности могут быть реализованы так или иначе, в той или иной степени, но они не могут (по крайней мере, надолго) выйти за «рамки» этих возможностей. В этом смысле они не могут совершенно и более или менее длительно не соответствовать производительному отношению к природе.

От чего же зависит то, какие *именно* производственные отношения образуются при разрешении несоответствия старых производственных отношений наличным производительным силам, т. е. насколько и как образующиеся производственные отношения реализуют возможности, имеющиеся в наличном производительном отношении к природе? Само изменение производственных отношений в общем и целом вызывается их несоответствием производительному отношению к природе, их несоответствием производительным силам. Но какое несоответствие производственных отношений имеющимся производительным силам необходимо для осуществления изменения имеющихся производственных отношений? И достаточно ли это необходимое развитие имеющихся производственных отношений для того, чтобы совершился их переход в иные производственные отношения? Начнем с ответа на последний вопрос.

Абсолютное, совершеннейшее соответствие производственных отношений производительным силам невозможно. Всякое соответствие имеющихся производственных отношений наличным производительным силам включает в себя в той или иной степени, в том или ином отношении также и несоответствие.

Возникновение новых производственных отношений есть возникновение производственных отношений, соответствующих наличному производительному отношению к природе, наличным производительным силам. Вместе с тем оно есть возникновение нового несоответствия возникших производственных отношений существующим производительным силам.

Как всякий процесс развития, соотношение данных определенных производственных отношений и определенных производительных сил, на основе которых они возникли, проходит типичные стадии.

Стадия возникновения новых производственных отношений — стадия возникновения как соответствия, так и несоответствия вновь возникших производственных отношений имеющимся производительным силам. На этой стадии новые производственные отношения в основном соответствуют унаследованным производительным силам, унаследованному производительному отношению к природе.

Стадия формирования новых производственных отношений. На этой стадии в рамках новых производственных отношений происходит изменение унаследованных производительных сил, унаследованного производительного отношения к природе. Вместе с тем, формируется несоответствие новых производственных отношений изменяющимся в их рамках производительным силам, изменяющемуся в их рамках производительному отношению к природе.

Стадия зрелости новых производственных отношений. На этой стадии в рамках новых производственных отношений сформировываются *качественно иной характер и соответствующий ему уровень* производительных сил по сравнению с унаследованными характером и уровнем производительных сил. На этой стадии достигает зрелости несоответствие новых производственных отношений производительным силам, качественно и количественно изменившимся по сравнению с унаследованными производительными силами.

Стадия упадка, регресса, загнивания, умирания этих производственных отношений. Если даже на стадии возникновения новых производственных отношений нет и не может быть *абсолютного соответствия, только соответствия* новых производственных отношений имеющимся производительным силам, то даже на стадии упадка нет *абсолютного несоответствия, только несоответ-*

ствия имеющихся производственных отношений имеющимся производительным силам. Поэтому, хотя и в уменьшающейся степени, в более ограниченных отношениях, но загнивающие производственные отношения никогда абсолютно не закрывают дорогу функционированию и развитию производительных сил, функционированию и развитию производственного отношения к природе. Производительные силы сами по себе никогда абсолютно не исключают старые производственные отношения.

Следовательно, автоматическая смена одних производственных отношений другими вследствие только развития производительных сил и одного лишь противоречия между старыми производственными отношениями и изменившимися (качественно и количественно) производительными силами невозможна.

Смена одних производственных отношений другими, реализация различных возможностей, содержащихся в производительных силах, зависит не только от объективных предпосылок — они необходимы, но недостаточны, — а также и от *мыслей, чувств и действий людей*, направленных либо на поддержание существующих производственных отношений, либо на возвращение к старым, либо на замену существующих производственных отношений иными, не имевшими места прежде.

Наиболее вероятна смена существующих производственных отношений на стадии упадка. Так как изменение производительных сил, вообще производственного отношения к природе лежит в основе изменения производственных отношений (ибо главное для людей, в конечном счете, производительное отношение к природе, а не производственные отношения), то смена существующих производственных отношений в общем и целом закономерно происходит на стадии их умирания.

Однако по мере того как производительное отношение к природе, производительные силы развиваются настолько, что они позволяют производить изобилие материальных благ, производственные отношения приобретают все большую относительную самостоятельность по отношению к производительным силам, про-

изводительному отношению к природе. Люди получают все больше и больше возможностей для выбора производственных отношений, связь производственных отношений с производительными силами, с производительным отношением к природе становится все более опосредствованной. Но, конечно, общей основой для изменения производственных отношений продолжают всегда оставаться производительные силы, производительное отношение к природе, ибо без этого люди не могут существовать.

При отсутствии изобилия материальных благ производственные отношения, их смена более жестко детерминированы производительными силами, производительным отношением к природе, ибо при отсутствии изобилия материальных благ особенно остра необходимость наилучшего использования производительных сил, производительного отношения к природе для того, чтобы получать возможно больше материальных благ.

При наличии изобилия материальных благ существенно изменяется сам характер детерминации производственных отношений производительными силами, производительным отношением к природе. Главным для выбора (сознательного или бессознательного) людьми производственных отношений становится не количество и качество результатов, продуктов производства, а количество и качество процесса труда как способа развития сил человека. При этом связь производственных отношений с производительными силами, с производительным отношением к природе становится более непосредственной.

Так как на любой из отмеченных стадий имеются и соответствие и несоответствие существующих производственных отношений имеющимся производительным силам, то существует возможность миновать или одну из этих стадий, или их все и сразу установить наиболее высокие производственные отношения из тех, которые так или иначе, хотя бы минимально и в самых ограниченных отношениях, соответствуют производительным силам, производительному отношению к природе.

Если рассматривать производительные силы, производительное отношение к природе, производственные отношения в целом, то совершенно закономерно, что на смену существующим производственным отношениям идут производственные отношения, в общем соответствующие имеющимся производительным силам, производительному отношению к природе, ибо именно сохранение и развитие производительных сил, производительного отношения к природе есть главное по сравнению с производственными отношениями. И соответственно закономерной оказывается смена одних производственных отношений другими именно на стадии упадка.

Если же производственные отношения человечества развиваются в различных своих «частях» и т. п. неравномерно, то вполне вероятен «перескок» менее развитых «частей» под влиянием более развитых «частей» через одну или несколько стадий развития. Но, тем не менее, развитие производственных отношений общества, взятых в целом, или, иначе говоря, смена производственных отношений, имеющая *всемирно-историческое* значение, происходит на стадии упадка сменяемых производственных отношений.

Когда именно и как именно происходит смена одних производственных отношений другими, зависит от существующего способа производства, от спектра возможностей его изменения, тающихся в нем самом; но не только от этого, а также от того, как и насколько люди *осознают* имеющиеся возможности, как они *воспринимают* их, как они *действуют* ради реализации тех или иных возможностей, тающихся в способе производства.

Пока речь шла о простейшем отношении, люди выступали либо как одинаковые друг с другом, либо как различающиеся по полу и возрасту. Когда речь шла о производительном отношении к природе и о производственных отношениях в их единстве и в отвлечении от их изменения, т. е. в отвлечении от их изменения внутри *способа производства*, люди различались по их месту, роли, значению в совокупном производстве. Теперь, когда обнаружива-

ется зависимость смены производственных отношений, изменения способа производства от людей, которые не есть только носители труда и носители производственных отношений, на *первый план* выступает то, что люди имеют *свободу выбора*.

Пока рассматривались труд, производительное отношение к природе, в *общем и целом* на первый план выступала *необходимость* (труд, производство представлялись средством удовлетворения биологических или трудовых потребностей), а познание — как познание *необходимости*. Свободу выбора люди имеют потому, что необходимость не есть абсолютно predetermined, объективные возможности таковы, что могут быть реализованы различно, хотя и на основе имеющегося спектра возможностей. Свободу выбора люди имеют также потому, что выбор зависит и от них самих, и от их чувств, сознания, воли, индивидуальных качеств.

Чувства, сознание, действия людей, поскольку дело заключается в изменении производственных отношений, а значит, производства как общественного производства, как *целого*, имеют своим *содержанием* это целое, сферу общественного производства, т. е. представляют собой *общественные* чувства, *общественное* сознание, *общественные* действия.

Свобода выбора отношений людей друг к другу предполагает, что индивид выделяется из коллектива и тем самым развивается как личность. Говоря о выделении индивида, мы не имеем в виду обязательно антагонизм, враждебность индивида коллективу. Речь идет о том, что человек относится к коллективу не как животное, а как существо, осознающее свою связь с другими индивидами, с коллективом, осознающее себя как способного к *различным* мыслям, чувствам, действиям в какой-либо ситуации общения.

Выделение индивидов в коллективе как личностей означает приобретение ими способности к свободному выбору в общении, выбору, основанному на познанной необходимости, т. е. выбору в общении, опирающемуся на то или иное знание других людей, коллектива, себя самого. Знание, познание свободы выбора отно-

шений людей друг к другу есть вторая из упомянутых выше сторон сознания. Еще раз подчеркнем, что знание, познание, с одной стороны, и собственно сознание – с другой, едины. Знание людей своим происхождением обязано главным образом трудовым, производительным отношениям людей к *природе*, сознание своим происхождением обязано главным образом отношениям людей друг к другу в производстве, труде, т. е. производственным отношениям. Подобно тому как производительное отношение к природе не существует реально вне и помимо производственных отношений, так знание и сознание существуют во внутреннем единстве друг с другом и не существуют в отрыве друг от друга. Знание есть всегда реально и собственно сознание, а собственно сознание есть знание. Тем не менее в этом внутреннем единстве имеется и различие. В широком смысле слова и знание, и собственно сознание есть сознание.

Что такое знание и познание? А в связи с этим – что такое сознание?

Познание есть *процесс* получения знания. Знание – *результат* познания. Знание образуется прежде всего в целесообразной деятельности по преобразованию природы. Знание есть отражение. Собственно знание есть верное, правильное отражение. Знание в широком смысле слова включает в себя и верное, правильное, и неверное, неправильное, отражения. Знание в самом узком смысле слова есть абсолютная истина, знание в более широком смысле слова есть единство абсолютной и относительной истины. А в еще более широком смысле слова знание – единство истины (собственно знания) и заблуждения. Если заблуждение закрепляется, раздувается причинами, посторонними к самому процессу познания, то оно вообще выходит за границы знания даже в самом широком смысле слова.

Знание в качестве знания необходимо как верное, правильное отражение. Заблуждение входит в знание и познание лишь постольку, поскольку оно представляет собой *необходимый побочный* момент и продукт, результат достижения истины, верного,

правильного знания. Знание вообще по своему происхождению и по сути есть цель. Знание как цель представляет собой верное, правильное предвосхищение результата, продукта процесса труда, осуществляемое при помощи верного, правильного знания о средстве и предмете труда, их свойствах, а также о способе труда.

Итак, знание есть верное, правильное отражение. Но это не пассивное отражение, *не отражение только того, что есть*. Это отражение есть отражение того, что есть, и, вместе с тем, того, что будет, т. е. *предвосхищающее отражение*. Кроме того, знание есть такое отражение, которое необходимо предполагает *отражение средств и способов* достижения того, что будет, *а также предмета* (или предметов), на который направлены средства.

Тождественны ли цель и знание? По сути своей цель и знание неотделимы друг от друга, внутренне едины, существуют лишь в превращенности друг в друга. Но по своей, так сказать, чистой специфике, в своей обособленности знание предстает как отражение того, что есть, а цель — как предвосхищение результата, того, что будет, как то, что направляет движение к результату, т.е. как управление движением к результату.

Если знание, познание как таковые образуются (имея в виду их специфику по отношению к собственно сознанию) преимущественно в процессе преобразования *природы* и для преобразования природы, то в качестве знания, познания они призваны к преимущественному отражению природы. Производственные, вообще общественные отношения, собственно сознание могут быть объектом и предметом познания, знания, но в этом случае общественные отношения, собственно сознание отражаются со стороны их обусловленности природой, производительным отношением к природе, выступают как *объективно* существующие, как *объект*.

Если собственно сознание как таковое происходит в конечном счете и главным образом из производственных отношений, из *общественных* отношений производства, то и предназначено оно главным образом (но не исключительно) для осознания общественных отношений производства. В знании, познании познается не-

что как *независимое* от познающего, как объект, собственно сознание есть установление единства или установленное единство людей как знающих, познающих в их отличии друг от друга (без отличия нет единства). Сознание, следовательно, необходимо предполагает самосознание. Иначе говоря, в знании, познании познающий – субъект, а то, что познается, – объект, тогда как в собственно сознании знание, познание, отношение *субъекта и объекта* есть необходимый, но подчиненный момент, а главный специфический момент сознания есть отношение *субъектов друг к другу*.

Итак, знание, познание людей едины с собственно сознанием и в отрыве от него реально не существуют; собственно сознание едино с знанием, познанием, необходимо включает их в себя, и в отрыве от знания, познания реально не существует. Сознание в целом, в широком смысле, есть внутреннее единство этих различных сторон.

Исходя из сказанного, мы полагаем, что наука, по преимуществу, есть форма знания, познания (особая форма, скажем, в отличие от обыденного знания, познания). В той мере, в какой знание, познание есть сознание, едины с собственно сознанием, «пронизаны» им, наука представляет собой форму сознания, форму общественного сознания. При сохранении порабощающего разделения труда (или более или менее существенных его остатков) имеет место разделение наук на науки о природе и науки об обществе.

Науки о природе (о природе специфически по-человечески мы можем знать лишь постольку, поскольку она прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно включена в производительный обмен веществ между ней и человеком) представляют собой главным образом знание, познание. Науки об обществе представляют собой главным образом сознание. Наука, соответствующая развитому, зрелому человеческому обществу, – главным образом синтетическая, внутренне единая наука; знание, познание природы и осознание общества низводятся в ней на роль внутренние единых различных моментов.

Специфика содержания собственно сознания, общественно-го сознания, даже если объектом знания, познания служит общество, не сводится к специфике содержания науки.

Собственно общественное сознание, в отличие от науки, вообще от знания, познания, призвано регулировать отношения людей друг к другу как *субъектов*, что необходимо предполагает отношение людей друг к другу также и в качестве самосознающих. Поскольку человек обладает собственным сознанием и самосознанием, постольку он есть *личность*.

Человек как личность существует лишь в коллективе, лишь в отношении к коллективу и притом как способный к свободному выбору своих отношений с другими людьми. Образование личности представляет собой и выделение индивида из коллектива, и осознание единства с коллективом. Специфически человеческий коллектив — это коллектив, состоящий из личностей. Следовательно, образование личности есть в то же время процесс расчленения общности индивидов и их объединения как расчленяющихся.

Собственно общественное сознание существует реально в качестве сознания индивидов и тех их отношений, связей, которые образуются и существуют благодаря тому, что они, прежде чем образоваться, проходят через сознание. Нет общественного сознания без личностей, нет личностей без общественного сознания, они взаимно предполагают друг друга и друг без друга не существуют. *Личность* есть индивид, обладающий сознанием (и самосознанием) и действующий как сознающий (и самосознающий) индивид. Сознание (и самосознание) индивида есть индивидуальное, а точнее, личностное, или личное, сознание (и самосознание). Общественное *сознание* не существует иначе, как в головах индивидов, и, вместе с тем, не сводится к индивидуальному, точнее, личностному сознанию (и самосознанию), а представляет собой продукт деятельности коллектива, продукт деятельности индивидов, образующих *целое*.

Общественное сознание складывается только из сознаний индивидов, точнее, личностей, надындивидуального сознания как сознания личности не существует. Но, вместе с тем, общественное сознание не тождественно ни сознанию отдельной личности, ни сознанию суммы всех личностей, так как общественное созна-

ние – продукт развития *общества, ансамбля* людей, не сводимого к их простой сумме, а представляющего собой *целостность*, органическое единство. Да и само сознание отдельной личности, как только исключительно индивидуальное сознание, не существует, ибо сознание есть знание себя в связи и различии с другими людьми, знание других людей в связи и различии с собой.

Сознание реализуется всегда в головах индивидов, личностей, но *содержание* сознания есть *общественное* содержание. Благодаря тому что сознание реализуется в головах индивидов, сознание какого-либо индивида (или сознания индивидов) предстает для любого другого данного сознающего индивида как нечто *внешнее, объективно, независимо от него данное, выступающее для него в материальной «оболочке»*. Тут хорошо видно, что сознание других индивидов для данного индивида в отмеченном отношении выступает как *объект*, как то, что познается, как объект знания, познания. Следовательно, в этом отношении знание, познание оказываются необходимым моментом собственно сознания.

Общественное *сознание* есть внешнее, объективное, данное независимо от отдельного сознающего индивида, поскольку помимо этого сознающего индивида имеются другие сознающие индивиды; но вместе с тем индивидуальное сознание представляет собой сознание, общественный продукт, установленное или устанавливаемое единство с другими людьми, как сознающими и самосознающими, образует собой внутренний момент общественного сознания.

В собственно общественном сознании для каждого индивида другой индивид или другие индивиды выступают не только в качестве объектов, но главным образом в качестве субъектов (объектом знания, познания здесь будет субъект) и притом как субъектов, внутренне единых друг с другом. Иначе говоря, *собственно* общественное сознание есть знание и познание различными людьми других людей и самих себя в их связях, отношениях, единстве друг с другом как активных и знающих других и себя в этом единстве.

Что образует объект собственно общественного сознания, или сознания в узком смысле (взятого как таковое и в полном объеме), в отличие от его формы (форм)? То в связях, отношениях различных людей, что есть и совершается без участия сознания, что происходит и без сознания.

Что же происходит в отношениях, связях людей без участия общественного сознания? Но прежде чем ответить на поставленный вопрос, необходимо заметить, что *общественное сознание в узком смысле по самой своей сути – сознание общества*, т. е. сознание целого, сознание *общества как целого*, хотя, конечно, это сознание может быть более или менее отчетливым, более или менее верным, совершаться так или иначе, воспроизводить те или иные аспекты целого в той или иной степени...

Объектом общественного сознания, взятого в узком смысле, являются производственные отношения, как не зависящие от общественного сознания. Производственные отношения не зависят от общественного сознания постольку, поскольку производственные отношения определяются с необходимостью спектром возможностей, имеющихся главным образом в производительных силах, в наличном производительном отношении к природе.

Поскольку определенное общественное сознание вырастает из этого отношения к природе и обусловленных им производственных отношений, постольку производительное отношение к природе и производственные отношения образуются и развиваются, не проходя при своем складывании полностью как целое через общественное сознание. И даже сознательное развитие производительного отношения к природе, производительных сил, производственных отношений, хотя и есть предвосхищение этого развития, но границы предвосхищения всегда в конечном счете определяются самим этим развитием.

Следовательно, общественное сознание всегда, на всех стадиях развития общества, с одной стороны, играет известную роль в развитии способа производства, с другой – эта роль не является определяющей.

Знание человека есть не просто отражение, а отражение предметов, процессов и т. п. с точки зрения возможностей их изменения. Общественное сознание, поскольку оно есть, между прочим, и знание, есть отражение материальной жизни общества, главным образом производственных отношений, обязательно как процесса с точки зрения возможностей их изменения (коренного или не коренного). Общественное сознание как собственно сознание *«призвано»* регулировать отношения людей как *активных и знающих себя в их единстве в качестве субъектов*, прежде всего и главным образом в сфере производственных отношений. Естественное, что и с той, и с другой стороны общественное сознание имеет *особенное значение* тогда, когда *необходимо коренное изменение* общественного способа производства. Соответственно, роль общественного сознания менее значительна в период по преимуществу простого функционирования данного способа производства.

Из сказанного следует, что в общем и целом наименее значительна роль *общественного* сознания на стадии возникновения новых производственных отношений, на стадии наибольшего соответствия существующих производственных отношений имеющимся производительным силам, а наиболее значительна роль *общественного* сознания на стадии упадка существующих производственных отношений.

Содержание общественного сознания вообще, поскольку общественное сознание есть знание и познание, представляет собой отражение главным образом производственных отношений и особенно возможностей их изменения, обусловленных имеющимся производительным отношением к природе, имеющимися производительными силами¹. Поскольку же содержание общественного сознания есть *отражение*, существующее в головах *индивидов*,

---

¹ Подчеркнем еще раз: науки об обществе в той мере, в какой они представляют собой познание, знание общества, изучают общество как *объект*: в формах собственно общественного сознания (и в науках, поскольку они относятся к этим формам) отражаются люди как *субъекты* и связи, отношения людей как связи, отношения субъектов, *активных, действующих, чувствующих, мыслящих людей*.

постольку на содержание общественного сознания влияет, хотя это и не главное влияние, своеобразие *индивидов*, специфика их индивидуального отражения. Реализуется это отражение индивидами, обладающими не только определенными биологическими потребностями, занимающими определенное место в производительном отношении к природе и в производственных отношениях, но также определенными природными задатками, вступающими в своеобразную «реакцию» с общественной средой, в результате которой (реакции) образуется своеобразная личность, имеющая черты как общие со всеми другими или с частью других личностей, так и неповторимые. (Среда, в которой возникает, формируется, развивается личность, у каждого индивида обладает не только общими, но и своеобразными, неповторимыми чертами и неповторимым их сочетанием.)

Отражение индивидами действительности происходит в деятельности, в действии, при помощи чувств и мыслей.

Знание вырастает в труде, как момент труда (под трудом мы подразумеваем труд во всем его многообразии, в том числе и умственный). Знание, взятое в целом, получается в конечном счете прежде всего ради преобразования природы и в процессе преобразования природы. Знание (в его специфике по отношению к внутренне единому с ним сознанию) об обществе, о людях представляет собой как бы «перенос» способа, характера отражения преобразуемой природы на особую, социальную форму движения материи. Поскольку общество, люди едины со всей остальной природой, постольку их достаточно главным образом познать; поскольку же общество, люди не сводятся ко всей остальной природе, постольку их отражение осуществляется преимущественно сознанием. Но люди, общество отличны от природы во внутреннем единстве с ней; знание и сознание отличаются друг от друга также в их внутреннем единстве друг с другом. В той мере и в том отношении, в какой мере и в каком отношении человек преобразует природу, он проникает *внутрь* природы, внутрь природных предметов, процессов, явлений, вскрывает то, что в природе самой по

себе «скрывается», что в *непосредственно* данных предметах, явлениях, процессах природы не имеет места.

То в природе, что воспринимается непосредственно без и вне ее преобразования, отражается главным образом чувственно. В чувствах отражается, по преимуществу, непосредственно данное, внешнее. Те стороны, черты и т. п. процессов, предметов, явлений природы, которые обнаруживаются благодаря процессу преобразования, не даны без процесса преобразования, не даны непосредственно, внешне, а есть *внутренние, существенные* стороны, черты и т. п.

Так как труд (в качестве процесса обмена веществ между человеком и природой) достигает зрелости тогда, когда он становится устойчиво, постоянно совершающимся и происходящим при помощи искусственно созданных *средств* труда, то и в познании, знании закрепляется, становится устойчивым отражение того, что не дано непосредственно, но представляет собой внутреннее, существенное, тогда, когда и в познании, знании *специально* отражаются *средства и способы познания*.

Собственно человеческое мышление как знание есть *отражение внутреннего, сущности процессов, предметов, явлений, причем с выделением средств и способов постижения внутреннего, сущности*¹. Но постижение средств и способов отображения внутреннего, сущности есть направленность мышления на само мышление. Следовательно, развитое мышление человека, ставшее мышлением *человека*, — это отображение внутреннего, сущности процессов, предметов, явлений, на которые направлено мышление, и одновременно мышление о мышлении, а именно — при рассмотрении мышления в качестве познания — мышление о средствах и способах мышления.

Человеческое мышление как сознание, если его рассматривать в «чистом» и развитом виде, есть мышление и мышление о

---

¹ Осознание средств и способов достижения внутреннего, сущности начинается задолго до возникновения теории познания как особой области знания, задолго до возникновения наук. Мышление о мышлении развивается, представляет собой процесс. Исторически мышление о мышлении образуется сначала как еще не обособившийся момент, как момент синкретического восприятия людей.

мышлении именно с точки зрения отражения их связи с *общественными* потребностями, с точки зрения их *общественной* природы, их *общественной* роли и значения.

Человеческое мышление как *самосознание* есть осознание индивидом, личностью своего мышления (т. е. это тоже направленность на мышление, но тут на мышление может быть направлено не только мышление, но и чувства) в его связи и различии с сознанием других людей, с общественным сознанием.

Чувства человека не существуют в отрыве от мыслей, чувства человека всегда в той или иной степени, так или иначе связаны с его мыслями, с его сознанием, связаны с чувствами и мыслями других людей как индивидов и как общественного целого.

Чувства и мысли индивидов, их сознание побуждают их к действиям и направляют их действия.

Объект общественного сознания не зависит от общественного сознания. А объект у общественного сознания есть, ибо оно есть *со-знание*. Но для общественного *со-знания* характерны *отражение субъекта как субъекта и воздействие на людей как субъектов*. Поскольку же имеется в виду общественное *со-знание*, постольку оно имеет содержание, не сводимое просто к отражению процессов, отношений, связей, не зависящих от общественного сознания, постольку оно имеет содержание, не сводимое только к знанию, познанию. Само это содержание общественного сознания имеет различные формы.

Содержание и формы общественного сознания есть продукты взаимодействия людей, имеющих чувства, мысли, людей действующих.

Каковы же основные формы¹ общественного сознания? Так как для общественного сознания характерны отражение субъекта

---

¹ Когда говорится о *формах* общественного сознания, то имеется в виду (отдают себе в этом отчет или нет – безразлично) оформившееся, сформировавшееся, т. е. зрелое, общественное сознание. Относительно несформировавшегося общественного сознания и постольку, поскольку оно не сформировалось, целесообразнее говорить о различных сторонах и т. п. общественного сознания. Форма общественного сознания, в отличие от других форм, есть некое определившееся и относительно самостоятельное особое образование.

как субъекта и воздействие на людей как субъектов, а это отражение и воздействие осуществляются в действии и при помощи чувств и мышления, то общественное сознание расчленяется на три основные формы в зависимости от преобладания того или иного из этих трех моментов (т. е. действия, чувств, мышления) ¹.

«Вначале было дело», – справедливо гласит поговорка. Поэтому мы начнем с формы общественного сознания, для которой характерно преобладание действия. Какова та форма общественного сознания, в функционировании которой преобладает влияние действий, или, иначе говоря, в которой оформление общественного сознания происходит при преобладающем влиянии действия? Речь идет о действиях личностей, о действиях сознающих и самосознающих индивидов, т. е. индивидов, выделившихся из коллектива и так или иначе сознающих и свое выделение из коллектива, и свою связь с ним. Кроме того, речь, естественно, идет о действиях индивидов по отношению к другим индивидам и коллективу, о действиях, направленных на других индивидов и на коллектив в целом (или о действиях, направленных на преобразование природы, но постольку, поскольку эти действия влияют *непосредственно* на других индивидов, на коллектив).

Во всяком целом его части, стороны подчинены целому. Какова высшая цель действий индивидов по отношению друг к другу и к коллективу? Сохранение и развитие целого, т. е. коллектива, в конечном счете сохранение и развитие всего общества, всего человечества как целого² и притом наилучшее сохранение и раз-

---

¹ Наука есть главным образом форма *знания*, форма *познания*. В той мере, в какой знание, познание необходимо включают в себя сознание и едины с сознанием, наука представляет собой также форму общественного сознания. Тем не менее наука, по преимуществу, все же форма знания, форма познания.

² Мы рассматриваем здесь общество в логическом аспекте. А логический способ исследования, указывал Ф. Энгельс, есть «отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» [1, т. 13, с. 497]. Поэтому если возникнет, например, вопрос: относится ли это к первобытному обществу, то такой вопрос будет основываться на непонимании специфики логического способа исследования.

витие всего человечества. *Если сохранение и развитие коллектива противоречат сохранению и развитию индивида, то более существенным являются сохранение и развитие коллектива, а сохранение и развитие человечества в целом более существенны, чем сохранение той или иной его части (класса, слоя, группы и т. п.). Идея добра в ее наивысшем развитии – идея направленности действий на сохранение и развитие всего человечества.*

Действия индивидов определяются прежде всего и главным образом необходимостью удовлетворения биологических потребностей, тем или иным местом в производительном отношении к природе и в производственных отношениях. Их материальное положение, их место в материальной общественной среде определяет их материальный интерес. Говоря о материальном интересе, мы имеем в виду интерес, поскольку он с необходимостью определяется материальным положением, местом в материальной общественной среде. Так как общество есть не только и не просто сумма индивидов, а целое, то у общества как целого есть материальные интересы, не сводимые к материальным интересам отдельных индивидов или даже просто к одинаковым интересам всех отдельных индивидов, взятых в качестве простой суммы индивидов.

Если общество разделяется на части (классы, слои, группы и т. п.) по их материальному положению, то каждая из этих частей сама может быть меньшим целым и обладать материальными интересами, присущими им именно как таким целым.

Материальные интересы с необходимостью определяют действия индивидов, частей общества. Но, как мы уже писали, эта *необходимость* действия определяет их *пределы*. В пределах же, определенных каждый раз с необходимостью, возможен спектр различных действий (та или иная реализация этих возможностей есть, вместе с тем, и определенное изменение необходимости). Поскольку материальное положение индивидов, общества, его частей не есть нечто неизменное, постольку изменяются и материальные интересы.

Человек действует как сознающий (и самосознающий) индивид. Поэтому он может выбирать различные возможные действия в спектре, определенном его материальными интересами.

Часть общества, действующая как целое, и все общество, действующее как целое, также могут выбирать различные действия в спектре, определенном их материальными интересами.

Эти действия могут приносить либо пользу, либо вред (польза и вред могут различаться по степени).

Общественное сознание не сводится ни к индивидуальному сознанию, ни к простой сумме сознаний всех индивидов. Однако общественное сознание и не существует в отрыве от индивидуального сознания, от сознающих индивидов. Общественное сознание есть *связь* индивидов как сознающих (и самосознающих) индивидов.

Следовательно, форма общественного сознания, фиксируемая через призму *действий* сознающих (и самосознающих) индивидов, есть *форма связи* сознающих и (самосознающих) индивидов друг с другом, фиксируемая через призму их действий, форма именно связи, а не просто одинаковости изолированных индивидов.

При такой форме общественного сознания действия осознаются и совершаются с точки зрения их пользы и вреда для других индивидов, для связи индивидов, поскольку она отлична от составляющих общество отдельных индивидов, т. е. для индивидов, объединенных в целое.

Полезность действий людей как сознающих (и самосознающих) индивидов для наилучшего сохранения и развития человечества как целого есть *добро в его наивысшем развитии*. Вредность действий людей как сознающих (и самосознающих) индивидов для сохранения *и развития* человечества в целом есть зло в его наивысшем развитии.

Внутри этой формы общественного сознания можно, в свою очередь, различить, что по преимуществу относится к содержанию, а что — к форме.

Сначала о содержании внутри этой формы.

1. Действия индивида могут быть направлены на пользу другого индивида или части общества, или всего общества в целом, и, вместе с тем, они могут быть полезны самому индивиду. 2. Действия индивида могут быть направлены на пользу другого индивида или части общества, или всего общества, и, вместе с тем, они могут быть вредны самому индивиду. 3. Действия индивида могут быть направлены во вред другому индивиду или части общества, или всему обществу, и, вместе с тем, они могут быть полезны самому индивиду. 4. Действия индивида могут быть направлены во вред другому индивиду или части общества, или всему обществу, и, вместе с тем, они могут быть вредны самому индивиду. Возможны переплетения этих случаев в различных отношениях и в разных ситуациях. Действия осуществляются в рамках противоположности добра и зла.

В основе всех этих действий лежат материальные интересы, их одинаковость или неодинаковость, их связи, различия, противоположности, противоречия. Но как сознающий (и самосознающий) индивид, стремящийся своими действиями принести пользу или вред другому индивиду (другим индивидам), части общества или всему обществу в целом, человек действует преимущественно в рамках общественного сознания, притом его определенной формы.

Поскольку часть общества и все общество представляют собой целые, не сводимые ни друг к другу, ни к отдельным индивидам, ни к сумме индивидов, постольку добро и зло, с точки зрения сугубо индивидуальной, добро и зло, с точки зрения части общества как особой целостности, и добро и зло, с точки зрения всего общества как целого, не сводимы друг к другу.

Необходимость добра и зла, с точки зрения отдельного индивида, с точки зрения разных индивидов, с точки зрения части общества как особой целостности и всего общества как целого, служит основанием для существования *долга*. Так как сознание есть по своей сути *общественное* явление, то и долг — явление

общественное. Долг – требование действия в соответствии с добром, поскольку это добро не совпадает непосредственно с сугубо индивидуальной пользой. Действия в соответствии с сугубо индивидуальной пользой, совершаемые сознающим (и самосознающим) индивидом, не есть добро, ибо добро отсутствует, если нет действия сознающего (и самосознающего) индивида, направленного на пользу существования другого индивида (или индивидов) как общественного существа.

Следовательно, долг – это *внешнее* требование действия в соответствии с добром. Человек может или сам выбрать исполнение долга, или быть к этому вынужден. Если действие в соответствии с добром усваивается индивидом, пропускается через его внутренний мир и образуется *потребность* в его совершении, то у человека формируется *совесть*. Совесть есть *внутренняя* потребность личности (индивид, не являющийся личностью, не может иметь совести) в совершении действий в соответствии с добром. Отсюда видно, что долг и совесть существуют всегда, когда существует общество, они необходимы для существования общества, у изолированного индивида они невозможны и образуются у сознающих (и самосознающих) индивидов в процессе их участия в жизни общества.

Материальным основанием добрых действий служат одинаковость и главным образом единство, связь материальных интересов. Материальным основанием злых действий служат неодинаковость, различие и главным образом противоположность и противоречие материальных интересов. Но, как уже отмечалось, это – основание, к которому действия, их выбор не сводятся, ибо добрые и злые действия есть действия сознающих (и самосознающих) индивидов.

Тем не менее, если в обществе преобладают одинаковость и единство материальных интересов, то в нем преобладают добрые действия, если в обществе преобладают неодинаковость, различие, а тем более противоположность и противоречия материальных интересов, то в нем преобладают злые действия.

Конечно, коль скоро материальные интересы индивидов как *индивидов*, даже если они одинаковы у всех индивидов, никогда не могут быть полностью сведены к материальным интересам общества как *целого*, то всегда сохраняется материальное основание для злых действий. Но имеется колоссальная разница между таким состоянием, когда материальный интерес общества, хотя и не сводится полностью к непосредственному интересу индивида, отличается от него, но в конечном итоге не противоречит ему и оказывается опосредованным материальным интересом индивида и таким состоянием общества, когда материальный интерес общества или части общества противоположен, противоречит непосредственному материальному интересу индивида.

На тех этапах истории человечества, когда развитие общества происходит преимущественно путем раскола общества на противоположные и противоречащие части, имеющие противоположные и противоречащие интересы, развитие добра происходит, но происходит в общем и целом не непосредственно, а через его отрицание злом, через осуществление зла, т. е. через свою противоположность. *Непосредственно и ближайшим образом* господствует зло, но преобладание зла необходимо в конечном счете для развития добра и как подготовка к преобладанию добра, более того, добро, когда существование эксплуатации исторически необходимо, осуществляется в общем и целом через осуществление зла, через осуществление своей противоположности.

Поскольку общество развивается в целом и как целое прогрессивно, постольку всегда *в конечном счете* доминирует добро. И тем не менее непосредственно на тех или иных стадиях прогрессивного развития человечества это развитие может с необходимостью происходить через осуществление и развитие зла, через непосредственное доминирование зла.

Осуществление в конечном счете добра через непосредственное осуществление господства зла происходит при наличии противоположности и противоречия в обществе материальных интересов и противоположности, противоречий материальной

деятельности носителей таких интересов. Тогда то, что есть добро с точки зрения носителей одних материальных интересов, оказывается злом с точки зрения носителей противоположных и противоречащих интересов. И наоборот.

Высшее добро, т. е. добро с точки зрения развития *всего* человечества, опосредствовано этой противоположностью и осуществляется постольку, поскольку те или иные из противоположных и противоречащих интересов совпадают с интересами всего человечества в целом.

Неследование представителями одних материальных интересов тому, что есть добро, и следование тому, что есть зло, с точки зрения носителей противоположных и противоречащих материальных интересов, и такое же отношение последних к тому, что есть добро и зло, с точки зрения первых, становятся правилом при расколе общества на носителей противоположных и противоречащих материальных интересов.

Тут имеет место борьба носителей противоположных и противоречащих материальных интересов. Рассмотрение общественного сознания под углом зрения формы, в которой общественное сознание предстает прежде всего через призму *действий сознающих (и самосознающих) индивидов*, обнаруживает, что при единстве материальных интересов эта форма существует в одном проявлении: как добрые или злые действия при опосредствованном и непосредственном преобладании добрых действий.

Иное дело при доминировании в обществе противоположных и противоречащих материальных интересов (следует при этом иметь в виду, что раскол общества на носителей противоположных и противоречащих интересов возникает и существует всегда *внутри* общества как целого, общество тут развивается как целое, но через борьбу носителей противоположных и противоречащих материальных интересов, через раскол, в конечном счете все-таки доминирует развитие общества как целого, как единства). Здесь названная форма общественного сознания имеет уже не одно (мораль), а три необходимых проявления. К уже отмеченному прояв-

лению присоединяются еще два проявления, связанные именно с наличием *противоположных, противоречащих* материальных интересов, — политика и право.

Но прежде чем говорить о политике и праве, отметим еще одно немаловажное обстоятельство. Рассматриваемая форма общественного сознания выступает в виде особой формы потому, что общественное сознание предстает прежде всего через призму *действий* сознающих (и самосознающих) индивидов, а не через призму главным образом чувств или мыслей. Однако действия сознающих (и самосознающих) индивидов представляют собой всегда *действия чувствующих и мыслящих* индивидов. С точки зрения рассматриваемой формы общественного сознания, не происходит полного отвлечения от чувств и мыслей, они необходимо присутствуют, но доминирует рассмотрение через призму действия.

В первом из рассмотренных проявлений этой формы, т. е. в морали, главное — моральный (или аморальный) *поступок*, моральное (или аморальное) действие. Но мораль не сводится только к действию. Это — действие либо в соответствии с чувством, эмоциями, переживанием, либо в соответствии с мыслями, пониманием вредности или полезности такого действия, либо в соответствии с тем и другим. Таким образом, в области морали, в свою очередь, можно различить моральные (или аморальные) *действия*, моральные (или аморальные) *чувства*, моральные (или аморальные) *мысли*. Например, действия в соответствии с совестью есть действия в соответствии непосредственно и по преимуществу с моральным чувством, переживанием, нежели с моральными мыслями. Действия же в соответствии с долгом как таковым есть действия в соответствии непосредственно по преимуществу с моральными мыслями. Конечно, у человека нет ни чувств, эмоций, переживаний в полном отрыве от мыслей, ни мыслей в отрыве от чувств, эмоций, переживаний, можно говорить лишь о том или ином преобладании того или другого. Так различаются художественный и мыслительный типы людей. По нашему мнению, для людей худо-

жественного типа характерно моральное поведение преимущественно в соответствии с совестью, а для людей мыслительного типа – преимущественно в соответствии с долгом как таковым.

Широко распространено мнение, что если не для всего общественного сознания, то уж во всяком случае для морали *характерен ценностный*, аксеологический подход. Следовательно, скажем, моральное (или аморальное) суждение есть *главным образом оценочное* суждение. Нам такое мнение представляется, по крайней мере, сомнительным. И вот почему.

Сама терминология – «ценность», «оценка» и т.п. – выросла в мире стоимостных отношений и цены как формы выражения стоимости в мире, где непосредственно на первый план выступает *количественная* определенность меновых стоимостей.

Всякое сознание предполагает *сравнение* людей друг с другом, сравнение сознающим (и самосознающим) индивидом себя с другими людьми, т. е. *приравнивание* людей друг к другу. Однако *главным* приравнивание людей друг к другу стало в обществе, где господствует обмен продуктами труда, производства, где, следовательно, стоит на первом плане *приравнивание различных* вещей друг к другу, а так как рабочая сила тут наиболее существенный товар, вещь, имеющая стоимость, то происходит *приравнивание* рабочих сил *различных* людей. Поэтому и в общественном сознании на авансцену выступает *идея равенства*, т. е. *идея одинаковости изолированных индивидов* (а не идея различия объединенных людей).

Напротив, в обществе, в котором доминирует *единство* материальных интересов, главным становится не *одинаковость* различных изолированных друг от друга людей, а *единство*, связь людей через их *отличие* друг от друга. Людей как личностей связывает главным образом не то, что каждый из них и чем-то одинаков с другими, но то, что каждый из них своеобразен в качестве личности и тем интересен для других. Следовательно, выбор морального действия совершается тут главным образом не сравнением различных ценностей друг с другом, главным образом не

соответственно шкале ценностей, т. е. не соответственно чему-то внешнему, навязанному индивиду, а как то, что способствует его собственному развитию и вследствие этого развитию других людей как отличных от него, как своеобразных личностей, т. е. выбор морального действия происходит главным образом как *внутренняя необходимость* принесения пользы другим людям, ибо только через это оказывается возможным собственное развитие в главном, основном.

Парадоксально, но факт, что если люди, по преимуществу, изолированы друг от друга материальными интересами, то их связь осуществляется через установление одинаковости изолированных индивидов, а отсюда и в общественном сознании преобладает стремление людей быть либо одинаковыми, похожими друг на друга, либо выделиться своей полной внешней непохожестью при внутренней одинаковости. Если же в обществе люди, по преимуществу, *объединены* друг с другом материальными интересами в целое, то их связь осуществляется через их отличие как от целого, так и друг от друга. Отсюда и в общественном сознании преобладает стремление людей быть самими собой, своеобразными, отличными от других людей, но не ради чего-то внешнего, а ради глубинного развития себя и других людей.

Итак, сознание предполагает *сравнение, приравнивание* людей друг к другу. Но *лишь* сравнение, лишь приравнивание людей друг к другу есть сравнение, приравнивание людей как изолированных. Внутреннее единство есть единство различного, единство через различие. Сознание как отражение внутреннего единства людей есть сознание людей как единых в своем различии. Что касается морального действия, морального поступка, моральных чувств и моральных мыслей, то к ним тогда главным образом подходят не так, что одни действия и т. д., с точки зрения оценки других людей или общества, лучше или хуже, более или менее ценны, не с *внешней* меркой, не с эталоном, находящимся вне личности, а главным образом так, что моральное действие и т. п.

входит в самое ядро личности, моральность личности совпадает с развитием индивида в качестве личности.

Если же моральные ценности остаются, по преимуществу, ценностями, т. е. чем-то внешним для индивида, чем-то таким, к чему он как к внешнему, существующему наряду с ним, приравнивает себя, то это означает, что моральность личности в основном не совпадает с чем-то другим, существенным в развитии индивида как личности, и, следовательно, развитие личности в области морали оказывается вместе с тем в чем-то губительным для личности (для каких-то других существенных сторон индивида как личности).

Второе проявление рассматриваемой формы общественного сознания, формы, в которой главную роль играют *действия* сознающих (и самосознающих) индивидов, — политика¹. Политика как одно из проявлений общественного сознания есть действия сознающих (и самосознающих) индивидов как *противостоящих, борющихся* с другими индивидами, имеющими существенно различные, *противоположные и противоречащие материальные интересы*, причем политическое сознание (и самосознание) с необходимостью есть сознание той или иной связи с обществом как *целым*. Существенно различные, противоположные и противоречащие материальные интересы могут быть между индивидами, между индивидом и обществом, между индивидом и той или иной частью общества, между частями общества, между частью общества и всем обществом. Политическое отношение есть отношение между ними постольку, поскольку их материальные интересы так или иначе осознаются, осознается их существенное различие, противоположность, противоречие и действия направляются этим сознанием (действия носителей существенно различных, проти-

---

¹ По нашему мнению, политика, в отличие от морали, во вполне зрелом человеческом обществе, т. е. в зрелом, развитом коммунистическом обществе, отомрет. Здесь мы фиксируем общество в *логическом* аспекте, рассматриваем стороны зрелого, развитого, подлинного человеческого общества, но так как в современную эпоху политика играет весьма важную роль, то, отступая от строго логической последовательности, мы кратко охарактеризуем ее.

воположных, противоречащих интересов также существенно различны, противоположны, противоречат друг другу, как и носители этих интересов).

Политика главным образом есть действия, направляемые сознанием существенного различия, противоположности, противоречия того, кто действует, по отношению к тому, против кого действие направлено (основа этого – существенное различие, противоположность, противоречие материальных интересов), для достижения, удовлетворения материальных интересов. Это могут быть действия индивида, той или иной части общества как целого, всего общества, если интересы всего общества как целого существенно отличны, противоположны, противоречат той или иной его части, т. е. когда материальные интересы общества как целого осуществляются через борьбу составляющих общество частей, индивидов.

Политика есть необходимо борьба за какой-то материальный интерес (за какие-то материальные интересы) против существенно отличного, противоположного, противоречащего материального интереса (против существенно отличных, противоположных, противоречащих материальных интересов), борьба, в которой возможны либо победа, либо поражение, либо равновесие сил (последнее по самой сути дела может быть лишь временным, переходным состоянием), борьба, в которой плохо ли, хорошо ли сознается тот материальный интерес (интересы), за который она ведется.

Если политика есть главным образом действия, то это действия сознающих (и самосознающих), чувствующих и мыслящих индивидов. И в области политики можно различить политические чувства, эмоции, переживания и политические мысли. Сознание существенного различия, противоположности, противоречия материальных интересов требует по преимуществу мышления. Поэтому в политике, по сравнению с моралью, роль мысли существенно более важна, чем роль чувств, эмоций, переживаний. Но это не значит, что в политике политически окрашенные чувства, эмоции, переживания не играют важной роли.

Когда говорится о политике, то всегда о политике *того, кто* борется за свой материальный интерес (или за свои материальные интересы), о противостоящем кому-то другому, имеющему существенно отличный, противоположный, противоречащий материальный интерес (или материальные интересы). В политической борьбе маловероятно и малоустойчиво равновесие сил, ибо существенно отличные, противоположные, противоречащие материальные интересы побуждают все вновь и вновь возобновлять борьбу до победы или поражения, причем побежденные опять-таки не могут вполне смириться со своим положением.

При неустранимых существенном различии, противоположности, противоречии материальных интересов носители победивших, господствующих материальных интересов навязывают побежденной, подчиненной стороне свои материальные интересы так, как будто они есть материальные интересы и побежденной, подчиненной стороны. Это – *третье проявление* рассматриваемой формы общественного сознания, *право*¹.

Право есть, главным образом, действия носителей победивших, господствующих материальных интересов, направленные на навязывание побежденным своих материальных интересов как собственных интересов последних. Право эксплуататорских обществ принципиально отлично от права социалистического общества, ибо в эксплуататорском обществе имеет место противоположность, а в социалистическом – единство, совпадение коренных материальных классовых интересов при сохранении существенных различий как интересов классов, так и личных и общественных интересов.

Следовательно, правовое сознание есть сознание материального интереса носителей господствующей стороны, навязываемое подчиненным, имеющим противоречащие, противоположные или

---

¹ Характеристика права при логическом рассмотрении общества, т. е. при рассмотрении зрелого человеческого общества, есть отступление от логического аспекта, ибо право, как и политика, отомрет в развитом коммунистическом, т. е. вполне зрелом человеческом обществе.

просто существенно иные интересы, как собственное сознание последних.

Все три перечисленных проявления есть проявления одной формы общественного сознания, а именно такой, которая образуется посредством преломления содержания общественного сознания *преимущественно* через призму *действий* сознающих (и самосознающих) индивидов.

Чувства и мысли сознающих (и самосознающих) индивидов также включаются в эту форму, но лишь в подчиненной роли, в том «освещении», которое им придает преобладающее значение действий этих сознающих (и самосознающих) индивидов.

Вторая форма общественного сознания образуется посредством преломления содержания общественного сознания *преимущественно* через призму *чувств* сознающих (и самосознающих) индивидов. Как мы увидим, в эту форму включаются также действия и мысли, но для образования формы они не имеют решающего значения.

Первое проявление этой формы общественного сознания есть *эстетическое сознание*. Эстетическое сознание есть отражение в *чувственных эквивалентах сущности* людей, *закономерностей* общественных отношений¹. Красота постольку, поскольку она специфична для человека, есть отражение сущности, закономерности посредством их чувственного эквивалента. Сущность, закономерность адекватно выражаются в мышлении, чувство по своей природе охватывает, главным образом, внешнее, поверхностное, случайное и т. п. Однако внутреннее, сущность, закономерное и т. п. проявляются в последнем. Красота именно постольку, поскольку она специфична для человека, и есть отражение сущности, закономерного, внутреннего и т. п. в их чувственном эквиваленте. По-

---

¹ Говоря об эстетическом сознании, мы пытаемся выделить преимущественно самое главное для его характеристики, чтобы определить в общем и целом место и значение этой формы общественного сознания в обществе как системе. Подробное рассмотрение этой формы общественного сознания не является нашей задачей.

пробуем пояснить на примере. Золото и серебро исторически приобрели в товарном мире роль всеобщего эквивалента, с натуральной формой золота и серебра общественно срослась всеобщая эквивалентная форма, или форма стоимости вообще. Эстетические свойства золота и серебра – это не просто их блеск, яркость и т. п., т. е. непосредственно, чувственно воспринимаемые натуральные свойства золота и серебра, блеск золота и серебра есть блеск их общественной роли, их общественного значения. И в этом отношении из всех остальных *товаров* золото (и серебро) для человека, захваченного миром товарных отношений, обладает наибольшей эстетической силой воздействия. Блеск золота оказывается не просто природным свойством, а чувственно воспринимаемым общественным могуществом золота в товарном мире, т. е. чувственным эквивалентом общественного могущества. В *эстетическом* сознании главное – восприятие сущности, закономерного и т. п. через их чувственные эквиваленты. Если в познании чувства выполняют при переходе к мышлению и в мышлении подсобную роль, сама же сущность (внутреннее, закономерное и т. п.) отражается, главным образом, в абстрактном виде, соответствующем природе мышления, то в эстетическом сознания главное – отражение сущности и т. п. в чувственном эквиваленте. И само мышление в эстетическом сознании совершается, главным образом, при помощи, посредством *противоположности мышления*, т. е. при помощи чувств.

В эстетическом *сознании* воспринимается сущность человека, закономерное и т. п. в *общественных отношениях* посредством чувственных эквивалентов. Через это выражается и отношение к природе.

Уже при рассмотрении первой формы общественного сознания можно было заметить, что это – сознание материальных общественных отношений, но не просто как таковых, а в их единстве с производительным отношением к природе. Действительно, польза или вред действия индивидов как сознающих (и самосознающих) индивидов друг на друга есть в основе своей прежде всего

материальная польза или материальный вред, т.е. то, как сказываются эти действия на всем материальном существовании людей.

То же самое, но, пожалуй, с большей отчетливостью обнаруживается при рассмотрении второй формы общественного сознания; более отчетливо *внутри* самой этой формы выступает ее зависимость от производительного отношения людей к природе. В самом деле, восприятие сущности, закономерного и т. п. посредством чувственных эквивалентов возникает прежде всего в познании и преобразовании природы, где к выявлению сущности и т. п. идут, в общем и целом, путем от чувственного познания и через него к мышлению. И в познании, взятом в его специфике по сравнению с сознанием, сущность (закономерные связи, целостность и т. п.) познаваемых предметов, процессов сначала схватываются, в основном, чувственно, и это представление затем направляет познание субъекта.

Но как сознание эстетическое отношение к действительности есть такой подход к действительности, когда она отражается через сущность человека, сущность отношений людей друг к другу, сущность, взятую в виде ее чувственных эквивалентов. Поэтому эстетическое сознание есть, главным образом, *переживание*, связанное с восприятием сущности и т. п. в виде чувственных эквивалентов.

Эстетическое сознание невозможно без действий. Однако ближайшим образом это есть действия, вызываемые и направляемые именно эстетическим сознанием. Эстетическое сознание включает в себя и мышление, но мышление посредством чувственных эквивалентов сущности, закономерного и т. п., т. е. мышление посредством образов.

Эстетическое отношение к действительности в процессе преобразования и познания природы, взятого в его отличии от общественной формы, в которой оно реализуется, есть лишь предпосылка эстетического сознания. Собственно же эстетическое сознание имеет место лишь как осознание преобразования природы в единстве с общественной формой. Тем не менее, внутри эс-

стетического сознания можно отчетливо различить обусловленность его как производительным отношением к природе, так и общественной формой, в которой оно реализуется.

Другое проявление второй формы общественного сознания — *религиозное сознание*¹.

Религия, как писал Ф. Энгельс, есть «непосредственная, т. е. эмоциональная форма отношения людей к господствующим над ними чуждым силам, природным и общественным», она продолжает свое существование «до тех пор, пока люди фактически находятся под властью этих сил» [1, т. 20, с. 329].

Религиозное сознание, как и эстетическое, представляет собой преломление содержания общественного сознания, главным образом, через чувства. И в религиозном сознании определяющим, господствующим служат переживания, эмоции, чувства, а не мысли и действия. Но религиозное сознание в своей специфике представляет собой сознание тех природных и общественных сил, которые не подчинены человеком его власти и действуют *разрушительно, вредно* на людей (следовательно, это силы, обязательно *непознанные* в достаточной мере, ибо, с точки зрения человека, познание достаточно настолько и постольку, насколько и поскольку оно дает возможность преобразования познанного в направлении, нужном познающему).

Подобно тому, как политическое и правовое сознание отличаются от морального сознания, главным образом, не по форме, а по содержанию общественного сознания (хотя эти различия сказываются и на их различиях по форме), так и религиозное сознание отличается от эстетического, главным образом, по содержанию, а не по форме (хотя и тут эти различия сказываются и на их различиях по форме).

Религиозное сознание необходимо есть восприятие в виде чувственных эквивалентов *неизвестной и притом непознаваемой* сущности, *господствующей* над сознающими (и самосознающи-

---

¹ Характеристика религии есть отступление от строго логического способа рассмотрения общества (как и характеристика политики и права).

ми) индивидами и, в основном, враждебной им. Так воспринимаются и соответствующие силы природы, и сущность человека, закономерные общественные отношения людей.

Религиозное сознание *противоречиво*. С одной стороны, как сознание религиозное сознание есть и *познание* сущности..., и действие в соответствии с познанием, а значит, преобразование в соответствии со своими потребностями. С другой стороны, как религиозное сознание оно есть познание того, что, соответственно сути религии, *непознаваемо* в принципе, преобразование в соответствии с потребностями человека того, что в принципе, с точки зрения религии, не может быть подчинено людьми, а *господствует* над ними и *действует враждебно* по отношению к ним. Ведь суть религиозного сознания и состоит в сознании того, что непознаваемо, что господствует над людьми и враждебно им. Без признания непознаваемых, господствующих над людьми и враждебных людям сил нет религиозного сознания.

Итак, в религиозном сознании познание направлено на то, что, в принципе (соответственно природе религиозного сознания), непознаваемо, действие направлено на подчинение того, что в принципе не может не быть господствующим над людьми и враждебным им. Реальные природные и социальные силы воспринимаются как непознаваемые, извечно и всегда господствующие над людьми и враждебные людям, а значит, религиозное сознание направляется на то, что реально, действительно существует и действует на людей, притом действует разрушительно, но что еще не познано и не преобразовано людьми в соответствии с их потребностями. И вот непознанность, непреобразованность этих сил в религиозном сознании выступают как непознаваемость сил, всегда господствующих над людьми и враждебных людям.

Эстетическое сознание есть восприятие посредством чувственных эквивалентов *действительной* сущности, закономерного. Без сознания о *действительной* сущности, о *действительной* закономерности и т. п. нет и эстетического сознания. Поскольку религиозное сознание все же есть сознание, *постольку оно род-*

ственно ближайшим образом эстетическому сознанию. Но поскольку религиозное сознание есть сознание религиозное, постольку это сознание посредством чувственных эквивалентов недействительной, несуществующей сущности. В последнем отношении религия прямо и непосредственно исключает эстетическое сознание, есть прямое отрицание эстетического сознания.

Роль религиозного сознания также двойственна и противоречива. С одной стороны, религиозное сознание есть сознание реально существующих сил и сознание положения людей, когда эти силы непознаны людьми, господствуют над людьми и враждебны людям. Когда человек или человечество не могут изменить саму неблагоприятную материальную жизнь, то один из способов приспособления к этой жизни – изменение сознания о ней. Это позволяет в какой-то степени *смягчить муки* неблагоприятного воздействия материальной жизни. С другой стороны, оно есть такое сознание, в котором непознанность этих сил выступает как их непознаваемость, господство их над людьми и враждебность людям – как непреодолимые, тем самым религиозное сознание *закрепляет* это положение.

Где и поскольку люди не имели возможности устранить или смягчить действие природных и социальных сил, там и постольку религиозное сознание играло определенную позитивную роль. Но где и поскольку складывались условия для их познания и преобразования, там и постольку религиозное сознание играло отрицательную роль.

Когда же в обществе, взятом в целом, во всемирно-историческом масштабе созревают условия для познания и преобразования сил природы и общества, господствующих над людьми и враждебных людям, тогда религиозное сознание начинает играть в истории человечества в целом отрицательную, консервативную и реакционную роль.

В религиозном сознании есть религиозные чувства, эмоции, переживания (они имеют решающее значение в религии), религиозные действия, т. е. действия, вызванные и направляемые рели-

гиозным сознанием (культ), и религиозные мысли. Религиозное мышление есть мышление посредством религиозных чувственных эквивалентов, посредством *религиозных образов*.

Религиозное мышление в образах, религиозные образы внутренне противоречивы. Религиозный образ *есть образ*, а значит, отражение существующего, вместе с тем это *религиозный образ и*, значит, изображение *несуществующего*. Религиозные образы – фантастические образы непознаваемых, господствующих над людьми и враждебных людям сил. Такое мышление в образах – образование религиозных образов и оперирование ими. Религиозное мышление есть мышление в религиозных образах, есть выражение названных сил в таких образах, которые типично представляют непознаваемость названных сил, их господство над людьми и их враждебность людям. Но мышление есть по своей сути мышление о существующем. Поскольку же мышление религиозно, постольку оно – мышление о несуществующем и, следовательно, не представляет собой мышления, а есть *отрицание мышления* (подобно тому, как религиозный образ есть и образ, и *отрицание образа*).

Религиозное сознание в целом есть *сознание, существующее и осуществляющееся через отрицание сознания*.

Третья форма общественного сознания образуется посредством преломления содержания общественного сознания преимущественно через призму *мыслей* сознающих (и самосознающих) индивидов. Речь идет о *философии*.

Мышление как таковое – это мышление о всеобщем, о сущности, о закономерном и т. п. в их чистом, абстрактном, отвлеченном виде. Следовательно, «точка зрения» мышления представляет собой по своей форме всеобщность, сущность, закономерное и т. п. в отвлечении от отдельного, особенного, поверхностного, случайного.

В науке на ее теоретическом уровне преобладает мышление. И тем не менее наука вообще и наука о производственных отно-

шениях в частности не полностью тождественна рассматриваемой форме общественного сознания.

Наука о производственных отношениях должна выявить в производственных отношениях их материальность, независимость от воли и сознания людей и законы производственных отношений, рассматриваемых в этом плане.

Сама возможность человеческого воздействия на производственные отношения раскрывается в качестве обусловленной материальностью производственных отношений. Общественное сознание производственных отношений – отражение отмеченной возможности, с точки зрения воздействия главным образом сознания людей, как продукта общества в целом, с точки зрения того, в какой степени и как эта возможность используется людьми, обладающими сознанием общества как целого. Поэтому тут дело заключается не в отражении производственных отношений самих по себе, а в отражении отношения *между общественным сознанием и общественным бытием*, в отражении отношения между общественным сознанием и производственными отношениями в их единстве с производительными силами. Следовательно, производственные отношения интересуют в таком случае под углом зрения их места, роли, значения в существовании и развитии общества, взятого в целом.

Сказанное верно о всех формах общественного сознания, но во всеобщем виде оно выражается лишь в философии.

Таким образом, философия есть отражение главным образом в мыслях, во всеобщем виде *отношения* сознания, людей в качестве сознающих (и самосознающих) и общественных материальных условий их существования (а сутью материальных условий существования *людей* служат производственные отношения в их единстве с производительным отношением к природе). Естественно, что философия отражает и компоненты отношения, то, что относится, но под углом зрения отношения.

Причем само названное отношение отражается для того, чтобы выяснить во всеобщем виде возможности изменения людьми общественных материальных условий существования людей.

Закономерности природы и общества фиксируются в рамках этой формы общественного сознания не просто сами по себе, точно так же и мышление должно рассматриваться не само по себе, соответственно сути этой формы общественного сознания природа, общество, мышление сознаются в мышлении, во всеобщем виде через осознание взаимоотношения, взаимодействия сознания, людей как сознающих (и самосознающих) и того, что создается. Кратко, хотя, как будет показано ниже, несколько огрубленно, философия в этом аспекте есть миропонимание. Но люди не только мыслящие, но и чувствующие, действующие существа. Люди чувствуют, переживают взаимодействие сознания и того, что создается. В таком аспекте философия выступает, несколько огрубленно говоря, как мироощущение, миросозерцание. В совокупности обоих аспектов философия, опять-таки несколько огрубленно, может быть названа миросознанием, мировоззрением. Люди могут совершать действия, вызываемые и направляемые философским сознанием, назовем их условно философскими действиями (философской деятельностью). Для определения философии как руководства к действию нет особого отдельного слова — термина.

Термины «миропонимание», «мироощущение», «миросозерцание», «мировоззрение», «миросознание» недостаточно глубоко фиксируют суть дела. Специфика философии заключается не просто в рассмотрении мира, «мира в целом», даже если сюда включается и сознание, мышление, не в рассмотрении общих закономерностей природы, общества и мышления, а в рассмотрении отношения (взаимоотношения, взаимодействия) сознания и материального мира и через рассмотрение этого отношения осознание природы, общества, сознания, мышления. Причем отношение сознания и материального мира — это отношение сознания и преобразуемого посредством общественного способа производства материального мира. Что-либо по-человечески знать о мире, сознавать

его можно лишь в процессе его преобразования либо в связи с этим процессом.

Обозначение философии перечисленными терминами, по нашему мнению, достаточно отражает положение вещей тогда, когда философия еще не отпочковалась от других форм общественного сознания.

Весьма любопытно, что при логическом анализе других форм общественного сознания не ставился специально вопрос об *отношении* общественного сознания и общественного бытия, вообще материального мира; общественное сознание, хотя и представлялось отражением общественного бытия, однако на первом плане закономерно возникал вопрос о зависимости, определяемости содержания общественного сознания общественным бытием и о специфике форм общественного сознания, а потому на первом плане было рассмотрение общественного сознания и его форм без *специального* рассмотрения *отношения этих форм, оформленного* общественного сознания и общественного бытия. Напротив, при анализе философии как *формы* общественного сознания обнаруживается, что *сама форма* состоит в *сознании отношения сознания к бытию*, само рассмотрение специфики формы оказывается рассмотрением *отношения, связи* общественного сознания и материальной жизни общества.

Тем самым изучение философского сознания, т. е. философии как формы общественного сознания, приводит, во-первых, к вопросу о связи форм общественного сознания друг с другом и, во-вторых, о связи форм общественного сознания (как взаимосвязанных друг с другом) с материальной жизнью общества, т. е. *специально* ставит вопрос об *их влиянии на материальную жизнь общества*.

Сознание не существует в чистом виде, само по себе, оно всегда существует через своих материальных носителей — звуки, жесты и т. д. (подобно тому, как стоимость не существует без потребительных стоимостей и проявляется только в отношениях потребительных стоимостей).

Сознание позволяет произвести выбор возможности изменения производственных отношений из имеющегося более или менее определенного спектра материальных возможностей. Общественное сознание нужно не само по себе, а, главным образом, для изменения материальных общественных отношений, т. е. общественное сознание *реализуется* посредством материальных общественных действий, материальной общественной деятельности. Общественное сознание образуется на основе производственных отношений, взятых в единстве с производительным отношением к природе, как отражение этой основы, не зависящей от воли и сознания людей. Вместе с тем, общественное сознание образуется ради воздействия на материальные отношения, *ради воздействия на отношения, не зависящие от воли и сознания людей.*

Как же может общественное сознание, знание воздействовать на то, что не зависит от общественного сознания, знания, на то, что материально? Как может идеальное воздействовать на материальное, если материальное есть то, что не зависит от идеального?

Идеальное, знание, сознание есть *отражение* существующих материальных возможностей изменения, преобразования процессов, предметов. Выбор из имеющихся возможностей осуществляется человеком в зависимости от его потребностей, желаний, стремлений и т. п. Возможность, выбранная для реализации, если эта возможность верно отражена, представляет собой ту или иную *материальную* возможность. Поэтому и процесс ее *реализации* есть *материальный* процесс. Таким образом, сознание, знание не творят материальный мир из ничего, а лишь отражают различные материальные возможности изменения материального мира, имеющиеся в нем самом, и позволяют людям выбрать те или иные из этих материальных возможностей в соответствии опять-таки со своими материальными потребностями, материальными интересами.

Сознание, знание идеальны только как *отражение* материальной действительности. Именно благодаря способности отра-

жения люди могут выбирать различные материальные возможности изменения материального мира в соответствии со своими материальными потребностями, материальными интересами. Роль сознания, знания заключается в том, что они создают возможность выбора материальных возможностей. Сами же по себе сознание, знание ничего не творят.

Итак, *роль общественного сознания состоит, главным образом, в отражении материальных возможностей преобразования производственных отношений в их единстве с производительным отношением к природе.* Такова роль общественного сознания, поскольку оно есть отражение с позиций человечества в целом, притом человечества, развивающегося прогрессивно.

Общественное сознание есть не только отражение материальных возможностей, имеющих в производственных отношениях, взятых в их единстве с производительным отношением к природе, не просто отражение ради выбора из них тех или иных материальных возможностей для реализации. Общественное сознание само порождается материальными потребностями, материальными интересами, а потому с самого начала отражение материальных возможностей воздействия на производственные отношения в их единстве с производительным отношением к природе определяется этими материальными потребностями, этими материальными интересами.

Поэтому обратное воздействие общественного сознания, если все материальные интересы едины, при прогрессивном развитии производственных отношений, взятых в единстве с производительным отношением к природе, заключается в том, что общественное сознание отражает материальные возможности, главным образом, под углом зрения прогрессивного преобразования производственных отношений в их единстве с производительным отношением к природе.

Обратное воздействие общественного сознания при наличии противоположных и противоречивых материальных интересов также по своей сути противоположно и противоречиво.

Обратное воздействие общественного сознания на производственные отношения в их единстве с производительным отношением к природе может быть (с точки зрения воздействия именно на производственные отношения) трояким: направленным либо на регресс последних, либо на их сохранение, консервацию, либо на их прогрессивное развитие. Конечно, возможно и то или иное сочетание друг с другом этих воздействий. Какое из этих воздействий оказывает общественное сознание, зависит от того, с позиций каких материальных интересов и ради осуществления каких материальных процессов совершается отражение: либо с реакционных, либо с консервативных, либо с прогрессивных.

Итак, во-первых, *отражение* в общественном сознании происходит *под углом зрения материальных потребностей, материальных интересов*; во-вторых, *выбор* из отраженных материальных возможностей тех, которые подлежат реализации, совершается *ради удовлетворения материальных интересов, материальных потребностей*.

Таково обратное воздействие общественного сознания вообще на производственные отношения, взятые в единстве с производительным отношением к природе. Однако, так как общественное сознание имеет различные формы, его обратное воздействие преломляется через специфику этих форм. В первой из перечисленных ранее форм общественное сознание влияет преимущественно через действия людей, во второй – преимущественно через чувства, в третьей – преимущественно через мысли.

Разные формы общественного сознания, будучи отражением производственных отношений в их единстве с производительным отношением к природе и наоборот, воздействуя на последние, занимают разное место по отношению друг к другу и к тому, что они отражают и как взаимодействуют между собой.

Мы классифицировали формы общественного сознания в зависимости от различия действий, чувств, мыслей. Общественное сознание есть *отражение*, познание общественного бытия. Поэтому, по нашему мнению, можно *классифицировать* и мес-

то различных форм общественного сознания в соответствии с местом действий, чувств, мыслей в ходе процесса познания. В процессе познания сначала, главным образом, совершаются действия с познаваемыми предметами и т. п., в процессе совершения действий формируются чувства, представления, живое созерцание; мышление же характерно для наиболее развитой стадии познания. Конечно, в знании человека действия, чувства, мысли всегда находятся в единстве, но все же на разных стадиях, ступенях познания их соотносительная роль, соотносительное значение различны.

Соответственно и все формы общественного сознания существуют в их единстве. Однако в общем и целом, первая группа форм общественного сознания (мораль, политика, право) наиболее тесно, близко связана с общественным бытием, более опосредствована, в общем и целом, связь с общественным бытием второй группы форм общественного сознания (эстетическое сознание, религиозное сознание), и еще более опосредствована связь с общественным бытием третьей формы общественного сознания (философии).

Все формы общественного сознания взаимодействуют между собой. Чем больше непосредственно та или иная форма общественного сознания связана с общественным бытием, тем непосредственнее в ней отражаются изменения общественного бытия. И наоборот, чем удаленнее форма общественного сознания от общественного бытия, тем более опосредствованно в ней отражается общественное бытие.

Чем ближе форма общественного сознания к общественному бытию, тем меньше – при прочих равных условиях – отражение в ней общественного бытия опосредствуется отражением общественного бытия в формах, более удаленных от общественного бытия. И наоборот. Поэтому чем ближе форма общественного сознания к общественному бытию, тем более непосредственно – при прочих равных условиях – изменения общественного бытия отра-

жаются в ней, тем более непосредственно изменения этой формы следуют за изменениями общественного бытия. И наоборот.

В общем и целом, несмотря на взаимодействие форм общественного сознания, первая группа форм следует более непосредственно за изменениями общественного бытия, более непосредственно отражает эти изменения, чем вторая группа форм, а вторая группа форм более непосредственно отражает изменения общественного бытия, чем третья.

Вторая группа форм в своем изменении в большей мере, в общем и целом, опосредствуется первой группой форм, чем первая группа второй, а третья форма – в большей мере второй группой форм (а тем более первой), чем вторая (а тем более первая) – третьей.

Так, например, эстетическое сознание в своем изменении в большей мере, в общем и целом, опосредствуется моралью, чем мораль – эстетическим сознанием; а философия в своем изменении в большей мере, в общем и целом, опосредствуется моралью и эстетическим сознанием, чем мораль и эстетическое сознание – философией.

Изменения общественного бытия более непосредственно сказываются на морали, политике, праве, чем на эстетическом и религиозном сознании и тем более на философии.

Подобно тому как познание движется от практики через чувственное отражение к абстрактному мышлению (с тем, чтобы опять вернуться к практике: причем практика, вместе с тем, служит основой и критерием каждого шага познания) и при этом, как бы отлетая от действительности, все более углубляется в нее, вскрывает внутреннее, закономерное, сущность, подобно этому и все более опосредствованные формы общественного сознания¹ дают

---

¹ За исключением религии, которая представляет собой пустоцвет на древе общественного познания, такую форму общественного сознания, которая есть одновременно разрушение, *отрицание общественного сознания как такового*. И тем не менее, как уже было сказано выше другими словами, пустоцвет есть *пустоцвет* и *пустоцвет*.

все более глубокое отражение сущности, закономерного в общественном бытии.

Философия – наиболее глубокая форма общественного сознания. Как всякая форма общественного сознания, она отражает общественное бытие¹, отражает в мышлении, в «чистом», абстрактном виде; такое отображение бытия возможно лишь через отношение к общественному сознанию, следовательно, философия необходимо есть и осознание сознания. Основным ее содержанием служит, таким образом, отношение сознания и бытия.

Сведение различных форм общественного сознания друг к другу, недооценка специфики тех или иных форм общественного сознания не позволяют полностью использовать возможности обратного воздействия общественного сознания на общественное бытие. Например, недооценка специфики марксистско-ленинской философии как формы общественного сознания ведет к недопониманию наиболее глубоких и перспективных возможностей сознательного воздействия на прогресс производственных отношений в их единстве с производительным отношением к природе.

Здесь, по нашему мнению, целесообразно еще раз кратко сказать об отношении форм общественного сознания и науки. Познание, знание есть по своей сути отражение человеком преобразуемой природы. Если познаются общество, люди, то для науки они выступают, по преимуществу, в качестве *объекта* познания, как нечто объективное. Фактически способ отражения природы распространяется на общество, на людей. И это верно постольку, поскольку общество, люди есть продукт и часть природы. Сознание есть познание, знание различных людей в их единстве друг с другом как субъектов, есть познание, знание единства различных людей как субъектов.

Научное познание и знание есть познание и знание сущности, внутреннего, закономерного, т. е. познание и знание внутрен-

---

¹ Отражение необщественного бытия возможно лишь через призму общественного бытия: природа вне связи с процессом ее преобразования есть непознанная, неотраженная по-человечески природа.

него единства, а значит, познание и знание как система. Кроме того, наука есть социальное образование, а именно предмет занятий особой группы людей, занимающих своеобразное место в разделении труда.

Сознание может быть и ненаучным, и антинаучным, и научным. К антинаучному общественному сознанию относится религиозное сознание. Научное познание природы и социальных сил, сначала непознанных людьми, господствующих над людьми и враждебных людям, открывает действительные законы и закономерности, устраняет, рассеивает представление, переживание их в качестве непознаваемых, открывает людям путь к овладению ими. Наука и религиозное сознание по сути своей, по своему назначению противоположны, исключают друг друга, религиозное сознание по своей сути антинаучно.

Первая и вторая группы форм общественного сознания, если их рассматривать как таковые, как бы они ни изменялись, не могут стать сами по себе научным сознанием. Они всегда остаются, по преимуществу, ненаучным сознанием, а религия – антинаучным сознанием. Поэтому при достижении общественным сознанием определенного уровня развития возникают, формируются, развиваются особые науки об этих формах общественного сознания, в общем и целом отличные от самих этих форм, не сливающиеся с самими этими формами. Так, образуются наука о морали, наука о политике, наука о праве, наука об эстетическом сознании. Осуществляется также научное рассмотрение религии.

Третья форма общественного сознания – философия – представляет собой с самого начала преломление содержания общественного сознания через мышление. А мышление есть отражение сущности, внутреннего, закономерного в чистом виде. В этом отношении философия с самого начала по своей сути была родственна с наукой. И по мере отделения форм общественного сознания друг от друга это родство все более отчетливо обнаруживалось, оказывалось, что подлинная философия, философия, соответствующая своей сути, есть научная философия, т. е. такая

форма общественного сознания, которая, вместе с тем, есть научное знание, т. е. отражение в мыслях сущности, закономерного в отношении общественного сознания к общественному бытию.

Вместе с тем философия как форма общественного сознания не сводится к науке, а есть также идеология, т. е. совокупность идей, необходимых для воздействия на мысли, чувства, действия людей в процессе их деятельности. Причем философия, главным образом, воздействует на мысли людей.

Общественное сознание обнаруживается в своих материальных носителях, материализуется при помощи материальных действий и материальных средств.

Необходимо различать материальные общественные отношения и идеальные общественные отношения, или точнее, сознательные общественные отношения. Материальные общественные отношения складываются, не проходя как целое через общественное сознание. Сознательные общественные отношения при своем возникновении, формировании и развитии проходят через общественное сознание. Кроме того, сознательные общественные отношения есть отношения людей как *субъектов*, как действующих, чувствующих, думающих общественных существ. Для материальных же отношений характерна скорее непосредственно связь через посредство объектов. Само сознание по происхождению – продукт развития материального. Следовательно, *сознание, так же как и познание, со стороны его возникновения, формирования, развития, изменения представляет собой особое свойство материи, т. е. сознание (и познание) выступает со стороны его материальной обусловленности. Поскольку же сознание (и познание) существует как готовое, сформировавшееся и сохраняющееся, постольку оно – идеальное, противостоящее материи как отличное от нее.*

При рассмотрении цели можно было видеть, что цель образуется вполне только тогда, когда соответствующий процесс материального преобразования оформился, т. е. цель формируется с формированием процесса труда, а не до формирования

процесса труда. Вместе с тем, достигая своего апогея, цель исчезает в качестве цели. Действие в соответствии с вполне сформировавшейся целью есть простое повторение процесса труда. Сформировавшаяся цель позволяет точно воспроизвести уже сформировавшийся процесс труда.

Общественное сознание также возникает, формируется и развивается вместе с возникновением, формированием и развитием материальных общественных отношений. Общественное сознание как знание, как сознание, с точки зрения его *противопоставления* материи, необходимо для того, чтобы воспроизводить материальные общественные отношения в качестве только объекта, т. е. чего-то только независимого от людей, а значит, в том же самом виде. Поэтому все сознательные общественные отношения, именно как *сознательные*, взятые в «чистом», абстрактном виде, в *прямую* противоположность материи, есть отношения, направленные на сохранение, воспроизведение имеющихся материальных общественных отношений. Общественное сознание в таком его виде отражает те возможности изменения, которые *уже есть* в самих материальных общественных отношениях.

В самих материальных общественных отношениях есть, имеется, уже существует что-то от прошлого, что-то от настоящего, что-то от будущего. Поэтому люди, в зависимости от своих материальных интересов, могут отражать, сознавать материальные общественные отношения с точки зрения прошлого, настоящего, будущего. Поскольку же в, соответствии с общественным сознанием, совершается *преобразование* материальных общественных отношений, постольку это – *материальный* процесс. Общественное сознание есть *со-знание*, и как общественное *со-знание* оно имеет своим содержанием единство людей в качестве *субъектов*, в качестве действующих, чувствующих, думающих. Люди в качестве субъектов – активные «компоненты» материальных общественных отношений, они не просто реализуют имеющиеся независимо от них возможности изменения материальных общественных отношений, сама их деятельность, осуществление

ими себя в качестве субъектов есть одновременно процесс изменения материальных общественных отношений, т. е. такое использование имеющихся объективных возможностей изменения, которое есть вместе с тем созидание возможностей изменения материальных общественных отношений. Общественное сознание, по преимуществу, служит для деятельности по изменению материальных общественных отношений и входит в нее как момент.

Деятельность людей, направляемая общественным сознанием, включает в себя, помимо общественного сознания, объединение, организацию людей как социальных субъектов, а также материальные средства осуществления этой деятельности. Все эти моменты образуют *надстройку* над общественными производственными отношениями, которые, в свою очередь, предстают как экономический базис, который определяет надстройку, хотя надстройка, как можно видеть из сказанного выше, ни в коем случае не может быть сведена к экономическому базису.

Уже потому, что надстройка не есть деятельность только «чистого» сознания, а включает в себя и материальные средства, и является также материальной деятельностью, реализация общественного сознания означает получение не только того, что заранее предвосхищается, но также и кое-чего такого, что заранее, до реализации, нельзя было предвидеть. Материальные действия и средства вполне соответствуют общественному сознанию лишь при постоянном повторении реализации одного и того же общественного сознания при помощи совершенно одинаковых материальных действий и средств.

Надстройка материальна по действиям и средствам, применяемым людьми. Но надстройка отличается от производственных общественных отношений тем, что надстроечные отношения как целое при своем образовании проходят через общественное сознание и направляются им, они направляются общественным сознанием и при их функционировании. Вместе с тем, уже вследствие материальности действий и средств результаты и в области

надстройки никогда абсолютно не соответствуют целям, а содержат, помимо предвосхищаемых, и побочные, не предвосхищаемые продукты деятельности людей.

Надстройка как особое образование нужна, главным образом, для того и тогда, чтобы и когда необходимо материально в соответствии с общественным сознанием изменить материальные общественные отношения при помощи материальных средств.

Необходимость воздействия общественного сознания *на* материальные *общественные отношения* посредством объединения людей, совершающих материальные действия и применяющих материальные средства, доказывает, что *внутри* самих материальных общественных отношений есть материальные препятствия для осуществления воздействия на них общественного сознания, а значит, есть противоположные, противоречивые или просто различные материальные интересы.

Переход к рассмотрению надстройки в целом означает переход к специальному рассмотрению *единства* общественного сознания и общественного бытия в их различии. Надстройка в своей специфике по сравнению с общественным сознанием как ее компонентом служит для обратного материального воздействия общественного сознания на общественное бытие.

Таким образом, мы вновь как бы возвращаемся к материальной деятельности людей, но это такая деятельность, которая освещена тем или иным сознанием общества как целого.

Продолжая как бы возвращение назад, мы опять приходим к человеку как к живому существу, как биологическому существу, т. е. к индивиду. Однако это «возвращение» на новой основе, и потому исходный пункт предстает в снятом, преобразованном виде.

Общественное сознание и его формы существуют только как ансамбль сознаний живых индивидов и реализуются в их деятельности.

Общественное сознание, если оно уже возникло — а именно так оно должно рассматриваться при логическом подходе, — выступает по отношению к каждому новому поколению индивидов в

качестве чего-то данного, существующего объективно. Каждый индивид в своем индивидуальном развитии включается в жизнь общества, усваивает те или иные стороны жизни общества, «пропускает» их через свою индивидуальность, делает их своими, и тем самым он превращается из просто индивида в *личность*.

Рассматривая материальное отношение к природе и материальные отношения индивидов в процессе преобразования природы, мы видели, что именно тут и на этой основе вырастают люди как личности. Однако о вполне развитой, о *зрелой личности* можно говорить лишь тогда, когда индивид сознательно усваивает социальное, сознательно делает социальное своим собственным, внутренне ему присущим, тогда, когда его деятельность освещена тем или иным осознанием общества как целого.

Личность есть человек как внутреннее *единство* социального и индивидуального, есть «преломление» социального через живых индивидов. То в социальном, что остается внешним для индивида, не усвоенным им, не есть достояние его как личности, не есть личностное. Закономерное развитие человека как личности зависит, следовательно, во-первых, от усваиваемого индивидом социального содержания и, во-вторых, от биологических задатков индивида. Личность же есть внутреннее единство, органическое соединение того и другого.

Остановимся на первой стороне этого единства.

Социальная программа развития личности задается строением общества и развитием строения общества. В наиболее полном своем виде общее строение только социальной стороны личности есть воспроизведение общего «каркаса» строения общества. Конечно, индивид может воспроизводить в строении себя в качестве личности не весь общий «каркас» строения общества, а те или иные отдельные его стороны. Но в своем полном развитии строение личности, с точки зрения лишь ее социальной стороны, есть отражение общего строения общества.

Наибольшее развитие личность получает тогда, когда человеческое общество созревает и когда в строении личности «отпе-

чатывается» общее строение этого общества. Всесторонне развитая личность есть человек, строение личности которого повторяет основные черты строения зрелого человеческого общества.

Рассмотрим подробнее строение общества как социальную программу развития личности.

Человек, если он не обладает общественным сознанием, не представляет собой личность. В качестве личности человек есть общественно сознательное существо, существо, обладающее общественным сознанием. Структура личности есть структура человека как существа, обладающего общественным сознанием. Человек живет *как личность в качестве общественно сознательного* существа, существа, обладающего общественным сознанием, жизненные проявления которого направляются его общественным сознанием.

Социальная типология строения личностей

I тип – личность *предпосылочного типа*, это как бы предличность, зародышевая, «эмбриональная» личность. Центр жизненной программы такой личности – потребление материальных благ, удовлетворение потребностей в поддержании собственного физического существования. Более развитой разновидностью такого типа личности является личность, жизненная программа которой сосредоточивается не только на поддержании своего собственного физического существования посредством потребления материальных благ, но и на обеспечении того же для индивидов, с которыми данный индивид связан отношениями продолжения рода.

Для личностей такого типа производство, труд – *только средство* поддержания физического существования (своего или тех, с кем они связаны отношениями по продолжению рода). Поэтому такая жизненная программа *стихийно* тяготеет к перерастанию – при благоприятных условиях – в паразитическую жизненную программу, а личность – в паразитическую личность.

Поскольку жизненная программа человека концентрируется только на потреблении готового, постольку это – паразитическая программа. Такая паразитическая личность есть *разрушение личности*.

Обе эти крайности вырастают на основе такого развития материальной жизни общества, которая обуславливает отношение к труду, производству только как *средству* поддержания физического существования, как к проклятию¹. Трудится в таких условиях тот, кто не может избежать труда. Привлекательным же, идеальным состоянием представляется возможность потреблять без затраты труда. Поэтому существует тенденция появления и существования паразитических личностей.

II тип – личность сущностного типа первого рода. Жизненная программа личностей такого типа сосредоточивается на труде не как средстве для поддержания физического существования, но ради удовлетворения потребности в труде. Поддержание физического существования – своего или также тех людей, с которыми данный индивид связан отношениями по продолжению рода, – остается необходимым моментом в жизненной программе, но ему отводится подчиненная роль. Можно выделить две главные разновидности личностей такого типа. *Первая разновидность* – это личности, для которых характерен труд ради *успеха* в труде, ради получения *результата* труда. По сути дела, потребность в труде ради труда у таких личностей еще неустойчива. *Вторая разновидность* – это личности, для которых характерен труд ради наслаждения *процессом* труда, ради потребности в самом процессе труда; результат же продолжает быть необходимым, но низводится на роль подчиненного момента труда. Потребность в труде ради труда у таких личностей становится внутренней, устойчивой.

III тип – личность сущностного типа второго рода. Главное в жизненной программе такой личности – подчиненность общественным условиям, но как только необходимым. Это такая конформистская личность², которая сознательно подчиняется

---

¹ Труд как только или главным образом средство к физическому существованию существует тогда, когда он с необходимостью вместе с тем есть проклятие (см. об этом в третьей части монографии).

² I тип и первая разновидность II типа личностей – конформистские по своей сути.

существующим общественным условиям как только необходимо (а следовательно, вечно) существующим.

IV тип – личность сущностного типа третьего рода. Жизненная программа такого типа личностей определяется, главным образом, осознанием своего места в обществе, осознанием общественных связей, отношений и своего единства с обществом. Такой тип личности возможен постольку и настолько, поскольку и насколько существует единство материальных интересов индивида и общества, а преобладать он может только при преобладании в обществе единства индивидуальных и общественных материальных интересов. Главным у личностей такого типа становится жизнедеятельность ради общественных интересов, ради человечества, т. е. жизнедеятельность в качестве *сознательно-общественного* существа.

Отличие этих личностей от личностей III типа – *свобода* выбора общественных целей. (Свобода есть познание необходимости и преобразование людьми как общественными существами действительности на основе познанной необходимости.)

В обществах, в которых развитие совершается через противоположность, через противоречие материальных интересов, материальные интересы той или иной части общества могут, по преимуществу, совпадать с развитием человечества в целом, а интересы другой (или других) части общества – по преимуществу, не совпадать с развитием человечества в целом. Тогда именно на позициях той части (или тех частей) общества, материальные интересы которой в основном совпадают с развитием человечества в целом, становится возможным появление личностей этого типа.

Но поскольку эти личности формируются на почве борьбы различных частей общества друг с другом из-за противоположных, противоречащих материальных интересов и, следовательно, борьбы, доходящей до тех или иных мер физического воздействия, воздействия на условия физического существования, постольку борьба за развитие человечества, за общественные цели как главные цели личной жизни требует самоотверженности, доходящей в

крайних случаях до принесения в жертву общественным целям своего физического существования.

Н. Г. Чернышевский в образе Рахметова выразил идеальный тип революционера, необходимость приближения к которому тем настоятельнее, чем острее классовая борьба, чем отчетливее и напряженнее противоположность материальных интересов. И пока существуют в обществе существенные различия, противоположность, противоречие материальных интересов, личности рассматриваемого типа невозможны без той или иной степени самоотверженности, самопожертвования (а следовательно, аскетизма).

Самоотверженность, самопожертвование (а значит, и аскетизм) — характерные качества личности этого типа в условиях преобладания в обществе противоположных, противоречивых материальных интересов. Но потребность в них оказывается существенной и при наличии существенных различий материальных интересов в обществе. Реализация самоотверженности, самопожертвования означает подрыв существования тех или иных проявлений личности, вплоть до ее физического самоустранения.

Если реализация самоотверженности, самопожертвования у личностей этого типа оказывается устойчивой тенденцией, то она означает деформацию личности, вплоть до ее полного устранения.

Но следует со всей решительностью подчеркнуть, что личности этого типа в условиях существенного различия, противоположности, противоречия материальных интересов с необходимостью должны обладать способностью к самоотверженности, к самопожертвованию. Более того, личность достигает наивысшего своего развития тогда, когда «дело жизни», главная жизненная цель, доминирующая внутренняя потребность — это деятельность для и ради общества. В таком случае, если эта внутренняя потребность для своего осуществления нуждается в жизни индивида, он отдаст ее, приносит в «жертву».

Даже в условиях существующего в основном единства материальных интересов подлинная, а не мнимая личность такого рода

сохраняет готовность к проявлению самоотверженности, самопожертвования.

При гармоническом существовании личности IV типа ее жизнедеятельность ради общих интересов не вступает в противоречие ни с удовлетворением материальных потребностей для поддержания своего биологического существования и биологического существования лиц, с которыми этот человек связан отношениями продолжения рода, ни с трудом ради удовлетворения потребности в труде. Тем не менее, пусть и потенциально, «готовность к самопожертвованию» у такой личности необходимо сохраняется.

Всестороннее развитие личности означает развитие личности во всех основных, главных сферах социальной жизни. Такими сферами, как это следует из всего предыдущего изложения, оказываются удовлетворение потребностей в поддержании биологического существования, всестороннее физическое развитие, труд, совершаемый ради удовлетворения потребности в труде (сюда входит и труд по производству материальных благ, и труд по производству знаний), деятельность по совершенствованию материальных производственных отношений, проявления жизнедеятельности личности (как сознательно общественного существа), совершенствование во всех сохраняющихся во вполне зрелом обществе формах общественного сознания. Развитие личности есть по сути своей *усвоение* человеком социального, т. е. не только образование, но и, обязательно, *воспитание и самовоспитание* человека как сознательно общественного существа.

Но личность есть единство социального и биологического в индивиде, преломление социального через биологическую природу индивида. Поэтому для характеристики личностей требуется биологическая характеристика индивидов, поскольку усвоение и изменение социального индивидом зависят от биологической природы индивида, трансформируются последней.

Так, различие биологии мужчины и женщины сказывается на определенных различиях в усвоении ими социальной среды, на

их месте в обществе, на их социальной роли. Например, для продолжения человеческого рода нецелесообразно, чтобы занятия женщин были связаны с риском для жизни, все занятия такого рода должны быть уделом преимущественно мужчин. Игнорирование социальных последствий биологических различий между мужчиной и женщиной чревато весьма серьезным ущербом для продолжения человеческого рода. Эмансипация женщин, являющаяся ныне велением времени, не должна иметь ничего общего с забвением того, что биологическое различие между мужчиной и женщиной всегда, в любом обществе, пока продолжается человеческий род, сказывается на известных различиях их социальной роли, социального поведения, места в обществе.

Систематическое изучение необходимого воздействия биологических различий между мужчинами и женщинами на «присвоение» ими социальной среды, изучение социальной среды, с точки зрения благоприятности или неблагоприятности ее для проявления биологических различий между мужчиной и женщиной, ведутся весьма недостаточно. Процесс эмансипации женщин не должен рассматриваться как *чисто* социальный процесс, без учета воздействия на него биологических различий между мужчиной и женщиной. Необходимо также систематическое изучение зависимости «присвоения» социальной среды от возрастных этапов существования индивида. Каждому возрастному периоду в существовании индивида свойственны определенные закономерные черты отношения к социальной действительности, связи с социальной действительностью, обусловленные особенностями возрастной стадии. Например, мир глазам подростка и старика предстает не совсем одинаково, разница связана с их биологическим возрастом. Личность человека зависит не только от социальной среды, социальных условий, но и, в частности, также от особенностей стадии его индивидуального биологического развития. В настоящее время эта проблематика разработана еще весьма и весьма слабо.

Различные люди, даже одного биологического возраста и пола, имеют различные психофизиологические характеристики. Психофизиологические особенности людей также влияют на «присвоения» ими социальной действительности, на изменение этой действительности.

Так, с точки зрения физиологии, наиболее общим и распространенным является деление людей по типу нервной системы в зависимости от силы или слабости, подвижности или инертности, уравновешенности или неуравновешенности нервных процессов, а также деление людей на художественный и мыслительный типы. Эти различия, несомненно, сказываются на социальной жизнедеятельности людей. Например, для работы в экстремальных условиях малопригодны или непригодны люди со слабой нервной системой, что не исключает предпочтительности людей со слабой нервной системой для некоторых других занятий, в частности таких, где нужна более высокая чувствительность.

Конечно, содержание личности есть социальное содержание, но социальное содержание не существует как особая личность, личность представляет собой «преломление» социального содержания через биологическую, психофизиологическую природу индивида. И эта последняя не остается совершенно безразличным носителем социального содержания, социальное содержание не может в определенной степени и в определенных отношениях не трансформироваться биологической, психофизиологической природой индивида. А биологическая, психофизиологическая природа различных индивидов различна. К таким различиям, в частности, и относятся типы нервной системы. Или, например, наследственная слабость, предрасположенность к заболеваниям тех или иных органов и систем организма (сердца, легких, органов зрения и т. д.) рано или поздно заставляют человека считаться с ними в своей социальной деятельности, могут повлиять, и притом существенно, на его социальную деятельность.

Действительность отношений людей в обществе есть их *отношение в качестве личностей*, этих «органических соедине-

ний» социального с биологической, психофизиологической природой индивида. Связи людей как всесторонних и гармоничных личностей, формы этих связей исследованы ныне совершенно недостаточно. В общем виде их можно охарактеризовать так.

Это связи преимущественно не по принуждению, а по убеждению, связи по интересам, но интересам не своекорыстным, а таким, которые заключаются главным образом в реализации общественного интереса, когда, реализуя интересы других людей, личность тем самым достигает реализации своего собственного интереса. Это связи всесторонних и гармоничных личностей, а следовательно, каждая личность вступает во всесторонние (во *всех основных* сферах общества) отношения с другими личностями, и, следовательно, это связи подвижные, не закрепляемые социально и специально, а зависящие от свободного выбора людей, вступающих в отношения, это связи, строящиеся с учетом половой, возрастной, психологической и т. п. совместимости.

Естественно, такие отношения не могут преобладать, пока в обществе большую часть усилий людей отнимает производство материальных благ, необходимых для поддержания физического существования людей.

Итак, с самого начала мы рассматривали человека как существо биосоциальное. Причем биологическая природа человека (в ее непосредственном единстве с социальным) предстает прежде всего в качестве необходимой предпосылки человеческой сущности. Так как биологическая природа человека берется в качестве необходимой предпосылки сущности человека, то с самого начала, хотя и неявно, предполагается связь предпосылки с сущностью, предпосылкой которой она служит, т. е. связь биологического с социальным. С самого начала биологическая природа человека рассматривается не в отрыве от социального, но при этом ни социальное, ни его связь с биологической природой человека специально не фиксируются. Человек предстает главным образом как *индивид*. Затем осуществляется переход к рассмотрению сущности человека, к рассмотрению социального. Однако если изложе-

ние социального, сущности человека в чистом виде выступает на первый план, если специально анализируется именно сущность человека, социальное, то, вместе с тем, во-первых, предполагается связь социального с биологической природой людей (сущность человека закономерно выступает *после* рассмотрения биологической природы человека, а не до нее); во-вторых, предпосылка не просто фиксируется до сущности, а предпосылка в снятом виде сохраняется *внутри* сущности как ее несущественная, но необходимая сторона, как одна из двух противоположных сторон сущности (сущность человека, социальное имеет внутри себя в снятом виде и в качестве несущественной стороны сущности биологическую природу людей).

После рассмотрения социального, сущности человека самой по себе мы перешли к характеристике *специально единства* социального с биологической природой человека, т. е. к характеристике человека как личности. Действительность человеческого общества есть отношения людей как личностей и формы этих отношений.

Основной или один из основных недостатков подчас весьма интересных трудов, посвященных сущности человека или затрагивающих эту проблему, заключается в том, что *сущность человека не рассматривается как процесс, ее рассмотрение не включается в картину целостного рассмотрения общества.*

Из сказанного выше можно вывести иерархию целей общества как такового от низшей цели (поддержания *только* физического существования индивидов и *лишь* физического продолжения человеческого рода) до высшей цели (существование, воспроизведение, развитие людей как личностей¹). Причем осуществление высшей цели с необходимостью предполагает осуществление низших целей в снятом виде как преобразованных, подчиненных моментов.

---

¹ Существование и воспроизведение вполне развитых личностей, как можно заметить из сказанного выше, означают ассоциацию, «в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [1, т. 4, с. 447].

Высокая цель общества как такового оказывается целью коммунистического общества. Это не случайно, ибо коммунистическое общество есть подлинная история человечества, в отличие от предыстории человечества, есть зрелое человеческое общество.

Поэтому изучение логическим способом человеческого общества как такового, способом, при котором все стороны изучаемого предмета берутся в их наиболее развитом, зрелом виде, представляет собой изучение коммунистического общества. А точка зрения исследования общества как такового есть позиция людей, для которых главной задачей является не *отрицание докоммунистических* общественных порядков, а *положительное устроение коммунистического* общественного порядка.

Часть III

ПРОЦЕСС ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Процесс развития может быть рассмотрен с точки зрения одновременной данности его моментов (логический аспект) и с точки зрения осуществления развития во времени (исторический аспект). Логическое и историческое (рассмотрение) внутренне взаимосвязаны, внутренне едины: диалектико-материалистическое рассмотрение одновременной данности моментов процесса развития есть отображение в снятом виде его развития во времени, а развитие во времени есть развитие именно этого, а не другого процесса и, следовательно, его моментов как одновременно данных. Вместе с тем, внутреннее единство логического и исторического рассмотрения не существует как абсолютное тождество, это — тождество с различием, что и позволяет относительно самостоятельно фиксировать логический и исторический аспекты.

Открытие К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистического понимания истории позволило понять историю как естественно-исторический процесс, как процесс, совершающийся с необходимостью, закономерно и в то же время благодаря деятельности людей, имеющих свободу выбора, свободу воли (на разных этапах исторического развития характер и степень свободы различны).

Чтобы понять процесс исторического развития, требуется определить его изменение во времени, причем если развитие закономерно, то изменение должно осуществляться в каком-то необходимом направлении. Это закономерное развитие не исключает деятельность людей как сознательных существ, напротив, историческое развитие общества представляет собой равнодействующую, складывающуюся из деятельности масс людей.

История общества не может быть свободна от случайностей, зигзагов, перерывов постепенности и т. д. Но все-таки, если рассматривать достаточно продолжительный период (продолжительность такого периода различна в зависимости от конкретных условий), то обнаружится направленность развития, пробивающая себе дорогу через все случайности, зигзаги, перерывы и т. п.

Для характеристики всякого исторического процесса развития необходимо рассмотрение его общей направленности, а значит, начала процесса, этапов, которые он проходит, а также «механизмов» перехода от одного этапа к другому, специфики, преемственности и направленности процесса развития в целом и его этапов.

Важно специально подчеркнуть, что, утверждая наличие направленности развития, мы отмечаем главное направление развития, отвлекаясь от того, что наряду с главным направлением могут существовать другие, что между ними и главным направлением может происходить взаимодействие.

Общество есть «органическое» целое, проходящее в своем восходящем, прогрессивном развитии ряд стадий, ступеней, этапов. Реально существующая история общества не есть процесс развития «органического» целого в «чистом» виде. Однако, для того чтобы понять всю сложность исторического развития общества, необходимо выделить в «чистом» виде прежде всего главное направление этого развития и только затем вводить в поле рассмотрения осложняющие и модифицирующие его обстоятельства.

Общественная форма движения качественно отличается от биологической формы движения, но вместе с тем общество возникает из природы и ближайшим образом из биологической формы движения.

Если общество есть «органическое» целое, то и история общества должна быть расчленена на стадии, этапы, которые проходит в своем развитии всякое «органическое» целое.

1. Начало процесса исторического развития общества, т. е. образование исторических предпосылок общества, образование

социального в недрах биологического, вообще природного. На этой стадии появляются предпосылки возникновения общества, но самого общества еще нет.

2. Первоначальное возникновение общества. Сюда мы относим первобытнообщинный строй.

3. Формирование общества. Идет процесс преобразования возникшим обществом унаследованной природной основы. Формирование общества включает в себя все классово-антагонистические формации.

4. Зрелость общества. Процесс преобразования унаследованной природной основы (имеются в виду земные условия, «земное лоно» истории) завершен. Природная основа в существенно преобразованном виде включена в качестве момента в процесс развития общества. Зрелое общество – коммунистическая формация.

Таковы стадии, этапы восходящего развития общества как «органического» целого. Первые три стадии мы относим к становлению человеческого общества¹.

На стадии образования исторических предпосылок общества безраздельно господствуют природные закономерности. Источник развития тут следует искать в развитии природы. На стадии первоначального возникновения общества образуется и начинает действовать принципиально новый – социальный – источник развития. Ведущим, главным фактором *развития* с возникновением человека как нового биологического вида становится социальный, а не природный фактор. Правда, природный фактор, природная основа, только начинает преобразовываться новым процессом. На стадии формирования общества продолжается преобразование

---

¹ Исследователи, занимающиеся историей первобытного общества, считают, что становление человеческого общества завершается с возникновением первобытной родовой общины (см., напр., фундаментальный коллективный труд «История первобытного общества». Т. 1–2. М., 1983–1986). Нами термин «становление человеческого общества» трактуется более широко. В связи с тем, что мы рассматриваем логику *всей* истории, к становлению человеческого общества мы относим не только становление человека как *биологического* вида, но и становление человечества в *общественном* отношении.

природной основы, однако в той или иной степени природная основа все же остается непреобразованной, и, значит, новая сущность, хотя она и есть главный, ведущий фактор развития, *еще не господствует* в том смысле, что не до конца преобразован унаследованный процесс – природная основа.

На стадии зрелости общества социальный фактор становится *не только ведущим, но и непосредственно господствующим*.

Итак, на первой стадии источник развития находится в природе, на второй стадии возникает социальный источник развития, он сразу же оказывается ведущим. Благодаря возникновению этого принципиально нового фактора и как его проявление образуется взаимодействие между ним и природным фактором. Господствует взаимодействие социального и природного факторов при главенстве социального. На третьей стадии возникший социальный фактор продолжает быть ведущим, главным. На четвертой стадии социальный фактор полностью подчиняет себе природный фактор, и только на этой стадии он безраздельно господствует, а значит, только теперь безраздельно господствуют *самодвижение, саморазвитие общества, взаимодействие людей как самоцель, развитие сущности человека как самоцель*. Здесь речь идет о «земном» существовании человечества. Но уже на последней стадии формирования создаются предпосылки к «космическому» существованию человечества, к космической цивилизации и к новому витку взаимодействия человечества с природой.

Глава 1

НАЧАЛО ПРОЦЕССА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Прежде всего следует уточнить смысл понятия «начала». Мы будем употреблять это понятие не в том значении, в каком его обычно употребляют. Обычно под «началом» подразумевается первая стадия развития какого-либо предмета, процесса, самая неразвита его стадия. Но при этом отождествляются две, по нашему мнению, различные стадии: стадия образования исторических предпосылок процесса, предмета и стадия его первоначального возникновения, и фактически началом называется первоначальное возникновение сущности предмета, процесса.

Мы же называем началом стадию образования *исторических предпосылок* процесса, предмета, т. е. такую стадию, когда сущность этого процесса еще не возникла. Конечно, как неправомерно только отождествлять эти две стадии, так неверно и отрывать их друг от друга. Начало процесса, достигшее своего наивысшего развития, качественно и по сущности изменяется. Достигнув своего высшего развития, стадия начала процесса превращается в стадию первоначального возникновения его сущности. Например, товарно-денежные отношения могут существовать и существуют до капитализма, они представляют собой начало капиталистических отношений, а становясь всеобщими, господствующими, полностью подчиняя себе процесс труда, производства, рабочую силу, средства производства, они превращаются в капиталистические.

Кроме того, обычно смешивают начало с простейшим отношением. Между тем простейшее отношение есть начало в том снятом, преобразованном виде, в каком начало сохраняется с образо-

ванием сущности предмета. Следовательно, начало существует до процесса, началом которого оно служит; вместе с тем, оно есть начало именно этого, а не другого процесса, оно есть совокупность необходимых и достаточных исторических предпосылок для первоначального возникновения сущности процесса, предмета. Определить, какие предпосылки необходимы и достаточны для первоначального возникновения сущности процесса, можно, лишь уже имея в виду его возникшую сущность, иначе неизвестно, о предпосылках чего идет речь, а значит, нельзя говорить даже о предпосылках. При изложении начала предполагается, что уже имеется какое-то представление о предмете, началом которого оно является. Так как мы рассмотрели простейшее отношение общества, т. е. начало в том преобразованном виде, в каком оно существует уже при наличии образовавшейся сущности общества, то это дает известную путеводную нить при исследовании начала.

Начало человеческой истории — образование природных, биологических предпосылок, необходимых и достаточных для возникновения социального. Необходимыми и достаточными предпосылками первоначального возникновения человечества были, во-первых, определенные внешние природные условия; во-вторых, наличие животных особей с определенным строением тела; в-третьих, стадный образ жизни. Начало истории человечества, в свою очередь, имеет свое начало, стадию первоначального возникновения своей сущности, стадию формирования, стадию зрелости, стадию умирания и исчезновения. На этих стадиях мы не будем останавливаться. Скажем лишь следующее.

Наиболее древнее отношение живых образований к благоприятной окружающей среде — непосредственная погруженность живого образования в эту среду. Такое отношение к среде в снятом и специализированном виде характерно для растений. У человека тоже сохраняется в снятом виде такая связь, например связь с окружающей воздушной средой посредством дыхания. Для такого отношения живого к окружающей среде в целом не требуется способности к самостоятельному передвижению. Необходимость

в передвижении живого образования имеет место при неоднородности воздействия на него окружающей среды. Уже растения ведут неподвижный образ жизни лишь в основном.

Качественно новое, более развитое отношение к среде образуется с возникновением животных. Характерная черта животного отношения к окружающей среде — в основном подвижный образ жизни, передвижение тела при помощи специальных органов передвижения в поисках благоприятных условий среды (прежде всего в поисках пищи и защиты от нападения). Животные главным образом приспособляются к окружающей среде, но вместе с тем имеет место и более развитое обратное воздействие на среду. При преимущественно непосредственной связи с окружающей средой живое образование тоже обратно воздействует на среду тем, что потребляет одни вещества и выделяет другие. Животные сохраняют в преобразованном виде такое обратное воздействие на среду, но характерным для них обратным воздействием является воздействие уже самим перемещением (например, вытаптывание растений) и «вырыванием» предмета добычи из его среды, перемещением добычи. Тем не менее, решающим, определяющим воздействием в отношении животных и среды остается воздействие среды на живой организм. Обратное воздействие играет подчиненную роль. Активное обратное воздействие животных на среду развивается.

Можно выделить формы обратного воздействия животных на природу, которые являются, так сказать, историческими формами разложения, умирания господства животного отношения к природе. Наиболее простая из них — случайное, еще неустойчивое употребление предметов природы в качестве средств для воздействия на другие предметы природы. Например, использование нашими обезьяноподобными предками веток для доставания плодов. При этом в качестве средств применяются предметы, имеющиеся в природе в готовом виде. Эти средства воздействия необходимо предполагают орган (органы) тела, которым они приводятся в движение. Для животных характерно именно *перемещение* в пространстве в поисках благоприятной среды при помощи

специальных органов передвижения. Естественно, что в конце концов наиболее перспективным путем воздействия на предметы природы является воздействие посредством перемещения своего тела. Наиболее простым и наиболее вероятным при этом оказывается использование *механического* движения.

Не случайно, что самые большие возможности для дальнейшего развития обратного воздействия на природу имели те животные, у которых перемещение в пространстве их собственного тела было нередко и перемещением в пространстве других предметов природы. Захватывание ветвей конечностями при лазаний по деревьям представляет собой типичный пример совпадения того и другого перемещения.

Конечно, когда хищник волочит добычу, то его перемещение в пространстве также есть одновременно перемещение в пространстве иного предмета—его добычи. Или когда белка хватается орех и несет его прятать в свои закрома, то тут тоже имеется совпадение перемещения в пространстве ее собственного тела и иного предмета. То же верно относительно птиц, несущих корм птенцам. Но во всех этих случаях происходит совпадение перемещения в пространстве собственного тела и добытой пищи, вообще предметов собственного потребления или потребления тех, с кем добытчик связан *инстинктом продолжения вида*.

У животных же, приспособленных к перемещению в пространстве на деревьях посредством захватывания конечностями ветвей, происходит частое, устойчивое совпадение перемещения в пространстве собственного тела с перемещением в пространстве предметов, не имеющих непосредственного значения ни для поддержания собственного существования, ни для продолжения жизни вида. Это, так сказать, *почти постоянно сопутствующий побочный* продукт их образа жизни.

Стадия *начала* человеческой истории заканчивается переходом животных предков человека к наземному образу жизни, к прямохождению, освобождением верхних конечностей от участия в передвижении тела, употреблением в основном данных природой в готовом виде средств воздействия.

Стадия первоначального возникновения человеческого общества начинается тогда, когда случайное, неустойчивое употребление предметов природы в качестве средств воздействия на другие предметы природы постепенно становится *необходимым, устойчивым*. Чем чаще, устойчивее становится употребление предметов природы для воздействия на другие предметы природы, тем устойчивее становятся форма и материал средств воздействия, тем больше дифференцируются средства воздействия соответственно своему материалу, природе предмета, на который происходит воздействие, и тому, ради чего осуществляется воздействие (ради удовлетворения той или иной потребности). Труд из инстинктообразного превращается в собственно человеческий труд со всеми его компонентами (целью, средствами, предметами, процессом, результатом, субъектом труда). Материально устойчивость, необходимость употребления средств воздействия закрепляется в создании, производстве этих самых средств. Нередко говорят: «Труд создал человека». Это утверждение не вполне точно, ибо может создаться впечатление, что сначала образовался труд, а потом человек. Между тем образование человека шло в процессе образования труда.

Вследствие самой природы передних, а затем верхних конечностей воздействие на предметы природы могло быть главным образом *механическим*. Из предметов природы, чаще всего встречающихся и данных природой в готовом виде, наиболее пригодным для механического воздействия на другие предметы природы был *камень*. *Ручная механическая обработка камня*, превращающая его в средство воздействия, проходит ряд этапов.

От стадии начала человеческой истории ведет свое происхождение такой способ поддержания существования, как добыча. На первых этапах стадии первоначального возникновения истории *непосредственно господствует* не производство, а *добыча*¹, ибо это общество охотников, рыболовов, собирателей.

---

¹ Добыча предметов потребления остается добычей, если даже она реализуется при помощи произведенных средств воздействия, в том случае, когда эти средства применяются для того, чтобы получить данные природой в готовом виде предметы.

По мере того как ручная механическая обработка камня достигает совершенства и в основном исчерпывает свои возможности, т. е. по мере перехода к неолиту, происходит такое совершенствование добычи, которое ведет к исчерпанию возможности добычи. Ведь возможности добычи определяются данным природой в готовом виде количеством и качеством животных и биологических потребностей человека. Чем более совершенными становятся средства добычи, тем в большей степени исчерпывается природная «кладовая», возникает и растет необходимость воздействия на саму эту «кладовую» природы. И это воздействие реализуется переходом к скотоводству и земледелию, т. е. к господству уже не присваивающего, а производящего хозяйства, к господству не добычи, а производства. С переходом к неолиту осуществляется и переход к первому этапу скотоводства и земледелия, к раннему этапу производящего хозяйства.

Добыча при помощи произведенных средств воздействия более сложна (требует более сложной подготовки и организации, вызывает усложнение самого процесса добычи...), более эффективна, чем добыча без таких средств. Ее образование обуславливает рост устойчивости стада, согласованности действий членов стада, ведет к тому, что все более настоятельной становится необходимость в исключении конфликтов внутри стада. Наиболее частым источником конфликтов является борьба за удовлетворение полового инстинкта. По мере роста устойчивости стада устанавливается запрет членам стада вступать в половые связи друг с другом. Образуется род. Помимо увеличения роли производства средств воздействия и совершенствования, усложнения добычи, осуществляющейся при помощи этих средств, их влияния на рост устойчивости стада и на исключение половых связей внутри стада, имеет смысл признать и роль естественного отбора в происхождении рода. Запреты вступления в половые связи внутри стада, становящегося родом, есть то или иное *осознание* необходимости исключения этих связей. Осознание – продукт возникновения социальных (в широком смысле слова) отношений.

При помощи естественного отбора объяснить возникновение упомянутых запретов нельзя. Но отсюда еще не следует, что неосознаваемый естественный отбор не содействовал образованию рода тем, что вел к вырождению и гибели тех стад, в которых имели место внутристадные половые связи.

Род окончательно возникает тогда, когда полностью исключаются половые связи внутри стада и становятся регулярными, устойчивыми половые связи между членами разных родов. Видимо, два этих процесса были не вполне тождественны.

При возможности регулярных, периодических встреч разных стад (родов), а тем более при постоянном обитании в зоне доступности их по отношению друг к другу половые партнеры вполне могли проживать каждый в своем стаде, превращавшемся в род, не переходя в род половых партнеров. Если же встречи сообществ были — в силу обстоятельств проживания — нерегулярны, затруднительны, то в таких условиях возникала необходимость перехода лиц мужского или женского пола в род своих половых партнеров.

Наиболее вероятным, видимо, было все же возобладание в конце концов тенденции переселения в род своего (своих) полового партнера (партнеров). Во-первых, потому что связи разных стад в период превращения стада в род в общем и целом скорее всего были довольно затруднительными, нерегулярными. Во-вторых, обуздываемый инстинкт вряд ли мог достаточно устойчиво быть обуздан, если он, вместе с тем, достаточно регулярно не удовлетворялся в соответствии со своей природой.

Возобладание переселения в род своего (своих) полового партнера (партнеров) обуславливалось, по нашему мнению, не только характером хозяйствования, но и природными условиями проживания сообществ, и необходимостью достаточно регулярного удовлетворения полового инстинкта в соответствии с его природой.

Члены рода, вместе с лицами, переселявшимися в род из других родов, образуют *общину*, отличную от рода. Если род живет обособленно, то община и род представляют собой непосредственное тождество, они не различаются между собой.

И агамия, и экзогамия сами по себе еще не исключают борьбу за половых партнеров, пусть и находящихся вне рода. Достаточно устойчивое исключение конфликтов такого рода достигается, по нашему мнению, в том случае, когда образуется более или менее устойчивое парное партнерство, парная семья.

Как добыча, так и стадные связи наследуются из животного мира; и то, и другое в конце концов преобразуется возникающим производством. На ранних этапах первоначального возникновения человеческого общества производство уже существует и играет ведущую роль в развитии, однако непосредственно господствует добыча, а производство ей подчинено. На позднем этапе стадий первоначального возникновения человеческого общества, когда эта стадия созревает, господство переходит к производству — таковы сообщества ранних скотоводов и земледельцев.

Скотоводство и земледелие при своем развитии выводят общество за рамки стадии первоначального возникновения, обуславливают разложение первобытной общины и переход к рабовладению.

С переходом к раннему скотоводству и раннему земледелию начинает создаваться возможность образования продукта, превышающего необходимый жизненный минимум. До перехода к господству производства человеческий род, по сути дела, боролся за *биологическое выживание*, обеспечение биологических потребностей колебалось *вокруг жизненно необходимого минимума*, тяготело к нему.

Раннее скотоводство и раннее земледелие уже создают возможности для превышения жизненно необходимого минимума, однако эти возможности еще не развиты. С дальнейшим развитием скотоводства и земледелия появляется устойчивое производство продуктов, превышающее жизненно необходимый минимум, но не позволяющее достигнуть жизненно необходимого оптимума (последний не достигается во всех классово-антагонистических обществах). Создаются возможности для присвоения частью об-

щества продукции, превышающей жизненно необходимый минимум. Начинается борьба между людьми за прибавочный продукт.

Происходит накопление богатств. Образуется моногамная семья, отличающаяся от парной семьи тем, что существенной связью членов этой семьи служит хозяйственная связь.

На стадии первоначального возникновения общества социальное и биологическое находятся в отношении конкретного тождества, т. е. тождества с различием. Производительные силы, производственные отношения, способ производства в сообществах людей, которые живут главным образом добычей, уже возникли, играют *ведущую* роль в развитии, но *непосредственно не господствуют, непосредственно господствует добыча* – способ обеспечения, хотя и модифицированный производством, но тем не менее унаследованный от животного мира. Человек в этом своем отношении к природе и к другим людям уже отделился от природы и, вместе с тем, остается еще тождественным с ней. Переход к раннему скотоводству и раннему земледелию есть *переход к господству в жизни общества производства, способа производства*. Но раннее скотоводство и раннее земледелие скорее только открывают в конечном счете возможности для господства способа производства в жизни общества, нежели реализуют их: по продуктивности раннее скотоводство и раннее земледелие еще не превышают развитую добычу устойчиво, только главным образом создаются возможности для устойчивого превышения жизненно необходимого минимума.

Для всей стадии первоначального возникновения человеческого общества характерна борьба человеческого рода за *биологическое выживание*, лишь в конце стадии эта борьба устойчиво клонится к победе человеческого рода. Кроме того, примитивные скотоводство и земледелие есть в основном воздействие человека на *природные условия природного*, биологического порождения животных и растений, на создание благоприятных природных условий их функционирования. Причем, это воздействие людей, в общем, по своему характеру аналогично благоприятному воздей-

ствию на животных и растения девственной природы (ср., например, полив путем запруд и весеннее наводнение). Если имеет место воздействие непосредственно на само животное и растение, то оно осуществляется главным образом путем отбора (аналогично действию естественного отбора). Следовательно, производство тут имеет характер воздействия на *внешние условия* тех процессов, совершение которых и дает продукт, служащий средством к жизни. А значит, способ производства остается внешним по отношению к этим процессам, существенно не преобразует их, не проникает внутрь их.

Стадные отношения есть природные, биологические связи. Возникновение производства (думается, наряду с действием естественного отбора) ведет к их превращению в род. Но, во-первых, стадные связи с образованием рода совсем не исчезают. Так, если судить по стадам приматов и примитивным отношениям, сохраняющимся и в довольно развитых человеческих обществах, стадо животных предков человека было иерархическим. В иерархическом стаде лучшую пищу потребляет вожак, затем детеныши, а также самки и самцы, близкие к вожаку. Вожаком становится наиболее агрессивная особь, в случае оспаривания ее места в стаде, вступающая в борьбу за него. Вожак может быть свергнут в любое время другой особью. Вместе с тем, вожак выполняет функции, полезные стаду в целом: охраняет его, выносит главную тяжесть в борьбе с внешним нападением и т. д. Положение вожака в стаде неустойчиво, соотношение сил в стаде может меняться, члены стада могут распадаться на группы и т. п. Сохранение внутри рода остатков стадных отношений сыграло немаловажную роль в период возникновения и развития частной собственности.

Во-вторых, род есть преобразование стада путем исключения половых связей внутри рода, а переселение членов других родов в данный род непосредственно означало возможность регулярного удовлетворения полового инстинкта (что в то время с необходимостью было и процессом размножения). В роде и родовой общине *непосредственно* на первом плане были обуздание поло-

вого инстинкта, исключение половых связей внутри рода и *обеспечение регулярных половых связей* с членами других родов. Социальный фактор действовал на характер половых связей, связей по размножению. Но *непосредственно господствовали* именно определенного характера половые связи, связи по размножению, т. е. *биологические связи*.

На стадии первоначального возникновения человеческого общества социальное уже возникло, выступило его отличие от биологического, но непосредственно преобладает еще тождество социального с биологическим.

Заметим на будущее. С окончательным установлением рода образуется и община, как отличная от рода и как такая, в которой род представлял собой «ядро» родовой общины.

Родовая община – первая историческая форма общины. Мы не имеем возможности разбирать здесь разные формы общины и их эволюцию из-за ограниченности объема настоящего издания. Скажем только в общем виде: всякая община представляет собой ту или иную форму *естественно возникшей* общности. Тем самым не отрицается роль социального в образовании и функционировании общины, но подчеркивается тот факт, что общину в любой ее форме отличает та или иная степень нерасчлененности (в единстве с расчлененностью) природного и социального. Так, например, в родовой общине имеет место незавершенность отчленения социального от половых связей, от связей по размножению. В территориальной общине существенным признаком являются общность и различие по территории, в земледельческой общине общность определяется тем или иным общим отношением к земле, т. е. главным образом отношением к *природно* данному, а не к произведенному средству производства.

Таким образом, говоря о *естественно возникшей* общности, мы не имели в виду *чисто* природную общность, речь шла о такой общности, в которой социальное не вполне отделилось от природного, не вполне преобразовало его, в которой *непосредственно на первый план* выступает *природная обусловленность*. Например,

зависимость сообщества от использования такого естественно возникшего средства производства, как земля, есть естественно определенная зависимость.

Глава 2

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

На стадии формирования человеческого общества возникший способ производства материальных благ формируется и преобразует унаследованную природную основу. Конечно, уже его первоначальное возникновение было одновременно и определенным преобразованием природной основы. На предыдущей стадии возникли основные компоненты труда, производительных сил, возникли производственные отношения. В чем же тогда состояла специфика формирования способа производства материальных благ и преобразования унаследованной природной основы на этапе формирования?

К стадии формирования относятся рабовладельческое, феодальное и капиталистическое общества.

Если на стадии первоначального возникновения преобладали природные связи, природные условия, а способ производства, социальные источники развития возникали в качестве ведущего, но не господствующего фактора развития, то на стадии формирования происходит *постепенное превращение этого ведущего фактора в господствующий*. Однако на протяжении всей стадии формирования унаследованная от досоциального развития природная основа еще не полностью преобразуется социальным развитием. Чем ближе к началу стадии, тем меньше преобразована социальным развитием унаследованная основа. И наоборот, чем ближе к концу стадии, тем в большей степени природная основа в снятом, преобразованном виде включается в социальное развитие в качестве его момента.

Уже с самого начала стадии формирования действие способа производства в качестве ведущего фактора развития общества

перестало, в общем и целом (т. е. с точки зрения истории всего человечества), зависеть от случайных обстоятельств и стало *по преимуществу необходимым*.

*Процесс формирования общества, с точки зрения разбития производительных сил*¹. Период формирования производительных сил (в отличие от их первоначального возникновения), если иметь в виду *продукт* производства, начинается с той ступени, когда *уровень* производительных сил позволяет производить постоянный излишек сверх совершенно необходимого для поддержания физического, биологического существования, и продолжается до достижения того уровня, когда становится возможным производство изобилия материальных благ. В течение всей этой стадии существует следующее противоречие. С одной стороны, производство уже есть, оно развивается, средства к жизни, в основном, не добываются, а производятся. С другой стороны, средств к жизни не хватает для оптимального удовлетворения биологических потребностей, и на протяжении всей стадии идет борьба между людьми за средства к жизни, за удовлетворение биологических потребностей. С этой стороны люди еще не поднимаются над животным миром, их борьба в таком отношении – *борьба социальных животных*.

Если иметь в виду орудия труда, производства, то для стадии формирования производительных сил характерны, употребляя терминологию К. Маркса и Ф. Энгельса, «естественно возникшие орудия производства». «...Здесь, – пишут они, – выступает различие между естественно возникшими орудиями производства и орудиями производства, созданными цивилизацией. Пашню (воду и т. д.) можно рассматривать как естественно возникшее орудие производства. В первом случае, при естественно возникших орудиях производства, индивиды подчиняются природе, во втором же случае они подчиняются продукту труда» [1, т. 3, с. 65].

---

¹ Заметим сразу, что выделение стадии формирования, с точки зрения производительных сил, и выделение ее, с точки зрения производственных отношений, не совпадают друг с другом.

Кроме того, к стадии формирования производительных сил относится также и тот этап развития «орудий, созданных цивилизацией», т. е. произведенных орудий, когда они начинают завоевывать господство в производстве, даже играют роль господствующим, но когда их господство (господство автоматической системы) еще не безраздельно, т. е. когда этап развития этих орудий еще не достиг полной зрелости.

Формирование производительных сил начинается после того, как впервые возникли их компоненты, и оно заключается по своей сути в формировании *общественного характера* труда. На стадии первоначального возникновения общества общественный характер труда только возникает, причем – при господстве добычи – он существует в основном в конкретном тождестве с биологическими связями людей, с природным отношением к природе.

Переход к господству производства (к раннему скотоводству и раннему земледелию) в недрах стадии первоначального возникновения общества вел к образованию несоответствия производительных сил отношениям, существовавшим тогда между людьми, и в перспективе к выходу за рамки этой стадии.

Стадии формирования производительных сил *соответствует общественное разделение труда*. Общественный характер труда существует здесь через свое разделение, расчленение, через свое, можно сказать, отрицание. Собственно общественный характер труда, общественный характер труда в *позитивном* отношении, хотя и возникает на последнем этапе (субстадии) формирования человеческого общества, но не соответствует производственным отношениям этой субстадии.

На стадии формирования производительных сил общества в качестве общественных уже имеется отличие специфически общественного отношения людей к природе от их природного отношения к природе, и это отличие развивается. Специфически общественное отношение к природе все более обособляется от природного отношения к природе и все более преобразует последнее. Вместе с тем, в рамках связи специфически общественного

и природного отношения к природе развиваются предпосылки их единства, причем уже на основе доминирования специфически общественного (а не природного) отношения к природе. Формирование общественного характера труда начинает завершаться тогда, когда в производстве в масштабах всего человечества начинают преобладать процессы, в которых различные люди служат *моментами единого процесса производства*. Полностью же формирование общественного характера производства заканчивается тогда, когда произведенные орудия производства приходят к *безраздельному* господству и когда весь процесс производства человечества становится *внутренне расчлененным*.

На стадии формирования производительных сил происходит переход от преобладающего использования найденных в природе готовыми предметов труда к преобладающему использованию искусственных предметов труда, предметов труда с заранее заданными свойствами.

Человечество на стадии формирования производительных сил начинает переходить к целесообразному воздействию на *все земные* природные условия, на всю окружающую земную природную среду. Наконец, на этой стадии формируется человек в качестве компонента специфически общественного производительного отношения к природе.

Все перечисленные выше превращения означают проникновение в сущность природных процессов, следовательно, предполагают начавшийся переход от обыденного эмпирического уровня развития знаний к доминированию теоретического. Формирование человека в качестве производительной силы есть не только овладение им «орудиями, созданными цивилизацией», но и превращение его в индивида, вооруженного теорией, способного к всесторонней деятельности, необходимость которой формируется с переходом к господству произведенных орудий труда (расчлененность деятельности человека на этой стадии определяется главным образом общественным разделением труда).

Формирование общества, если иметь в виду развитие производственных отношений, совершается в конечном счете под

определяющим влиянием формирующихся производительных сил. Но вместе с тем формирование производственных отношений есть относительно самостоятельный процесс. Производительные силы есть и нечто внешнее по отношению к производственным отношениям, но одновременно производительные силы и производственные отношения образуют внутреннее единство, общественный способ производства. Их внутреннее единство и «борьба» и образуют *внутренний источник саморазвития общества*. Общественный способ производства, *внутренний источник саморазвития общества, не является чем-то неизменным*, он также проходит стадию формирования.

Наличие произведенных орудий производства обуславливает собственно производственные отношения. Наличие «естественно возникших орудий производства», порабощенность человека действием природных сил обуславливают сохранение той или иной формы природной связи, природной общности людей. Будем впредь называть их *«естественно возникшими общностями»*, *«естественно возникшими связями»*.

Развитие производственных отношений на этапе формирования общества происходит *противоречиво как в том отношении, что формируется противоречие между производительными силами и производственными отношениями, которое в конце концов приведет к устранению той и другой стороны этого противоречия, так и в том отношении, что производственные отношения постепенно отчленяются от природных связей людей, подчиняют их себе и снимают их, собственно производственные отношения по сравнению с «естественно возникшими связями» людей постепенно превращаются в безраздельно господствующие*.

Общественное разделение труда и борьба людей за удовлетворение биологических потребностей обуславливают существование *классов* и борьбу между ними. Следовательно, стадия формирования общества есть стадия его антагонистического классового развития. Эта стадия, в свою очередь, сама разделяется на несколько субстадий, о которых пойдет речь позже.

Производственные отношения относительно самостоятельны. Их относительная самостоятельность сказывается в определенном несовпадении стадии (а также субстадий) формирования производительных сил и стадии (а также субстадий) формирования производственных отношений. Сначала возникает новая стадия (субстадия) производительных сил, которая начинает не соответствовать прежней стадии (субстадии) производственных отношений и при своем дальнейшем развитии вступает в противоречие со старой стадией (субстадией) производственных отношений, противоречие разрешается переходом либо к новой стадии (субстадии) производственных отношений, либо, по достижении зрелости, к созданию предпосылок для существенного изменения самой диалектики производительных сил и производственных отношений (в частности, путем вытеснения человека из сферы непосредственного производства).

Так, мы уже видели, что производящее хозяйство проходит свой ранний этап уже на стадии первоначального возникновения общества, и при дальнейшем развитии скотоводства и земледелия развивается противоречие между ними и первобытнообщинным устройством общества, разрешение этого противоречия означает переход к стадии формирования.

Аналогичный процесс происходит с производственными отношениями и производительными силами, присущими всей стадии формирования общества. Производительные силы, соответствующие стадии формирования общества, начинают развиваться уже в недрах его первоначального возникновения, а производительные силы, соответствующие стадии зрелости общества, начинают развиваться на стадии формирования общества.

Формирование общества по отношению в первую очередь к стадии его первоначального возникновения представляет собой *отрицание* предшествующего развития общества.

Здесь необходимо сказать об отношении предлагаемой нами периодизации к основным существующим периодизациям.

При формационном членении общества прямо не фиксируется развитие общества, а *только констатируется* одна историческая форма наряду с другой, формации представляются как *внешние* друг другу.

Существует более общее членение общества: доклассовое, классовое, бесклассовое. *Исходным* в определении тут служит *одна* стадия общества — *классовая*, а *остальные* характеризуются *только отрицательно* по отношению к ней. Здесь тоже не фиксируется положительно развитие общества. Кроме того, это деление истории берет хотя и чрезвычайно важную, но лишь одну из сторон развития. Наконец, в членении истории на общинную, частную и общественную собственность выделяется существенная сторона процесса развития и притом положительно, однако процесс рассматривается *односторонне*. В нашей же периодизации прямо указывается на то, что речь идет о стадиях развития общества и периодизация дается с точки зрения всего развития человечества в целом, т. е. речь идет о периодизации истории человечества по внутреннему для процесса развития основанию.

Если для сторонников пятичленного деления истории характерно — далеко не всегда явное и осознанное — стремление исходить только из основной задачи современной эпохи, то для их оппонентов характерно стремление исходить из специфики докапиталистических обществ и, мы бы сказали, из — пусть неявного и неосознанного — стремления установить только сходство коммунистического общества (в том числе его первой, социалистической фазы) с первобытнообщинным строем и теми или иными формами его разложения, с его пережитками. Допуская еще более смелое утверждение, доводя их взгляды до логического завершения, которое может и не осознаваться оппонентами «пятичленки», можно сказать, что самым глубоким гносеологическим корнем этих воззрений служит преувеличение, а в крайнем случае — абсолютизация сходства коммунизма с первобытнообщинным строем как с «первобытным коммунизмом», с пережитками этого строя.

Именно при таком преувеличении и при такой абсолютизации становятся вполне логичными преувеличение и, в крайнем случае, абсолютизация форм общинного устройства.

На наш взгляд, основная задача современной эпохи – борьба с капитализмом, *отрицание* капитализма, свершение социалистической революции – *в конечном итоге* подчинена задаче *построения* коммунистического общества. И не только в плане практически-политическом, но и в плане методологии исторического исследования она уже ныне должна рассматриваться в перспективе решения задачи построения коммунистического общества.

В свете же задачи *построения коммунистического общества* на первый план выступает *не противопоставление коммунизма только капитализму, а отличие и связь коммунизма со всей предшествующей историей* человечества как *предысторией* человеческого общества. При этом внимание фиксируется на витке спирали: первобытнообщинный строй – доклассовое общество; первоначальное возникновение общества – антагонистические, классовые общества; формирование общества, коммунизм – бесклассовое общество, зрелое человеческое общество. *Следовательно, формационное членение истории оказывается необходимым, но подчиненным моментом более общего членения истории.*

Это членение мы назвали бы членением по *типам* исторического процесса.

Типы исторического процесса есть отрезки спиралевидного движения. Коммунизм представляет собой лишь *как бы* возвращение к первобытнообщинному строю, возвращение на новой основе и в преобразованном виде.

Между тем оппоненты сторонников пятичленного деления истории человечества – пусть неявно и неосознанно – исходят из представления об истории как о круге, а это представление при последовательном его проведении означает полное отождествление первобытнообщинного строя, общинного устройства с коммунизмом.

Формирование общества как отрезок витка спирали истории человечества есть процесс преодоления, отрицания первобытно-

общинного строя. Но *отрицание* чего-либо существует только до тех пор, пока в той или иной степени, в том или ином отношении сохраняется то, что отрицается. На протяжении всей стадии формирования имеет место *не только отрицание* первобытнообщинного строя, *но и* в той или иной мере, в том или ином отношении и виде *сохранение* остатков, пережитков первобытнообщинного строя. Кроме того, отрицание первобытнообщинного строя строим частной собственности есть не одно только отрицание, а *и утверждение*, т. е. создание в рамках отрицания предпосылок для его снятия, для установления уже не родообщинной и не частной, а общественной собственности, предпосылок коммунизма.

Делить историю докапиталистических обществ по формам общинного устройства — значит выдвигать на первый план то, что исчезает. Делить историю антагонистических обществ на основании форм частной собственности — значит выдвигать на первый план то, что *отрицает* первобытнообщинный строй, общинное устройство.

Если же исходить из того, что коммунизм есть история человечества, единая со всей предшествующей историей и отличная от нее как от предыстории, если исходить из задачи *построения* коммунизма как из главной задачи, то надо расчленить стадию формирования общества на такие этапы, в различии которых учитывались бы обе стороны: и сохранение тех или иных форм отношений и т. д. первобытнообщинного устройства, и отрицание первобытнообщинного строя строим частной собственности.

Соответственно самой природе процесса *формирования* этапы формирования чего-либо прежде всего и главным образом определяются тем, *что* формируется. То, *что* формируется, определяет и то, что не исчезает, а сохраняется от предшествующего развития. Поэтому с возникновением частной собственности (как особой совокупности производственных отношений), с ее действием в качестве ведущего фактора развития членение истории должно осуществляться главным образом по историческим формам частной собственности, в какой бы мере ни сохранялись при этом пережитки первобытнообщинного устройства.

По самой сути процесса формирования то, *что* формируется, лишь к концу процесса завершает преодоление унаследованной основы, в течение всего процесса формирования то, *что* формируется, существует не на своей, а на чуждой унаследованной основе. То же самое верно и относительно исторических форм частной собственности: они существуют на чуждой основе, на основе, унаследованной от первобытнообщинного строя, и лишь в конце стадии формирования завершается преодоление основы, унаследованной от первобытнообщинного строя, и завершается образование основы, соответствующей частнособственническим отношениям. Полное преобладание частнособственнических отношений наступает лишь на этапе завершения формирования, т. е. при капитализме.

Всякий процесс формирования, по нашему мнению, разделяется на три стадии, или периода: 1) начальный период формирования, преобразования унаследованной основы; 2) возникновение адекватной, новой основы; 3) завершение образования адекватной, новой основы. Таков, например, процесс формирования капитализма: 1) мануфактурный период (период домашнего капиталистического производства); 2) переход к крупной промышленности, к машинному производству (в период этого перехода сами машины еще создавались мануфактурным, ремесленным способом); 3) завершение перехода, период собственно крупной промышленности (в этот период преобладает уже производство машин машинами).

В процессе формирования человеческого общества также, на наш взгляд, следует выделить три периода.

1. Начальный период формирования человеческого общества. Сюда относится рабовладельческая общественно-экономическая формация. Частная собственность уже возникла, но она существует и развивается в общем и целом на основе естественно возникших средств производства¹, на основе непосредственного отношения людей к условиям производства и друг к другу, отношения, уна-

---

¹ Здесь и ниже мы все время подразумеваем, что определенный уровень и характер средств производства «требуют» и соответствующего производителя.

ледованного от предшествующей стадии. Частная собственность остается подчиненной родообщинной, общинной собственности на землю.

Поэтому в рабовладельческих обществах рабский труд количественно может преобладать над трудом общинным лишь в совершенно исключительных случаях.

2. Период перехода к основе, адекватной частной собственности, это – феодализм. Именно для феодальной общественно-экономической формации характерно преобладание частной собственности, но преобладает *частная собственность на землю*, т. е. на *естественно* возникшее средство производства. Следовательно, частная собственность продолжает существовать не на адекватной основе.

В чем же состоит переход к основе, адекватной частной собственности? Железные орудия возникают и начинают распространяться еще до феодализма. Но земледелию, опирающемуся на широкое применение железных орудий и притом как главному виду производства, соответствуют именно феодальные производственные отношения.

В рабовладельческой общественно-экономической формации земледелие осуществлялось преимущественно на мягких землях и вполне могло происходить главным образом при помощи каменных орудий. Но если камень – по своей природе такой материал, который возможно довольно широко применять (в качестве средств труда) без предварительной обработки, то железо – по своей природе такой материал, который при его более или менее широком применении в качестве средств труда *с необходимостью* предполагает предварительную обработку.

Широкому применению камня в качестве средства воздействия соответствует расчленение на производство средств *добычи* и применение средств *добычи*, т. е. добыча предметов потребления при помощи произведенных средств добычи. *Расчленение же на производство средств производства и производство* предметов потребления, возникающее вначале при употреблении в дело камня, стано-

вится на адекватную себе основу только с использованием *железа* (использование меди и бронзы может быть лишь переходным этапом между использованием камня и железа). Только с распространением использования железа в качестве материала для средств труда расчленение на производство средств производства и производство предметов потребления становится *внутренне* необходимым.

Широкое использование, а следовательно, и производство *железных* орудий – сначала главным образом в земледелии – есть переход к основе, адекватной частной собственности.

3. Период завершения образования основы, адекватной частной собственности, – капитализм. *Адекватная основа частной собственности*, по нашему мнению, не естественно возникшие, а *произведенные* средства воздействия. Феодалные общественные (в том числе производственные) отношения соответствуют ставшему внутренне необходимым разделению на производство средств производства и производство предметов потребления, но такому разделению, в котором главная роль принадлежит применению средств труда к земле (*естественно* возникшему образованию). Капиталистические общественные отношения соответствуют такому внутренне необходимому расчленению на производство средств производства и производство предметов потребления, когда главную роль играет производство средств производства (а не производство предметов потребления), применение произведенных средств труда к уже прошедшему процесс (или процессы) производства предмету труда. При капитализме *впервые* доминирует частная собственность на *произведенные* средства производства. Главенствующим видом производства впервые становится промышленность, а не земледелие.

Промышленность как определяющий вид производства в масштабах всего человеческого общества есть обязательно промышленность в крупных масштабах, крупная промышленность. До образования такой промышленности ремесло может определять весь общественный строй лишь в пределах того или иного отдельного сообщества, находящегося в исключительных условиях.

§ 1. Начальный период формирования человеческого общества. Рабовладельческая общественно-экономическая формация

Рабовладельческая общественно-экономическая формация, как и всякая стадия всемирно-исторического процесса, проходит в свою очередь следующие субстадии: начало, первоначальное возникновение сущности, формирование, зрелость, умирание.

Рассмотрим сущность рабовладельческой формации в классическом, зрелом и «чистом» виде. Непосредственно господствуют община, общинное устройство, общинная собственность, измененные воздействием возникшей собственности на рабов. Отношение рабовладельца (рабовладельцев) и раба (рабов) – отношение, еще существенно не расчлененное и вместе с тем начавшее расчленяться.

Во-первых, рабовладелец как собственник раба есть собственник тела раба. С этой стороны раб выступает в качестве *объекта* собственности, субъектами же собственности являются рабовладельцы. Раб в таком аспекте – *орудие производства*, одно из средств производства, отношение рабовладельца к рабу представляет собой *производительное отношение к природе*.

Во-вторых, отношение рабовладельца и раба может быть, по нашему мнению, рассмотрено и как еще только начавшее отчленяться от первого *производственное отношение*. Собственность как производственное отношение есть отношение *субъектов* собственности по поводу объектов, являющихся компонентами производства. Пусть и в недостаточно вычленившемся виде, но раб, на наш взгляд, не только объект, но и *субъект*. О том, что раб в какой-то степени не только объект, но и субъект, свидетельствуют и возможность порабощения свободных (в том числе самопродажа в рабство), и возможность освобождения раба, и возможность различных степеней рабства, и наличие у раба, как и у всякого человека, воли и сознания. Если признать, что раб в какой-то степени – субъект (а для этого, думается, есть основания), то отноше-

ние раба и рабовладельца оказывается также производственным отношением.

В-третьих, собственность рабовладельца на раба представляет собой собственность на раба как на особое тело *природы*, а не только как на производителя. В таком аспекте связь рабовладельца с рабом остается еще *природной связью*, связью с *природным телом*.

Следовательно, *производственное отношение еще пока только отчленяется от природных связей*.

Из сказанного следует, что на протяжении всего существования рабовладения отношение рабовладельца и раба *никогда* не может быть только производственным отношением, а именно таким их видом, как частная собственность, и его нельзя охарактеризовать лишь с позиций развития частной собственности.

Общинная собственность на рабов означает их использование в рамках «естественно возникшей общности». Тут производственные отношения тоже еще не отделились вполне от природных связей.

На всех стадиях рабовладельческого общества в значительной степени сохраняется основа, унаследованная от прошлого (ниже будет сказано о ней конкретнее), а поэтому вопрос о классической, зрелой форме этого общества решается не совсем так, как для общества капиталистического, когда формирование человеческой истории переживает стадию (или субстадию) завершения.

Положение эксплуатируемых на незрелых стадиях рабовладельческого общества внешне похоже на положение крестьян при феодализме. Однако, по сути дела, между тем и другим имеется существенная разница. В процессе становления¹ рабовладельческого общества характерным является образование отношения к части людей как к объектам частной собственности, именно через посредство образования частной собственности на *людей* происхо-

---

¹ Под «становлением», как уже говорилось выше, мы понимаем все три стадии (начала, первоначального возникновения сущности, формирования), предшествующие стадии зрелости.

дит преимущественно развитие частной собственности на землю. Причем в общем и целом частная собственность на людей достигает более высокого развития, частная же собственность на землю остается подчиненным моментом общинной собственности, общинных отношений. Для становления феодализма, напротив, характерно прежде всего образование частной собственности на *землю*.

Частная собственность возникает с переходом к земледелию и скотоводству. В зависимости от природных условий постепенно основным занятием людей становились либо земледелие, либо скотоводство (оседлое или полукочевое), либо то и другое в различных сочетаниях. Впервые люди стали *производить* основные предметы потребления. Переход к производству основных предметов потребления означал регулярность, постоянство, устойчивость их получения и притом в количестве, превышающем уровень, совершенно необходимый для поддержания биологического существования. Возникла *возможность присвоения* этого излишка над совершенно необходимым для поддержания биологического существования *частью* людей. Вместе с тем его было недостаточно для полного оптимального удовлетворения биологических потребностей, что вызывало борьбу людей друг с другом из-за предметов потребления. Реализацию этой возможности нельзя понять, если исключить из виду происхождение людей от животных предков. В стадах обезьян при ограниченности пищи лучшей ее частью овладевает прежде всего вожак, затем детеныши, члены стада, близкие к вожаку, и т. д. При первобытнообщинном строе это «неравенство» определенным образом трансформировалось (например, вожак стада трансформировался в вождя и т. п.), однако не исчезло совсем, и, когда появилась упомянутая возможность, стало развиваться уже не биологическое, стадное неравенство, а социальное неравенство.

Эксплуататорские общества возникают тогда, когда появляется возможность постоянно, регулярно производить *излишек*, *сверх совершенно необходимого* для поддержания биологического существования его членов, и сохраняют историческое оправдание

своего бытия до тех пор, пока не становится возможным *оптимальное* удовлетворение биологических потребностей, если не всех, то, по крайней мере, большинства членов общества. Естественно, что первая историческая форма эксплуатации складывается и существует при минимальных размерах этого излишка и даже подчас при тяготении его к нулю. Поэтому первая историческая форма эксплуатации неизбежно оказывается, во-первых, самой жестокой формой, при которой существует тенденция изъятия предметов потребления в количестве, даже превышающем упомянутый излишек. Конечно, такие изъятия больше свойственны начальным ступеням первой исторической формы эксплуатации, и эксплуатация при этом носит чаще случайный, спорадический характер (например, ограбление во время набегов). Во-вторых, в известном отношении положение эксплуатируемого улучшается по сравнению с существованием членов первобытного общества, ибо эксплуатируемый с утверждением первой исторической формы такого общества обеспечивается *постоянным минимумом* жизненных средств (тенденция к присвоению даже минимума жизненных средств – имея в виду в целом всю первую историческую форму эксплуататорского общества – не является преобладающей тенденцией).

Это все относится скорее к количественной стороне дела. Но сама форма в ее специфике должна быть рассмотрена также с качественной стороны. В масштабах истории человечества первой исторической формой эксплуататорского общества с *необходимостью* стало *рабовладельческое* общество.

Собственность на излишек (сверх совершенно необходимого для поддержания биологического существования) чужого труда могла стать *постоянной* лишь в том случае, если она в той или иной мере распространялась на сам процесс производства, труда, на их компоненты. Частная собственность – с точки зрения всемирной истории – первоначально возникает в недрах родоплеменного строя и преломляется через него. Разложение первобытнообщинного строя идет прежде всего через взаимодействие

родоплеменных общин, а внутри родовой общины – в процессе взаимодействия родового ядра общины и остальных ее членов, т. е. в последнем случае отношения разных общин существуют как внутренние отношения каждой общины. Основное деление людей, проходящее через их сознание, – деление на своих и чужих, деление по степени свойственности и чуждости. Вместе с тем такое сознание есть сознание той или иной степени родства со всем что существует. Такое сознание соответствует тому, что приобретение средств к существованию еще происходит при помощи естественно возникших средств и в естественно возникшем коллективе. Поэтому люди еще в значительной мере относятся и к окружающей природной среде, естественно возникшим средствам воздействия, другим людям, как *существенно тождественным* с ними самими. Частная собственность, разумеется, легче всего и быстрее всего развивается на нечто подвижное, на то, что само перемещается, или на то, что может быть перемещено усилиями людей. Причем частная собственность, поскольку она развивается в «среде», в «эфире» первобытного строя, который и определяет ее «удельный вес», в «эфире» естественно возникших отношений и друг к другу, и ко всему остальному, есть также подчиненный момент естественного, природного отношения. Это, так сказать, *«естественно»-частная, «природно»-частная* собственность. В первую очередь обособленная собственность развивается на предметы личного обихода. С переходом к земледелию и скотоводству развивается «природно»-частная собственность преимущественно на продукты производства, на орудия земледельческого труда, на скот и, медленнее, на землю. Это была не чистая частная собственность, а *частная собственность, существенно не отчленившаяся от естественно возникших отношений*. Это была частная собственность в «растворе» естественных, природных отношений.

Исторически первая форма эксплуатации человека могла быть лишь эксплуатацией членами естественно сложившегося коллектива прежде всего и главным образом чужих. Исторически необходимое отношение к чужим было отношением к ним, как и к

другим телам природы, в отличие от себя как тела природы, а использование чужих – использованием их в качестве тел природы, естественно возникших средств воздействия.

Иначе говоря, рабовладельческие отношения есть отношения частной собственности, существующие как подчиненный момент отношения членов естественно возникших коллективов друг к другу и к естественно возникшим условиям производства. Рабовладельческая частная собственность в качестве необходимой ступени в истории человечества произрастала на почве естественно сложившихся отношений людей друг к другу и к естественно возникшим условиям производства, и без этой почвы как своей широкой основы она не могла существовать.

Присваивающее хозяйство давало возможность образования лишь доклассового общества. Возможности для перехода к классовому обществу стали появляться лишь с переходом к производящему хозяйству, с установлением его господства, с развитием скотоводства и земледелия. Скот и земля – естественно возникшие средства производства. Собственность охотников, собирателей, рыболовов – родовая общинная собственность; охотник, собиратель, рыболов – члены родовой общины. Каменные, деревянные, костяные орудия, применяемые для производства предметов потребления, в эпоху перехода к рабовладельческому обществу сами являются продуктами труда, *произведенными* средствами производства. Однако *основными* средствами производства у скотоводов и земледельцев остаются *естественно* возникшие средства производства – скот и земля. Кроме того, каменные, деревянные, костяные орудия, во-первых, создаются из материалов, которые могут достаточно широко применяться в качестве средств воздействия без предварительной обработки; во-вторых, по преимуществу, это средства труда, приводимые в действие непосредственно человеком, ручные средства труда, человек играет тут роль главной движущей силы, от его навыков, умений, от организации его труда и т. п. решающим образом зависит эффективность этих средств труда.

Таким образом, среди компонентов производительных сил при переходе к первой исторической форме эксплуататорского общества на первый план выходят естественно возникшие средства производства (скот, земля) и человек как производительная сила, человек, отрывающийся от связи с естественно возникшим коллективом. Напротив, орудия труда при этом переходе, как и на протяжении по крайней мере всего рабовладельческого общества, не имели столь большого значения. Только с образованием капитализма роль произведенных орудий труда окончательно становится наиболее важной по сравнению с другими компонентами производительных сил.

По самой своей природе движимая частная собственность возникает и развивается быстрее, чем недвижимая. Для первой исторической формы эксплуататорского общества характерно опережающее и определяющее развитие частной собственности на человека и на скот. Частная собственность на землю также развивается, но медленнее и не является характерной, преобладающей тенденцией именно для рабовладельческого общества. Частная собственность на землю превращается в основной вид частной собственности в феодальном обществе.

Из сказанного следует, что наиболее быстро развивались рабовладельческие отношения у тех родоплеменных общин, которые переходили к скотоводству, к пастушеству.

Внутреннее развитие уже возникшего рабовладельческого общества могло происходить благодаря развитию средств и способов обработки скота и земли, благодаря развитию умений, навыков и т. п. производителей и совершенствованию организации их труда.

Прежде всего скажем о соотносительных возможностях развития скотоводства и земледелия за счет развития средств и способов их обработки.

Первоначально скотоводство, т. е. скотоводство, находящееся на путях экстенсивного развития, означало главным образом приобретение людьми умения влиять на поведение животных. Такое

скотоводство само по себе, если исключить обработку продуктов скотоводства (а это, по сути дела, та же обработка предметов охоты, только в больших масштабах и более регулярная), не требует существенного дальнейшего (по сравнению с охотой) применения и развития средств труда. Когда же экстенсивное скотоводство исчерпывает свои возможности, когда оно разрастается настолько, что дальнейшее освоение свободных, пригодных для скотоводства земельных пространств оказывается затруднительным или невозможным, происходит переход к интенсивному скотоводству, т. е. к собственно животноводству, а оно требует прежде всего увеличения и улучшения кормов, что невозможно без земледелия.

В отличие от скотоводства даже примитивное земледелие требует усовершенствования средств воздействия по сравнению с собирательством. Уже экстенсивное развитие земледелия, увеличение размеров обрабатываемой даже мягкой земли при наличии одного и того же количества рабочих рук порождают потребности в совершенствовании средств обработки земли, не говоря уже о переходе к обработке более трудных для обработки земель.

Конечно, и при преобладании экстенсивного скотоводства развиваются обработка, хранение, использование шкур, костей, мяса, позже молока. Тем не менее, основное занятие скотоводов (при экстенсивном скотоводстве) — воздействие на поведение животных, осуществляемое при помощи самых примитивных средств, в то время как основное занятие земледельцев — воздействие на землю — требует более совершенных, чем при собирательстве, средств воздействия и даже при экстенсивном земледелии порождает потребность в их дальнейшем совершенствовании.

Переход к земледелию и развитие земледелия оказывают в конечном счете более мощное влияние на развитие средств и способов труда, а значит, на развитие человечества, чем скотоводство.

Наибольшие возможности для развития получают те земледельцы, которые сочетают земледелие как основное занятие со скотоводством и научаются применять в земледелии, для обработки земли силу животных.

Именно переход к земледелию, а не к скотоводству вызвал к жизни широкое распространение применения металлов для создания средств труда. Весьма важным было то обстоятельство, что с переходом к скотоводству и земледелию значительно возросла обеспеченность людей жизненными средствами, в связи с этим произошло значительное увеличение численности населения, а вместе с тем и столкновений между различными сообществами, что вызвало потребность в дальнейшем совершенствовании оружия, между тем как возможности каменного неолитического оружия были в основном исчерпаны.

Переход к земледелию происходил прежде всего на тех землях, которые нуждались в минимуме обработки. Земледелие начинается тогда, когда люди стали бросать зерна, семена в землю, а через некоторое время собирать урожай. На этой стадии земледелие было неустойчивым и не могло стать главным занятием и главным источником получения предметов потребления.

Земледелие становится *устойчивым* занятием и устойчивым источником получения предметов потребления тогда, когда переходят к обработке земли (рыхлению, поливу и т. д.). Но чтобы стать одним из основных или основным занятием и источником получения предметов потребления, земледелие должно было вестись в достаточно широких размерах.

Сначала подвергались обработке мягкие земли на местах, не затопляемых разливами больших рек, с достаточным количеством влаги, у небольших источников воды (ручьев, небольших речек, небольших водоемов со стоячей водой).

При употреблении средств обработки земли, изготавливаемых главным образом из камня, самое широкое распространение земледелие могло получить лишь в плодородных долинах больших рек с мягкими землями. Но необходимым условием такого земледелия было регулирование течения вод реки, создание ирригационной системы.

Распространение использования меди, а затем бронзы в качестве оружия и орудий не могло резко повысить производи-

ность земледелия и вывести его (в значительных размерах) за пределы, доступные каменным орудиям.

Все более или менее неоднородные земли становятся доступными для обработки лишь с широким распространением и применением железа. Земледелие получает возможность распространиться на подавляющее большинство земель, доступных скотоводству. Только с распространением железа и его применением для обработки земли образуется возможность широкого и в конце концов полного перехода к интенсивному скотоводству. Создается возможность для изживания обособленного существования и развития скотоводства.

Создается возможность для окончательной победы, преобладания во всемирно-историческом масштабе комплексного развития сельского хозяйства как единства земледелия и скотоводства.

Превращение скотоводства и земледелия в постоянное и главное занятие и основной источник существования означало также, что постоянным занятием оказывались обработка и хранение продуктов скотоводства и земледелия, а, следовательно, и производство средств обработки и хранения этих продуктов.

Сначала распространение скотоводства и земледелия привело к разделению труда между скотоводами и земледельцами, а затем обработка главным образом продуктов скотоводства и земледелия выделилась в особую область общественного разделения труда – ремесло. Ремесло – вторичная обработка уже полученных благодаря прошлому труду продуктов, причем обработка преимущественно индивидуально приводимыми в движение средствами труда.

Ремесло могло занимать и занимало второстепенное, подчиненное положение по сравнению со скотоводством и земледелием. От природных условий зависело, пойдет ли развитие тех или иных сообществ по пути преимущественно скотоводства или земледелия или по пути сочетания того и другого.

Переход к скотоводству и земледелию вызвал и другие существенные изменения.

Экстенсивное развитие скотоводства обуславливало необходимость передвижения на все более значительных пространствах, и при широком развитии экстенсивного скотоводства в конце концов становился неизбежным кочевой образ жизни.

Распространение и совершенствование земледелия, напротив, вели к установлению господства оседлого образа жизни. Охотники и собиратели чаще всего вынуждены были вести полубродячий, бродячий, полукочевой образ жизни (исключения были возможны лишь в особо благоприятных условиях). С переходом к земледелию жизнь на одном месте становилась не исключением, а скорее правилом. Образуются постоянные поселения.

Скотоводство и земледелие дали возможность получать больше и притом устойчиво больше предметов потребления, чем при занятиях охотой, рыбной ловлей, собирательством. Если уже последние занятия позволяли выживать, поддерживать биологическое существование, то скотоводство и земледелие обеспечили некоторый постоянный излишек сверх совершенно необходимого для поддержания жизни.

Прежде всего это сказалось на темпах прироста населения. Население быстро росло. Биологические возможности размножения получили качественно более благоприятные условия реализации вследствие увеличения количества предметов потребления. Соответственно произошел и скачок в численности населения.

Учащались встречи различных сообществ, поселения располагались все ближе друг к другу. Вместе с тем становились все более частыми столкновения, происходившие главным образом из-за земель, пригодных для скотоводства и земледелия, а также ради ограбления. Такие столкновения превращались в *постоянные* спутники существования, т. е. это уже были войны.

Пока переход к земледелию и скотоводству только совершался, побежденные могли быть либо убиты, а их земли и имущество захвачены, либо согнаны с прежней территории на худшую, либо оставлены на прежней территории, но ограблены. Ограбление во время набега было еще случайной, не регулярной формой эксплу-

атации. Развернутой формой первоначальной, еще только возникшей эксплуатации была дань с покоренных. Ограбление и дань представляли собой внешние формы эксплуатации, которые сначала не преобразовывали соответственно себе внутренний строй жизни ни побежденных, ни победителей. (Конечно, ограбление и дань могут сохраняться и в более развитых обществах, но уже не как характерные формы.)

Общение различных сообществ имело и мирный характер — характер обмена излишками продукции между разными сообществами. Обмен в основном был обусловлен разделением труда между скотоводством и земледелием, зависел от различия природных условий труда. Так как ремесло занимало подчиненное положение, то обмен продуктов земледелия и скотоводства на продукты ремесла и наоборот в целом также был подчиненным моментом обмена продуктов земледелия и скотоводства друг на друга.

С широким распространением скотоводства и земледелия обмен стал постоянным, но в масштабах человечества в целом продолжал преобладать обмен *излишками* продукции.

Обмен как изначальная цель производства, т. е. производство, основанное на обмене, не может существовать без такой необходимой, хотя и недостаточной, предпосылки, как решающая роль производства, в котором употребляются средства и предметы труда, представляющие собой, в свою очередь, продукты труда. В скотоводстве же и земледелии основные средства производства — скот и земля — в общем и целом не представляют собой продукт труда.

Из сказанного следует, что в обществах, в которых главным занятием было либо земледелие, либо скотоводство, либо сочетание того и другого, непосредственное единство друг с другом людей как природных существ должно было оставаться преобладающим, т. е. преобладающей широкой основой продолжала оставаться *природная связь* людей. Эти связи людей называют *личностными* связями, однако нам это представляется *неточным*. Индивид есть личность лишь постольку, поскольку он находится с обществом в

специфически общественной связи. Между тем, упомянутые выше связи есть связи людей, поскольку они еще не оторвались от природной пуповины, поскольку они связаны друг с другом природной связью.

Впервые, правда, в превращенной, в вещественной, т. е. в конце концов природной же, форме общественные связи людей приобретают господство лишь в обществе, покоящемся на производстве, основанном на обмене.

Переход к земледелию и скотоводству был возможен уже при наличии каменных, деревянных, костяных орудий. Занятия земледелием при наличии такого рода орудий, естественно, могли осуществляться вначале в небольших масштабах и при наличии достаточного количества воды: в долинах ручьев, небольших рек, по берегам озер. Переход к земледелию в широких масштабах мог произойти там, где имелись большие территории мягкой и достаточно увлажненной земли. Таковы местности в долинах ряда больших рек. Именно тут скапливается и растет население в наибольшей мере, создаются наиболее благоприятные условия для образования крупных объединений людей, значительно превосходящих по размерам прежние объединения. Именно тут осознается и реализуется необходимость *кооперирования труда в широких масштабах* (главным образом для ирригации). Это была преимущественно *простая* кооперация.

По нашему мнению, для рабовладельческого общества характерны полукочевое скотоводство (без широкого использования лошади) и земледелие на мягких землях с преимущественным применением для обработки земли каменных и деревянных орудий. Конечно, уже в эпоху рабовладения была приручена лошадь, и началось ее применение в хозяйственных целях. Однако это было скорее лишь началом использования лошади в хозяйстве. (Только позднее, с изобретением упряжи с мягким хомутом, постромками и оглоблями, а также подков научились полностью использовать тягловую силу лошади, а до того она использовалась лишь в незначительной степени.) Применение силы быков, волов малоэф-

фективно. Применялись в древности и металлические сельскохозяйственные орудия, но они все же не стали основными в земледелии.

Главной силой в хозяйстве, несмотря на начавшееся применение силы животных, была сила человека, приводившая в движение ручные орудия труда. *Собственность на производителя неизбежно оказывалась таким видом собственности, от которого в основном зависели существование и развитие общества.* Причем (если рассматривать процесс в чистом виде), пока в древнем мире имелся запас мягких земель, незанятых земледельцами (мы фиксируем весь древний мир в целом, но то или иное сообщество может увеличивать запас своих земель и путем вытеснения земледельцев других сообществ), шло *экстенсивное* развитие, тенденция роста эксплуатации за счет собственности на *производителей*, безусловно, преобладала над эксплуатацией за счет частной собственности на землю. Но, по мере того как запас незанятых мягких земель исчерпывался (или одно сообщество, например римляне, завоевывало почти все мягкие земли), преобладающей возможностью становилось *интенсивное* развитие земледелия на мягких землях, и тогда выдвигалось все больше на первый план развитие эксплуатации за счет частной собственности на *землю*, т. е. начинался период разложения рабовладельческого общества и подготовки феодального.

Тем не менее, для всей рабовладельческой эпохи специфично преобладание именно частной собственности на производителей над частной собственностью на землю. Собственность одних людей на других, в том числе на их тело, есть *производственное* отношение, слитое существенно с природным, естественным отношением. Вместе с тем тот, кто служит собственностью, есть человек, он обладает волей, сознанием, а потому способен на осознаваемую тягу к свободе, имеет волю. Собственность на человека всегда должна дополняться принуждением, т. е. мерами, ограничивающими свободу воли, подавляющими волю.

Главные средства принуждения эксплуатируемых – *организация* эксплуататоров и *оружие*. Средства, воздействующие на сознание эксплуатируемых, хотя и важны, являются все же вторичными. Правда, чем ближе к началу человеческой истории, тем непосредственнее, теснее эти вторичные средства были связаны с первичными. И наоборот.

Пока оружие оставалось каменным, деревянным, костяным, главным средством развития эксплуатации была организация. Отсюда следует, что при наличии такого рода оружия эксплуатация, во-первых, могла осуществляться теми лицами, которые выполняли в обществе организаторские функции, причем, эти функции были необходимы (вожди, старейшины); во-вторых, рабство не могло принять более или менее широкие размеры (ведь каменные орудия, применявшиеся рабами, возможно было использовать и как оружие, почти или совсем не уступающее по своей боевой эффективности оружию рабовладельцев). Рабство должно было носить, по преимуществу, патриархальный характер. Положение рабов и свободных при неразвитых рабовладельческих отношениях должно было меньше отличаться друг от друга, чем при развитых рабовладельческих отношениях. Рабы должны были чаще применяться в домашнем труде порознь или небольшими группами.

Развитые рабовладельческие отношения не могли сложиться без того, чтобы в руках эксплуататоров не оказалось оружие более мощное, чем каменные и деревянные орудия эксплуатируемых, которые могли быть использованы и в качестве оружия. Такое оружие было получено с переходом к изготовлению металлического оружия (медного, бронзового и железного). С. Лилли совершенно верно замечает: «Бронза, являвшаяся слишком редким и дорогим материалом, мало расширила власть человека над природой. В больших количествах из нее никогда не делали земледельческих орудий, вследствие чего земледелие в бронзовом веке так и задержалось почти на том же уровне, что и в эпоху позднего неолита...» [138, с. 38]. Добавим, что если бронза существенно не расширила власть человека над природой, то она позволила суще-

ственно расширить власть человека над человеком, а это в то время было весьма важно для развития общества.

Изобретение и распространение железных орудий и оружия были технической революцией, совершавшейся в недрах древнего мира, предварявшей и подготавливавшей смену рабовладельческой общественно-экономической формации феодальной. Она означала, что рабовладельческий мир в целом вступает или уже вступил в период своего разложения.

Как же происходило развитие рабовладельческого общества? Каковы источники его развития?

Остановимся на отношении «рабовладелец — раб». Чем больше развивается это отношение, тем больше раб низводится до положения только объекта, «говорящего инструмента», а рабовладелец исключается из процесса производства. В совершенно чистом виде это отношение таково: раб — лишь объект, лишь «говорящий инструмент», полная собственность рабовладельца, рабовладелец полностью вышел из процесса производства и может абсолютно распоряжаться жизнью раба. Отсюда следует, что с установлением такого отношения все больше и больше исчезают внутренние возможности его изменения. Действительно, производитель, т. е. здесь раб, положение которого приближается к положению объекта, «говорящего инструмента», теряет стимулы к совершенствованию как себя, так и средств труда. Рабовладелец все в большей мере становится непроизводителем, который, низводя производителя на положение объекта, лишает последнего стимулов к совершенствованию производства, возможности развивать свои духовные и физические силы. Таким образом, отношение «рабовладелец — раб» заходит в тупик: раб, доведенный до состояния животного, теряет способность и к сопротивлению, рабовладелец самым таким отношением к рабу не побуждается к изменению этого отношения.

Но отношение рабовладельца к рабу как к объекту, как к телу природы, во-первых, необходимо включает в себя естественно возникшую связь людей друг с другом: о последнем как раз и сви-

детельствует отношение к рабу как к телу природы, собственности на *тело раба*. Во-вторых, это собственность на тело другого *человека*, а потому также не только естественно возникшая связь. Поскольку раб остается человеком, он есть не только объект, он есть также субъект, он сопротивляется своему положению раба. Ближайшим и непосредственным образом его сопротивление выражается в стремлении избежать рабского труда, в стремлении к культуре... и в желании освободиться от рабского состояния. Следовательно, рассматривая отношение «рабовладелец – раб» с этой стороны, мы вправе сказать, что по мере превращения раба в объект растет и сопротивление рабов своему положению, падает их заинтересованность в труде, поэтому должно расти и углубляться принуждение рабов к труду. А значит, использование рабского труда становится все менее выгодным и все более трудным. Рост сопротивления раба представляет собой проявление его как субъекта, а не только как объекта отношения. Раб же в качестве субъекта выступает как потенциальный собственник самого себя.

Уже действие этой второй стороны понуждает рабовладельцев со временем все больше переводить раба на положение собственника самого себя, некоторых средств производства, даже рабов, однако с сохранением, как правило, той или иной степени общей рабской зависимости.

Отношение рабовладельца к рабу как к объекту есть отношение к нему как к средству производства, причем самодействующему средству производства. Сам рабовладелец, если он осуществляет функцию контролера, организатора и т. п., так же, как и раб, выступает в качестве производительной силы. Когда рабовладелец отрывается от производства, поручая функции контроля, организации и т. п. рабу-управляющему, то, по сути дела, имеет место определенное разложение общества, растет паразитизм рабовладельцев. Кроме того, на уровне производительных сил, которым соответствует рабовладельческое общество, главным компонентом производительных сил служит непосредственный производитель, его умения, навыки (а не средства труда, как в ка-

питалистическом обществе). Поэтому чем больше развиваются рабовладельческие отношения и чем больше раб низводится до положения объекта, средства производства, тем больший застой в развитии наступает.

Отношение рабовладельца и раба есть производственное отношение постольку, поскольку не только рабовладелец, но и раб выступает как субъект этого отношения. Вместе с тем отношение к рабу как «говорящему *орудию*» – производительное отношение рабовладельцев к природе, опосредствованное таким своеобразным орудием.

Следовательно, мы видим, что при рабовладельческом способе производства *производительные силы и производственные отношения и различны, и, вместе с тем, еще существенно тождественны. Формирование общества идет, в частности, и по пути углубляющейся дифференциации производственных отношений и производительных сил.*

Возможно ли было уничтожение рабовладельческого производства вследствие развития его внутренних противоречий?

Мы полагаем, что смена античного мира феодальным вследствие развития его внутренних противоречий была возможна, но вероятность ее очень невелика. Такая смена требовала длительного периода существования застойного, разлагающегося, а следовательно, ослабленного рабовладельческого общества. Но рабовладельческое общество необходимо предполагает еще не преобразованные общинные отношения.

На периферии и вне рабовладельческого мира продолжал существовать другой мир, мир первобытнообщинных отношений, мир, где переход к рабовладению лишь начинается, мир, еще полный жизненных сил. Самым вероятным и сильным противником рабовладельческого мира являются племена, находящиеся на ступени «военной демократии». Именно на этой ступени этот иной мир оказывается и агрессивным, и достаточно сильным для успешной борьбы с ослабевшими рабовладельческими государствами. Под ударами племен, находящихся на этой ступени, не раз и не два должны были гибнуть приходящие в упадок отдельные ра-

бовладельческие государства. Но феодализм мог возникнуть в результате такого нападения лишь тогда, когда рабовладельческий мир в целом созрел для перехода к более развитой формации.

Исходя из всего сказанного выше, мы не можем согласиться с мнением Е. М. Штаерман и М. К. Трофимовой: «...Раз античное рабство, достигшее своего наиболее полного развития в Италии, именно там оказалось бессильным само по себе и из себя породить силы для дальнейшего прогрессивного развития, ставшего возможным лишь в результате кажущегося многовекового регресса, то вряд ли можно считать античный рабовладельческий способ производства обязательным этапом на магистрали всемирно-исторического развития. Скорее он был ответвлением, порожденным специфическими условиями исторической среды, в которой возник. Эти условия предопределили пути генезиса римского государства и римской античной формы собственности, формировавшихся в ходе борьбы патрициев и плебеев. Победа последних, хотя и менее полная, чем победа афинского демоса, была все же достаточной, чтобы устранить те формы эксплуатации, которые всегда зарождались на последнем этапе разложения первобытнообщинного строя и узаконивались и укреплялись там, где государство складывалось как орган родоплеменной знати, превращавшейся в господствующий класс становящегося классового общества» [234, с. 313].

На наш взгляд, во-первых, упомянутые здесь два вида эксплуатации представляли собой не только два исторических ответвления. Они могут быть сопоставлены и по степени, ступени развития эксплуатации. Первый вид (античное рабство) – форма рабства в ее классическом и наиболее чистом виде из всех осуществившихся в истории. Победа плебса позволила реализоваться в более чистом виде частнособственническим отношениям. Победа родоплеменной знати, превращающейся в господствующий класс становящегося классового общества, означает, что возникающее и развивающееся рабство в гораздо большей степени окутано общинными отношениями, теснее связано с ними.

Во-вторых, на том основании, что тот или иной способ производства не может сам по себе и сам из себя породить силы, которые привели бы к его смене, не следует неизбежно, что этот способ производства есть лишь ответвление всемирно-исторического развития. *Если рассматривать любой процесс развития, то чем ближе к его началу, тем больше роль случайности, внешних условий в его развитии. В процессе развития, когда он проходит различные стадии, возникают, формируются, созревают его сущность, внутренние связи, его необходимость, источник самодвижения. То же верно и относительно всемирно-исторического развития человечества.* На стадии рабовладельческого общества, т. е. начальной стадии формирования человеческого общества, сущность общества, внутренние связи, источник самодвижения общества, необходимость развития общества как специфического образования уже возникли, но еще только начинают формироваться; роль внешних условий еще очень велика. Стоит вопрос: быть частной собственности или не быть, хотя частнособственнические отношения уже стали ведущими в развитии общества. Превращение в господствующий класс становящегося классового общества родоплеменной знати означало менее чистую, менее решительную, более постепенную, компромиссную победу частной собственности в ее первой всемирно-исторической форме, победа плебса в Риме, демоса в Афинах – более чистую, решительную, более быструю, менее компромиссную победу частной собственности в ее первой всемирно-исторической форме. Рабовладельческий способ производства в любой его форме включает в себе *еще только начавший формироваться внутренний источник самодвижения общества*, в любой своей форме он в значительной мере зависит от внешних условий. Но во всемирно-историческом масштабе человеческое общество в своем развитии не может перескочить начальный этап своего формирования.

Каково «назначение» рабовладельческого общества? Или, точнее говоря, каковы те необходимые исторические достижения, которые оно приносит? Кратко говоря, на почве сохранения есте-

ственно возникших коллективов, естественно возникших связей людей друг с другом происходят отрыв людей от этих естественно возникших коллективов, разложение естественно возникших связей их друг с другом и образование исторически возникших коллективов и связей друг с другом. Поскольку эти коллективы возникают исторически, постольку люди в них объединяются частнособственническими отношениями. Наиболее характерным, ведущим фактором оказывается частная собственность на производителя (частная собственность на скот не может, как следует из ранее сказанного о месте и роли скотоводства в рабовладельческом обществе, быть характерной чертой всего рабовладельческого мира в целом). Более медленно развивается частная собственность на землю, на протяжении всей рабовладельческой формации сохраняется преобладание общинной собственности на землю, хотя общинная собственность в течение этого развития сильно трансформируется. Именно в недрах рабовладельческой формации готовятся условия для установления господства частной собственности на землю. Лишь освоив мягкие земли при помощи в основном каменных и деревянных орудий (что не могло произойти без достаточно широкого применения именно рабского труда), человечество смогло перейти к освоению всех твердых земель, применения железные орудия и максимально используя силы природы.

Для рабовладельческого общества характерно скорее экстенсивное развитие путем распространения на все новые и новые преимущественно мягкие земли. Когда этот предел более или менее достигнут, тогда характерным становится образование рабовладельческих государств, пытающихся подчинить себе весь остальной мир. Образование, так сказать, «всемирной» рабовладельческой империи означает предел экстенсивного развития рабовладельческого мира. Начинает преобладать его интенсивное развитие, а к интенсивному-то развитию рабовладельческий мир почти не способен. Ведь интенсивное развитие рабовладельческого способа производства, если рассматривать ра-

рабовладельческие отношения в чистом виде, возможно главным образом через развитие производительной силы *раба*, так как рабовладелец с созреванием рабовладельческих отношений все больше отходит от производства, производительный труд для него во все большей мере становится презренным, рабским занятием. Вместе с тем, с распространением рабства растут и страх рабовладельцев перед рабами, стремление ограничить их культурное и т. п. развитие, усилить меры принуждения, запугивания рабов. Нарастают слабость, застой и упадок рабовладельческого мира. Поэтому не случайно, что развитие средств труда происходит наиболее быстро (если сравнивать различные стадии развития древнего мира) в период возникновения и формирования рабовладельческих государств. В том рабовладельческом государстве, в котором рабовладельческие отношения оформились, наступает застой в совершенствовании средств труда. Уже имеющиеся в развитых рабовладельческих государствах средства труда перенимают племена, переходящие к классовому обществу, как государства, в которых рабовладельческие отношения еще не оформились, и развивают их дальше, пока сами не достигают ступени оформившихся рабовладельческих отношений. Происходит, естественно, и распространение орудий и оружия, изобретенных в одних частях этого мира, на другие его части.

В конце концов в недрах древнего мира создаются материальные предпосылки для перехода во всемирно-историческом масштабе к более развитому, феодальному способу производства. К этим предпосылкам прежде всего и главным образом относится переход к изготовлению закаленного железа, к созданию и распространению железных орудий и оружия, к использованию лошади в хозяйственных целях, изобретение ветряной и водяной мельниц.

Исходя из всего вышесказанного, можно определить типичное строение рабовладельческого общества в целом ¹.

---

¹ Под типичным строением общества подразумевается общество, «соответствующее своему понятию» (выражение, часто употреблявшееся К. Марксом).

При первобытнообщинном строе производственные отношения уже возникли (в *производстве* средств добычи и в *обработке* добытых предметов потребления), но были, по преимуществу, слиты с естественно возникшим, природным отношением к природе (применение произведенных средств главным образом для *добычи*). Кроме того, производственные отношения еще в основном не отчленились от природных, биологических связей людей друг с другом. Это было *конкретное тождество*, т. е. тождество с различием производственных отношений и естественно возникших отношений людей к природе и друг к другу. Следовательно, на этом же уровне находилось и различие производительных сил и производственных отношений.

Надстройка, общественное сознание, его формы также еще лишь начинали зарождаться, образуя конкретное *тождество* с производственными (и непосредственно природными, биологическими связями) отношениями.

Доминирующее членение общества при первобытнообщинном строе – членение, обусловленное в конечном счете степенью и характером непосредственно биологических, природных связей людей друг с другом. Производственные отношения и вырастающие на их основе остальные социальные отношения действуют через призму непосредственно природных, биологических связей людей друг с другом.

В рабовладельческом обществе, с одной стороны, строение общества существенно изменяется, с другой стороны, устройство предшествующего общества сохраняется, причем нередко в настолько снятом виде, что подчас сходство с предшествующим обществом оказывается довольно отдаленным.

Производственные отношения впервые в истории человечества, охватывают всю сферу хозяйства: люди живут в основном за счет уже не добычи, а *производства* предметов потребления. *Производятся* теперь не главным образом средства добычи, а *средства производства*. И в этом смысле *лишь теперь производствен-*

ные отношения окончательно и полностью становятся основой жизни общества, охватывают всю сферу хозяйства.

Производственные отношения теперь существенно отличаются от производительных сил, ибо на первый план вышло производство (а не добыча). Потребление людей есть в снятом виде сохранившееся животное отношение к природе, добыча при помощи созданных средств воздействия есть в снятом, преобразованном виде сохранившийся животный способ получения предметов потребления. Лишь производство предметов потребления есть вполне специфически человеческий способ получения предметов потребления. Специфически человеческие производительные силы впервые окончательно возникают тогда, когда основным источником существования людей становится производство предметов потребления при помощи средств производства.

Однако хотя отношение людей к природе при помощи производительных сил существенно отличается от естественно возникшего, природного отношения к природе, тем не менее, то и другое отношения остаются еще и существенно тождественными друг другу, предполагают существенное тождество друг с другом, т. е., с точки зрения логики, их отношение есть отношение *существенного различия*. Существенное различие по своей сути предполагает необходимо свою крайность, т. е. тождество без существенного различия, и только в этой связи оно остается существенным различием [48].

В самом деле, основные средства производства и в земледелии, и в скотоводстве — земля и скот — представляют собой данные природой в готовом виде, естественно возникшие средства производства.

Производительные силы отныне существенно отличаются от производственных отношений, и, вместе с тем, они еще существенно не отчленились друг от друга. Раб — одновременно и средство производства, и человек (пусть и не для рабовладельцев). Часть людей потому и превращают именно в рабов, что их, по преимуществу, отрывают от коллектива, где люди непосредственно свя-

заны природными связями друг с другом и с остальной природой. Тот (или те), кто превращает его в раба, сам первоначально принадлежит к такого же рода коллективу.

Следовательно, и способ производства здесь уже *существенно отличен* от непосредственно биологических связей и вместе с тем *существенно тождествен* с ними.

Это же верно применительно к отношению способа производства, с одной стороны, и надстройки, форм общественного сознания, с другой стороны. Впервые в истории человечества надстройка, формы общественного сознания начинают (но пока только начинают) существенно отличаться как друг от друга, так и от способа производства, и от природных, биологических связей. Но вместе с тем сохраняется существенное тождество их друг с другом.

Итак, каково же типичное строение рабовладельческого общества в целом?

Структура первобытного общества преобразуется общественной структурой, вырастающей на почве начавших формироваться частнособственнических производственных отношений. Однако, если формирующиеся частнособственнические отношения являются ведущими в развитии, то они на протяжении всей истории рабовладельческого общества не становятся безраздельно господствующими, существуя в непосредственном единстве с естественно возникшими отношениями.

Причем, естественно возникшие отношения непосредственно господствуют, количественно преобладают. На первом плане они стоят и в сознании членов рабовладельческого общества. Непосредственно господствующим основанием дифференциации членов рабовладельческого общества служат степень и характер их отношения к естественно возникшему коллективу, к общине. Деление по степени свободы, степени гражданства есть по сути своей деление по степени отношения к общине как естественно возникшему коллективу.

Даже если граждане, например Афин, по реформе Солона разделялись на 4 разряда по имущественному положению и неза-

висимо от происхождения, то и тогда различия в имущественном положении являлись средством для различения и установления характера и степени отношения к общине, т. е. чем к более высокому имущественному разряду принадлежал афинский гражданин, тем в большей степени он был гражданином афинской общины. Так же и в Риме: борьба патрициев и плебеев была борьбой тех, кто в наибольшей степени были членами общины (по своему происхождению принадлежали или считались принадлежащими к той общине, которая существовала в начале основания Римской республики), с теми, кто в меньшей степени были членами римской общины (были или считались по своему происхождению выходцами из общин, родственных первоначальной римской общине и покоренных ею). Конечно, и в Афинах во времена Солона, и в Римской республике это была борьба в конечном счете за земельную собственность, но в общем и целом в рамках приоритета общинной собственности на землю.

Общепринята квалификация деления членов рабовладельческого общества по степени и характеру гражданства как политического, правового деления. (Такое деление называют сословным.) Отсюда некоторые советские историки делали вывод, что в рабовладельческом обществе доминировали политика, право над экономикой. По этому поводу мы хотели бы высказать следующие два соображения. Первое. Разделение членов общества по степени и характеру их отношения к общине есть разделение по степени и характеру *естественно возникших* (в конечном итоге родовых, племенных) отношений, разделение, образовавшееся вследствие развития в рамках естественно возникших отношений отношений частнособственнических и вырастающих из них политических, правовых отношений. Следовательно, разделение членов общества по степени и характеру их отношения к общине не есть чисто политическое, чисто юридическое разделение. Второе. Отношения людей в рабовладельческом обществе нельзя называть личностными, если понятие «личность» употреблять в том значении, в каком шла речь о личности в первой части этой рабо-

ты. В рабовладельческом обществе на первый план выступает сословное деление, которое не совпадает с возникшим классовым делением. Если для сословного деления характерно преобладание естественно возникших отношений, то для деления на антагонистические классы характерно преобладание частнособственных производственных отношений. Когда антагонистические классы уже возникли, а естественно возникшие отношения преобразованы еще не полностью, тогда классовые и естественно возникшие отношения существуют не только и не просто механически рядом друг с другом, а еще и в неполной отчлененности друг от друга, и (поскольку они уже отчленились друг от друга) во взаимодействии друг с другом. *Таким образом, сословные отношения – это сохраняющиеся в классовом обществе в снятом, преобразованном (преобразованном частнособственными отношениями) виде естественно возникшие отношения.* Сословие не является чисто политическим, правовым образованием еще и потому, что в этом образовании не полностью отчленились друг от друга политическая и правовая стороны от производственных отношений, т. е. сословие как таковое включает в себя и экономическую сторону (притом в неполном отчленении от политической и правовой).

§ 2. Второй период формирования человеческого общества – период развития крупной частной собственности на неадекватной ей основе.

Феодальная общественно-экономическая формация

В рабовладельческой формации ведущим видом частной собственности была собственность на рабов, в феодальной формации – собственность на землю. Применение рабского труда позволяло сосредоточивать в одних руках все большие земельные площади с целью их производительного использования. Однако, как очень верно, на наш взгляд, доказывают Е. М. Штаерман и М. К. Трофимова, «история рабовладельческого способа произ-

водства связана с историей не крупного, а мелкого и среднего производства. В противоположность общепринятой до недавнего времени точке зрения развитие рабства не было обусловлено ростом латифундий. Напротив, оптимальными возможностями для применения рабского труда располагали владельцы вилл средней величины, в которых рабы могли быть наиболее рационально организованы и поставлены под эффективный контроль... В латифундиях труд рабов всегда сочетался с трудом колонов, сперва вносящих определенные денежные и натуральные платежи, затем переведенных на издольщину и, видимо, отработки. Последняя форма эксплуатации с ростом крупного землевладения чем дальше, тем больше вытесняет рабов» [234, с. 296).

Оптимального развития рабовладельческий способ производства достигает при среднем производстве. Дальнейшее укрупнение земледельческого производства вело к упадку рабовладельческих отношений.

Развитие частной собственности на землю у земледельческих народов и на скот у скотоводческих народов должно было рано или поздно достигнуть таких крупных размеров, которые несовместимы с применением рабского труда. В переходе к феодализму, если бы он совершался вследствие развития внутренних противоречий, главную роль играли бы «верхи» общества, захватывавшие все больше земель и отрывавшиеся от общинных связей, подобно тому как главную роль в переходе от доклассового общества к классовому играли «верхи» родоплеменных общин.

В конечном счете для развития феодализма наибольшее значение имела собственность на землю, а не скот. Кочевое скотоводство с использованием лошади возможно без дальнейшего усовершенствования средств труда. Напротив, земледелие, особенно с выходом за пределы мягких земель, требует применения более совершенных, чем каменные, железных средств труда. Кроме того, кочевое скотоводство в конце концов достигает определенных пределов экстенсивного развития — использования всех свободных земель. Дальнейшее развитие скотоводства может происходить

главным образом интенсивно, а это невозможно без увеличения и улучшения кормов, последнее же осуществляется благодаря развитию земледелия. Кочевое скотоводство, достигнув в общем и целом пределов своего экстенсивного развития, теряет способность к развитию, обособленному от земледелия, и начинает развиваться в основном на почве земледелия. Поэтому и у кочевых скотоводов пусть в конечном счете, но развивается крупная *земельная* собственность.

Для рабовладельческой формации оптимальной была частная *земельная* собственность средних размеров. Образование крупных рабовладельческих хозяйств означало загнивание рабовладельческого способа производства. Напротив, для феодальной формации оптимальна крупная частная *земельная* собственность. В рабовладельческой формации частная собственность, хотя и играла ведущую роль в развитии, окончательно утвердилась и в этом смысле победила, однако всегда оставалась в общем и целом придатком, подчиненным моментом общинной собственности. Напротив, в феодальной формации господствует частная собственность (точнее, крупная *земельная* частная собственность), а общинная собственность в общем и целом низводится на положение подчиненного момента.

При феодализме крупная частная собственность впервые в истории человечества стала господствовать над средней и мелкой собственностью в масштабах всего общества. Притом впервые в истории человечества утвердилось господство крупнейшей частной собственности именно на землю. Это как бы предел экстенсивного развития частной собственности, ибо теперь в обществе в целом господствует крупная частная собственность. Но качественно она еще ограничена: это собственность именно на землю.

Частная собственность на землю — это частная собственность на *естественно возникшее* средство производства, на средство производства, преимущественно данное природой в готовом виде, а не созданное трудом. Поэтому господство в обществе крупной *земельной* частной собственности не есть господство частной соб-

ственности, отделившейся, так сказать, в чистом виде как общественные производственные отношения от естественно возникших отношений. Частная собственность еще существует здесь на неадекватной основе. *Адекватной основой частной собственности служат созданные произведенные средства производства, средства производства, являющиеся продуктами труда.* Поэтому естественно возникшие отношения еще входят в самую плоть и кровь господства крупной частной собственности.

Господство крупной частной собственности на землю во всемирно-историческом масштабе возможно лишь до тех пор, пока не развилась крупная промышленность, а вместе с ней крупная частная собственность в области промышленности. Господство крупной частной собственности на землю необходимо предполагает ручные орудия труда. В лучшем случае используются силы природы в качестве двигательных сил. Но тем не менее главной характеристикой орудий труда остается их характеристика как *ручных орудий*. Для рабовладельческого общества также было характерно применение ручных орудий труда. Однако рабовладельческие отношения возникли и развились при преобладающем применении каменных и деревянных ручных орудий труда в земледелии и скотоводстве¹. Господство крупной частной собственности на землю уже неизбежно предполагает широкое применение железных орудий в земледелии. Только при преобладании в земледелии применения железных орудий труда, т. е. орудий с необходимостью предполагающих предварительную обработку, становятся возможными преодоление господства в земледелии естественно возникшего отношения к земле и установление господства частной собственности на землю. Помимо этого, господство крупной частной собственности на землю необходимо предполагает устранение рабства, ибо оптимальным для рабовладения является

---

¹ В скотоводстве — если отвлечься от обработки его продуктов — применение орудий труда требовалось в значительно меньшей мере. Кроме того, у скотоводческих народов до образования кочевого скотоводства с использованием лошади рабовладение, видимо, должно было оставаться неразвитым, патриархальным.

среднее по размерам хозяйство, дальнейшее увеличение размеров хозяйства делает применение рабского труда все более затруднительным. Однако господство крупной частной собственности на землю невозможно также при полном устранении всякой естественно возникшей связи собственников земли с теми, кто ее обрабатывает, и естественно возникшей связи тех и других с землей.

Широкое распространение железных земледельческих орудий труда служит адекватной основой распространения, так сказать, чисто частнособственнических отношений на орудия труда. Поэтому при широком распространении железных земледельческих орудий и господстве крупной частной собственности на землю необходимой является частная собственность производителей на орудия земледельческого труда. В то же время необходимо сохраняется естественно возникшее отношение к земле и у крупных частных собственников земли, и у производителей, а через посредство отношения к земле как естественно возникшего сохраняется и отношение тех и других друг к другу как естественно возникшее отношение. Следовательно, крупный земельный собственник есть не только частный собственник, он является также как бы *естественным, природным* собственником земли, и постольку не только земля принадлежит ему, но и он принадлежит земле, остается просто особым природным телом. Производитель же отнюдь не есть человек, просто лишенный собственности на землю. Он сам сохраняет еще связь с землей как естественно возникшую, а значит, он сам, его тело в этой связи остается как бы придатком к земле. Земля и производитель в этой связи только разные природные тела, природно связанные друг с другом.

Таким образом, *крупный земельный собственник при господстве такого рода собственности не есть просто частный собственник, земля относится к нему также как естественно с ним связанная, а производитель-земледелец не просто лишен собственности на землю, а также естественно с ней связан как с инобытием своего тела.*

Вместе с тем, в сути самого отношения отнюдь не заключено с необходимостью, чтобы крупный частный собственник земли был и непосредственным земледельцем-производителем. Скорей наоборот, суть самого отношения такова, что он в конечном итоге перестает быть непосредственным производителем, а становится лишь потребителем не им произведенного. Непосредственные производители-земледельцы являются частными собственниками орудий труда и к тому же, поскольку они связаны с землей естественно возникшей связью, еще природно, *телесно* скреплены с землей и с собственником земли.

В отличие от существующих ныне взглядов на *«внеэкономическое принуждение»* мы полагаем, что сами по себе естественно возникшие связи не требуют принуждения в широких масштабах, они реализуются сами собой, в силу обычаев, традиций, что *«внеэкономическое принуждение»* в широких масштабах становится необходимым тогда, когда, во-первых, еще преобладают и сохраняют большое значение естественно возникшие связи, но, во-вторых, эти связи нарушаются возникшими и развивающимися частнособственническими отношениями. Рассматривать *«внеэкономическое принуждение»* в рамках лишь соотношения экономики и политики — значит отвлекаться от стороны, существенной для решения вопроса, от естественно возникших связей и от процесса их преобразования.

При преобладании крупной земельной частной собственности главное средство производства — земля, *естественно* возникшее средство производства. Поэтому, несмотря на преобладание крупной частной земельной собственности над средней и мелкой частной собственностью, частная собственность в общем и целом еще как бы находится в скорлупе естественно возникших отношений. Община как бы образует общую «оболочку», в которой развивается частная собственность. *Однако крупная частная собственность на землю есть та предельная форма, в которой частная собственность еще развивается под эгидой естественно возникших связей общинного устройства.* Частная собствен-

ность при феодализме похожа на зародыш в яйце, выросший настолько, что ему остается только разбить и сбросить скорлупу общинных отношений, естественно возникших связей людей друг с другом и с остальной природой.

Типичное строение феодального общества в целом

Естественно возникшие связи людей друг с другом и с остальной природой еще не вполне преобразованы исторически возникшими отношениями людей друг к другу и к остальной природе. Те и другие относятся друг к другу уже не как существенно различные стороны (таково их отношение в рабовладельческом обществе), а как *существенные противоположности*. Противоположность есть такое отношение сторон, когда стороны взаимно исключают друг друга, и именно их взаимоисключение, их взаимоотрицание представляют собой их связь друг с другом.

Общественные производительные силы в определенной мере еще слиты с естественно возникшим отношением к природе: во-первых, земледелец продолжает оставаться (хотя и на качественно иной ступени) в некоторой степени нерасчлененно и производителем, человеком труда, и средством производства, он еще в значительной степени как природное тело связан с землей; во-вторых, земля преимущественно естественно возникшее, а не созданное трудом средство производства. Производственные отношения также еще существуют отчасти нерасчлененно с естественно возникшими отношениями людей друг к другу и к остальной природе, не произошло еще полного отчленения производственных отношений и от производительных сил.

Известная нерасчлененность еще сохраняется также, если сопоставлять друг с другом способ производства, надстройку, формы общественного сознания. Относительная самостоятельность надстройки и форм общественного сознания по отношению друг к другу и по отношению их к способу производства при феодализме возрастает. Следовательно, возрастает и опосредованность их

связи. Вместе с тем, имеет место и еще незавершившееся отчленение их друг от друга.

На первом плане остается расчленение общества по степени и характеру отношения членов общества к естественно возникшим связям. Мы уже писали, рассматривая рабовладельческое общество, что различия по степени и характеру отношения членов общества к естественно возникшим связям есть не просто различия в естественно возникших связях самих по себе: с возникновением и развитием частной собственности эти различия все больше определяются преломлением отношений частной собственности через естественно возникшие связи. Таковы *сословные* различия. В развитии феодализма классовое деление общества играет ведущую роль, однако существует и проявляется через сословное деление.

Любопытно, что для рабовладельческого общества характерно *несовпадение* сословного и классового деления. Рабы вообще исключены из сословного деления, поскольку они остаются именно рабами, а не занимают то или иное промежуточное положение между рабами и свободными. Рабовладельцы как таковые не выделяются в особое сословие. Для феодального общества характерно уже *совпадение* сословного и классового деления, хотя, конечно, полного совпадения не наблюдается: крестьянство принадлежит к одному сословию, значительная часть (но не все) частных земельных собственников в развитом феодальном обществе принадлежит к нескольким сословиям, в совокупности охватывающим собой почти весь класс частных земельных собственников (например, князья, дворянство, духовенство, скажем, в Германии XIV в.).

В этом значительно большем (по сравнению с рабовладельческим обществом) совпадении сословного деления с классовым при феодализме проявляется качественно новая стадия развития частнособственнических отношений и преобразования последними естественно возникших отношений.

В рабовладельческом обществе отношение рабовладельцев к рабу как к *объекту*, как к средству производства, безусловно, преобладало. Но ведь постольку отношение между рабом и рабов-

ладельцем не есть производственное отношение *разных людей друг к другу*, а есть отношение *человека к средству производства (рабу)*. При феодализме преобладание отношения к непосредственному производителю как к объекту *начинает сменяться преобладанием отношения к нему как к субъекту, но это еще сам период перехода* от первого ко второму в масштабах всемирно-исторического развития. Таким образом, если отношение рабовладельца к рабу есть главным образом отношение человека к остальной природе (куда входит раб), если рабовладелец относится к рабу как к естественно возникшему средству производства, то отношение феодала к непосредственному производителю является переходным от отношения к нему как средству производства к отношению к нему как к человеку. В рабовладельческом обществе рабы, по преимуществу, еще не собственно класс людей, а класс средств производства, природных тел, используемых в качестве средств производства, постольку отношения класса рабовладельцев и класса рабов не есть производственные отношения. *Частнособственнические производственные отношения еще не проникают решающим образом внутрь самого процесса производства.* Производственными отношениями они все же оказываются потому, что рабы остаются людьми, и внутри отношения рабовладельца и раба как субъекта и объекта присутствует в качестве подчиненного, но существенно отличного момента отношение рабовладельца и раба как отношения субъектов друг к другу. При феодализме впервые в истории человечества эксплуататоры начинают относиться к эксплуатируемым как к связанным «естественно возникшей» связью (через отношение к земле), как к средствам производства и вместе с тем одновременно эти отношения эксплуататоров и эксплуатируемых превращаются в *отношения субъектов друг к другу, т. е. собственно производственные отношения.* Таким образом, *первые в истории человечества собственно производственные отношения эксплуататоров и эксплуатируемых получают относительно самостоятельное существование, но в еще не преодоленной окончательно оболочке «естественно возникших» отношений.*

Отсюда следует, что границы основных классов феодального общества должны в значительно большей, чем границы класса рабовладельцев, степени совпадать с сословным делением. Каждый из них значительно более четко охватывался сословием или группой сословий. И в первую очередь это касается класса эксплуатируемых. Ибо эксплуатируемые при феодализме *впервые в истории включены в жизнь общества не только в качестве средств производства, но также в качестве членов производственных отношений.*

В рабовладельческом обществе производственные отношения в их относительной самостоятельности имеют место главным образом в отношениях рабовладельцев друг к другу. *Производственные отношения в их относительной самостоятельности не выделились в самом процессе производства: производственные отношения в их относительной самостоятельности имеются пока в сфере распределения, обмена, потребления как отличных от собственно процесса производства. Лишь при феодализме производственные отношения впервые начинают решающим образом проникать внутрь процесса производства, вычленяться в нем, хотя еще не вычленяются полностью.*

Широкому применению ручных железных орудий земледельческого труда в конечном итоге соответствует частная собственность на средства земледельческого труда. Широкое применение ручных железных орудий земледельческого труда в конце концов оказывается несовместимым с применением рабского труда, ибо применение железа открывает принципиально новые, неизмеримо более широкие и глубокие возможности создания сложных по форме и устройству, более прочных орудий, нежели каменные, деревянные, медные, бронзовые, между тем рабовладельческие отношения по мере их развития, по мере превращения раба в объект, «говорящий инструмент» все больше тормозят общественное развитие.

Лишь при устранении рабства могла быть открыта широкая дорога распространению и совершенствованию железных земле-

дельческих орудий. Однако использование земли, этого естественно возникшего средства производства, в качестве основного средства производства не позволяло устранить естественно возникшую связь людей с землей, а потому и друг с другом, т. е. не позволяло полностью устранить телесную зависимость эксплуатируемых производителей от эксплуататоров, что, в конце концов, тормозило распространение и совершенствование железных орудий. Вследствие этого образовалась такая историческая форма общества, при которой эксплуатируемые непосредственные производители, во-первых, относятся как частные собственники средств земледельческого труда к эксплуататорам как частным собственникам земли, во-вторых, остаются, вместе с тем, связанными с землей естественно возникшей связью, а через посредство естественно возникшего отношения к земле они связаны такого же рода связью и с эксплуататором, являющимся, с такой точки зрения, естественным, природным собственником земли. Сам такой собственник, в свою очередь, принадлежит земле как ее придаток.

Непосредственный производитель со своими средствами земледельческого труда как бы нанимается к частному собственнику земли, а частный собственник земли как бы платит ему за труд и за примененные непосредственным производителем средства труда. Уже тут имеется в неразвитом виде товарное отношение и переворачивание на поверхности действительных отношений: создается объективная видимость, что собственник земли благодетельствует непосредственного производителя. Между тем собственник земли при этом своим трудом ничего не производит, а лишь присваивает часть труда непосредственного производителя. Но товарное отношение при господстве частной земельной собственности не может быть развитым, ибо главную роль в производстве продуктов земледелия играют естественные процессы, а труд земледельца скорее создает внешние условия для протекания этих процессов, т. е. не преобразует их внутреннюю природу, самым существенным компонентом производства служит земля.

Часть земледельческой продукции присваивает собственник земли, часть остается непосредственному производителю. Та часть, которая переходит в руки земельного собственника, представляет собой *феодалную ренту*. Общепринято считать феодалную ренту сугубо экономическим отношением. Мы полагаем, что это образование менее развитое, чем это обычно представляют. *Феодалная рента* есть историческая форма присвоения феодалом части труда непосредственного производителя, существующая при наличии еще сохраняющегося естественно возникшего отношения к земле, и это отношение необходимо входит как момент в феодалную ренту.

Поскольку и эксплуататоры, и эксплуатируемые относятся к земле как к естественно возникшему средству производства, а значит, и к взаимному отношению как к естественно возникшему, постольку это отношение устойчиво, воспроизводится в течение многих поколений, изменяется медленно. Поэтому и в целом общественные отношения при феодализме изменяются очень медленно, хотя и быстрее, чем в рабовладельческом обществе.

Поскольку упомянутое отношение остается естественно возникшей связью с землей и через это друг с другом, постольку основными силами, поддерживающими эту связь, оказываются силы, характерные для родоплеменной общины, – обычаи, традиции. Поскольку же естественно возникшая связь разлагается частно-собственническими отношениями, постольку основной силой является принуждение.

Феодализм, как и всякий процесс развития, проходит стадии начала (подготовки возникновения сущности), первоначального возникновения сущности, формирования, зрелости, упадка и умирания.

Подготовка возникновения феодалного общества, создание его исторических предпосылок происходит в недрах рабовладельческого общества. Важнейшими необходимыми историческими предпосылками феодализма, образующимися в недрах рабовладельческого общества, являются: во-первых, изготовление и распространение орудий и оружия из железа; во-вторых, перераста-

ние рабовладельческих землевладельческих хозяйств в *крупные хозяйства*. *Первоначальное возникновение феодализма* – сам период смены рабовладельческой формации феодальной.

Стадия формирования феодализма – стадия, на протяжении которой основная масса крестьянства приобретает в свою собственность средства земледельческого труда и надел земли в наследственное пользование, а феодалы превращаются в наследственных владельцев земли.

Зрелость, расцвет феодализма достигаются тогда, когда при сохранении естественно возникшей связи непосредственного производителя с землей и с собственником земли непосредственный производитель-земледелец имеет максимальную заинтересованность в своем труде, в его результатах. А это возможно лишь в том случае, если непосредственный производитель-земледелец имеет в своей собственности средства земледельческого труда и ему выделен феодалом в нерушимо наследственное пользование надел земли, т. е. такое наследственное пользование, нарушение которого тем или иным феодалом или тем или иным непосредственным производителем-земледельцем есть нарушение нормальных отношений. При нерушимо наследственном пользовании наделом земли владение землей почти переходит в право частной собственности на землю, т. е. право владения землей достигнет своего предела, за которым уже лежит право частной собственности на землю.

Такому отношению непосредственного производителя к земле в наибольшей степени соответствует нерушимо *наследственная* собственность феодалов на землю. Но собственность феодалов на землю на стадии расцвета, зрелости феодализма не может быть чисто частной или, по преимуществу, частной собственностью. Последняя несовместима с нерушимо *наследственным* владением землей. Право чисто частной собственности на землю необходимо связано с правом свободы завещания. Высшим же выражением нерушимости наследственного владения землей феодалами является майорат – передача земли по наследству именно старшему сыну.

В самой сути таких отношений заключена, помимо исторически возникших общественных отношений, естественно возникшая связь феодалов друг с другом. При наличии мелких крестьянских хозяйств крупные земельные владения могли быть устойчивы лишь через систему промежуточных земельных владельцев. Если непосредственной производительной единицей служит хозяйство непосредственного производителя-земледельца, обрабатывающего наследственный земельный надел при помощи принадлежащих ему средств земледельческого труда, то наиболее соответствующим этому хозяйству устройством класса землевладельцев будет в конечном счете иерархическое землевладение феодалов. А высшим выразителем этой иерархии оказывается верховный феодальный владлец земли – король, царь и т. п.

Вся эта система, поскольку имеют место естественно возникшие связи, держится силой обычаев, традиций (эти связи служат оболочкой и отношений феодалов, и непосредственных производителей-земледельцев, и отношений феодалов друг к другу), поскольку же развиваются частнособственнические, классово-антагонистические отношения, постольку главным средством сохранения и развития этой системы в целом является принуждение.

Зрелому феодализму соответствует в наибольшей степени оброчная земельная рента, становящемуся феодализму – отработочная, а загнивающему – денежная феодальная земельная рента.

Стадия загнивания, умирания феодализма. Пределом экстенсивного развития феодализма служит использование *всей* территории Земли, доступной для обработки при помощи железных орудий труда. Интенсивное развитие феодализма происходит в конечном счете на основе совершенствования железных средств земледельческого труда и развития культуры использования земли. Кроме того, устранение рабства, по крайней мере в конце концов, если не сразу, должно было привести и к поискам обеспечения труда, к росту потребности в рабочей силе, к росту заинтересованности в увеличении производительности труда. Поэтому, хотя использование природных сил (силы воды, ветра,

быков, волов, лошадей) для приведения в движение средств труда началось еще до феодализма, только при феодализме оно стало широким и характерным. Так, например, водяное колесо, изобретенное ранее, повсеместно распространяется только по мере утверждения феодализма. Средства обработки земли, изготавливаемые из железа, по своей природе (твердости и прочности) открывали возможность широкого использования твердых земель. Но для реализации этих возможностей требовалась также и двигательная сила, более мощная, чем человеческая, и более эффективная, чем сила быков, волов. Такой силой оказалась сила лошади. Именно для феодализма характерно полное использование силы лошади (благодаря распространению современной упряжи с мягким хомутом, постромками и оглоблями, а также железных подков). Устранение рабства, установление феодальных отношений усилили заинтересованность непосредственных производителей в совершенствовании средств труда по обработке продуктов земледелия и скотоводства – все это и открыло возможности использования более сложных средств труда, чем те, которые использовали рабы.

Наиболее сложных приспособлений для обработки продуктов земледелия и скотоводства требовало изготовление одежды. В феодальную эпоху распространились и были усовершенствованы прядильный и ткацкий станки, коренным образом отличавшиеся от тех аналогичных приспособлений, что были распространены в древнем мире.

Совершенствование железных средств труда и вооружения, все более полное использование железа для изготовления средств обработки земли и продуктов земледелия и скотоводства вызывали к жизни развитие добычи железной руды, металлургии, совершенствование столярных и токарных инструментов.

Усложнение труда по обработке продуктов земледелия, скотоводства, добычи (полезных ископаемых), а также по изготовлению средств труда вызвало в конце концов отделение, теперь уже в условиях феодализма, ремесла от земледелия. Возможность этого представлялась достаточно высокой производительностью труда.

Отделение ремесла от земледелия и скотоводства произошло еще с переходом к скотоводству и земледелию, оно продолжало развиваться в рабовладельческом обществе. *Ремесло* есть не что иное, как особый вид труда, заключающийся во *вторичной, третичной* и т. д. обработке продуктов земледелия, скотоводства, добычи главным образом *ручными* орудиями труда в мелких и средних масштабах.

Ремесло, развивающееся при феодализме и концентрирующееся в городах, остается включенным в феодальные отношения.

Ремесленники, горожане вначале остаются феодально зависимыми. В связи с преобладанием натурального хозяйства рынок сбыта относительно невелик, рост рынка, как и развитие феодализма, происходит очень медленно. Отсюда регламентация ремесленного производства, ограничение его масштабов. Ограниченный рынок, борьба с произволом феодалов, бегство крепостных в города – вот что преимущественно вызывало объединение ремесленников в корпорации и – в предельном случае – в союз корпораций. Развитый феодализм характеризуется образованием центров феодально организованного ремесла. Как в земледелии основной хозяйственной ячейкой было мелкое хозяйство земледельца, наследственно владеющего небольшим земельным наделом, так в городах, соответствующих развитому феодализму, ремесло было наследственным, с передачей мастерской, средств труда и т. д. по наследству. Ремесленники могли обрабатывать также и участки земли.

Отделения ремесла от земледелия в истории феодализма и в последующей истории общества имело огромное значение. Отделялось *феодальное* ремесло от *феодального* земледелия. Но тем самым на качественно иной уровень поднималось раздвоение «естественно возникших» связей и частнособственнических, исторически возникших отношений. Основой частнособственнических отношений в феодальном земледелии было изготовление и распространение средств производства, созданных трудом, основой «естественно возникших» связей в феодальном землевладении было использование земли, этого главным образом естественно возникшего средства производства.

Определяющим средством производства в феодальном землевладении была земля. Напротив, определяющими средствами производства в феодальном ремесле были средства производства, созданные трудом. Именно отделение ремесла было отделением частнособственнических отношений в относительно самостоятельную область существования. Хотя в целом в рамках развитого феодализма и феодализма вообще главенствующим видом труда оставалось земледелие, а ремесло – подчиненным, зависимым.

По отношению к ремеслу в рабовладельческом обществе ремесло в феодальном обществе развивалось на качественно иной основе, в качественно иной среде и в конечном счете развилось качественно иначе. Ни при первобытнообщинном строе, ни в рабовладельческом обществе возможности распространения ремесла не лежали в самой сути общества. Напротив, в феодальном обществе, во-первых, развитие средств труда идет главным образом по пути развития средств труда не из камня, дерева, меди, бронзы, а из железа, т. е. из материала, который впервые по своей природе соответствует средствам труда, не естественно возникшим, а созданным трудом; во-вторых, *основная* масса непосредственных производителей имеет собственность на средства труда, чего никогда прежде не было.

Отделение феодального ремесла – это начало капитализма, подготовительный этап возникновения капитализма. Однако сущность капитализма еще не возникла, капитализма еще нет.

По мере роста производительности земледельческого труда, отделения ремесла от земледелия и концентрации ремесла в городах растет обмен излишками продукции, развиваются товарно-денежные отношения, но развиваются, в соответствии с темпами всего феодального развития, весьма медленно. Тем не менее, рынок постепенно растет, растут и его масштабы, и ассортимент предметов, поступающих на рынок. Возможности для роста рынка прежде всего и главным образом определяются возможностями развития ремесла, которые при феодализме принципиально шире и глубже, чем на предшествующих стадиях развития человечества.

Разложение феодальных отношений может идти двумя, по нашему мнению, не равновероятными путями. Первый наиболее вероятный путь – перевод феодалами крестьян на денежную ренту и усиление эксплуатации феодально зависимого крестьянства в связи с ростом потребностей феодала в покупных продуктах. Второй путь (по-видимому, менее вероятный) – постепенное превращение крестьян, наследственно владеющих наделом земли, в свободных частных собственников этих земель; этот путь возможен в условиях жестокой феодальной междоусобицы, гибели феодалов в борьбе друг с другом и сохранения общинной солидарности крестьян.

Подобно рабовладельческой формации, феодальная формация не может перейти на следующую, более развитую стадию формирования человеческого общества путем классовой борьбы основного эксплуатируемого класса. Как для начавшегося кризиса рабовладельческого общества свойственны крупные восстания рабов, так для феодализма, переходящего на стадию упадка, характерны крупные крестьянские восстания. Однако и восстания рабов, и восстания крестьян, хотя и расшатывали соответствующий строй, вместе с тем, были бесперспективными: в случае победы возможны были либо возвращение к тому, против чего шла борьба, либо попытка возврата к самым ранним стадиям развития. Смена каждой из этих формаций вследствие действий основных сил, определяющих лицо формации, была бы сменой, производимой сверху. Применительно к феодальной формации это означало бы постепенное приспособление феодалов к требованиям растущего рынка и содействие развитию товарно-денежных отношений. Вместе с тем, в обоих случаях смена формаций путем революции сверху маловероятна. Первого случая мы уже коснулись ранее, остановимся на втором. Феодализму свойственна замедленность развития, огромная роль обычаев, традиций, устойчивости еще сохраняющихся естественно возникших связей. Феодалы – продукт и компонент такого общества. Поэтому они приспособляются к растущим товарно-денежным отношениям,

всячески сопротивляясь этому росту. Когда же товарно-денежные отношения разовьются, приобретут зрелые формы, разовьются и уже нефеодалные общественные силы, которые сметут феодализм.

Революция сверху, в результате которой феодальная формация сменяется капиталистической, в какой-то мере приближающаяся к чистому виду, имеет место тогда, когда феодалы в междоусобицах уничтожают друг друга, а их место занимают собственники, выросшие почти исключительно на почве товарно-денежных отношений.

Совсем не то происходит при капитализме, когда один из основных классов капиталистического общества, порождаемый внутренним развитием последнего, и притом эксплуатируемый класс, является носителем более развитой стадии общества.

На первых двух стадиях формирования человеческого общества – рабовладельческой и феодальной – смена стадий осуществляется главным образом не путем сил, созданных их внутренним развитием, а преимущественно благодаря действию сил *внешних*, хотя при этом *внутреннее развитие уже есть необходимость и внешние силы действуют именно на необходимое внутреннее развитие, в своем действии преломляясь через внутреннее развитие.* Смена рабовладельческого общества феодальным могла произойти при воздействии на рабовладельческое общество *внешней по отношению к нему и не порожденной им с необходимостью* силы – силы общества, находящегося на этапе разложения *предшествующей* стадии общественного развития. Смена феодального общества капиталистическим тоже происходит в борьбе против феодализма *внешних по отношению к нему сил, сил капиталистического, будущего по отношению к феодализму, общества.* Существенная разница заключается в том, что это есть *внешняя для сущности феодализма сила, но порождается она внутренним развитием феодализма.* Капитализм же уничтожается *внутренней для его сущности, силой (силой пролетариата), порожденной его внутренним развитием.*

Таким образом, *источник, саморазвития общества постепенно формируется*, чем ближе к началу формирования, тем более значительно воздействие сил, внешних для данной стадии формирования человеческого общества, на внутреннее развитие этой стадии. И наоборот.

Всемирно-историческая необходимость феодализма заключалась в том, что прежде всего и главным образом благодаря этой стадии развития земледелие получило возможность достигнуть своего предела – использования всей территории Земли, пригодной для земледелия (при том такого земледелия, при котором земля остается естественно возникшим средством производства, а не создается искусственно), благодаря этой стадии земледелие в конце концов соединилось со скотоводством, подчинив себе последнее, благодаря этой стадии главными, решающими средствами труда в земледелии стали средства труда из железа, благодаря этой стадии стали широко использоваться силы природы (не только быков, волов, но и лошади, воды, ветра) для приведения в движение средств труда, благодаря этой стадии создались возможности для массового, широкого отделения ремесла от земледелия, возможности, принципиально отличные от тех, что существовали на прежних стадиях.

Впервые в истории основные, характерные непосредственные производители *выделились в качестве относительно самостоятельных* субъектов, собственно членов производственных отношений (оставаясь еще в известной степени и объектом, средством производств).

Уровень материальной жизни феодально эксплуатируемых крестьян, несомненно, выше, чем уровень материальной жизни рабов, феодал не в такой степени распоряжается телом, жизнью феодально зависимого крестьянина, чем в общем и целом, рабовладелец телом, жизнью раба. Таким образом, положение феодального крестьянина улучшилось по сравнению с положением раба. Но, вместе с тем, наблюдается и усиление эксплуатации: феодал извлекает больше прибавочного продукта, чем рабовладелец, т. е.

растет относительное обнищание эксплуатируемых. Рост заинтересованности в своем труде (а она, разумеется, больше у феодальных крестьян) означает и рост интенсификации труда.

Кроме того, то, что феодальный крестьянин в принципиально иной степени есть субъект производственных отношений, означает также принципиально иное его отношение к эксплуатации, независимости, свободе. Чем больше и глубже оторван человек от «естественно возникших» связей и чем больше и глубже он включен в исторически возникшие отношения, тем больше и глубже он осознает свободу и угнетение, тем острее он переживает угнетение и сильнее и многообразнее стремится к свободе. Отрицательное отношение к несвободе, угнетению растет, можно сказать, прямо пропорционально становлению человека как субъекта общественных отношений.

§ 3. Завершение формирования человеческого общества. Капиталистическая общественно-экономическая формация

К. Маркс в работе «К критике политической экономии» квалифицировал капитализм как последнюю общественно-экономическую формацию в предыстории человечества. В «Капитале» и примыкающих к нему трудах К. Маркс дал фундаментальное отображение (преимущественно логическим способом) процесса развития капитализма, его закономерностей. В. И. Ленин, продолжая и развивая исследования К. Маркса, раскрыл закономерности развития капитализма на стадии его загнивания и умирания, в эпоху социалистических революций.

Эпоха революционной борьбы с капитализмом, революционного перехода от капитализма к социализму требовала и требует прежде всего и главным образом обоснования неизбежности гибели капитализма. На первом плане стоит, следовательно, рассмотрение именно капитализма как преходящего исторического образования.

С такой точки зрения, все остальные стадии истории человечества выступают *одинаково, как формации*. Капитализм – фор-

мация, и все остальные стадии истории человечества, с точки зрения исследования капитализма, также выступают именно в качестве формаций. При таком подходе общая структура общества, в том числе диалектика производительных сил и производственных отношений, изменяется только как нечто *особенное*, но не замечается, что изменение особенного есть и *изменение общего*, что само общее изменяется, развивается, что каждая формация есть *не просто формация, а стадия* развития общества.

В будущую эпоху, когда на первый план выдвинется не отрицание капитализма, как в современную эпоху, а построение коммунизма, в теоретическом аспекте основным станет исследование истории человечества главным образом не с точки зрения переходящего характера капитализма, а с точки зрения утверждения коммунизма. С точки же зрения утверждения *коммунизма*, т. е. не просто новой общественно-экономической формации, а нового типа исторического развития, капитализм оказывается лишь одной из стадий, принадлежащей к более широкому процессу развития.

В таком случае задача построения коммунизма предстает значительно более глубокой; построение коммунизма предполагает в практическом плане коренное преобразование не только тех общественных отношений, которые сложились при капитализме, но и всего того, что наследуется от *всей* прежней истории человечества, а в теоретическом плане возникает необходимость *критического переосмысления всей прошедшей истории* человечества.

Разумеется, построение коммунизма всегда было и остается конечной целью марксистов. И все же в современную эпоху непосредственно главной задачей является упразднение капитализма. Ее колоссальная сложность и трудность решения могут подчас заслонять собой более далекую перспективу и важность труда по разработке проблем, связанных с ее дальнейшим уяснением. Как говорят в таких случаях, «текучка заедает». Это выражение применимо не только к повседневным заботам, но и к главной задаче современной эпохи, если за ней мы перестаем видеть более

далекую и более глубокую задачу – построение коммунизма в мировом масштабе.

Другой крайностью является воззрение на главную задачу современной эпохи как на такую, к осуществлению которой и сводится конечная цель, иначе говоря, отрицание капитализма представляется непосредственно тождественным с построением коммунистического общества, забвение того, что построение коммунизма есть, в частности, преобразование не только капитализма, но *всего* унаследованного от прошлого исторического развития. Разумеется, преобразование в диалектическом смысле, т. е. с сохранением ценного старого, но в преобразованном виде.

Капитализм – стадия завершения формирования человеческого общества. В каком смысле? Кратко предваряя дальнейшее изложение, скажем пока, что при капитализме впервые в истории человечества завершается в основном преобразование естественно возникших связей, впервые во всемирно-историческом масштабе устанавливается господство исторически возникших отношений. Однако полного преобразования естественно возникших связей еще не происходит.

Если при феодализме определяющим видом производства является земледелие, то при капитализме – промышленность. Подобно тому как земледелие может стать безраздельно господствующим, лишь став *крупным* землевладением и в таком значении крупным земледелием, так и промышленность может стать безраздельно господствующей как *крупная* промышленность и крупная промышленная частная собственность.

Когда промышленность становится определяющим видом общественного производства, тогда частная собственность получает адекватную себе основу и достигает зрелой формы развития. Промышленность есть вид производства, заключающийся во вторичной, третичной и т. д. обработке продуктов добычи (в том числе полезных ископаемых), земледелия, скотоводства при помощи произведенных средств труда. В таком широком значении слова промышленность включает в себя ремесло как неразви-

тую стадию промышленности. Но развитая форма промышленности, т. е. *собственно промышленность*, есть вторичная, третичная и т. д. обработка продуктов добычи, земледелия, скотоводства в крупных размерах при помощи произведенных, созданных трудом уже не ручных средств труда. Следовательно, решающей, определяющей отраслью промышленности является производство средств производства. Адекватной основой частной собственности служит промышленность, ибо именно промышленность есть производство при помощи произведенных средств производства.

Поэтому и в *области производственных отношений решающими* становятся отношения по поводу средств производства, частная собственность на средства производства. Поэтому класс собственников средств производства является при капитализме господствующим классом. Но если средства производства принадлежат одному классу, то остальные лишены средств производства, являются не-собственниками средств производства. При этом если произведенные средства производства играют решающую роль в производстве, то исторически возникшие отношения играют решающую роль по сравнению с естественно возникшими связями. Следовательно, учитывая лишь роль произведенных средств производства и именно на их основе существующие исторически возникшие связи, надо сказать, что взятые в чистом виде капиталистические отношения означают отсутствие естественной связи собственников и не-собственников средств производства друг с другом, а тем самым отсутствие телесной принадлежности не-собственников средств производства собственникам. Этому соответствует юридическая свобода не-собственников средств производства (имеются в виду развитые отношения в чистом виде). Таким образом, при этих условиях единственно возможной связью собственников средств производства и не-собственников средств производства остается труд не-собственников средств производства при помощи средств производства, принадлежащих не им. Поскольку решающую роль играют средства производства, а значит, в конечном счете их собственники, то одна часть труда присваивается собственником средств

производства, а другая идет на поддержание существования не-собственника средств производства. Причем, так как не-собственник не связан естественно возникшей связью с собственником средств производства, то он «отдает себя» не раз и навсегда, а только на тот или иной более или менее короткий промежуток времени, и эта отдача все вновь и вновь возобновляется, т. е. не-собственник «отдает» лишь на время свою способность к труду. Сам действительный труд ему не принадлежит и не может принадлежать, если у него нет своих средств производства, к которым бы он мог применить свою способность к труду.

До сих пор, говоря об адекватной основе частной собственности, мы *противопоставляли* частную собственность как исторически возникшие отношения естественно возникшим отношениям, и тогда для характеристики адекватной основы частной собственности и адекватной основы естественно возникших связей достаточно было выявить различие между произведенными, созданными трудом и естественно возникшими средствами производства.

Но теперь, когда мы подошли к рассмотрению развитой, зрелой частной собственности, неотвратимо возникает вопрос о том, тождественны ли друг другу частнособственнические отношения и всякие исторически возникшие отношения или частнособственнические отношения – одна из форм исторически возникших отношений?

До сих пор частнособственнические отношения нами рассматривались как непосредственно тождественные с исторически возникшими отношениями вообще. Различие между частнособственническими отношениями как видом исторически возникших отношений и исторически возникшими отношениями вообще выступает и становится существенно важным лишь тогда, когда созревает капитализм и условия для его упразднения, т. е. когда наиболее развитая всемирно-историческая форма частной собственности достигает зрелости и, вместе с тем, созревают условия для упразднения частной собственности как таковой:

Отсюда следует, что научные воззрения на исторически переходящий характер частной собственности как таковой могли образоваться лишь в условиях зрелого капитализма и притом с позиций той общественной силы, которая заинтересована в коренном преобразовании, в упразднении капитализма, т. е. с позиций рабочего класса.

Адекватной основой частной собственности, как особого вида исторически возникших отношений, служит решающая роль в производстве не просто произведенных, созданных трудом средств производства, но созданных ручным трудом ручных средств труда, а значит, становящаяся, образующаяся решающая роль ремесла в производстве. А такая роль ремесла в производстве возможна лишь тогда, когда ремесло превращается в массовое занятие, когда ремесло становится крупным, т. е. тогда, когда осуществляется переход от ремесла к собственно промышленности.

В ремесле, в отличие от собственно промышленности, главное значение имеют ручной, индивидуальный труд, качества индивида (его работоспособность, сила, ловкость и т. д.), а также его умения, навыки, зависящие от природных задатков. Между тем как в машинной промышленности количество и качество производимой продукции в большей степени зависят от машин, чем от непосредственного труда производителя.

Поскольку адекватной основой частной собственности служат произведенные, созданные трудом средства производства, постольку частная собственность есть исторически возникшее отношение. Но адекватной основой частной собственности как *особого* вида исторически возникших отношений являются созданные *ручным* трудом *ручные* средства производства. Поэтому частная собственность есть исторически возникшее отношение, внутри которого и в рамках которого как подчиненный момент присутствует *еще не до конца преобразованная естественно возникшая связь*: производство ручных средств труда и, шире, средств производства остается в значительной степени *зависимым от природных данных производителя, от биологического вида человека.*

Таким образом, любая, в том числе и самая развитая, всемирно-историческая форма частной собственности необходимо предполагает в той или иной степени, так или иначе естественно возникшие связи; частная собственность как таковая есть *формирующиеся специфически* человеческие, исторически возникшие отношения.

В самой развитой исторической форме частной собственности, капиталистической, естественно возникшие отношения как подчиненный момент вошли внутрь ее, в самый состав ее плоти и крови, и все же они остаются непреобразованными до конца. Возьмем отношение капиталистов (собственников средств производства) и рабочих (свободных не-собственников средств производства). Имеется ли тут в подчиненном, но тем не менее до конца непреобразованном виде естественно возникшая связь? С одной стороны, связь капиталиста и рабочего есть, несомненно, исторически возникшая связь. Более того, это такая связь, когда все основные компоненты процесса производства являются продуктом труда. В отличие от феодализма, где основное средство производства (земля) – по преимуществу, естественно возникшее средство производства, при капитализме основные средства производства – продукты прошлого труда. А рабочая сила, поскольку она зависит от повторения процесса производства, также представляет собой продукт прошлого производства, прошлого труда.

Однако, с другой стороны, имеет место нечто прямо противоположное. Капитализм есть господство товарно-денежных отношений, такое состояние общества, когда товарно-денежные отношения преобразуют соответственно себе все компоненты процесса производства: товаром становятся и средства производства, и рабочая сила. Систему таких общественных отношений с поистине железной логикой исследовал К. Маркс. Он же последовательно раскрыл двойственный характер товара и показал, что при капитализме общественные отношения людей проявляются лишь через отношения вещей, через отношения товаров как вещей, способных удовлетворить какие-либо потребности людей.

Вещью, способной удовлетворить какую-либо потребность человека, т. е. потребительной стоимостью, может быть как вещь, созданная трудом, так и данная природой в готовом виде. В обоих случаях вещь может быть товаром и, значит, общественные отношения могут проявляться и через вещи, данные природой в готовом виде. Хотя решающим для существования товарных отношений служит то, что товар есть продукт труда абстрактного, создающего стоимость, т. е. особое общественное отношение, и конкретного, создающего потребительную стоимость. Тем не менее, эта общественная связь может проявляться и через отношения вещей, данных природой в готовом виде.

Кроме того, вещь, даже если она создана трудом, производством, остается пусть и искусственной, но неживой природой, накопленным прошлым трудом.

Средства производства, представляющие собой накопленный прошлый труд, играют в процессе производства при капитализме определяющую роль. Господствует накопленный прошлый труд над живым трудом. Господствуют собственники средств производства над свободными собственниками рабочей силы, лишенными средств производства. Средства производства есть накопленный прошлый труд. Прошлый труд, будучи трудом, вместе с тем есть *мертвый труд*. Как *мертвый труд* средства производства ничем существенно не отличаются от остальных природных тел. Машина, не используемая в производстве, есть груда металла и т. п. и изменяется лишь в соответствии с природными закономерностями. *В общественное движение средства производства включаются только в соединении с живым трудом.* Таким образом, различие накопленного прошлого труда и живого труда заключено внутри труда, т. е. *внутри* общественного образования; мертвый, прошлый труд в отрыве от живого труда перестает быть трудом, а превращается лишь в тело природы, подчиненное сугубо природным закономерностям: *господство прошлого, мертвого труда над живым трудом в их соединении друг с другом означает, что природные закономерности, природные связи, проникнув внутрь об-*

щественного развития, продолжают господствовать в своем снятом виде над собственно общественными отношениями. Говоря по аналогии, побежденный, скрыв свое подлинное лицо, занимает руководящее положение в стане победителей, но он вынужден скрываться и вести себя в большей или меньшей мере в соответствии с чуждыми ему нормами, так или иначе воздействуя на них. Сам живой труд при господстве прошлого, мертвого труда выступает в освещении последнего: рабочая сила продается рабочим как вещь и в таком же качестве покупается собственниками средств производства, применение рабочей силы, т. е. живой труд, для собственника средств производства — если рассматривать его в этом обличье — есть только придаток средств производства, только вещь. Рабочий интересует капиталиста (именно в качестве капиталиста) лишь как рабочий, но не как человек.

Подлинно полное преобразование общественным развитием естественно возникших связей означает господство живого труда над накопленным прошлым трудом.

Стадии развития капитализма. 1. Стадия начала капитализма (до первоначального возникновения его сущности) — образование ремесла в недрах феодализма. 2. Стадия первоначального возникновения сущности капитализма — переход к ремеслу, свободному от цеховых пут (вообще от пут его феодальной организации). 3. Стадия формирования сущности капитализма — мануфактурный период, переход к широкому производству машин ремесленным, мануфактурным способом, переход к производству машин машинами. 4. Стадия зрелости капитализма — господство производства машин машинами. 5. Стадия загнивания и умирания капитализма — империализм.

О стадии начала капитализма мы уже писали в предыдущем параграфе. Поэтому рассмотрим сразу *стадию первоначального возникновения сущности*. Сущность капитализма первоначально возникает там и тогда, где и когда образуется производство, в котором решающее значение имеют произведенные, созданные трудом средства производства, в котором средства производства пред-

ставляют собой частную собственность, не ограниченную цеховыми, феодальными путами, свободную частную собственность, в котором определяющую роль в приведении в движение этих средств производства играет труд работников, свободных в продаже своей рабочей силы и лишенных в той или иной мере жизненно важных для них средств производства.

Первоначальное капиталистическое по своей сущности производство образуется, как правило, вне пределов досягаемости феодально организованного ремесла или путем разрушения феодальной организации ремесла. Феодально организованное ремесло рассчитано в лучшем случае на сравнительно узкий рынок. По мере развития производительных сил (совершенствования сельскохозяйственных орудий, роста культуры земледелия, все большего использования сил природы – главным образом лошади, воды, ветра – в хозяйственных целях, совершенствования средств обработки продуктов добычи, земледелия и скотоводства...) увеличилась производительность труда, а вместе с тем количество и многообразие продукции, поступавшей на рынок. Рост рыночных связей, в свою очередь, стимулировал развитие производства. Поступало на рынок и требовалось продукции все более разнообразной и в большем количестве. По мере роста рынка производство все в большей степени работало на рынок. Пока, наконец, не образовалось производство, в основном или целиком работающее на рынок, подчиненное требованиям рынка, т. е. капиталистическое производство.

Стадия формирования капитализма, с количественной точки зрения, есть превращение производств, в основном или целиком работающих на рынок, в преобладающие в производственной жизни и, в конечном счете, в жизни общества в целом. Решающая зависимость производства от рыночной стихии рождает необходимость в постоянном увеличении количества производимой продукции и гибком, быстром изменении ее качества, в овладении все более широким рынком и в расширении существующих рыночных границ. Пределом экстенсивного изменения рынка в масшта-

бах всего человечества служит образование *мирового рынка*; с образованием *мирового рынка преимущественно экстенсивное развитие капитализма становится преимущественно интенсивным, капитализм созревает.*

Производство, работающее в основном или целиком на рынок, тем устойчивее – при прочих равных условиях, чем оно крупнее. В отличие от феодализма для капитализма специфична крупная частная собственность не на естественно возникшее средство производства, а на произведенные, созданные трудом средства производства. В количественном отношении собственно капиталистическое производство отличается от феодально организованного ремесла в целом более крупными размерами, большим количеством производимой продукции.

Производство продукции во все больших количествах осуществляется путем укрупнения производства и роста разделения труда сначала на унаследованной технической базе – индивидуально приводимых в действие *ручных* орудиях труда. А поскольку при капитализме с необходимостью решающую роль в производстве играют произведенные средства производства, постольку рассмотрение процесса формирования средств производства, соответствующих развитию капитализму, самое важное для определения качественной и сущностной стороны процесса формирования капитализма.

Первая и самая простая возможность увеличения количества производимой продукции при индивидуально приводимых в действие *ручных* орудий труда – *простая кооперация*, объединение производителей под одним началом, чаще прежде всего в области сбыта, а затем и производства. Но это все-таки скорее изменение качества в рамках преобладания количественного изменения. Более глубокое качественное изменение на той же технической основе возможно за счет разделения труда между производителями, объединенными под началом одного и того же (или одних и тех же) собственника (собственников). Углубление такого разделения труда ведет и к специализации индивидуально при-

водимых в действие ручных орудий труда. Это – мануфактурное разделение труда.

Простая кооперация, мануфактурное разделение труда достаточны для такого укрупнения производства, чтобы впервые могли возникнуть капиталистические предприятия, т. е. чтобы собственник средств производства был в состоянии применить такое количество рабочих сил свободных работников, которое позволило бы ему за счет труда рабочих и существовать самому, и приобретать средства производства для осуществления воспроизводства (характерным, устойчивым, необходимым для капиталистического производства является не простое, а расширенное воспроизводство). Но простая кооперация, мануфактурное разделение труда недостаточны для того, чтобы капитализм созрел, встал на собственные ноги. Преобладание *соответствия* капиталистических производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил возможно лишь в *незрелом* капиталистическом обществе: капиталистические частнособственнические отношения соответствуют индивидуально приводимым в действие ручным средствам труда, произведенным ручным трудом. Правда, абсолютного соответствия и тут нет, ибо капиталистическая частная собственность предполагает, как минимум, простую кооперацию индивидуально приводимых в действие ручных орудий труда, а это значит, что в данном отношении труд по своему характеру не является лишь непосредственно данным ручным трудом, но имеет и собственно общественный характер (продукт труда производится совокупным трудом просто кооперированных рабочих). Тем более это относится к мануфактурно разделенному труду. И все же решающим остается то, что труд по-прежнему совершается при помощи индивидуально приводимых в действие ручных орудий труда. Такие орудия труда принципиально ограничивают возможности развития крупного производства, основанного на изготовлении и использовании произведенных средств производства.

Зрелость капитализма. Как известно из «Капитала» К. Маркса, создание технической базы крупного производства, в котором решающее значение имеют произведенные средства производства, означает прежде всего и главным образом превращение орудия, непосредственно воздействующего на предмет труда, в рабочую часть машины. Тем самым развитие средств труда встало на совершенно новый путь по сравнению с ручными орудиями труда. Если эффективность ручных орудий труда прямо пропорциональна главным образом трудовым усилиям человека (образованным его умениями, навыками, заинтересованностью в труде и т. д.), т. е. зависит главным образом от непосредственного производителя, то с созданием и развитием рабочей части машины пропорциональная зависимость эффективности производства от непосредственного производителя при применении одной и той же машины разными производителями остается, но при применении разных машин эффективность и улучшение качества продукции все более определяются не трудовыми усилиями непосредственного производителя, а применением и развитием машин. Количество рабочих орудий, приводимое в действие человеком, их эффективность, качество их работы становятся главным по сравнению с непосредственными трудовыми усилиями того, кто приводит в действие машины. Развитие производительности труда, улучшение качества продукции зависят от количественной и качественной характеристики трудовых усилий при применении машин, однако главная зависимость — зависимость от действия самих машин. Чем больше развиты машины, тем, в общем и целом, больше значение количества и качества трудовых усилий при их применении для увеличения количества и улучшения качества продукции. И наоборот, чем более развиты машины, тем меньше значение количества и качества трудовых усилий при их применении для увеличения количества и улучшения качества продукции.

С превращением машинного производства в решающую, господствующую отрасль производства главным для увеличения количества и улучшения качества продукции становится *не приме-*

нение средств труда и не качество и количество трудовых усилий производителя при применении средств труда, а качество и количество трудовых усилий при совершенствовании, развитии средств труда (тут машин).

Таким образом, в обществах, основывавшихся преимущественно на *ручных* орудиях труда, на первый план выступало применение (а не развитие) средств труда. Развитие средств труда определялось изменением количества и качества трудовых усилий непосредственного производителя, применявшего средства труда. Поэтому, с точки зрения развития общества, для характеристики специфики различий докапиталистических общественно-экономических формаций наибольшее значение имеет определение *изменения реального места, положения непосредственных производителей* в производстве (конечно, в связи с медленно изменявшимися средствами труда), а для характеристики капиталистической общественно-экономической формации наибольшее значение приобретает *изменение средств труда* (конечно, в связи с изменением реального места, положения непосредственного производителя в производстве). Соответственно, для докапиталистических антагонистических формаций *собственность на непосредственных производителей* играет существенно большую роль, чем *собственность на произведенные средства производства*.

Машины – такое средство труда, которое, если оно играет главную роль в производстве, по своей сути требует *непрерывного развития производства*.

Создание и распространение рабочей части машины обусловили необходимость соответствующего изменения двигательной и передаточной частей машины. С созданием и распространением рабочих частей машин образуется как бы *самодействующее* средство труда, средство, относительная независимость действия которого от трудовых усилий применяющего его производителя существенно отличается от относительной независимости ручных средств труда от производителя. Основной материал для изготов-

ления средств труда — железо, в отличие от камня, дерева, кости, меди, бронзы, позволяет создавать прочные, крупных размеров, состоящие из многих частей (в том числе движущихся относительно друг друга) средства труда. Преобладающей формой используемых при этом закономерностей необходимо является *механическая форма движения*. Механическое, непрерывное, правильное движение частей рабочей машины коренным образом отличается от функционирования двигательной силы человека и животных, а также от нерегулярной механической силы воды и ветра, если они непосредственно применяются для приведения в движение машин. Требуется источник непрерывного, регулярного механического движения. Источник механического движения по самой сути этой формы движения лежит вне ее, в иных формах движения. Поэтому изобретение и распространение рабочих частей машин, сделанных из железа, обусловили использование в качестве источника механического движения немеханических форм движения (тепловой, электрической) и преобразование этих форм движения в механическую.

Следовательно, человек, животные в качестве просто двигательных сил исключаются из производства по мере того, как оно превращается в машинное и развивается в этом своем качестве. Поскольку физический труд человека не сводится к его действиям, подобным действиям сил неживой природы, поскольку человек действует как живое существо, постольку такой труд не соответствует механической, вообще неживой природе машинного производства и подлежит вытеснению машинным производством¹. Таким образом, *с развитием машинного производства нарастает противоречие между машинным, неживым производством и использованием при применении машин живого труда. Это про-*

---

¹ Труд осуществляется главным образом при помощи механического движения органов тела. Но вместе с тем, это есть труд живого существа. В биологической же форме движения механическое движение играет подчиненную роль. Подчинение живого существа механическому движению машины противоречит природе живого.

творение разрешается посредством постепенного вытеснения живого труда прежде всего из сферы применения готовых машин. Применение готовых машин превращается в такой процесс, который совершается сам по себе и лишь под контролем человека и в направлении, нужном человеку.

Машинное производство становится на собственные ноги тогда, когда машины начинают производиться машинами. С переходом к производству машин машинами наступает стадия зрелости капитализма. Созревает конфликт между капиталистическими производственными отношениями и характером и уровнем развития производительных сил. Именно при машинном производстве, при котором количество и качество продукции являются существенно менее зависимыми от непосредственных трудовых усилий производителей, чем при применении индивидуально приводимых в действие ручных орудий, именно при машинном производстве впервые в истории открывается принципиальная возможность постоянного производства материальных благ *в изобилии*. Что же касается характера производительных сил, то в отличие от мануфактуры, при которой крупное производство еще не было устойчивым, ибо не было независимого от производителей технического «скелета», объединявшего работников мануфактуры в единый «механизм», в машинном производстве имеется такой «скелет» в виде машины или системы машин, по отношению к которому работники выступают при капитализме как его придатки. Тем самым в условиях машинного производства общественный характер труда становится *технической необходимостью*. Если капиталистические производственные отношения в общем и целом соответствовали простой кооперации (кооперации работников, применяющих индивидуально приводимые в действие ручные произведенные орудия труда) и мануфактуре (хотя и тогда не абсолютно, ибо и тогда уже возник, пусть в зародыше и в незрелом виде, общественный характер труда), то они перестали в общем и целом соответствовать машинному производству.

Правда, и в последнем случае абсолютного несоответствия нет, ибо абсолютное несоответствие предполагает исчезновение всякого производства, всякого труда, кроме машинного производства, кроме действия машин. Только тогда, когда абсолютно исчезает труд, абсолютно исчезает и возможность присвоения прибавочного труда. Однако такая абсолютная механизация существует как предел, достижение которого практически бесконечно. Поэтому автоматический крах капитализма невозможен. Как показали классики марксизма-ленинизма и особенно К. Маркс в фундаментальнейшем произведении марксизма «Капитал», капитализм собственным своим развитием создает общественную силу, заинтересованную в упразднении капитализма, в устранении всяких антагонистических классов, в построении бесклассового общества, силу, способную осуществить эти задачи, вынуждаемую своим материальным положением к борьбе. А так как исторически преходящие капиталистические производственные отношения выступают лишь через отношения вещей, как вещные отношения (и это есть не просто иллюзия, а *объективно* существующая видимость), то капитализм *на уровне этой видимости* предстает вечным, непреходящим обществом. Требуется наука о капиталистических производственных отношениях, чтобы за видимой оболочкой — движением *вещей* — вскрыть суть, *исторически преходящие общественные*, а именно капиталистические производственные отношения. Необходима теория, научно обосновывающая неизбежность гибели капитализма и раскрывающая пути борьбы. В условиях жестокой эксплуатации весь рабочий класс не может сам подняться до уровня научного понимания капитализма. Научное понимание целей, задач, путей, способов борьбы вносит в рабочий класс коммунистическая партия, в свою очередь обобщающая опыт революционного (главным образом рабочего) движения против капитализма.

Все перечисленные стадии капитализма относятся к его прогрессивному развитию. Зрелость капитализма есть перелом, пере-

ход от его прогрессивного развития к регрессивному. Преобладание регресса характерно для стадии загнивания и умирания капитализма, т. е. для стадии империализма. Конечно, и прогрессивное развитие капитализма таило в себе моменты его регресса, поскольку с самого возникновения капитализма стали образовываться исторические предпосылки коммунизма. Кроме того, регрессивное развитие капитализма не исключает его быстрый рост в том или ином отношении. «Было бы ошибкой, — писал В. И. Ленин, — думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма... В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран...» [3, т. 27, с. 422–423]. Тем не менее, сначала определяющим является прогрессивное, а затем регрессивное развитие капитализма.

Империалистическая стадия капитализма — та стадия, когда капиталистические производственные отношения в общем и целом достигли *пределов своего экстенсивного* развития и уже перешли на рельсы главным образом интенсивного развития.

Капитализм развивается преимущественно экстенсивно в процессе своего становления. На стадии зрелости капитализма преобладает его интенсивное развитие. На империалистической стадии не только его экстенсивное развитие достигает пределов (господство свободной конкуренции сменяется господством монополий, завершается раздел мира, завершается экстенсивное развитие рынка для капитализма в целом и т. д.), но и интенсивное развитие переходит на новую — по сравнению со стадией зрелости — ступень, имеющую своей основой *автоматизированное* машинное производство.

И экстенсивное, и интенсивное развитие какого-либо процесса есть развитие в пределах одного и того же коренного качества. Количественные и не коренные качественные изменения происходят на протяжении всего существования процесса. Не существует абсолютно чистых только количественных или только

качественных изменений. И все же при экстенсивном развитии преобладают, определяют «лицо» развития *количественные* изменения, а при интенсивном развитии на первый план выходят *качественные* изменения, но в «рамках» того же коренного качества, той же сущности.

Каков предел экстенсивного развития капиталистических производственных отношений?

По нашему мнению, *внешним пределом* развития *рабовладельческих* отношений было использование мягких земель (и, в меньшей мере, земель, пригодных для полукочевого скотоводства), *феодальных* отношений – использование всей земли, пригодной для земледелия и кочевого скотоводства, а *капиталистических* отношений – вся поверхность Земли и ее недра. Капитализм достигает внешнего предела экстенсивного развития тогда, когда образуется *мировая* капиталистическая система... (С возникновением и развитием социалистических стран этот предел существенно суживается.) *Внутренним пределом* экстенсивного развития капиталистических производственных отношений служит предел укрупнения капиталистической собственности как экономического образования – монополия. «...Самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия» [там же, с. 396], поэтому, как писал В. И. Ленин, «по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм» [там же, с. 420].

С превращением капитализма в монополистический капитализм и с созданием мировой капиталистической системы капитализм достигает внешнего и внутреннего пределов своего экстенсивного развития. И хотя переход к интенсивному развитию совершился уже на стадии зрелости, полное господство интенсивного развития имеет место на стадии загнивания капитализма.

Монополия как «самая глубокая экономическая основа империализма» – «монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и бе-

зыходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию» [3, т. 27, с. 396–397]. Характеризуя монополию таким образом, В. И. Ленин выделяет «в особенности четыре главных вида монополий или главных проявлений монополистического капитализма, характерных для рассматриваемой эпохи» [там же, с. 421]: монополистические союзы капиталистов, монополистическое обладание важнейшими источниками сырых материалов, монополия финансового капитала, монопольное обладание колониями (ныне сохраняется в форме «неоколониализма»).

Эта монополия выросла на почве капитализма, имеет капиталистическую природу и не может в корне преобразовать почву, на которой произросла: ведь это есть всего лишь достигшая предельной стадии укрупнения капиталистическая собственность. Вместе с тем капиталистическая монополия означает *качественное* изменение капиталистических производственных отношений, хотя и не представляющее собой коренного качественного преобразования последних. Иначе говоря, капиталистические производственные отношения по-прежнему *остаются капиталистическими*, а не становятся какими-либо другими. Но *внутри них* создаются предпосылки их коренного качественного изменения, обусловленные развитием обобществления производства, т. е. развитием общественного характера производства: устанавливается господство именно *монополистической* капиталистической частной собственности.

При империализме, указывает В. И. Ленин, «...некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность... по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу» [там же, с. 385]. И далее: «Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции...» [там

же]. В другом месте В. И. Ленин замечает: «...монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу» [там же, с. 420–421]. Итак, некоторые основные свойства капитализма превращаются в свою противоположность, но остаются подчиненными моментами сохраняющегося коренного качества, сущности капитализма.

На стадии монополистического капитализма происходит резкое обострение противоречий капитализма. Это вытекает из самой природы капиталистической монополии. Речь идет прежде всего и главным образом о противоречиях между капиталистами и рабочими, между монополиями, между монополистическим и немонополистическим капиталом, между монополиями и слаборазвитыми зависимыми странами. *Наиболее слабое, наиболее уязвимое звено всей мировой капиталистической системы – слаборазвитые зависимые страны.* Современный мировой революционный процесс, поскольку он происходит внутри *мировой капиталистической системы*, прогрессирует прежде всего путем борьбы за независимость и за переход на некапиталистический путь развития этих стран, эксплуатируемых развитыми капиталистическими державами. Только если эта борьба является (или будет являться) победоносной (именно на этом пути возможны прочное сохранение независимости и достижение высокого уровня развития), уничтожение эксплуатации со стороны развитых капиталистических держав создает благоприятные возможности для возникновения революционной ситуации в самих развитых капиталистических странах, для сокращения возможностей подкупа монополиями тех или иных прослоек рабочего класса, для полного подрыва влияния оппортунизма.

Поэтому распад мировой капиталистической системы происходит и будет происходить главным образом через отделение от нее слаборазвитых и независимых стран.

Предел интенсивного развития капитализма – социалистическая революция, сущность которой – уничтожение господства частной собственности на средства производства.

Глава 3

ЗРЕЛОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. КОММУНИЗМ

Коммунизм в широком смысле слова есть зрелое человеческое общество, в отличие от всей предшествующей истории человечества как истории незрелого человеческого общества.

Зрелое человеческое общество, предварительно и очень кратко, а потому почти огрубленно говоря, есть общество, в котором завершилось преобразование естественно возникших связей и установилось безраздельное господство специфически человеческих отношений. Специфически человеческие отношения есть отношения людей преимущественно как личностей.

Коммунистическое общество в целом представляет собой *подлинную историю, собственно историю* человечества, в отличие от *предыстории* и всех ее стадий. К. Маркс квалифицировал развитие классовых обществ в качестве предыстории именно потому, что эти общества развивались *антагонистически*: «Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают, вместе с тем, материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [1, т. 13, с. 7–8]. Ф. Энгельс также отличает коммунизм как подлинно человеческую историю от всей предшествующей истории человечества. Животные, рассуждает Ф. Энгельс, являются «пассивными объектами... истории» «своего про-

исхождения и постепенного развития до своего теперешнего состояния», «а поскольку они сами принимают в ней участие, это происходит без их ведома и желания. Люди же, наоборот, чем больше они удаляются от животных в узком смысле слова, тем в большей мере они делают свою историю сами, сознательно, и тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели. Но если мы подойдем с этим масштабом к человеческой истории, даже к истории самых развитых народов современности, то мы найдем, что здесь все еще существует огромное несоответствие между поставленными себе целями и достигнутыми результатами, что продолжают преобладать непредвиденные последствия, что неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем силы, приводимые в движение планомерно. И это не может быть иначе до тех пор, пока самая существенная историческая деятельность людей, та деятельность, которая подняла их от животного состояния до человеческого, которая образует материальную основу всех прочих видов их деятельности, — производство, направленное на удовлетворение жизненных потребностей людей, т. е. в наше время общественное производство, — особенно подчинена слепой игре не входивших в их намерения воздействий неконтролируемых сил и пока желаемая цель осуществляется здесь лишь в виде исключения, гораздо же чаще осуществляются прямо противоположные ей результаты... Дарвин не подозревал, какую горькую сатиру он написал на людей... когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием *мира животных*. Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще» [1, т. 20, с. 358–359].

Совершенно явно, что К. Маркс в приведенной цитате под предысторией человеческого общества подразумевает историю классово-антагонистических обществ и не имеет в виду то общество, которое ныне называется первобытным. Ибо в то время, до выхода в свет книги Моргана «Древнее общество», это общество было исследовано совершенно недостаточно. Ф. Энгельс же в цитирувавшемся извлечении имеет в виду и первобытное общество. Это следует из примерно в том же году написанной другой работы Ф. Энгельса – «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», в которой проводится та же мысль и при том общество с первоначальной общей собственностью прямо называется в числе обществ, неспособных учитывать отдаленные общественные последствия действий, направленных на производство [там же, с. 496–497].

Итак, К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали коммунизм в сравнении со всеми классово-антагонистическими обществами и в сравнении со всей историей человечества, предшествующей коммунизму. Однако главным образом исследовался капитализм в процессе его возникновения, развития и неизбежной гибели, выявлялись те тенденции в развитии капитализма, которые позволяли строго научно предвидеть черты будущего коммунистического общества. Эта задача диктовалась основными потребностями эпохи. И тем самым на первый план выходило сравнение капитализма и коммунизма. Конечно, основной во всемирно-историческом развитии – путь движения человечества через преодоление, упразднение капитализма к созданию коммунизма. Однако, хотя капитализм и становится *мировой* системой, он по своей сути не в состоянии устранить неравномерность исторического развития, преобразовать в масштабах всего мира остатки докапиталистических стадий развития человечества. Поэтому сравнительное изучение коммунизма и антагонистических обществ, коммунизма и всей предшествующей истории человечества, в том числе первобытного строя, имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение: коммунизм образуется в процессе устранения

неравномерности развития разных регионов и т. п., в процессе преобразования не только капиталистических, но и докапиталистических общественных отношений. И эта задача становится особенно важной в наше время, когда *слабыми звеньями мировой системы капитализма являются слаборазвитые и зависимые страны*, в которых подчас значительную роль играют докапиталистические отношения.

Коммунизм можно рассматривать по отношению к некоммунистическим формациям и некоммунистическим типам развития. Тут термин «коммунизм» фигурирует преимущественно в широком смысле слова. Но коммунистическое общество, взятое во всемирно-историческом масштабе, само имеет следующие различные стадии: 1. Образование исторических предпосылок коммунистического общества. Ближайшим образом эти предпосылки образуются в недрах капитализма. 2. Первоначальное возникновение коммунизма – социалистическая революция и период перехода от капитализма к социализму. 3. Формирование коммунистического общества – социализм. Здесь, как и во всяком процессе формирования, выделяются три периода. Первый, начальный период формирования – существование коммунизма на унаследованной технической основе. Второй период – начало создания адекватной материально-технической основы коммунизма. Третий период – завершение создания адекватной материально-технической основы коммунизма. Это период преимущественно перерастания социализма в высшую фазу коммунизма. 4. Зрелое коммунистическое общество, т. е. высшая фаза коммунизма. В узком смысле термин «коммунизм» и обозначает развитый, зрелый коммунизм.

Образование исторических предпосылок коммунистического общества совершается в недрах капитализма. Переход капитализма на стадию зрелости означает, что созревают объективные условия его упразднения, а следовательно, созревают и исторические предпосылки более развитого общества. Таким образом, исторические предпосылки коммунизма созрели тогда, когда ре-

шающую роль в производстве стало играть машинное производство, причем машины в основном стали производиться машинами. Тем самым в принципе открылась возможность создания *постоянного изобилия* материальных благ, превратился в техническую необходимость общественный характер труда, сами произведенные средства труда приобрели необходимо общественный характер, т. е. общественный характер, обусловленный необходимой природой произведенных средств труда. По мере развития машинного производства, его укрупнения развивался и общественный характер труда, росло обобществление производства. С развитием машинного производства образовался и современный рабочий класс, класс производителей, приученных к дисциплине труда, объединенных на крупных предприятиях, достаточно культурных для обращения с машинами. К непосредственным историческим предпосылкам коммунистического общества, возникающим в недрах капитализма, следует отнести и мораль, искусство, философию, политику, научную идеологию рабочего класса.

Но все это остается лишь историческими предпосылками коммунизма, ибо господствуют капиталистические производственные отношения, капиталистическая собственность на средства производства и на этой основе во всех остальных областях жизни общества сохраняется господство класса капиталистов.

Первоначальное возникновение коммунизма — это стадия совершения социалистической революции, завоевания рабочим классом политической власти и установления общественной собственности на те средства производства, при использовании которых общественный характер труда является технической необходимостью.

Вообще следует особо подчеркнуть, что установление общественной собственности на средства производства должно ориентироваться на степень развития общественного характера труда, иначе говоря, *установление общественной собственности целесообразно в той мере, в какой развился общественный харак-*

тер труда. Иначе происходит либо забегание вперед, либо отставание. То и другое приводят к значительным отрицательным последствиям.

При наличии крупной промышленности земледелие не является определяющим видом производства, определяющую роль играет крупная промышленность. Поэтому установления общественной собственности на средства крупнопромышленного производства уже достаточно для первоначального возникновения коммунизма, для решающего воздействия на всю производственную жизнь общества.

Стадия формирования коммунистического общества — социализм. Каково основное противоречие этой стадии? На наш взгляд, это противоречие между общественной собственностью на средства производства и незрелостью общественного характера производства. Сопоставление этой формулировки с общепринятым определением основного противоречия капитализма как противоречия между частной собственностью на средства производства и общественным характером производства может вызвать недоумение: выходит, что для устранения капиталистической собственности общественный характер производства с утверждением решающей роли в производстве машинного производства созрел, а для общественной собственности он не созрел. Это недоразумение разрешается, если принять во внимание следующее. Противоречия капитализма и условия для социалистической революции созревают тогда, когда общественный характер производства становится технической необходимостью, т. е. с переходом к машинному производству. Но с началом перехода к машинному производству общественный, или, точнее, собственно общественный характер производства только возникает. Формирование, созревание общественного характера производства происходят с дальнейшим развитием машинного производства и достигают зрелости на высшей стадии машинного производства — комплексно-автоматизированном народном хозяйстве (автоматизированном не только на уровне линий, участков, цехов, заводов, но и отраслей и совокупности отраслей).

На стадии незрелости, созревания общественного характера производства могут существовать как социалистические, так и капиталистические производственные отношения.

Поскольку общественный характер производства возник и развился, постольку между ним и капиталистическими производственными отношениями имеется противоречие, несоответствие их этому характеру производства. Поскольку же общественный характер производства не вполне созрел, постольку капиталистические производственные отношения сохраняют возможности для своего существования.

С появлением общественного характера производства создаются реальная возможность и историческая правомерность установления господства общественной собственности на средства производства, совершения социалистической революции. С установлением общественной собственности на средства производства между нею и общественным характером производства, поскольку он возник и развился, устанавливается соответствие, поскольку же общественный характер производства еще не вполне развился, не созрел, имеет место его несоответствие с общественной собственностью и постольку общественная собственность еще *формальна*.

Социализм как низшая фаза коммунизма имеет своей основой общественную собственность на средства производства, существующую во взаимодействии с уже возникшим, но еще не вполне развившимся общественным характером производства.

Первый период развития социализма и первый период формирования коммунизма – развитие коммунизма на унаследованной технической основе. Длительность этого периода развития социализма – при прочих равных условиях – зависит от исходного уровня развития машинного производства.

Унаследованная от капитализма техническая основа – машинное производство. Собственно машинное производство¹ (в отли-

---

¹ Далее под «машинным производством» подразумевается «неавтоматизированное машинное производство».

чие от автоматизированного производства) не представляет собой и не может представить внутренне единый в масштабах отдельной страны, а тем более человеческого общества в целом процесс производства. Машинное производство распадается на отдельные, пусть и крупные, внешне связанные производственные процессы. На ступени машинного производства общественный характер производства уже стал технической необходимостью, но для отдельных машин или систем машин, не объединенных в масштабах страны (и тем более всего человечества) в единую систему машин. Поэтому машинное производство, с одной стороны, порождает потребность в единых общественных действиях, в единой общественной производственной деятельности членов общества, порождает потребность в общественной собственности; а с другой — общественная собственность, опирающаяся на машинное производство, не может быть вполне зрелой: отсутствие единой системы машин в масштабах всей страны (и человечества) обуславливает необходимость непроизводственной связи в узком смысле слова, а тем самым хозяйственную обособленность, *необходимость товарно-денежных отношений*. При решающей роли общественной собственности последние низводятся на положение подчиненного момента, момента, существующего в снятом, преобразованном виде.

Коммунизм, пока он существует на основе собственно машинного производства, развивается не на основе, созданной собственным развитием, а на неадекватной основе. При машинном производстве, в отличие от ручного производства, становится, как мы отметили выше, существенно важным изменение, совершенствование машин; а их применение постепенно оттесняется по своему значению для производства продукции на задний план. Однако хотя решающая роль в росте количества и улучшении качества продукции принадлежит совершенствованию машин, тем не менее труд по их применению количественно преобладает над трудом по их совершенствованию, и такое положение сохраняется на протяжении всего периода господства в производстве неав-

томатизированного машинного производства. Машина – по преимуществу, механическое средство труда, а потому в машинном производстве преобладает механический труд, труд монотонный, однообразный и т. п. Суть человека как человека и даже просто природа человека как живого существа не соответствуют природе механического труда. Преобладание механического труда вызывает неудовлетворенность человека трудом, а значит, при таких условиях невозможно преобладание потребности к труду. Человек может трудиться добровольно, но не в силу привлекательности механического труда, а вследствие сознания его необходимости (общественной и личной). Объективной материальной основой такого сознания как массового явления служат социалистические производственные отношения, общественная собственность на средства производства (господство ее еще пока *формально*).

Весьма важным фактором совершенствования машин является их совершенствование работниками, применяющими машины. Этот фактор приводится в действие в том случае, если работники заинтересованы в совершенствовании процесса труда. Именно общественная собственность на средства производства создает благоприятные возможности для массовой заинтересованности в совершенствовании процесса труда непосредственными производителями. Причем, конечно, сами собой, стихийно эти возможности могут и не реализоваться в достаточной мере. Однако самым важным фактором совершенствования, развития машинного производства служат наука и внедрение ее достижений в производство. Ведь создание новых (а тем более принципиально новых) машин необходимо требует знания закономерностей, сущности процессов, явлений. Наука как раз и вызвана к жизни потребностью в познании закономерностей, сущности процессов и явлений. Социалистические производственные отношения, в противоположность капиталистическим, открывают максимальную возможность сосредоточения сил и средств на главнейших направлениях развития науки, их централизованного финансирования, широкого внедрения в практику и т. д., ибо при общественной соб-

ственности на средства производства имеется возможность использования всех сил и средств как единого целого в нужных направлениях. Так как открытия в науке предсказывать трудно, а подчас невозможно и так как чем более фундаментальны открытия, тем меньше шансов их предсказать, то огромное значение имеют создание возможностей для проведения фундаментальных исследований, которые, как кажется на первый взгляд, не имеют практической ценности, а также гибкое маневрирование силами и средствами при обнаружении новых перспективных направлений в науке.

Неавтоматизированное машинное производство, впервые в истории открывая перспективу создания изобилия материальных благ, позволяет лишь непосредственно подойти к созданию их постоянного изобилия, ибо развитие производства все же сдерживается ограниченными возможностями человека по применению машин. Если при ручных орудиях труда количество и качество продукции в основном пропорциональны трудовым усилиям непосредственного производителя, то в неавтоматизированном машинном производстве количество и качество продукции уже в основном определяются количеством и качеством машин, однако, вместе с тем, количество и качество продукции все же еще существенно зависят от труда по применению машин, от пределов возможностей непосредственных производителей, применяющих машины, от числа непосредственных производителей. Пока количество и качество продукции существенно зависят от способностей непосредственных производителей применять готовые произведенные средства труда, до тех пор не может стать принципиально устойчивым производство постоянного изобилия материальных благ. Переход к устойчивому производству постоянного изобилия материальных благ, разумеется, не представляет собой резкого кратковременного скачка, это скачок, совершающийся продолжительно.

Если капиталистические производственные отношения на стадии машинного производства в основном тормозят развитие

общественного характера производства, то социалистические производственные отношения для этого представляют собой самую совершенную – для стадии неавтоматизированного машинного производства – систему производственных отношений. Степень развития общественной собственности на средства производства при социализме определяется в конечном счете степенью развития общественного характера машинного производства. И задача заключается в том, чтобы всемерно *способствовать приведению в наибольшее соответствие степени развития общественной собственности со степенью развития общественного характера производства*. Как отставание в этом деле, так и забегание вперед сдерживают развитие социализма.

При социализме не может стать преобладающим труд по потребности, но уже становится ведущим труд ради общественной необходимости, общественной полезности, общественной ценности труда. Общественная необходимость труда может осознаваться индивидом как непосредственно и служить непосредственно осознаваемым стимулом деятельности, так и опосредствованно, например через систему установившейся в обществе шкалы ценностей, когда тот или иной вид труда представляется общественно более или менее ценным, более или менее престижным, и человек предпочитает менее высокооплачиваемую, но более ценную в обществе, более престижную работу. Престижность, общественная ценность труда приобретают особое значение, когда труд просто ради поддержания биологического существования уже перестал или перестает быть главным, а труд ради потребности в труде еще не стал главным. Отсюда во всех проявлениях общественной и личной жизни индивида на первый план выходит вопрос о престижности. Труд ради общественной необходимости, ради общественной ценности труда принципиально выше труда лишь ради поддержания биологического существования. Но все-таки пока этот труд не совершается ради потребности в труде, он остается еще в известной мере внешней необходимостью для человека, еще в некоторой степени чуждым человеку, еще не является

внутренней необходимостью для него. Уже только сам по себе такой труд неизбежно порождает общественную необходимость в принуждении к труду.

Пока в производстве преобладает неавтоматизированное машинное производство, до тех пор *количественно* преобладает труд по *применению* (а не совершенствованию, развитию) машин и, следовательно, не исчезает в основном почва для существенных различий между физическим и умственным трудом.

На наш взгляд, правомерно также утверждать, что при преобладании машинного производства земледелие играет подчиненную роль и по мере развития машинного производства все более низводится на положение отрасли промышленности. Тем не менее, как бы сельское хозяйство ни насыщалось машинами, основными характерными средствами производства в нем остаются земля и скот, т. е. в общем и целом естественно возникшие средства производства. Но пока они сохраняют это свое положение, по нашему мнению, невозможно полное устранение существенных различий между сельским хозяйством и промышленностью, между деревней и городом.

На рассматриваемой стадии общественный характер труда, производства не является зрелым. Сохраняется обособленность труда, производства, а значит, сохраняются и товарно-денежные отношения. Поскольку созревает общественный характер производства, постольку вытесняются товарно-денежные отношения.

Второй период развития социализма как второй период формирования коммунистического общества – начальная стадия образования адекватной материально-технической основы зрелого коммунизма.

В нашей стране этот период начался примерно во второй половине 50–60-х гг., и социализм на этой стадии был квалифицирован как развитый социализм. Адекватная материально-техническая база коммунизма характеризуется прежде всего и главным образом автоматизированным машинным производством. Если разделить весь период этого производства на самые крупные эта-

пы, то можно выделить неразвитое и развитое, зрелое автоматизированное машинное производство.

Развитое автоматизированное производство есть *комплексно* автоматизированное производство. Неразвитая автоматизация есть автоматизация на уровне машин-автоматов, отдельных автоматических линий, участков и т. д. Неразвитая автоматизация относится к первой стадии создания адекватной материально-технической базы коммунизма. На этой стадии в *конечном итоге* происходят резкое сокращение неквалифицированного труда, удельного веса физических усилий, ручных операций, возрастание квалификации и общей культуры работников.

Автоматизации непосредственно предшествуют, если рассматривать процесс в чистом виде, высшая степень механизации, комплексная механизация. Неразвитая автоматизация необходимо сосуществует с механизацией и имеет ее своей широкой основой. Отсюда на второй стадии формирования коммунизма впервые с такой силой звучит вопрос о комплексном развитии хозяйства. Высшая ступень механизации и переход к автоматизации означают техническую возможность непосредственного приближения к производству постоянного изобилия материальных благ. Постепенно начинает создаваться обеспечивающее изобилие достаточное количество тех или иных отдельных видов продукции, и на первый план выходит уже не количественный рост продукции, а улучшение качества продукции (конечно, при продолжении ее количественного роста).

Для этой стадии, следовательно, становится характерным *интенсивное* развитие.

Высшая степень механизации и переход к автоматизации производства обуславливают развитие общественного характера производства в сельском хозяйстве, развитие обобществления в сельском хозяйстве (укрупнение производства, рост специализации и кооперации). Происходит постепенное сближение двух форм собственности. Высшая степень механизации и в конечном счете также автоматизация¹ обуславливают необходимость повышения

---

¹ На некоторых начальных ступенях автоматизация ведет даже к увеличению доли малоквалифицированного труда.

уровня общего образования (в социалистических странах на этой стадии развития было введено всеобщее среднее образование), ведут к увеличению удельного веса элементов умственного труда в физическом труде. Интенсивно идет процесс сближения социальных классов и групп, наций и национальных групп, укрепляется социально-политическое и моральное единство общества, развивается социалистическая демократия, участие масс в управлении, совершенствуется управление обществом, оно становится во все большей мере комплексным, совершающимся на все более глубокой и полной научной основе.

Социализм по своей социальной природе есть незрелый, формирующийся коммунизм. В процессе формирования новое общество не существует изолированно от унаследованной основы, которую оно хотя и преобразует на свой лад, но все же еще не успело полностью преобразовать. Социализм есть *переход* к зрелому коммунизму. Черты, стороны собственно коммунистические, еще существуют вместе (и в той или иной степени в единстве) с докоммунистическими и отличаются от последних.

Так, при социализме необходимо имеются планомерность развития и товарно-денежные отношения. Решающая роль планомерности развития общества в целом образуется впервые с возникновением и утверждением социализма. При социализме преобразуются и товарно-денежные отношения, ибо с положения господствующих отношений, которые они занимают при капитализме, товарно-денежные отношения низводятся в подчиненные.

Обе стороны едины и вместе с тем противоположны. Каждая из этих сторон, если ее так рассматривать, специфична и необходима для социализма. Однако планомерность – та сторона развития коммунистического общества, за которой будущее, она внутренне основана на общественном характере труда, производства, а товарно-денежные отношения – та необходимая сторона социализма, которая представляет собой главным образом то, что еще не до конца преобразовано коммунизмом. Товарно-денежные отношения не есть нечто внешнее «природе» социализма, но не-

обходимая сторона этой «природы», сохраняющаяся в более или менее преобразованном виде от старого общества при незрелости общественного характера труда, производства. Если смотреть с точки зрения коммунизма, то товарно-денежные отношения – необходимое при социализме «зло». Это отнюдь не равнозначно представлению о том, что при социализме следует всеми мерами глушить эти отношения.

Преувеличение степени зрелости планомерности, общественного характера производства ведет к чрезмерной централизации и всех связанных с этим «прелестей» (разбуханию управленческого аппарата, преувеличению значения административных способов управления и т. д., и т. п.). Преувеличение же роли товарно-денежных отношений является настоящим отступлением, прямым движением вспять.

Мера соотношения этих противоречивых сторон (планомерности и товарно-денежных отношений) должна соответствовать степени развития производительных сил и прежде всего и главным образом степени развития общественного характера труда, производства.

Третий период формирования коммунизма – период постепенного перерастания социализма в высшую фазу коммунизма. Для материально-технической базы этого периода характерен переход от неразвитой к развитой автоматизации, постепенное распространение развитой формы автоматизации. В этот период завершается превращение сельского хозяйства в непрерывное, бесперебойное, высокопроизводительное, не зависящее от погодных условий производство. Такое производство, чтобы оно могло стать не только сезонным, но и круглогодичным, потребует колоссального расхода энергии. Если для перехода к механизации (в том числе земледелия) оказалось необходимым использование энергии пара и воды, то для ступени развитой автоматизации, для окончательного превращения сельского хозяйства в отрасль промышленности потребуются, метафорически говоря, неизмеримо более мощный источник энергии. И такой источник создается. Где-то со

второго – третьего десятилетия XXI в. можно реально ожидать превращения электростанций термоядерного синтеза в рядовых снабженцев энергией [114].

Зрелое коммунистическое общество – это общество, для материально-технической базы которого характерна комплексная автоматизация, производство автоматов автоматами. На ступени неразвитой автоматизации о создании автоматов автоматами допустимо говорить лишь «с большой щепоткой соли», ибо процесс создания автоматов автоматами в значительной мере тут разбавлен неавтоматизированными производственными процессами, операциями и т. п. Степень комплексной автоматизации производства автоматов автоматами предполагает возможность гибкой перестройки с производства одного вида продукции на другой, способности к производству количества продукции, намного превышающие таковые способности неавтоматизированного производства. Иначе говоря, на этой ступени автоматизации гибкость производства и способность его к росту принципиально превосходят таковые свойства неавтоматизированного машинного производства.

Именно ступень развитой автоматизации служит необходимой основой для постоянного обеспечения количественного и качественного изобилия материальных благ.

Границей, за которой начинается изобилие, служит возможность обеспечения *оптимума* для поддержания биологического существования индивидов. Когда социалистическое общество достигает такого уровня развития, при котором оно оказывается в состоянии обеспечить каждому члену общества количественный и качественный *оптимум* жизненных средств, тогда качественно изменяется характер дальнейшего общественного развития. Кроме того, ступень развитой автоматизации резко изменяет *характер труда*. В условиях неавтоматизированного машинного производства и даже на неразвитой ступени автоматизации преобладает труд *по применению* машин, в *общем и целом преимущественно механический* труд. На ступени зрелой автоматизации

объем механического труда резко сокращается. Доля труда по совершенствованию, развитию автоматов в необходимом труде общества значительно увеличивается и становится преобладающей. Количество, продолжительность необходимого труда по *применению готовых* произведенных средств производства становятся сравнительно незначительными. Именно на основе зрелой автоматизации становится возможным резкое сокращение продолжительности рабочего дня.

Труд по совершенствованию, развитию автоматизированного производства есть труд по преимуществу творческий, требующий глубоких научных знаний. На ступени зрелой автоматизации творческий труд оказывается преобладающим. Только тогда полностью исчезают существенные различия между физическим и умственным трудом.

Необходимый труд на общество останется всегда, до тех пор пока существует человечество и труд, но на ступени зрелой автоматизации, как вытекает из сказанного выше, существенно изменяется прежде всего и главным образом характер необходимого труда – необходимый труд из преимущественно механического превращается в преимущественно творческий. Поэтому изменяется и взаимоотношение необходимого и всего остального труда человека: резко очерченная граница, выделяющая необходимый труд из остального труда, постепенно все больше и больше теряет значение, ибо и необходимый труд, как и весь труд, становится внутренней потребностью. Граница между трудом и отдыхом от труда в таком случае проводится главным образом способностью человека к оптимальному труду.

На стадии механизации происходит постепенно все большее освобождение человека от необходимости прилагать физические усилия.

Для поддержания оптимального биологического существования индивидов становится необходимой физическая культура – приложение физических усилий ради сохранения и совершенствования здоровья. Подлинной физической *культурой* такое приложение физических усилий является только тогда, когда они осуществляются

как удовлетворение потребности организма. Приложение физических усилий превращается во внутреннюю потребность человека.

На стадии автоматизации человек все больше освобождается от механического умственного труда. Зрелая автоматизация, видимо, принесет с собой сокращение потребности общества в «объеме» умственного труда. Поэтому, на наш взгляд, автоматизация в конечном счете порождает потребность в *умственной культуре* (аналогичной потребности в физической культуре). И она становится подлинной культурой лишь как внутренняя потребность человека в приложении своих умственных сил.

Пока не будет достигнута абсолютная автоматизация — а реальные перспективы ее осуществления, по крайней мере в обозримом будущем, отсутствуют, — до тех пор будет сохраняться нужда общества в труде (в узком смысле) и в том числе в необходимом труде. Но на стадии зрелой автоматизации преобладающим станет не необходимое, а свободное время. На наш взгляд, основными занятиями человека коммунистического общества помимо осуществления творческого труда за пределами собственно необходимого времени будут занятия физической и умственной культурой (куда в качестве их видов включаются собирательство, охота, туризм¹), более того, не только сугубо умственной культурой, но и вообще духовной культурой, куда умственная культура входит лишь как часть, сторона (например, занятия искусством, общение ради удовлетворения потребности в общении и т. д., и т. п.).

Сама физическая культура именно как *культура* предполагает умственное, вообще духовное развитие и воздействует на него в свою очередь. Само собой разумеется, что даже сугубо необходимый труд такой человек будет выполнять с большей отдачей.

Таким образом, на стадии зрелой автоматизации, в условиях высшей фазы коммунизма чрезвычайное значение приобретает всесторонняя *культура* человека, всестороннее развитие культуры человека.

---

¹ Мы относим эти виды как к физической, так и к умственной культуре, ибо, например, охота с киноаппаратом или посещение во время туристической поездки музеев вряд ли можно назвать только физической культурой.

Мы видим, что физическая и духовная культура, деятельность человека в этих областях не есть труд в узком смысле слова, т. е. не есть труд собственно в сфере материального производства. Однако деятельность в области физической и духовной культуры есть, по своему происхождению, труд в широком смысле слова, труд, по преимуществу, как самоцель. Однако труд как самоцель, труд, совершаемый ради удовлетворения внутренней физической и духовной потребности, по законам истины, добра и красоты *уже и не есть труд*, а есть *культура* в ее всестороннем действии, жизнь культуры в ее основных проявлениях, *всесторонняя культурная деятельность*.

Основной целью человечества на высшей фазе коммунизма в полной мере становится всестороннее развитие каждого как самоцель, внутренняя потребность и как необходимое условие всестороннего развития всех.

Говоря об исторических сроках вызревания коммунизма, часто ссылаются на убыстрение темпов исторического развития и ожидают, что созревание коммунизма должно произойти чуть ли не *на* протяжении жизни одного поколения. При этом предается забвению то обстоятельство, что возникновение и формирование коммунизма нельзя просто отождествлять с переходом от одной общественно-экономической формации к другой, что победа коммунизма это не только и не просто победа над капитализмом, а возникновение и формирование совершенно *нового типа* развития общества; и если сравнивать, то скорее с переходом от доклассового общества к классовому, чем, скажем, с переходом от феодализма к капитализму. Надо в полной мере дать себе отчет в глубине, размахе, коренном характере общественных преобразований, происходящих на стадиях возникновения и формирования коммунизма, в том, что коммунизм — качественно новый тип развития общества по сравнению как с историей классово-антагонистических обществ, так и *со всей* прошедшей до него историей человечества.

Вся прошедшая и обозримая в будущем история человечества, если выделить ее основное направление, развивалась по спирали. Так как обычно эта спираль (специально) характеризуется весьма

кратко: доклассовое общество, общинная собственность, — классовое общество, частная собственность, — бесклассовое общество, общественная собственность, то мы попытаемся более подробно специально рассмотреть основное спиралевидное движение истории, высказав свои соображения по этому предмету.

Рассмотрим сначала отношение людей к природе.

Исходное отношение — естественно возникшее. Происходит использование средств воздействия, данных природой в готовом виде. Затем все большую роль начинают играть созданные трудом средства воздействия, пока роль этих средств среди всех остальных не становится решающей. После чего как бы происходит возвращение к исходному пункту, но «возвращение» на новой основе: постепенно приобретают решающее значение *самодействующие* средства производительного воздействия на природу, притом со временем самодействующие, автоматически действующие средства сами начинают производить себя, автоматы создают автоматы, осуществляется *самовоспроизводство* самодействующих средств воздействия на природу. Как бы *возвращение* к исходному пункту заключается в том, что человек опять начинает иметь дело с такими процессами создания предметов, способных удовлетворить его потребности, которые (процессы) совершаются в немалой степени сами собой, без непосредственного труда. Однако это есть всего лишь *как бы* возвращение, ибо, во-первых, последние процессы ведут свою родословную от труда, во-вторых, и в каждое данное время автоматизированное производство в конечном счете направляется трудом людей в соответствии с их потребностями, т. е. автоматизированное производство остается подчиненным труду, людям, сохраняется на положении *средства* производительного воздействия людей на природу. Это — не естественно возникшее, а искусственное, созданное людьми средство, ставшее в немалой степени самодействующим, а постольку и независимым от людей, точнее, все большую относительную самостоятельность приобретают части автоматизированного про-

изводства¹, хотя в целом оно остается подчиненным людям. Люди приобретают возможность все более гибко использовать в своих целях все производство в целом и как целое.

Нечто аналогичное, хотя и не вполне то же самое, происходит с материалом, на который осуществляется воздействие. Сначала используется материал, данный природой в готовом виде, затем такой материал, который предварительно обрабатывается в процессе труда, но при этом сохраняет свои основные природные свойства, имевшиеся у него до обработки. Заключительный отрезок этого витка спирали – создание искусственного материала с заранее заданными свойствами.

Взаимоотношение человечества с природой на протяжении этого витка спирали существенно изменяется. Сначала воздействие человечества на природу сравнимо по своим масштабам с воздействием животных на окружающую их среду. Правда, с самого начала люди, в отличие от животных, воздействуют на природу главным образом при помощи производительных органов. Однако вначале они не представляют ни естественных, ни общественных последствий своего воздействия на природу, и в этом смысле оно остается животным. Затем все более и более заметно масштаб воздействия людей на природу начинает отличаться от воздействия животных, постепенно люди научаются предвидеть все более отдаленные последствия своего воздействия на природу. Масштабы этого воздействия в конце концов становятся столь значительны-

---

¹ На протяжении всей прошедшей истории преобладает *механическое* производство, хотя уже на ранних стадиях начинают использоваться и другие формы движения материи (например, применение огня). Преобладание использования *механического* производства – это печать происхождения человека из животного мира (рука – орган механического перемещения), труд со всеми его компонентами образовался при использовании преимущественно механической формы движения, и по сути своей ручной труд приспособлен к механической деятельности. Уже на основании существующих ныне тенденций можно сказать, что в будущем все большую роль будет приобретать преобразование процессов (в механическом производстве в основном преобразуются предметы), что все большее значение будут приобретать производства, базирующиеся на использовании более развитых, чем механическая, форм движения. В конечном счете производство, по нашему мнению, станет преимущественно *биологическим*.

ми, что охватывают все лоно, в котором образовалось человечество, т. е. *всю Землю*, всю ее поверхность и все ее недра. Человечество получает в конце концов все большую возможность разрушить всю Землю или военным, или мирным путем. Поскольку же человечество владеет только непосредственными общественными последствиями своей деятельности, постольку его производительное воздействие становится по мере роста возможностей все более разрушительным, пока не создается реальная угроза самой жизни человечества. По мере создания мировых производственных связей разрушительное действие на матушку-Землю становится все более целостным, всесторонним. Лишь с переходом к планомерному развитию общества люди получают возможность овладеть отдаленными общественными последствиями своей деятельности и направить свою производительную мощь в безопасное для себя русло. Тем не менее, это производство столь значительно и глубоко, что оно постепенно приводит к преобразованию всей Земли (ее поверхности и недр), а значит, к созданию уже в основном не естественной а *искусственной* окружающей человечество среды.

Но рост возможностей человечества по созданию искусственной окружающей среды, рост возможностей автоматизации и создания искусственных материалов означают образование предпосылок выхода человечества за рамки его природного лона, за пределы *сугубо земной* цивилизации и *перехода к космической цивилизации*.

Необходимость перехода к космической цивилизации диктуется, в частности, ограниченностью запасов природного сырья для производства, места для размещения производства и населения (по нашему мнению, создание изобилия материальных благ повлечет за собой новый демографический взрыв).

Спиралевидно развиваются не только средства производительного воздействия на природу и используемые в производстве материалы, но и сам человек, его место, роль, значение в производительном отношении к природе. С самого начала труд — определяющий фактор возникновения и дальнейшего развития челове-

чества. Но в первобытном обществе преобладает не производство а добыча. Соответственно, люди – с точки зрения преобладающей деятельности – не производители, а «добытчики». Соответственно их умения, навыки есть преимущественно умения, навыки применения средств воздействия (созданных или найденных в природе в готовом виде) в процессе добычи, а знание – преимущественно непосредственное наблюдение. Так как *добыча* при помощи средств воздействия, данных природой в готовом виде или созданных трудом, есть снятое *животное* отношение к природе, то и в сознании людей преобладает осознание животного отношения к природе – сознание живой конкретной связи со всем, что их окружает, и друг с другом. С переходом к преобладанию производства люди становятся, по преимуществу, производителями. Но в производстве длительное время основными средствами производства остаются естественно возникшие средства производства – земля и скот. Отсюда и длительное преобладание непосредственного отношения к природе – сам производитель выступает преимущественно или в значительной мере как природное тело, как данное природой средство производства, т. е. сам производитель еще в той или иной степени не отделен от средств производства, является средством производства. Разделение средств производства и производителей, выделение производителей из числа средств производства происходят по мере развития и распространения произведенных, созданных трудом средств производства. Среди созданных трудом средств производства вначале преобладают средства труда, приводимые в действие индивидуальным ручным трудом.

Распространению индивидуального ручного труда (разделенного или неразделенного) соответствует распространение проникновения в сущность процессов, явлений, однако осознаваемой в форме единичности или особенности, т. е. в противоречащем сущности виде. Поскольку же предпринимаются попытки познать сущность в чистом виде, постольку это познание существует как догадка, сдобренная изрядной дозой фантазии.

На основе развития ручного труда в конечном итоге развивается разрыв между физическим и умственным трудом, а также между опытным и теоретическим знанием, причем производственное значение имеет опытное знание, а не теоретическое.

С развитием машинного производства и превращением его в решающий вид производства преобладающим становится механический труд по применению машин. Вместе с тем совершенствование, а тем более создание машин во все большей степени требуют не только опытных, но и теоретических знаний (сам опыт во все большей степени направляется теорией и превращается в эксперимент). Теоретическое и экспериментальное знание приобретает непосредственное производственное значение. Машинное производство готовит почву для устранения разрыва между физическим и умственным трудом, между опытным и теоретическим знанием и познанием. Однако вполне эта почва подготавливается развитой автоматизацией, когда труд по развитию автоматизированного производства и общее управление этим производством начинают преобладать над простым применением машин.

С развитием простого машинного, а затем автоматизированного производства развивается и общественный характер труда.

Историческое развитие характера труда происходило спиралевидно: от труда, имеющего естественно возникший коллективный характер, к устранению этого характера и развитию индивидуального ручного труда и от него к собственно общественному характеру труда; от процесса получения предметов потребления, при котором преимущественно осуществляется непосредственное наблюдение, к проникновению в сущность используемых процессов, выделению сущности в чистом виде, к теории и опыту, основанному на использовании теории (эксперименту), к науке как производительной силе; от деятельности по использованию (при помощи органа тела) главным образом данных природой средств производства к преобладанию труда по применению созданных средств производства и от него к преобладанию труда по созданию самодействующих средств производства.

Спиралевидно развивались также отношения людей друг к другу. Развитие шло от естественно возникших коллективных связей к разрушению этих связей, выделению людей из таких коллективов и образованию связей обособленных индивидов, объединенных тем, что все остальные выступают для индивида лишь средством для поддержания собственного существования, и от этих связей к подлинно общественным связям людей как личностей. При этом исходные коллективы малочисленны и обособлены друг от друга, в конце же этого витка спирали коллектив – это все объединенное человечество. И необходимым этапом на пути к такому всемирному объединению людей служит их разъединение. Основой такого изменения отношений людей служит развитие производственных отношений на базе и в единстве с развитием производительных сил: от родоплеменной и общинной собственности к частной собственности и от нее к общественной собственности на средства производства.

Очень важно иметь в виду, что вначале производительные силы и производственные отношения непосредственно тождественны друг с другом, хотя, конечно, это не абсолютное тождество, различие между ними существует с самого возникновения человека. Затем, в период формирования человеческого общества, на первый план все более выходит существенное различие между производительными силами и производственными отношениями. Однако полностью их непосредственное тождество в этот период не исчезает. В докапиталистических антагонистических формациях, по нашему мнению, это дано явно: раб и отчасти феодально зависимый крестьянин тождественны средствам производства. При капитализме непосредственное тождество производительных сил и производственных отношений почти исчезло, однако в неявном виде оно все же отчасти сохранилось: рабочая сила есть *вещь*, подлежащая продаже, т. е. она приравнивается в этом отношении к средствам производства.

При коммунизме вновь устанавливается тождество производительных сил и производственных отношений, однако на новой

основе и иное тождество: человек постепенно освобождается от непосредственного труда по применению автоматизированных средств производительного воздействия на природу.

Соответственно отмеченному изменению производственных отношений и их связи с производительными силами изменяются и остальные сферы жизни общества: в первобытном обществе все сферы жизни общества еще непосредственно тождественны, в период формирования человеческого общества идут все углубляющиеся, растущие расчленение и обособление различных сфер жизни общества, на стадии зрелости, в коммунистическом обществе как бы происходит возвращение к исходному пункту, но на новой основе: те формы и сферы общественной жизни, которые порождены именно общественным антагонизмом, преобразуются и исчезают, остальные, преобразуясь, все более взаимопроникают друг в друга. Рост относительной самостоятельности надстроечных форм, форм общественного сознания характерен для стадии формирования человеческого общества. Для зрелого человеческого общества характерен как бы противоположно направленный процесс: к снятию их обособленности при сохранении, упрочении, развитии их связей.

Коммунизм (включая и его первую фазу) и есть подлинная история человечества как *итог* развития, как *отрицание отрицания* предшествующей истории.

Коммунизм — это новый тип развития человечества, который, став зрелым, сам, видимо, будет иметь различные стадии развития. Только коммунистически объединившееся человечество будет в силах окончательно устранить угрозу своего военного истребления и вымирания от побочного действия производства, разумно направлять развитие индивидов (в том числе усовершенствовать их биологическую природу), общества, преобразовывать в соответствии со своими потребностями всю Землю и околоземное пространство, окончательно расселиться за пределы Земли, вполне перейти к космической цивилизации, сохранив Землю как Мекку космического туризма.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Каждая научная работа должна содержать новое знание, иначе она не является собственно научной. Исходя из этого, мы и хотели бы пояснить, что нового заключено в данной монографии.

Краткое указание на полученные новые результаты представляет собой, конечно, определенное огрубление. Но в качестве только указания на суть дела, если учесть, что сама суть дела раскрывается в книге в целом, перечисление новых результатов (при этом неизбежно перечисляются лишь некоторые из них) допустимо: оно облегчает понимание.

В книге «Логика «Капитала» К. Маркса» (1968) и примыкающем к ней цикле статей о «Капитале» мы выдвинули свою интерпретацию логики «Капитала» и представили ее обоснование. Длительное время эту интерпретацию практически совсем не признавали, лишь в последние годы положение стало изменяться. В упомянутых работах систематически доказывалось, что диалектико-материалистическая логика в корне отличается от идеалистической логики Гегеля, что последняя внутренне связана с метафизикой, что диалектико-материалистическая логика и по строению отличается от идеалистической логики Гегеля. Вместе с тем, обнаружились и большие, чем до того представляли, глубина и содержательность логики Гегеля. Так, если рассматривать лишь общее членение этой логики (на бытие, сущность, явление, действительность), то оно оказывается сходным с общим членением большого витка трехвитковой логики, присутствующей в «Капитале» К. Маркса, и с общим членением каждого из остальных витков. Сфера бытия есть в логическом аспекте сфера поверхности, простейшего отношения, а в историческом – сфера предпосылок, начала процесса развития.

В ходе этого исследования нами было выявлено и членение процесса развития на стадию предпосылок (начала), стадию первоначального возникновения, стадию формирования и стадию зрелости (если иметь в виду только прогрессивное развитие).

Почти одновременно мы обнаружили, что деление на сферы бытия, т. е. простейшего отношения..., сущности, явления, действительности позволяет выявить логику зрелого человеческого общества, а деление на перечисленные выше стадии – логику истории человечества¹.

Оказалось возможным рассмотреть человеческое общество как органическое целое, а его историю как историю его начала (предпосылок), первоначального возникновения сущности, формирования и зрелости. При этом открылись и более специфические возможности.

Во-первых, впервые появилась возможность вычленить простейшее отношение человеческого общества и отличить его от сущности. Впервые появилась необходимость уточнить понимание сущности человека, отличить сущность от явления и действительности. Положение К. Маркса, выдвинутое им в 1845 г. в «Тезисах о Фейербахе», о том, что сущность человека «в своей действительности ... есть совокупность всех общественных отношений» [1, т. 3, с. 3], стало необходимым уточнить, выделив собственно сущность человека в отличие от явления и действительности². Впервые можно было систематически, целостно представить человеческое общество как единство биологического и социального.

Во-вторых, упомянутое членение на стадии процесса развития позволило по-новому представить историю человечества, ее периодизацию. В чем состоит новизна такой периодизации и такого взгляда на историю? В том, что до сих пор общее в истории

---

¹ Кратко эти мысли были опубликованы нами в брошюре «Диалектика исторического процесса и методология его исследования» (1978).

² Слово «действительность» в «Тезисах о Фейербахе» употребляется в противоположность недействительности сущности человека как абстракта, присущего индивиду, а не как единство сущности и явления.

человечества рассматривается как выделенная путем сравнения различных стадий некая неизменная одинаковость. Так понимаются производство вообще, распределение вообще, потребление вообще, обмен и обращение вообще, производительные силы вообще, производственные отношения вообще. Производительные силы как таковые, производственные отношения как таковые, диалектика их как таковая, способ производства (единство производительных сил и производственных отношений) как таковой и т. д. воспринимаются в качестве неизменных. В различных формациях стремятся искать в качестве принципа их периодизации некое неизменное основание, некие неизменные черты способа производства... Классификация считается последовательной, если она осуществляется на одном основании.

Наш подход заключается в том, чтобы впервые признать изменение, развитие в истории не только отдельного, единичного, особенного, но и общего. Отсюда следует, что периодизация истории должна осуществляться в соответствии с *изменяющимся, развивающимся* основанием периодизации. В истории человечества изменяется, развивается не только конкретное содержание производительных сил, производственных отношений, их диалектики, надстройки, форм общественного сознания..., но и производительные силы как таковые, их компоненты как таковые, производственные отношения как таковые и т. д. Например, К. Маркс во «Введении к экономическим рукописям 1857–1858 гг.» анализирует общее отношение производства, потребления, распределения, обмена и обращения: это *на самом деле* не просто выделенное путем сравнения общее, но общее, которое несет на себе неизгладимую печать капиталистического этапа развития. Более того, внимательный читатель может заметить, что так представлен в нашей книге даже труд вообще.

В-третьих. Теперь можно уточнить наше отношение к формационному подходу. Членение истории на общественно-экономические формации по способу производства вполне правомерно, но, на наш взгляд, односторонне. Если, как это рассматривается

в предлагаемой читателю книге, способ производства есть сущность, внутреннее общества, а внутреннее, сущность, не существует без внешнего, без внешнего внутреннее, сущность, уже не предстает для познающего внутренним, сущностью, то периодизация истории должна происходить на основе единства внутреннего и внешнего, существенного и несущественного и т. д., т. е. по *стадиям* процесса *развития*, как единство природного (в том числе биологического) и социального, как процесс возникновения социального из природного и преобразования природного социальным. В противном случае неизбежно недооценивается, недостаточно верно понимается роль природного (в том числе биологического) в обществе и в истории общества. Природное (в том числе биологическое), конечно, признается как факт, и, конечно, признается также взаимодействие природы и общества. Однако природное (в том числе биологическое) *не включается органически в целостное, систематическое понимание общества и его истории.*

Мы не будем продолжать далее пояснение новых результатов. Заметим лишь еще, что развиваемый в книге подход, по нашему мнению, является более общим, чем материалистическое понимание истории. Материалистическое понимание истории есть научная истина, и поэтому дальнейшее развитие науки не может полностью устранить его, но может уточнить условия его применимости в том случае, если переходят к рассмотрению более широкого круга условий.

Материалистическое понимание истории, как и его противоположность — идеалистическая трактовка истории (трактовка ненаучная по своей сути), имеет своей основой общественное разделение труда на физический и умственный труд. Общественное разделение на физический и умственный труд возникает не сразу с образованием человечества, своей классической, развитой формы оно достигает при капитализме (при капитализме и создаются возможности для его вполне научного осознания и для образования научной концепции истории — ее материалистического понимания, что и было реализовано К. Марксом и Ф. Энгельсом), это

разделение не будет существовать и на высшей фазе коммунизма. Уже в капиталистическом, а тем более в социалистическом обществе, вырисовывается реальность преодоления в будущем разделения физического и умственного труда. И если встать на точку зрения высшей фазы коммунизма, то тогда представляется ясным, что нынешний основной вопрос философии перестанет быть *вопросом, проблемой*. Видеть перспективу необходимо. Человек одухотворенно живет не только прошлым и настоящим, но и будущим. Однако до тех пор, пока существует разделение на физический и умственный труд, сохраняются и разделение на материализм и идеализм, и необходимость борьбы материализма и идеализма, сохраняется и необходимость в разработке материалистического понимания истории в противоположность ее идеалистическому истолкованию и в борьбе с последним. Но все же будущее не должно быть забыто. Ведь уже ныне созревают условия для него. Теоретическое предвосхищение будущего общества необходимо для освещения практической борьбы за него, для того, чтобы она была не слепой или подслеповатой, а осознанной и вдохновенной.

Научно-теоретическое осмысление развития общества показывает, что общий ход истории через зигзаги, случайности, перемены необходимо ведет к коммунизму. Эта необходимость сама возникает, формируется, развивается. Притом она развивается, осуществляется не помимо людей, а в их деятельности и через нее, как результирующая их деятельности, совершающейся при определенных условиях. Так, ныне человечество в ходе своей деятельности, с одной стороны, развилось настолько, что создало во всемирно-историческом масштабе реальные возможности для овладения в своих интересах земными условиями, тем лоном, в котором оно возникло, а с другой стороны, созданные человечеством и чуждые ему силы стали настолько мощными, что они угрожают самому его существованию.

Более бросается в глаза угроза военного, немирного самоистребления человечества. Одновременно сформировывается и ме-

нее явная, но тоже смертельная угроза удушения человечества мирным путем, прежде всего и главным образом отрицательными последствиями его взаимодействия с природой.

Таким образом, перед людьми как вопрос жизни и смерти возник вопрос подчинения себе сил, созданных ими, ставших им чуждыми и смертельно враждебными. Поэтому, в конечном счете, определяющее значение для решения вопроса: быть или не быть человечеству – имеет борьба за создание коммунистического общества.

ВМЕСТО ДОПОЛНЕНИЯ

Ответы на вопросы и выступление на I теоретической конференции Международной логико-исторической школы.

МГУ им. М.В. Ломоносова –

Современная гуманитарная академия. 2002 г.

Ответ Рудакову.

Первое. С. И. Рудаков говорит о том, что «многие аспекты «Логики «Капитала» пока упрощаются, в том числе и в вазюлинской «Логике». И в доказательство приводит один следующий пример: «Так, например, учёный пишет: «Сущность характеризуется как двойственный процесс: процесс труда (предпосылка в сфере сущности) и процесс возрастания стоимости (собственно сущность)» [48]. Представляется, однако, – комментирует С.И.Рудаков, – что предпосылка сохраняется в сущности не как процесс труда, а как процесс производства товара. Тем более, что сам проф. Вазюлин пишет: «Но если потребительные стоимости – сторона предпосылки, находящаяся в сфере бытия капитала, то процесс производства потребительной стоимости есть та сторона предпосылки, которая существует в сфере сущности» [48].

В тексте «Логики «Капитала» К. Маркса» было пропущено одно слово: там, где написано «предпосылка в сфере сущности», следовало написать: «предпосылка **предпосылки** в сфере сущности». Именно такое понимание и выражается в целом в тексте книги: предпосылка капитала (или, говоря в строго логическом аспекте, простейшее отношение капитала) снимется в сфере сущности капитала, причём **двойственность предпосылки** (здесь равно: простейшего отношения) капитала снимается в сфере сущности капитала **в двойственности сущности** капитала.

Двойственность простейшего отношения капитала (потребительная стоимость и стоимость, т. е. бытие и сущность товара) снимается в **двойственности сущности капитала** (процессе труда и процессе возрастания стоимости).

Или, если выразить сказанное чисто логически, то следует сказать так: бытие предмета снимается в сущности предмета, двойственность бытия предмета снимается в двойственности сущности (бытие бытия предмета или, менее строго, но более доступно говоря, предпосылка предпосылки предмета), снимается в несущественной стороне сущности, а сущность бытия предмета, или сущность предпосылки предмета, снимается в существенной стороне сущности. Здесь, между прочим, можно фиксировать, что сущность предмета содержит в себе своё иное в двух отношениях: во-первых, свою предпосылку в снятом виде, и, во-вторых, снятую предпосылку своей предпосылки.

Второе. Создаётся устойчивое впечатление, что С. И. Рудаков отождествляет логический и исторический аспекты рассмотрения предмета. Он говорит: «Формирование человеческого общества (его **явленческая** стадия), с точки зрения учёного, охватывает рабовладение, феодализм и капитализм. Наконец, **зрелость** человеческого общества (его **действительность**) есть коммунизм» (подчеркнуто В. В.).

Тут формирование отождествляется с явлением, а зрелость предмета — с его действительностью. Историческое, исторический способ исследования и изложения сводятся к логическому, к логическому способу исследования и изложения.

На мой взгляд, и поверхность, и сущность, и явление, и действительность приобретают вполне развитый вид лишь на стадии зрелости предмета, и в «чистом», во вполне логически последовательном виде категории «поверхность», «сущность», «явление», «действительность» представляют собой отображение предмета на стадии его зрелости. История же предмета — ближайшим образом и на прогрессивном этапе его развития — включает в себя стадии подготовки (начала развития) предмета, первоначального возникнове-

ния сущности, формирования, зрелости предмета. И поверхность, и сущность, и явление, и действительность развиваются, а не возникают сразу в готовом виде на зрелой стадии. В истории предмета не происходит так, что сначала образуется, например, сущность, но совсем отсутствует ее явление и действительность и т.д.

И в дальнейших утверждениях С.И. Рудакова присутствует упомянутое отождествление: «Однако применение логической схемы «Капитала» к истории в целом обнаруживает и ряд дискуссионных проблем. Прежде всего, коммунизм как **зрелость** общества, как его **действительность** (подчеркнуто В.В.) оказывается как бы наполовину в рамках самой предыстории. Ведь если сам товар как начало капитала подчиняется логике поверхности, сущности, явления и действительности и только потом происходит переход к собственно сущности предмета, каким является капитал, то в «Логике истории» предыстория как становление человеческого общества фактически включает в себя и коммунизм.

Во-первых, перенесение «логической схемы» «Капитала» К. Маркса (поверхность – сущность – явление – действительность) на рассмотрение истории человечества в целом было бы применением собственно логического способа там, где должен применяться исторический или, если угодно, логико-исторический.

При написании «Логики истории» было необходимо, **основываясь на логической системе «Капитала» К. Маркса, выйти за её пределы. Выделение стадий развития и означало этот выход.** Логическое и историческое, логический и исторический способы исследования и изложения едины, но вместе с тем не сводимы друг к другу, как минимум отличаются друг от друга.

Во-вторых. По поводу того, что «если товар как начало капитала подчиняется логике поверхности, сущности, явления и действительности и только потом происходит переход к сущности предмета, каким является «Капитал», то в «Логике истории» предыстория как становление человеческого общества фактически включает в себя коммунизм».

На мой взгляд, стоит исходить не просто из аналогии, а, основываясь на логике «Капитала» К. Маркса, стремиться развить её, сообразуясь с иным, нежели в «Капитале» К. Маркса предметом.

В «Логике истории» предметом рассмотрения является человеческая история, человеческое общество (главным образом в его прогрессивном развитии) в целом. Чтобы понять человеческое общество в целом, необходимо взять его в соотношении не с теми или иными историческими формами, стадиями развития общества, а в соотношении с природой. Общество, человечество, в конечном счёте, возникает из природы и представляет собой новую, более высокую стадию развития по отношению к природе.

Если предметом рассмотрения служит общество в целом, общество, человечество по отношению к природе, то стадия подготовки (начала) возникновения общества, человечества, то есть стадия, предшествовавшая стадии первоначального возникновения сущности общества, человечества совершалась в недрах природы до образования собственно общества, человечества. Такой стадией и была стадия антропосоциогенеза.

А первая историческая форма общества (в отличие от природы) – первобытнообщинный строй.

Последующие исторические формы общества – это этапы, стадии преобразования новой сущностью унаследованной, т. е. природной основы, преобразование новой сущностью как окружающей природной среды, так и природы самих людей. Коммунизм есть зрелое общество прежде всего в том смысле, что новая сущность (сущность общества, человечества) овладевает природными основами своего существования и развития, создаёт адекватную себе основу в отличие от девственной природы, в отличие – ближайшим образом – от животного мира, в котором важнейшим является борьба за выживание, за удовлетворение жизненных необходимых биологических потребностей.

В «Логике истории» предпринята попытка рассмотреть ход – главным образом прогрессивного – развития человечества в целом (и структуру, строение человеческого общества, насколько это представлялось возможным на нынешней ступени развития человечества).

Но я совсем не исключаю, а напротив, считаю необходимым исследование с точки зрения логико-исторической, в качестве относительно самостоятельного предмета изучения классового общества.

Если предметом исследования становится не общество, человечество в целом, а классовое общество, то тогда, по моему мнению, первобытное общество выступает как стадия подготовки (начала), рабовладельческое общество как стадия первоначального возникновения сущности классового общества, феодализм как стадия формирования, а капитализм как стадия зрелости классового общества.

Если С. И. Рудаков полагает, что «только с рабовладением возникает сущностная стадия общества, тогда как в первобытном обществе социальное лишь начало зарождаться», то он, на мой взгляд, смешивает два предмета рассмотрения – общество в целом и классовое общество, более того, фактически, неосознанно **сущность общества, взятого в общем и целом, сводится к сущности классового общества.**

Иначе говоря, сущность классового общества в сознании С.И.Рудакова предстаёт как сущность человеческого общества, взятого в целом.

По моему мнению, один из источников сведения сущности человеческого общества в целом к сущности классового общества заключается в исторической (подчёркиваю – исторической, а не личной) ограниченности той стадии, формы марксизма, которая была возможна в эпоху К.Маркса, хотя в явном виде в трудах К. Маркса не обнаруживается.

К. Маркс и Ф. Энгельс вполне закономерно при рассмотрении истории человечества выделяли доклассовое, классовое, бес-

классовое общество. Совершенно естественно, что точкой отсчёта служило классовое общество.

В ту эпоху складывались только исторические предпосылки коммунистического общества, не наступила даже стадия первоначального возникновения сущности коммунистического общества. Поэтому коммунистическое общество можно было рассматривать главным образом путем отрицания существующей и существовавшей истории классового и доклассового общества. При таких объективных исторических условиях было очень вероятно, а, по-моему, просто необходимо значительное, существенное неразличение друг от друга сущности классового общества и сущности общества, взятого в целом.

В современную эпоху различение их возможно на более глубоком уровне, чем в эпоху К.Маркса.

Третье. О структуре общества. «Ещё более дискуссионным, – говорит С.И.Рудаков, – представляется применение логической схемы «Капитала» к толкованию структуры общества». И далее речь идёт о следующих идеях.

Во-первых, о простейшем отношении. «В качестве простейшего отношения – «клеточки» общества – В.А. Вазюлин выделяет его биологическое бытие». Не буду пересказывать то, что по этому вопросу я написал в «Логике истории», скажу лишь, что, говоря о простейшем отношении общества, имею в виду не просто биологическое бытие, но биологическое бытие человека.

А между просто биологическим бытием и биологическим бытием человека имеется существенное различие. Для пояснения проведём аналогию с «Капиталом» К. Маркса. К. Маркс начинает рассмотрение товара с потребительной стоимости. Однако потребительная стоимость существовала до появления товара и сохранится после его исчезновения.

Между тем потребительная стоимость в «Капитале» К.Маркса выступает как простейшее отношение именно товара. В чём тут дело? Дело заключается в том, что К.Маркс берёт потреби-

тельную стоимость не саму по себе в отрыве от товара, а анализирует потребительную стоимость только в том отношении, в каком она есть сторона товара.

Он выделяет – при рассмотрении потребительной стоимости как стороны товара – только то, что «товар есть, прежде всего, внешний предмет, вещь, которая благодаря её свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности»¹. От всего остального К. Маркс отвлекается: «Природа этих потребностей – порождаются ли они, например, желудком или фантазией – ничего не изменяет в деле (К. Маркс имеет в виду обмен товаров, взятый в чистом виде – В. В.). Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, т. е. как предмет потребления, или окольным путём, как средство производства»². Аналогично обстоит дело и с простейшим отношением человеческого общества. Ещё раз подчеркну: речь идёт не просто о биологическом, а о биологическом бытии человека.

Во-вторых, дискуссионной, двойственной кажется С.И. Рудакову трактовка в «Логике истории» надстройки: «...если сущность – материальная деятельность и материальные отношения, – говорит он, – то не может она разворачиваться в нематериальное явление и нематериальную действительность (имеются в виду, говоря словами С.И. Рудакова, «надстройка и социальная сфера с её нематериальной стороны»).

Что можно коротко сказать об этом? Тут опять-таки имеет место отождествление разных аспектов. Конечно, материализм и идеализм противоположны, взаимно исключают друг друга. Но если подходить к материализму и идеализму только как к чему-то раз и навсегда данному, то становится невозможным объяснить происхождение этого отношения, происхождение, в том числе идеализма, превращения идеализмом идей в нечто первичное, изначально вечно существующее, становится невозможным объяснить

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. 23, с. 43.

² Там же.

происхождение идей. И материалистическая позиция при таком подходе превращается в свою противоположность. В «Логике истории» речь идёт о структуре общества главным образом как о существующей в «снятом» виде генетической связи разных сторон, сфер общества, т. е. предмет рассматривается не в логическом аспекте, взятом в отрыве от исторического, а в логико-историческом плане, во внутреннем единстве логического и исторического подходов, способов. Дальнейшее и весьма важное, на мой взгляд, по этому вопросу будет сказано чуть позднее.

Четвёртое. Совсем неприемлемой считает С. И. Рудаков идею о снятии материалистического понимания истории. С его точки зрения, может быть либо материализм, либо идеализм, и не может быть ничего третьего.

Здесь опять-таки проявляется позиция человека, сознание которого «захвачено в плен классовым обществом». Это с моей стороны не обвинение в адрес С.И. Рудакова, а констатация того, что классовое общество воздействует не только на идеи, мысли, сознание его защитников, но и на идеи, мысли, сознание марксистов. Это констатация представления, практически безраздельно господствовавшего и господствующего среди марксистов (о немарксистах и говорить не приходится), соответствующего эпохе К. Маркса, но подлежащего изменению в настоящее время.

В самом деле. Разделение на материализм и идеализм возникло с появлением разделения труда на физический и умственный. Разделение на физический и умственный труд **не существовало в доклассовом обществе, а возникло в классовом.**

Именно на почве разделения (и тем более противоположности и противоречия) физического и умственного труда возникло и развилось различие (противоположность, противоречие) материализма и идеализма.

В процессе развития коммунистического общества, когда будет «снято» различие (а тем более противоположность и противоречие) физического и умственного труда, соответственно, будет

«снято» и различие (противоположность и противоречие) материализма и идеализма.

«Снятие» различия (противоположности, противоречия) материализма и идеализма произойдет, на мой взгляд, совсем не в том смысле, что сохранится и то, и другое, а произойдет их примирение, но в том смысле, что **сама реальная жизнь общества не будет порождать объективные и субъективные иллюзии об абсолютно самостоятельном существовании сознания, идей, мыслей, представлений, чувств...** об их первичности, о принципиальной непознаваемости мира. Основной философский вопрос перестанет быть вопросом.

В «Логике истории», написанной в конце 70 – начале 80-х годов теперь уже прошлого столетия, при всем желании нельзя было четко и однозначно высказать идею о «снятии» материализма и идеализма, о вызревающих предпосылках и условиях коренного изменения развития философии (и вообще развития наук), о том, что разделение на материализм и идеализм, развитие философии (и вообще развитие наук) предстает существенно иначе с точки зрения зрелого человеческого общества, чем с позиций классового общества (как его утверждения, так и преимущественного его отрицания).

Вопросы участников конференции

Шмаков В.И. В предисловии к Вашей книге автор предисловия пишет: объективно социализм не был развитой органической системой, что не давало возможности исследования его с помощью непосредственного использования методологического богатства «Капитала» Маркса.

Вопрос вот в чем. Сегодня проблема состоит не в том, чтобы сказать: необходим социализм, коммунизм, – это все заклинания. Это заклинания до тех пор, пока нет научно выстроенной, теоретически продуманной модели и методов, механизмов и путей ее реализации, т. е. программы и т. д. Такой модели социализма российского не существует.

Если мы сейчас не можем такую модель выстроить на основе научной теории, потому что она незрелая, то тогда как мы будем делать прогноз, с чем будем выходить к населению, к рабочим, к интеллигенции? Что им рассказывать? Опять наши утопии? Может быть другой метод нужен, а не метод «Капитала»?

Барсов А.С. Мы говорим, что при коммунизме будет удовлетворение по потребностям. Далее, по Марксу, стоимость в процессе развития общественного производства, в перспективе — труд, будет становиться бесконечно малой величиной.

А вот теперь вопрос: За счет чего будет при коммунизме удовлетворяться потребность в продукте? Ведь при коммунизме стоимости не будет. Некоторые говорят об экономике потребительной стоимости. Маркс же говорит, что потребительная стоимость — это категория товароведения. Так за счет чего же будет удовлетворяться потребность? За счет энергии. Физика дает нам решение проблемы. Так что, не стоимость, а энергия будет при коммунизме давать возможность удовлетворения потребности. И когда говорят о проблеме стоимости, то при коммунизме труд будет, но он будет бесконечно малым. Скажите, это так или не так?

Чусов А.В. Я хотел бы спросить о соотношении необходимости и случайности в историческом процессе, а именно, о возникновении того, что называется ранним социализмом. Вы сказали, что обобществление было осуществлено, хотя производительные силы были к нему не готовы. Верно ли, что для утверждения раннего социализма политическая почва была готова, а экономическая не готова, и необходимость возникновения раннего социализма была, в основном, политической?

Ответы на вопросы

В. А. Вазюлин. Прежде чем перейти к ответам на вопросы, еще раз о моем отношении к материалистическому пониманию истории.

Великое открытие материалистического понимания истории К. Марксом было сделано тогда, когда классовое общество достигло своей зрелости и когда капитализм — зрелая стадия классового общества — в свою очередь вступил в зрелую стадию. Именно в эту эпоху соотношение физического и умственного труда, с одной стороны, перешло на зрелую стадию своего противостояния, а с другой стороны, стали образовываться исторические предпосылки исчезновения противоположности (и противоречия) физического и умственного труда.

Материалистическое понимание истории было (и остается) философской, методологической основой теории — главным образом **отрицания** капиталистического, а также докапиталистического общества и практической борьбы против классового и в первую очередь против капиталистического строя.

Но со времен К. Маркса произошли коренные изменения в истории человечества. Хотя капитализм, классовое общество продолжают существовать, однако в XX веке в ряде стран произошли социалистические революции, и эти страны пошли по социалистическому пути развития. Некоторые из них существуют до сих пор, до сих пор идут по социалистическому пути.

Таким образом, «в порядке дня» прогрессивного человечества — вопрос не только об отрицании капитализма, но и о созидании социализма.

Решение проблем, связанных с созиданием социализма, необходимо предполагает существенное развитие теории и ее методологической основы.

Для созидания первой фазы коммунизма — социализма — необходимо стать на позицию **не отрицания** капитализма и даже всего классового общества, а на позицию **утверждения** новой, зрелой стадии развития человечества в целом.

С этой же позиции необходимо диалектическое «снятие» (диалектическое «снятие», напомним, есть преобразование существующего, при котором сохраняются в преобразованном виде все действительные достижения, имеющиеся ко времени преобразования)

материалистического понимания истории, ибо на путях развития зрелой стадии человечества происходит **диалектическое «снятие» реальной основы этого понимания** – противоположности (и противоречия) физического и умственного труда. Диалектически «снимается» противоположность (и противоречие) материализма и идеализма, ибо по мере исчезновения противоположности (и противоречия) физического и умственного труда исчезает иллюзия об абсолютной самостоятельности сознания, мышления, идей, чувств от материальной жизни общества, исчезает объективная видимость абсолютно независимого, первичного существования сознания, мышления, идей, чувств. А значит, исчезает и необходимость борьбы с этой иллюзией, с этой объективной видимостью.

Об альтернативности истории.

Сейчас довольно широко распространено мнение о том, что историю нельзя сводить к закономерностям, к законам, а необходимо учитывать ее альтернативность.

Конечно, учитывать и исследовать альтернативность истории важно, но сначала с необходимостью приходится выделять закономерный ход истории. Если не выделить сначала закономерный ход истории, то нельзя понять действительную роль исторических случайностей, альтернативности развития человечества.

Так, сейчас перед человечеством стоит альтернатива: либо погибнуть, либо перейти, хотя и в течение длительного времени, к коммунизму. Третьего пути не дано.

Ни сформулировать, ни осознать эту альтернативу, ни предвидеть наиболее вероятный путь развития без изучения закономерного хода истории человечества невозможно. Если же принять во внимание исторический процесс в целом, то можно понять, что он закономерно идет, с одной стороны, к обострению противоречия между обществом и природой, к обострению противоречий внутри общества, внутри человечества, а с другой стороны, закономерно же образуются и вызревают возможности для разреше-

ния этих противоречий на путях перехода к зрелой стадии развития человечества.

Следует особо подчеркнуть, что при переходе к зрелой стадии развития человечества и в ее дальнейшем развитии существенно более важную роль играет осознание этого процесса, по сравнению с ролью сознания в развитии человечества на его предшествующих стадиях: развитие коммунизма имеет своей необходимой предпосылкой осознание процесса развития человечества в целом. Это не чья-то прихоть, а именно необходимость. Она уже существует и дает о себе знать.

Уже не первый год и не первое десятилетие дает о себе знать отсутствие соответствующего современности по уровню и характеру разработанности теоретического понимания стратегических целей коммунистического движения.

В программах Коммунистических партий либо воспроизводится понимание стратегических целей на уровне, соответствующем прежним эпохам истории, либо действительное развитие марксизма подменяется псевдоновациями, не имеющими ничего общего с марксизмом.

Я смотрел работу Г.А. Зюганова о глобализме и перспективах мировой истории. По существу, это те же представления, которые были выражены в его прежних трудах: тот же эклектизм, то же стремление – возможно малоосознанное – совокупить принципиально несовместимые по своей социальной природе идеи, представления друг с другом, та же, мягко говоря, недостаточная обоснованность выдвигаемых положений и т. д.

На мой взгляд, нельзя считать, что такая, с позволения сказать, теория может быть основной для стратегических целей Коммунистической партии. Ведь речь идет, ни много, ни мало, о том, выживет ли человечество или не выживет, каковы пути и способы его выживания, каково будущее человечества. А тут нам предлагают некую несъедобную смесь.

Ныне есть много сомнений в том, что коммунизм осуществим, что человечество, в конце концов, должно к нему прий-

ти. Связаны эти сомнения в немалой степени с тем, что сомневающиеся плохо представляют глубину и направленность тех преобразований, которые совершаются в жизни современного человечества и будут совершаться в ближайшие десятилетия и даже столетия. И поэтому думают, что если бы коммунизм был возможен, то весь процесс должен был совершаться гораздо быстрее.

На самом деле, уже только **переход** человечества на зрелую стадию своего развития — это такой величайший перелом в истории, который сравним с переходом от доклассового общества к классовому. Переход от доклассового общества к классовому происходил в течение **тысячелетий**. Если учесть ускорение хода истории, то и тогда переход от классового общества, от незрелого человечества, от незрелого общества к зрелому займет не одно столетие.

Я отнюдь тем самым не становлюсь на позиции меньшевиков в их борьбе с большевиками.

Борьба большевиков и меньшевиков носила конкретно-исторический характер. И большевики, и меньшевики опирались на действительно существовавшие исторические тенденции, но эти тенденции были поняты ими как оторванные друг от друга, что было неизбежно, так как тенденции действительно противоречили друг другу, объективные противоречия были крайне острыми.

Большевики, на мой взгляд, были совершенно правы в том смысле, что объективные условия для совершения социалистической революции в России имелись, сложилась и революционная ситуация. Надо было брать власть.

В этом отношении меньшевики, отвергавшие позиции большевиков, были в корне неправы.

То же самое относится и к строительству социализма в нашей стране. Надо было строить социализм.

Вместе с тем и меньшевики были в некоторой степени правы, указывая на недостаточность развития производительных сил и на вытекающие отсюда следствия для движения нашей страны

по социалистическому пути. Большевики, отвергая взгляды меньшевиков, не учитывали то «рациональное зерно», которое в них заключалось. Например, В. И. Ленин в одной из последних статей, а именно в статье «О нашей революции (по поводу записок Суханова)», говорит, что Суханов отмечает недостаточность развития производительных сил в России. А кто знает, какие производительные силы нужны? При наличии власти в наших руках (в руках рабочего класса – В.В.) мы их разовьем, – утверждает В.И. Ленин.

Но, во-первых, если смотреть с точки зрения «Капитала» К. Маркса, то уже тогда можно было предвидеть, какой уровень и характер производительных сил необходим.

Во-вторых, полное отрицание большевиками наличия в позиции меньшевиков «рационального зерна» означало, что в позиции большевиков существовало недопонимание отрицательных сторон движения нашей страны по социалистическому пути, а такое недопонимание внутренне связано с недооценкой опасностей для движения страны по социалистическому пути, опасностей, таящихся в самой специфике переживаемой стадии развития, в самой специфике этого исторического движения.

Для объективной оценки большевиков и меньшевиков необходимо принять во внимание следующее: условия для социалистической революции и создания нового общества – если рассматривать их в целом, не различая ранние и поздние социалистические революции, ранний и поздний социализм, – **созревали, т. е. они уже были, они уже созревали и их (как зрелых) еще не было.**

Когда перед рабочим и коммунистическим движением в России в начале XX века возник вопрос: «Брать власть или нет?», а затем: «Строить социализм в одной отдельно взятой стране или нет?», то ответ мог быть только однозначным: «Да, брать». «Да, строить». Иначе дезорганизуется движение, не используются возможности, которые, **несмотря на их противоречивость, уже существовали.**

Вместе с тем, есть большая опасность, о чем писал К. Маркс в «Немецкой идеологии»: если коммунисты возьмут власть, когда не будет для этого условий, то возродится «вся мерзость старого мира».

Трудность, сложность заключается в том, что условия для перехода к новому обществу и само новое общество не появляются сразу в готовом, зрелом виде, а в ходе более или менее длительного исторического процесса проходят стадии незрелости (и социализм есть **незрелый коммунизм**). Поэтому опасность возрождения «старой мерзости» сохраняется на всем его протяжении, становясь все менее вероятной по мере продвижения к зрелой стадии.

Так, на мой взгляд, обстоит дело с точки зрения **общего закономерного хода истории**. Если рассматривать историю в аспекте единства исторических законов и исторических случайностей, то надо, с моей точки зрения, выделить как определенный исторический период — период ранних социалистических революций и раннего социализма. Социалистическая революция и социализм в нашей стране относятся к ранним. Гибель раннего социализма, поражение — в конечном счете — ранних социалистических революций весьма и весьма вероятны, хотя абсолютной необходимости в этом нет.

Но гибель, поражение ранних социалистических революций и гибель раннего социализма в тех или иных и даже во всех ранне-социалистических странах не может быть достаточным основанием для исторического пессимизма, для разочарования в возможности победы социализма и коммунизма в конечном итоге.

Я уже говорил в одном из интервью, что любой переход от одной формации к новой, более прогрессивной, является чередой побед и поражений. Как, например, утверждались рабовладельческие государства? Когда начинали созреть рабовладельческие отношения, внутри них обнаруживались противоречия рабовладельческого общества, соседние варвары их уничтожали, так как их сообщества были более прочными.

Возвышение рабовладельческих государств и падение их под ударами варваров происходили в истории много раз.

А если мы будем рассматривать переход от феодального общества к капиталистическому, то увидим, что и в этом случае буржуазные революции не раз терпели поражение. Более того, имели место период ранних и период поздних буржуазных революций.

То, что в одной стране или в нескольких странах потерпела или потерпит поражение социалистическая революция или погибнет социализм, отнюдь не доказывает, что социализм как таковой, как стадия в развитии человечества потерпел окончательное поражение. Из поражений необходимо выходить обновленными. И это будет неизбежно.

Я перехожу, пожалуй, к последнему пункту выступления. Здесь прозвучало отрицание того, что в нашей стране был ранний социализм, и утверждение, что это был социализм утопический.

Утопический социализм, исходя из смысла слова утопия (фантазия, неосуществимая мечта), может существовать только в фантазии. Хотя это не исключает полностью влияние фантазий, иллюзий и т. п. на поведение людей. Но построить реальное утопическое общество просто невозможно.

А теперь о том, был ли в нашей стране ранний социализм. У нас в стране производительные силы – меньшевики в этом отношении были правы – не созрели для созидания такого социализма, который вот-вот перейдет к коммунизму. Но неправы они были в том отношении, что не понимали (как и большевики): процесс созревания условий – это процесс, проходящий разные стадии.

Производительные силы развивались неравномерно. Ряд отраслей был на самых передовых в мире позициях, но в то же время у нас было 45 % ручного труда, а в строительстве – намного больше. Ручной же труд не адекватен даже развитым капиталистическим отношениям. Это одна черта раннего социализма. Другая черта раннего социализма заключалась в следующем.

В связи с тем, что социалистическая революция победила в одной стране, окруженной врагами намного ее превосходящими, и в условиях надвигавшейся Второй мировой войны, строительство социализма должно было происходить в предельно сжатые сроки, в спешном порядке, с отвоеванием для социализма максимума «жизненного пространства».

Поэтому, несмотря на то, что производительные силы не были готовы к всеохватывающему и полному обобществлению, такое обобществление попытались осуществить. На это толкала главным образом, но не только, жесточайшая внешняя необходимость. Упрекать в том никого нельзя! Но забегание вперед должно было сказаться и действительно сказалось.

Вообще при социализме – если рассматривать его, как сказано, с точки зрения общего закономерного хода мировой истории, отвлекаясь от его конкретно-исторических проявлений и от исторических случайностей, – имеет место преимущественно формальное, а не реальное обобществление, подобно тому, как в развитии капитализма существуют две реальные эпохи – формальное и реальное подчинение труда капиталу.

Формальное обобществление при социализме, в частности, ведет к тому, что люди воспринимают государственную собственность как формально свою.

Если же в строительстве социализма происходит забегание вперед в процессе обобществления, то формализм обобществления усиливается. Соответственно, усиливается и отношение к государственной собственности как формально своей.

У нас в первой половине 80-х годов XX века – как сообщалось в «Правде» – было примерно 500 тысяч «несунов» (мелких расхитителей социалистической собственности). Если учесть, что раскрываемость такого рода деяний очень незначительна, то можно себе представить, какое огромное количество людей участвовало, пусть в мелком, но расхищении социалистической собственности. Это было противоречие между общественными и личными интересами. В той или иной степе-

ни оно сохраняется на протяжении всего социализма, но в раннем социализме это противоречие существует в усиленном варианте.

Итак. Ранний социализм¹ имеет две основные особенности: во-первых, ранний социализм возникает и развивается на не вполне адекватной для социализма материально-технической базе, и, во-вторых, ранний социализм возникает в условиях превосходства сил мира капитализма. Соответственно, эпоха позднего социализма начинается тогда, когда, во-первых, социализм начинает развиваться на вполне адекватной себе материально-технической базе, и, во-вторых, когда силы мира социализма начинают превосходить силы мира капитализма.

А вот теперь – ответы на вопросы. По поводу вопроса В.И. Шмакова о модели социализма, выстроенной на основе научной теории.

Развитие общества – естественно-исторический процесс, люди, как доказал К. Маркс, могут ускорить его или замедлить, но не отменить. Поэтому, прежде чем действовать, и для того, чтобы успешно действовать, нужно познать законы этого процесса, закономерные стадии, которые он проходит. И если, предположим, он находится на незрелой стадии, то от того, что это нам не нравится, незрелость его не исчезнет по волшебству, а приходится с ней считаться как с объективной данностью.

Действительно, в исследовании социализма как незрелой стадии коммунистического общества нельзя **непосредственно и в полной мере** использовать всю систему диалектической логики «Капитала» К.Маркса.

Однако разочаровываться в существенном значении логики «Капитала» К.Маркса для исследования социализма не стоит.

Во-первых, логика «Капитала» К. Маркса – логика исследования и изложения зрелого предмета. А так как «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» (К. Маркс), то подобно этому логика исследования и изложения зрелого предмета есть ключ к логике исследования и изложения незрелого предмета.

---

¹ Характеристика раннего и позднего социализма дается здесь впервые.

Конечно, переход к выявлению логики незрелого предмета есть выход за пределы непосредственно логики «Капитала» К. Маркса, но такой выход, который исходит и основывается на логике «Капитала» К. Маркса.

Вместе с тем такой выход за пределы логики «Капитала» К.Маркса представляет собой не только переход к логике незрелого предмета, но и переход к более широкому и более углубленному пониманию логики «Капитала». Именно в соотношении с логикой незрелого предмета логика «Капитала» предстает не просто как логика исследования конкретного предмета вообще, а как логика **зрелого** предмета, т. е. как логика **одной из стадий** истории предмета (процесса и т. п.).

Таким образом, логика «Капитала» оказывается «моментом» более широкого и более углубленного понимания диалектической логики, логики истории предмета, в которой логика отображения зрелого предмета не есть то, к чему сводится вся диалектическая логика, а есть логика отображения **одной из стадий** развития предмета.

Во-вторых. Капитализм как одна из стадий предыстории (по сравнению с подлинной историей) человечества есть тоже одна из стадий **незрелого** человеческого общества. В таком отношении в эпоху К. Маркса капитал не мог быть исследован в полной мере.

Тем не менее, если по отношению к подлинной истории человечества капитализм был одной из незрелых стадий процесса развития человечества, то по отношению к **своей** истории капитализм во времена К. Маркса уже вступил в стадию своей зрелости.

Подобно этому социализм — **незрелая стадия подлинной истории**, но социализм может быть зрелым по отношению к **своей** истории. Он имеет и будет иметь и стадию подготовки (начала), и стадию первоначального возникновения, и стадию формирования.

Следовательно, возможности и перспективы как предвидения развития социализма, так и изучения реально существующего социализма не столь пессимистичны, как может показаться.

В вопросе, заданном В.И. Шмаковым, содержится такая фраза: «Сегодня проблема состоит не в том, чтобы сказать: необходим социализм, коммунизм, — это все заклинания».

Да, если просто говорить: «Социализм, коммунизм необходимы», то тут нет проблемы.

Но доказывать, обосновывать необходимость социализма, коммунизма чрезвычайно важно.

Не буду говорить о том, что ныне не только враги социализма, коммунизма утверждают, что история хоронит социализм, коммунизм, не буду говорить и о том, что многие люди, не настроенные против социализма, коммунизма, сомневаются в их необходимости, скажу лишь о том, что по самой сути обоснование необходимости социализма и коммунизма не есть то, что раз и навсегда дано и к настоящему времени абсолютно достигнуто, а представляет собой процесс. ***Обоснование необходимости социализма и коммунизма формируется по мере их изучения и развития.***

Далее автор вопроса говорит: «Это заклинания до тех пор, пока нет научно выстроенной, теоретически продуманной модели и методов, механизмов и путей ее реализации, т. е. программы и т. д.».

Прежде всего, я не могу принять в таком контексте термин «модель». Создается впечатление, что социализм и коммунизм можно конструировать. Общественная наука, все человечество, в том числе теоретики социализма и коммунизма, **по крайней мере еще не находятся на таком уровне, чтобы было возможно конструирование** развития общества.

Создание «научно выстроенной, теоретически продуманной модели и методов, механизмов и путей ее реализации, т. е. программы и т. д.» тоже есть процесс, который не появляется сразу в виде «программы и т. д.».

В истории марксизма имеется, например, такая программа как «Манифест Коммунистической партии». Однако прежде чем К. Маркс и Ф. Энгельс смогли написать его, они прошли довольно

сложный путь теоретического развития, ими были созданы классические труды, такие как «Святое семейство...», «Немецкая идеология» и др.

Так что же получается? До написания «Манифеста Коммунистической партии» они занимались одними заклинаниями?

Программа нужна и важна, но она не может быть создана без предшествующих ее написанию других этапов теоретической работы.

Вспоминается застарелая болезнь пренебрежения к теоретической работе. Особенно она была характерна для чиновников от идеологии, они полагали, что все и всегда готово для написания программы, достаточно собрать несколько человек на правительственной даче, и они смогут написать программу, «научно выстроенную, теоретически продуманную». Они не понимали, что с теоретической работой дело обстоит не так просто, что предвидение не появляется одномоментно (тем более по предписанию начальства), а есть тоже процесс, что предвидение осуществляется на каждой из стадий теоретического процесса, на каждом этапе теоретической работы и углубляется по мере ее развития. Программа же (и план действий) – завершающий этап этой работы.

На вопрос А. С. Барсова о труде, стоимости и потребительной стоимости при коммунизме можно сказать следующее.

Труд и стоимость отнюдь не одно и то же. К. Маркс впервые в истории человечества последовательно различил труд конкретный, создающий потребительную стоимость, и труд абстрактный, создающий стоимость. Стоимость – есть продукт абстрактного труда, воплощенный в продукте конкретного труда.

Труд абстрактный, как впервые показал К. Маркс, представляет собой **исторически определенное общественное отношение**. Он существовал в истории человечества не всегда и исчезнет с переходом к собственно коммунистической стадии подлинной истории человечества.

Потребительная стоимость берется К. Марксом в «Капитале» не сама по себе, а в связи с рассмотрением именно капитала

постольку, поскольку потребительная стоимость и создающий ее конкретный труд включаются в движение капиталистических производственных отношений.

Производство вещей, предметов, способных удовлетворять какую-либо потребность, т. е. производство потребительных стоимостей («потребительных полезностей»), имеется в любом человеческом обществе, в том числе и коммунистическом.

Стоимости же и порождающей её абстрактного труда на зрелой стадии коммунизма не будет.

Стоимостные отношения достигают при капитализме своего наивысшего развития. Вместе с тем, при капитализме они постепенно и в определенной степени вытесняются, сохраняя, однако, господствующее положение.

Иначе говоря, стоимость постепенно и в определенной степени вытесняется уже в рамках своего господства, в пределах капитализма. В общем и целом изживаются стоимостные отношения на уровне предприятий. Цех с цехом не вступают в отношения обмена товаров, а происходит прямое распределение.

В период монополистического капитализма конца XIX – начала XX веков прямое распределение в известной мере переходит на уровень монополий.

Образованием и распространением транснациональных корпораций аналогичный характер отношений образуется и на этом уровне.

Но речь может идти только о предпосылках исчезновения стоимости при капитализме, а не об уничтожении стоимости в целом, речь идет о законе-тенденции и притом именно на стадии подготовки (начала) исчезновения стоимости.

Что же касается тенденции к уменьшению стоимости в единицах произведенной конкретным трудом продукции, то К.Маркс ее исследует, когда рассматривает относительную прибавочную стоимость: переменный капитал по мере развития производительных сил в пределе стремится к нулю, а постоянный капитал – к бесконечности. Тем самым самодвижение капитала, которое и осу-

ществляется переменным капиталом, создает себе пределы своего существования. Движение к этому пределу – при прочих равных условиях – бесконечно. Здесь видно, что капитализм автоматически не рухнет, а нужна сила, которая устранил капитализм. Условия для образования такой силы вызревают по мере развития капитализма. Впрочем, это уже специальная тема.

При каких условиях может быть преодолена стоимость?

Тогда, когда будет преодолена хозяйственная обособленность субъектов хозяйств. А что лежит **в основе** хозяйственной обособленности? Обособленность (в развитом виде противоположность и противоречие) разных видов труда, т. е., если воспользоваться принятым ныне словоупотреблением, разделение труда. О процессе преодоления разделения труда я надеюсь написать в будущем. Это тоже специальная и весьма сложная тема.

И, наконец, о соотношении необходимости и случайности в историческом процессе. Этот вопрос задавал А. В. Чусов.

Возникновение и развитие раннего социализма – естественно-исторический (но не автоматически совершающийся) процесс. Он складывается как равнодействующая деятельности масс людей¹, которая совершается при определенных условиях.

Естественноисторический процесс закономерен. Однако законы не абсолютны. К сожалению, отсутствует понимание того, что **сами законы проходят стадии своего развития, сами законы возникают, формируются, исчезают**. Если встать на такую позицию, то существенно меняются методология и форма развития. Случайность и необходимость не просто едины в своем различии, но на разных стадиях процесса развития сама их взаимосвязь развивается, проходя различные стадии.

Если мы рассмотрим ранний социализм, то увидим, что существует его и политическая, и экономическая необходимость, как существует и политическая, и экономическая необходимость ранней социалистической революции. В России, например, именно

---

¹ Каждый из них стремится удовлетворить свои потребности, преследует свои цели и т. д.

главным образом экономическая необходимость обусловила переход страны к раннему социализму: крайнее обострение экономических (и, конечно, политических) противоречий мирового капитализма, а также крайнее обострение экономических (и, конечно, политических) противоречий внутри нашей страны.

В.И. Ленин, на мой взгляд, достаточно убедительно показал, что преодолеть грозящую (экономическую, прежде всего и главным образом) катастрофу можно было только на пути социалистического развития России.

Великая Октябрьская социалистическая революция ни в коем случае не заговор, не сугубо политическая акция, не опиравшаяся на экономическую необходимость. «Заговор», выразивший конкретные потребности широчайших масс населения, поддержанный ими, — на самом деле не заговор, а самая настоящая революция.

Революционное движение масс в России в 1917 году было вызвано главным образом жесточайшими экономическими противоречиями, жесточайшей экономической нуждой, условия для преодоления этой нужды в России в определенной степени уже возникли.

С точки зрения развития производительных сил и России, и всего мира в целом, экономические и политические условия для ранней социалистической революции, для образования раннего социализма **уже имелись**. Но именно для **ранней** социалистической революции, для **раннего** социализма. А для **позднего** социализма **таковых условий не было**. Между тем, понимания того, что в своем развитии социализм может пройти два этих этапа, не было, социализм не подразделялся на ранний и поздний. С этим, между прочим, связана и некоторая неадекватность социалистической теории и практики того времени, реально существующей общественной жизни, реальной стадии развития производительных сил.

Итак, экономическая необходимость и была, поскольку она находилась на такой стадии развития, когда стали необходимы ранняя социалистическая революция и ранний социализм, и эконо-

мическая необходимость недостаточно развилась, ибо не сложилась экономическая необходимость поздней социалистической революции, позднего социализма.

**Вступительное слово
на II ежегодной теоретической конференции
Международной логико-исторической школы.
МГУ им. М.В. Ломоносова –
Современная гуманитарная академия. 2003 г.**

Мы должны представлять себе, что период, который мы сейчас переживаем, с точки зрения революции, – период заканчивающихся ранних социалистических революций и период подготовительный к поздним социалистическим революциям. Я думаю, что в настоящее время наиболее важной стратегической задачей, с точки зрения развития общества, или, по крайней мере, одной из важнейших стратегических задач является теоретическая подготовка к новому этапу исторического развития общества, к этапу поздних социалистических революций, позднего социализма. В настоящее время термин «ранний социализм» запущен в обиход, но он так и не разработан по сути дела. Его подхватили, но совершенно не разработали. Что касается термина «поздний социализм» то о нем представлений еще меньше. Но, на мой взгляд, сейчас уже можно с почти полной уверенностью назвать некоторые черты позднего социализма, поздних социалистических революций, и начать теоретическую подготовку к этому этапу.

Сейчас многие ощущают, что прежняя идеология исчерпала себя если не полностью, то во многих существенных чертах, в том числе и та идеология, на которую я опирался и буду опираться – марксизм.

Марксизм с каждой исторической эпохой, с каждым даже великим открытием в области естествознания, как писал Энгельс, должен менять историческую форму. В настоящее время, после Маркса, Энгельса и Ленина, не только произошли очень многие

великие открытия в естествознании, но и существенным образом изменилось общество. Поэтому та историческая форма марксизма, которая существует до настоящего времени, хотя она и не усвоена, на мой взгляд, по крайней мере достаточно, должна быть развита, и только в процессе этого развития марксизма в связи с новыми явлениями и общественной, и естественной науки, с изменениями в обществе, можно будет создать теорию, которая станет мировоззрением движения к позднему социализму.

Ныне многие понимают, что левой идеологии по сути нет. Левая идеология существует либо в форме догматизма, либо в форме смешения некоторых элементов догматического марксизма с социал-демократическими представлениями и с представлениями либо буржуазными, либо добуржуазными. В народе понимают, что идей, которые могли бы объединить народ, в частности российский народ, нет. Искусственно создать такие идеи невозможно, это пытались сделать, но это невозможно. Настоящие идеи вытекают и должны соответствовать объективным условиям развития общества, не данного этапа, а истории развития человечества в целом. И тогда они будут восприняты народом и поняты народом, как свои собственные.

Сейчас, как я уже говорил, ни у одной левой партии нет идеологии, соответствующей нынешнему уровню развития общества. В том числе, и у самой массовой до сих пор партии – КПРФ. И выборы в Думу ярко показали, что на фоне более сознательного отношения к этим выборам, на фоне даже определенной концепции правящих сил, у КПРФ не было своей концепции. Полная рыхлость, полная неотчетливость понимания стратегических целей, если таковые есть. Полное отсутствие теоретических разработок. В этом отношении КПРФ резко отстает в технологии разработки теоретических целей и тактики от буржуазных идеологов.

Если вы наблюдали за дебатами на этих выборах, вы, наверное, видели, что самым ярким пропагандистом КПРФ был адвокат Юрий Иванов. Но ведь он в основном нападал, он не высказывал позитивных идей. Причем нападал с точки зрения устоявшейся

формы марксизма. Что же касается Зюганова, — это вообще какой-то кисель, неизвестно из чего приготовленный. Лучше бы он, конечно, не выступал. Но он выступал чаще, чем кто-либо другой. И это поражение, между прочим, — пример того, что нет современной идеологии. У КПРФ, и главным образом у Г.А. Зюганова, есть некоторые черты марксизма, а также черты социал-демократизма, общинной идеологии, религиозной идеологии; чего там только нет. И что в результате произошло? Власть восприняла многое из этого, как бы оппозиционного, и обратила против коммунистов. И они в полной растерянности, руководство в полной растерянности. Это видно даже по их лицам. Отчего это произошло? Между прочим, оттого, что своей собственной идеологии, своей собственной позиции, принципиально отличной от позиции всех остальных, нет.

Одни говорят, что это поражение, другие — что неудача. Я думаю, что это не просто неудача. Неудача зависит больше от случая, а здесь зависимость не только от условий, в которых действует партия, но еще и от того, что эта партия не занималась ни теорией, ни обучением своих кадров стратегии и тактике, а положила на стихию. Куда вывезет, туда вывезет.

Сравните разные электоральные кампании — они практически ничем не отличаются. То есть, КПРФ не извлекала уроков из прошлого. Сплошная стихия. Но эта стихия чревата тем, что в очередной раз был подвергнут сомнению авторитет коммунистов, их сила, их влияние, их идеология. Произошло значительное разочарование. С кем я ни говорил из людей, относящихся положительно к коммунистам, — все они глубоко разочарованы руководством КПРФ. Нельзя так мямлить, нельзя проводить непринципиальную политику. Коммунистическая партия должна быть постоянно принципиальной. Это единственная партия, которая может по своему положению это делать.

Другие партии открыто этого делать не могут.

В частности, Путин — посмотрите, какую двойную политику он ведет. С одной стороны, он либерал, он за дальнейшую приватизацию, он против деприватизации, а с другой стороны — госу-

дарственник, патриот и т. п. Народу вкладывают одно представление, реально действуют совсем по-другому. Можно сказать, в ряде случаев, — противоположным образом.

Все это я говорю к тому, что теория сама по себе, конечно, не нужна. Если теория становится самоцелью, она не нужна. Теория нужна, в данном случае — это, конечно, не самая главная стратегическая цель, но, тем не менее, одна из стратегических целей, — для подготовки перехода к позднему социализму и дальнейшего движения по пути коммунизма.

Но при этом хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что теория сама по себе развиваться не может. Если люди, занимающиеся теорией, полностью сосредоточиваются на теории, то они превращаются в секту. Так что одновременно с развитием теории необходима как минимум пропаганда (и тут тоже надо знать меру соответствия уровню развития теории, уровню тех, для кого она предназначена).

И эти конференции я для себя рассматриваю как зародыш кружка или школы, который может работать в этом направлении. На начальном этапе может быть больше неудач, чем удач, на это не нужно обращать особого внимания. Надо учиться в ходе этого развития и не закосневать в своих ошибках, в своих неверных представлениях.

Реакция на выступление С.И. Рудакова.

Мы уже обсуждали вопрос об историческом материализме. До тех пор, пока существует классовое общество, от исторического материализма никто не может отказаться. Но, в то же время, в обществе назревают предпосылки другого общества, бесклассового. С этой точки зрения будет возникать и новое представление об обществе. Но для того, чтобы это новое представление возникло, нужно довести до предела материалистическое понимание истории. У Маркса, Энгельса и Ленина тем более, материалистическое понимание истории не было полностью развито. Можно было бы даже сказать, на каком уровне материалистического понима-

ния истории остановился Маркс. Маркс, конечно, не та фигура, чтобы критиковать его просто так. Если позволит здоровье, я напишу об этом. Сейчас я хочу сказать только, что, именно с точки зрения материалистического понимания истории, нынешний марксизм еще недостаточно развит, но уже возникает необходимость — в более далекой перспективе — перехода к чему-то другому.

Я не буду выступать по поводу того, возможна или невозможна у нас в России победа капитализма, когда капитализм по сути дела уже практически победил. Но мне кажется, при решении этого вопроса, стоит оставаться на классовой точке зрения, о чем забывают или по тем или иным причинам обходят, как кот горячую кашу. Я имею в виду Зюганова и руководство КПРФ. Без решения этого вопроса нельзя определить, какой у нас сейчас строй побеждает или победил и может ли он, если он есть, победить. Без идеи классовой борьбы нельзя решить этот вопрос. Причем, в Конституции записано, что за разжигание социальной розни полагается определенная статья. Закрыли начисто, конституционным путем самую суть явления и самую возможность подхода к этой сути. Они знают, где содержится главная опасность для них.

А для руководства КПРФ — это, как будто, само собой разумеется. Начинают говорить о религии, о том, о сем, а о классовой борьбе — ни слова. На одном из Пленумов Зюганов заговорил о классовой борьбе; это было самое классовое из его выступлений. Но на этом дело и закончилось.

Я участвовал в разработке первого варианта программы партии, который потом был устранен партийными чиновниками. Через некоторое время после этого ко мне подошёл один наш бывший выпускник (он входит сейчас в какую-то фирму, которая ворочает огромными суммами) и говорит: «Что это ваш Зюганов говорит о классовой борьбе? Вы думаете, мы его поддерживать будем финансами? О чем он думает?»

И о какой классовой борьбе может идти речь, и о каком понимании сути дела может идти речь, если посмотреть на избирательный список КПРФ? Посмотрите, сколько там было предпри-

нимателей! Говорят – денег нет. Ну, если вы будете приобретать деньги таким образом, то о классовой борьбе забудьте. Не будет никакой классовой борьбы. А если не будет классовой борьбы и будут ходить вокруг да около и ничего о ней не говорить – то как можно победить? Партия перестает быть коммунистической. И что тогда может сказать Г.А. Зюганов принципиально отличного от какого-нибудь буржуазного либерала или какого-либо национал-патриота? И он мямлит, потому что не может стать на определенную позицию. Вот этот подспудный союз с крупным ли капиталом, со средним ли капиталом, с мелким ли капиталом, переходящий определенные границы, не дает возможности теоретически осознать то, что происходит в стране, и ее перспективы. И это далеко от марксизма – прежнего и того, который надо развивать. Идея классовой борьбы – это одна из основных идей.

Мы говорим о Путине: Путин против Ходорковского. Надо говорить о том, что у нас существует определенный класс, уже господствующий. И олигархи – это путаное слово, введенное кем-то, запутывающее суть дела – крупные капиталисты, монополисты, капиталистические монополисты. И надо прямо и открыто об этом говорить. А назвав этих людей олигархами, завуалировали классовую суть. Олигархи, помимо того, что владеют крупным капиталом, еще лезут во власть. Путин отсекает их, он человек властный, да и у него своя группа есть, которая сейчас обеспечивает себе будущее в денежном отношении.

Сейчас как будто наблюдается борьба с некоторыми из олигархов, но дело заключается не в том, что идёт борьба с крупным капиталом, как таковым, а о разделе и переделе собственности. И это главное. Капитализм оформляется, переходит к последнему этапу формирования господствующего класса.

Как это будет воспринимать народ? Народ, тем более если ему говорить такие киселеобразные мысли, ничего не понимает. Я разговаривал с людьми. Говорят: «Я больше ни за кого голосовать не буду», хотя женщина прокоммунистически настроена. Другой говорит: «Мне все безразлично, все они одинаковы». Коммунист-

тическая партия должна четко и ясно отличаться от всех остальных партий без исключения.

И об этом надо постоянно говорить, тем более руководителю партии. Тогда не будет двойственности.

Ведь нет «общества» единого. Общество социально раздроблено. КПРФ не изучает классовый состав общества, процесс формирования классов, осуществляющийся после капиталистической контрреволюции, о действительных интересах различных классов и слоев общества мало что известно. А то, что известно, “ мало осмысленно. Какие слои, классы, их взаимоотношения, на самом деле “ об этом мало что известно. Опросы мало о чем говорят, тем более, что они часто подтасовываются. Идея классовой борьбы — это не просто идея. Это *руководящая идея*, которая позволяет понимать общество, изучать общество, создавать трезвые представления об обществе и о перспективах его развития. Нет этого — нет трезвого понимания общества.

О НЕОБХОДИМОСТИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО СНЯТИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОРМЫ МАРКСИЗМА

**(Доклад и ответы на вопросы на III ежегодной теоретической конференции Международной логико-исторической школы. МГУ им. М.В. Ломоносова –
Современная гуманитарная академия. 2004 г.)**

Сегодня я хочу высказать некоторые, может быть, даже критические соображения по поводу взглядов К. Маркса и В.И. Ленина. И К. Маркса, и В.И. Ленина я считаю, конечно, первоклассными гениями. Я считаю, что они сделали необыкновенный в истории человечества прорыв в теории. Совершенно необыкновенный. Маркс открыл новую теоретическую эпоху, можно сказать, эру, которая отнюдь не закончилась в XIX веке, она продолжалась и в XX, и будет продолжаться в XXI, и в XXII, и в XXIII веках... Многие идеи Маркса останутся живыми столетия.

Но, тем не менее, в какое-то время появилась историческая необходимость определённого «снятия» классической формы марксизма. Как известно, Фридрих Энгельс писал, что даже с каждым великим открытием в естествознании, марксизм принимает или должен принимать новую историческую форму. После смерти К. Маркса, даже после смерти В.И. Ленина в мире произошли колоссальные изменения, и, прежде всего, появился новый общественно-экономический строй, социалистический строй, появилась первая фаза коммунизма. Другое дело, что это был ранний социализм. Надеемся, что будет ещё и поздний социализм, ранним социализмом история не завершила свою работу.

К. Маркс творил в условиях, когда нового общества не было, мы же прошли путь, когда оно возникло, расцвело и погибло в нескольких странах мира. Главным образом поэтому мы находимся на новом историческом этапе, нам открываются новые возможности исследования и социализма, и коммунизма, и истории человечества в целом. К. Маркс вынужден был, осознавал он это или нет, делать акцент на *отрицании капитализма*. После появления и расцвета, а также гибели социализма в нескольких странах есть возможность перенести акцент с отрицательных аспектов на положительные, то есть на специальное рассмотрение нового общества. Проблема отрицания капитализма, с такой точки зрения, предстаёт глубже и несколько иначе. И предмет это позволяет делать. Но может показаться, и наверняка возникнут возражения по поводу того утверждения, что К.Маркс занимался, главным образом, проблемами *отрицания* капитализма.

Высказанное утверждение нередко воспринимается так, будто я говорю, что К. Маркс занимался *только* проблемами *отрицания* капитализма. Речь же, на самом деле, идёт о том, что он занимался этими проблемами главным образом и что *историческая ограниченность предмета исследования приводила к некоторым необходимым абсолютизациям*. К. Маркс, естественно, исследовал не только капитализм, он осуществил предвидение будущего общества, и он исследовал также в той или иной мере и докапиталистическое состояние общества. Я постараюсь это в какой-то степени показать. Однако полностью это сделать невозможно, это отдельная, очень большая тема. Марксизм – теоретическое, очень сложное образование, более сложное, чем какое-либо другое теоретическое образование. И все же я постараюсь показать, что есть во взглядах К. Маркса исторические, я подчёркиваю, исторические, то есть определённые ограниченности *эпохи*, а не индивидуальные ограниченности. Всякая теория ограничена своей эпохой, но подробнее об этом немножко позже. Сейчас же я хочу сказать о том, когда появилась *необходимость диалектического снятия* марксизма. В эпоху К. Маркса и в эпоху В.И. Ленина такой необходи-

мости, в общем и целом, не было. И марксисты, когда обращались к трудам К. Маркса, главным образом, стремились к пониманию К. Маркса. Даже в известном афоризме В.И. Ленина о том, что нельзя вполне понять «Капитал» К. Маркса, не исследовав, не изучив *всей* Логике Гегеля, речь идёт о *понимании* «Капитала». Именно В.И. Ленин в том же афоризме писал, что никто из марксистов, спустя полвека после выхода в свет «Капитала», не понял его.

Между тем, речь идет о главном произведении марксизма, его фундаменте. Согласно В.И. Ленину, марксисты не поняли «Капитал» потому, что не поняли его диалектического метода, его Логике. В.И. Ленин написал этот афоризм спустя несколько десятилетий после издания I тома «Капитала», но положение существенно не изменилось и после написания этого афоризма В.И. Лениным. Положение с пониманием метода «Капитала» оставалось прежним. После смерти В.И. Ленина и до Великой Отечественной войны в Советском Союзе все, кто так или иначе занимался методом Логике «Капитала», в лучшем случае излагали *прямые* высказывания К. Маркса о методе, Логике «Капитала» и, в первую очередь раздел о методе политической экономии из «Введения к экономическим рукописям 1857–1858 гг.». А надо сказать, что понимание метода, Логике «Капитала» непосредственно подводило к диалектическому «снятию» марксизма, к творческому освоению самых глубоких основ марксистской теории.

После Великой Отечественной войны в СССР, именно в СССР, начался период освоения метода, Логике «Капитала», тем самым образовались теоретические предпосылки для перехода к диалектическому «снятию» классической формы марксизма. Первым в послевоенное время стал изучать метод, Логик «Капитала» М.М. Розенталь. Он первым наиболее полно собрал и, отчасти, классифицировал высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина о методе, Логике «Капитала». Большинство марксистов как после войны, так и до неё, в основном, старались понять, изложить, рассказать идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Подход к К. Марксу марксистов в других странах отличался не

существенно. После войны М.М. Розенталь собрал, по сути дела, все высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина о методе «Капитала», о методологии «Капитала», опубликовал их, и это было шагом вперёд.

Первым и единственным (за исключением, пожалуй, в какой-то мере, Л.А. Маньковского) человеком, который начал подходить к *теоретическому* осмыслению «Капитала», был Э.В. Ильенков. Но, к сожалению, Э.В. Ильенков остановился, в основном, на «Введении к экономическим рукописям 1857–1858 гг.» К. Маркса и примерах из «Капитала». Но и у него, в его работе, по сути дела, осуществлялась в качестве главной задача – *понять метод К. Маркса. Понять то, что явно есть*. А между тем, у самого К. Маркса, когда мы приступаем к рассмотрению этого «Введения» и, в том числе, его раздела о методе политической экономии, имеются противоречивые суждения о методе политической экономии, но не вполне явные.

Когда Э.В.Ильенков был аспирантом и начал вести спецкурс, и мы, пятикурсники (в числе их были В.А. Лекторский, Г. С. Батищев, нас было меньше семи человек), пришли на спецкурс, у меня ещё тогда возник вопрос по поводу высказывания К. Маркса о том, что единственно правильным в научном отношении методом является метод движения от простейших отношений к сложным, то есть метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Сомнение возникло, но в каком смысле? Сомнение возникло в связи с тем, что говорил Э.В. Ильенков по этому поводу.

Обаяние К. Маркса было настолько велико, что несогласие с К. Марксом я перенёс на Э.В. Ильенкова. Интерпретацию Э.В. Ильенковым К. Маркса, которая вполне соответствовала смыслу высказывания классика, я приписал Э.В. Ильенкову. Когда я выразил своё несогласие с его интерпретацией этого высказывания К. Маркса, он ответил, что, после того как диалектика осознана, необходимость специального этапа движения от сложного к простому, вплоть до простейшего не является необходимостью,

не является таким периодом в развитии, который предшествует восхождению.

Но позднее я заметил, что у Маркса есть определённые ограниченности, я бы назвал их *историческими ограниченностями* в понимании и метода восхождения от абстрактного к конкретному, и движения от поверхности к сущности.

Мы имеем в сознании не просто хаотическое нагромождение каких-то представлений, восприятий, но, с самого начала его организуем в той или иной степени, в соответствии с некоторой определённой потребностью в познании исследуемого объекта. По мере продвижения от сложного к простому, от хаотического представления о целом к абстрактному мы строим сначала догадку, затем гипотезу. А это всё есть движение, в своеобразной форме противоположное движению от хаотического представления о целом к абстрактному, от сложного к простейшему.

По существу недооценка роли и значения этого движения проявилась и в высказывании К. Маркса относительно лишь формального отличия метода изложения от метода исследования.

Между тем, движение познания с самого начала идёт в противоположных направлениях. Это два противоположно направленных движения. И совершаются они в единстве. Когда этот путь завершён, и познание пришло к выделению простейшего отношения, начинает преобладать движение от простейшего ко всё более сложному. От абстрактного к конкретному. Но здесь, опять-таки, сохраняется *противоположное движение познания*. Если на первом пути (от хаотического представления о целом к абстрактному) доминировал анализ, а синтез играл подчинённую роль, то на втором пути (движение от абстрактного к конкретному) синтез играет доминирующую роль, *но и анализ не исчезает совсем, а осуществляется в единстве с синтезом*. Имеют место, опять-таки, противоположные движения познания, осуществляющиеся во внутреннем единстве друг с другом. Таким образом, если недооценивать движение от хаотического представления к абстрактному (или не придавать этому научного значения), это значит уст-

ранять одно из противоположно направленных движений. Это значит также недооценивать диалектики этого процесса.

Что касается Г. Гегеля, то он, по сути дела, не понял действительного значения и роли движения от сложного к простому, от хаотического представления о целом к абстрактному. Это движение познания совершается не просто в единстве противоположностей, но и спиралевидно. В результате познание как бы приходит к исходному пункту, но на существенно ином уровне. И, если изобразить движение познания схематически, оно будет отображено в форме двойной спирали.

К. Маркс во «Введении» рассматривает предмет политэкономии. А политэкономия до К. Маркса двигалась преимущественно от хаотического представления о целом к абстрактному, к выделению простейшего отношения капитализма. После того, как она подошла к выделению простейшего отношения (прежде всего, в лице А. Смита), начались попытки осуществления познания в обратном направлении – от абстрактного к конкретному (Д. Рикардо). По сути дела, речь шла о подходах к рассмотрению капитализма как единого целого, т. е. о первых шагах такого рассмотрения. Но продвинуться достаточно далеко и, тем более, представить зрелую теорию капитализма как единого целого буржуазная политэкономия не могла.

В области философии аналогичную попытку предпринял Г. Гегель. Он попытался представить мир идей современной ему эпохи как «единство многообразного», как мысленно конкретное. Но, поскольку возможности отрицания капитализма как целого в его эпоху ещё не проявились, то Г. Гегель, изображая современный ему мир идей в целом, представил этот мир как процесс развития, происходящий на неизменной основе. В таком случае развитие не может быть представлено как реальное. Оно может происходить только в мире идей. Другими словами, развитие мира идей Г. Гегелю представлялось как раз и навсегда данное, как изначально существующее, то есть, идеалистически, а не как порождённое реальным историческим процессом бытия.

Отрицание существующего ему совершенно необходимо представлялось как отрицание отрицания в сфере только мышления.

Таким образом, сама историческая эпоха вынуждала мыслителя к этой ограниченности, к этой противоречивости. С одной стороны, он мог, в общем и целом, постичь действительность только как существующую, неизменную, а потому и тем самым как идеалистически понятую. А с другой стороны, он пытался постичь её в целом, как единство многообразного, то есть диалектически. Противоречие Г. Гегеля не было произволом великого мыслителя, оно обуславливалось ограниченностью современного ему общества капитализма.

Следующий коренной шаг в развитии диалектического метода и в постижении капиталистической действительности был возможен только в другую эпоху. В ту эпоху, когда на арену политической борьбы стремился выступить как самостоятельная историческая и политическая сила рабочий класс. Это означало, что стали проявляться возможности отрицания капитализма как целого. К. Маркс чутко уловил значение этой исторической тенденции и встал на позиции рабочего класса, то есть на позиции отрицания капитализма как целого. Это давало принципиально новые возможности в осмыслении диалектики капиталистической действительности.

Теперь вопрос об отрицании можно было ставить не только в плане чисто логического отрицания существующего мира идей и возвращения к нему как бы в «снятом» виде, но и как реального процесса отрицания.

К. Маркс в рукописи «К критике гегелевской философии права» сформулировал это афористично: Гегеля интересует дело *ЛОГИКИ*, а между тем нужно исследовать логику *ДЕЛА*. Поскольку сам К. Маркс стоит на позиции, главным образом, отрицания, то уже здесь проявляются некоторые *исключающие противопоставления* того и другого.

Уже в 1843 году в этой рукописи в некоторой степени проявляется исключаящее противопоставление своей логики логике Г. Гегеля. Здесь К. Маркс существенно продвинулся по сравнению с Г. Гегелем в понимании Логики, но на его понимание некоторую ограниченность накладывает новая эпоха.

Подобная историческая ограниченность обнаруживается и в понимании К. Марксом соотношения движения познания от хаотического представления о целом к абстрактному и от абстрактного к конкретному.

Живя в существенно более прогрессивную эпоху, чем Г. Гегель, К. Маркс сумел осмыслить её характер, возможности и создал целую конкретную науку, реально отображающую предмет способом восхождения от абстрактного к конкретному. Тем самым он представил этот способ не как движение чистой мысли, а как движение мысли, отображающее каждым своим шагом реальную действительность, реальную капиталистическую действительность. Таким образом, он понял способ восхождения от абстрактного к конкретному более последовательно, чем Г. Гегель, и более диалектично. Ибо К. Маркс придал существенное значение не только способу восхождения от абстрактного к конкретному, но и противоположному способу – движению мысли от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному.

У К. Маркса, в отличие от Г. Гегеля, мысль не рождается исключительно из мысли, не идёт самопорождение мысли мыслью, но, как у действительно познающего человека, всё время витает в живом созерцании реальный предмет. И, следовательно, движение от абстрактного к конкретному является не только этим движением, но и движением от живого созерцания к мысли. В то время как у Г. Гегеля движение от живого созерцания к абстрактному носило формальный характер. Он не придавал этому существенного значения. Здесь проявляется отрыв от реального предмета, от реальной действительности. Здесь проявляется идеализм Г. Гегеля и его метафизичность.

К. Маркс творил в эпоху, когда общества более совершенного, чем капитализм, — коммунистического общества — ещё не было. Поэтому о коммунизме можно было говорить на основании отрицания капитализма. А капиталистическое общество налагало отпечаток на уровень и характер взглядов К. Маркса на коммунизм. И на капитализм тоже. Если же общество познаётся на основании его отрицания, то это познание не является таким, когда могут быть поняты самые глубокие его основы.

Чтобы это в какой-то степени пояснить, обратимся к соотношению религии и атеизма. Атеизм по своему прямому смыслу — отрицание религии. Но атеизм существует до тех пор, пока существует религия. Если нет религии, исчезает и атеизм. Атеизм существует тогда, когда условия отмирания религии возникли, но завершения их формирования не произошло. Эти условия ещё сохраняются в таком виде, когда религия не исчерпала полностью своих социальных функций. То есть наличие атеизма предполагает ещё сохраняющиеся условия существования религии. Отрицание религии необходимо предполагает существование своей противоположности. Вместе с тем, их отношения это отношения *исключающего* противопоставления друг другу. Это противоречие ещё незрелого отношения противоречивых сторон друг к другу. С созреванием этого отношения исчезает и то, и другое. Когда религия полностью преобразуется (исчезнут условия существования религии и, следовательно, сама религия), перестаёт быть необходимым её отрицание.

Подобно этому, если в теории, вследствие уровня и характера эпохи, акцент приходится делать на отрицании этой эпохи, то здесь тоже возникает такое же *исключающее* противопоставление взглядов с позиций отрицания капитализма и взглядов с позиции утверждения капиталистического общества. Но *исключающее* противопоставление противоположных сторон друг другу (при том, что они не могут существовать друг без друга) капитализм не может не породить. Как он не может не породить и отрицательное к себе отношение. А отрицательное отношение к капитализму име-

ет существенное значение только в том случае, когда существует капитализм.

Исключающее отношение противоположных сторон друг к другу неизбежно. И это есть разрыв между ними. Можно сказать, непримиримая противоположность между ними. То есть, *исключающая* противоположность. Это, вместе с тем, “ нарушение связи.

Сложность понимания этого вопроса заключается в том, что они (противоположные стороны) и необходимо предполагают друг друга, и, вместе с тем, между ними существует разрыв. Нарушение единства.

Такое отношение имеет место и в реальной действительности между людьми, стоящими на позициях капитализма, и людьми, отвергающими капитализм. И в теоретическом отображении эти отношения у любого, даже у гениального человека и даже сознательно применяющего диалектический метод, порождают моменты, противоположные диалектике. И моменты эти имеют существенное значение.

У К. Маркса есть уже упомянутое утверждение о том, что единственно правильным в научном отношении является способ восхождения от абстрактного к конкретному. Отсюда следует, что движение от хаотического представления о целом и от чувственно-конкретного к абстрактному научного значения не имеет. Но тогда можно подумать, что вся классическая буржуазная политическая экономия не имеет научного значения. В данном случае проявляется, главным образом, негативное отношение к буржуазной политической экономии. Здесь проявляется историческая ограниченность понимания К. Марксом классической буржуазной политической экономии. В то время как несколько ранее К. Маркс, по сути дела, в познании следует от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному и в области предшествующей ему политической экономии, и в области метода. Это означает, что движение от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному является правильным в научном отношении.

Таким образом, имеют место два противоположных друг другу понимания К. Маркса. В первом содержатся утверждения, что движение от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному неправильно в научном отношении, а значит, неправильно движение предшествующей ему классической политэкономической мысли. А во втором “ неявно, но по существу признаётся правильность этого научного движения.

Данное противоречие К. Марксом не осознаётся. И это обусловливается исторической ограниченностью эпохи.

Утверждение, что способ восхождения от абстрактного к конкретному единственно правильный в научном отношении является, тем самым, отрицанием статуса научности движения от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному.

Такой подход представляет собой ещё не до конца преодолённый взгляд Г. Гегеля на проблему движения мысли от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному. Г. Гегель не придавал реального, существенного значения способу движения от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному, когда такое движение находится на стадии преобладания по отношению к движению от абстрактного к конкретному. В мистической форме это изображено в «Феноменологии духа». В соответствии с гегелевским взглядом на соотношение этих движений движение от абстрактного к конкретному необходимо представляется как некое изначально априорное движение. И оно становится действительно таковым, если движение от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному рассматривается как неправильное в научном отношении.

К. Маркс по поводу способов исследования и изложения писал, что изложение результатов может показаться априорным. Действительно, с моей точки зрения оно потому и кажется априорным, что изображение предмета начинается сразу с восхождения. При

этом происходит отвлечение от собственно самой диалектики этого процесса, от единства этих противоположных движений.

Моё осмысление априорности некоторых положений марксизма (в прежде существующей исторической форме марксизма) начиналось не с трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, а со знакомства с работами советских марксистов.

На третьем курсе философского факультета я пришёл к кризису из-за априорности, но не той априорности, о которой речь шла выше в связи с рассмотрением взглядов К. Маркса, а пустой, поверхностной априорности содержания учебников и другой советской философской марксистской послевоенной литературы, в том числе, и очень популярного учебника, так называемой «Серой лошади».

Философия в этом учебнике представала как игрушка, как искусство для искусства. Но не как средство преобразования общества. Авторы этого учебника наполняли головы сведениями разного рода, а зачем наполняли, непонятно. К этой же категории авторов можно отнести и Т.И. Ойзермана. Когда он нам читал спецкурс по классической немецкой философии, то это был пересказ, поверхностный пересказ работ классиков немецкой классической философии. У меня возник кризис, и я начал читать (это было уже на четвёртом курсе) диссертации, которые тогда на философском факультете каждому студенту по читательскому билету были легко доступны. Как раз в то время диссертацию написал Э.В. Ильенков. Диссертация лежала в библиотеке факультета. Очень интересная диссертация была подготовлена А.Л. Субботиным. Определённый ажиотаж вызвала диссертация А.А. Зиновьева. На меня эта работа произвела впечатление пустой. А вот, что касается Э.В. Ильенкова, то он будил мысль, это была единственная работа, в которой ощущалась живая мысль, в которой ощущалось, что человек думает над реальными проблемами. Вот после этого я занялся «Капиталом», детально изучал, и диплом посвятил простейшим отношениям в первом отделе I тома, а главным образом, в первой главе «Капитала».

Почему я об этом вспомнил? Э.В. Ильенков возбудил интерес к методу исследования политической экономии, к экономическим работам К. Маркса и Ф. Энгельса. И когда я стал внимательно знакомиться с этими работами, мне показалось, что Ф. Энгельс не вполне понял логический способ исследования К. Маркса, не вполне понял проблему исторического и логического. (Потом я высказывал это на университетском Совете по изучению законов и категорий социализма, под руководством Н.А. Цаголова.) А именно он полагал, что К. Маркс следует за *историей* развития форм стоимости. В то время как К. Маркс не следовал за *историей* развития форм стоимости. У К. Маркса была другая *логическая* задача, рассмотрение этих форм в логическом аспекте, т.е. в том аспекте, в том содержании этих форм, которое сохранилось в *зрелом* предмете. А не историю он специально изучал и не из истории он выводил логику.

Сам К. Маркс во «Введении» говорил, что логические категории отражают роль и значение сторон исследуемого предмета именно в данную историческую эпоху. В рецензии Ф. Энгельса на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» тоже есть такое высказывание, что Маркс историю буржуазного общества не мог подробно изучать, потому что эта работа была бы бесконечной, а вот можно было идти за литературой, появлявшейся в этом обществе. И историческое на самом деле, и логическое исследовать логическим способом, т.е. брать каждый момент в его зрелости, в высшем его развитии, в чистом виде. Это будет то же самое, что исторический способ, но только освобождённый от исторических случайностей, зигзагов, перерывов, от исторической формы. Так вот, мне думается, и я говорил об этом на Совете Н.А. Цаголова, и сейчас у меня такое убеждение осталось, что это не вполне правильное, недостаточно глубокое понимание исторического метода. Если мы попробуем «опрокинуть» логический способ, вот те же самые категории «поверхности», «сущности», «явления» и «действительности» на прошлое, то окажется, что это прошлое имеет такую специфику, которая является существенной

сама по себе и для понимания логического способа исследования. То есть необходимо идти от логического способа исследования, который использовал К. Маркс, и в этом сказалась его громадная интуиция и очень глубокое понимание задач, которые следовало решать, от изучения логики предмета, логического подхода, к историческому способу. Исторический способ *не сводим* просто к описанию истории, к описанию случайностей, перерывов и зигзагов (это всё надо делать), а предпринимается для того, чтобы понять, какие стадии явление проходило. Когда вы накладываете логическое рассмотрение на историческое, не придавая существенного значения историческому рассмотрению, не понимая, что историческое рассмотрение должно быть углублением логического рассмотрения, а не просто иллюстрацией логического рассмотрения, тогда просто уходит из внимания изучение предмета как единого исторического процесса, в котором развитие происходит в ходе смены существенных исторических форм. И только при таком подходе к историческому рассмотрению процесс развития предмета оказывается имеющим *различные стадии*, являющиеся, вместе с тем, *различными стадиями единого процесса*.

В противном случае специфика этих стадий, специфические закономерности этих стадий могут уйти. И тогда может получиться так, что, с одной стороны, мы говорим о формациях, о том, что есть исторический процесс развития, а с другой стороны, в силу такого понимания метода, мы не воспринимаем историю как закономерный процесс перехода от одной формации с её специфическими закономерностями к другой, с другими специфическими закономерностями. И притом, как единый, целостный закономерный процесс. Это единый исторический процесс развития, имеющий различные стадии, закономерная специфика которых не рассматривается при использовании собственно логического способа. Для меня стало в какой-то мере ясно, что, с одной стороны, есть единство логического и исторического процесса, а, с другой стороны, есть существенное различие. И поэтому после логического изучения предмета, например, такого как капитализм, необходимо пе-

реходить специально к исследованию исторического процесса, несводимому просто к изучению случайностей или к исторической форме, понимаемой как нечто несущественное (в том числе и для логического понимания предмета). К изучению закономерного развития предмета, в смене его исторической формы, и изучению закономерностей, закономерных исторических форм.

Скажем, если, идя от логического способа к историческому, исследователь «опрокидывает» категорию логического способа «поверхность» на категорию исторического способа «начало» и полагает, что категория «начала» тождественна категории «поверхность», то для него исчезает *существенное* их различие, *существенное* различие исторического способа исследования от логического применительно к этим категориям. Точно также нельзя отождествлять рассмотрение превращения товара и денег в капитал с рассмотрением исторических закономерностей первоначального возникновения капитализма.

В связи с этим, появилась также возможность понять, что у К. Маркса учение о формациях, с одной стороны, это колоссальный прорыв в теоретическом плане, а, с другой стороны, формации в некоторой степени рассматриваются с точки зрения капитализма, отрицания капитализма. Однако формации не могут рассматриваться только или, даже, главным образом, с точки зрения отрицания капитализма, уже потому что это процесс, выходящий за рамки отрицания капитализма. Потому что, говоря языком К. Маркса, есть подлинно человеческая история и её предыстория. (Эту подлинно человеческую историю правильнее охарактеризовать как зрелую человеческую историю, в отличие от её незрелости.) Она вполне может быть понята только в том случае, если мы не ограничимся её рассмотрением с точки зрения отрицания капитализма, а рассмотрим всю историю человечества, подходя к коммунизму как к продукту *всей* человеческой истории. Иначе мы не поймём коммунизм в достаточной степени. А этот процесс развития не улавливается в том случае, если мы останавливаемся на таком понимании логического и исторического.

При таком подходе, скажем, это проявляется не только в том, что понимание капитализма как бы, накладывается на историю предшествующих формаций. В этом случае, когда предшествующие формации и капитализм предстают как рядоположенные, не улавливается в полной мере закономерное развитие капитализма из предшествующих ему формаций. И вся предшествующая история не представляется в достаточной степени как *единый закономерный* процесс развития. Это проявилось у К. Маркса во «Введении к экономическим рукописям 1857–1858 гг.», когда он исследует общие взаимоотношения производства, потребления, обмена и распределения и где выделяет, по его мнению, *одинаковые* для различных эпох важные моменты.

Между тем, если мы посмотрим с точки зрения диалектического «снятия» капитализма на всю историю человечества, то в этом случае, *даже самые общие истматовские категории*, такие как «производительные силы», «производственные отношения» и другие, обнаружат свою *изменчивость*. А у нас они воспринимались как неизменные. Как будто эти общие категории можно наложить на все исторические эпохи без существенных изменений. И истоки этого мы находим ещё у К. Маркса.

На самом деле ничего похожего. Развиваются даже самые общие понятия. И это можно понять только в том случае, если мы существенно иначе подходим к соотношению исторического и логического.

Та же самая позиция проявляется и в отношении классов. То, что классы существуют сейчас и будут существовать, как минимум, до тех пор, пока существует противоположность физического и умственного труда, это положение не может быть подвергнуто сомнению. И *непримиримость* классовых противоречий будет сохраняться до тех пор, пока не исчезнут классы. Но понимание классовых взаимоотношений в классическом марксизме остановилось, в общем и целом, на уровне понимания противоположности. А что значит противоположность? Конечно, между противоположностями есть единство. Но, если останавливаться на

противоположности, и в основном, на отрицании противоположностями друг друга, то единство-то уходит куда-то в сторону, а противоположности оказываются *внешними* по отношению друг к другу.

Между тем, следующий этап, который должен бы быть сделан, но он в силу исторической ограниченности той эпохи не был сделан, – это понимание отношения классов как *противоречия*. А противоречие – это более глубокое понимание, чем понимание просто единства противоположностей. В противоречии эти противоположные стороны не просто отрицают, не просто *исключают* друг друга, *они отрицают друг друга в своём взаимопорождении*. Отношения классов как противоречия нельзя было вполне понять в ту историческую эпоху.

Это сказалось в решении многих практических вопросов. Речь идёт не просто о каких-то умозрительных представлениях, которые не имеют никакого отношения к теории и практике коммунистических партий.

На первом этапе возникновения марксизма закономерно на первый план выступила, как совершенно верно отмечал В.И. Ленин, его философская сторона. Так при принципиальных изменениях марксизма, при возникновении его новой исторической формы тоже необходимо преимущественное (*но не исключительное*) обращение к разработке философских проблем и, прежде всего, метода.

С моей точки зрения, *подход с позиции закономерного процесса развития истории* даёт возможность многое понять, что раньше не привлекало внимания или не понималось.

Вот, кстати, в «Философских тетрадах» уже цитировавшийся афоризм В.И. Ленина о том что нельзя вполне понять «Капитал», не исследовав, не изучив *всей* логики Г. Гегеля, относится, в определённой степени, и к самому В.И. Ленину. И это можно показать на тексте фрагмента «К вопросу о диалектике», где он, в своём роде, подводит некоторые итоги. Там есть смешение категории «противоположность» и категории «противоречие». На уров-

не категории «противоречие» там не осознаётся диалектика, диалектический метод. И в этом сказалось то, что он только приступил к работе по систематическому изучению всей логики Г. Гегеля в сравнении с «Капиталом» К. Маркса.

Это сказалось и на его работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Хотя это и гениальная работа, но это не непосредственное, систематическое развитие науки о капитале. Доказательство такого положения не может быть приведено в рамках данного доклада.

Если подходить с точки зрения диалектического «снятия» марксизма, то следует иметь в виду, что сам метод необходимо должен развиваться, он должен быть преобразован по сравнению с тем, каким он был в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Это не просто прихоть. Без решения этих вопросов нельзя наметить, нельзя предвидеть будущее развитие человечества в той мере, в какой это сейчас необходимо. Нельзя наметить подлинные, отвечающие современной действительности, стратегические цели коммунистических партий. Это относится и к РКРП, которой я в наибольшей степени симпатизирую. Понимание коммунистами современной действительности находится на уровне, не учитывающем существенные, произошедшие после эпохи К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, изменения.

На состояние коммунистических партий, коммунистического движения влияет то важное обстоятельство, что в настоящее время мы переживаем период относительно мирного развития капитализма. (Мирного в том смысле, что его существованию в целом не угрожают социалистические революции в ближайшее время.) И, вместе с тем, сейчас идёт своеобразная, невиданная в истории, то вспыхивающая, то несколько затухающая третья мировая «горячая» война. И, тем не менее, капитализм продолжает переживать относительно стабильный период своего развития, в том смысле, что эта война тоже не угрожает, ближайшим образом, его существованию.

И в этот период удержаться на коммунистических революционных позициях чрезвычайно тяжело. Не случайно имеет место упадок коммунистического движения. Но возрождение коммунистического движения невозможно без прорыва в области теории, в области мировоззрения. Ведь сначала, для того чтобы успешно действовали коммунистические партии, необходимо развитие мировоззрения и метода, соответствующих современной эпохе. На основе теоретических представлений намечаются стратегические цели и задачи. Уже на основе всего этого образуется организация, соответствующая намеченным целям. А организация-то должна меняться в соответствии с изменяющимися условиями. На основе этого определяется и тактика. Без таких необходимых условий коммунистическое движение не может быть успешным. Хотя, конечно, главная причина возрождения коммунистического движения будет заключаться в том, что через какое-то время всё-таки наступит пора новых революций в мировом масштабе. Сейчас я не хочу об этом подробно говорить, кое-что тут можно уже предвидеть, но это тема для специального разговора.

Итак, я остановился сейчас не на всех вопросах, потому что, скажем, в прошлом году уже речь шла о снятии исторического материализма. Вообще надо говорить о снятии всей современной философии.

Дело заключается не в том, чтобы, сняв материализм, остаться на позициях идеализма. Или не в том, чтобы примирить материализм и идеализм. Не об этом речь идёт. А о том, что сейчас постепенно вызревают такие условия, когда вопрос об идеализме и материализме перестанет быть актуальным.

Ведь в связи с чем возникает этот вопрос? Он возникает в связи с возникновением и дальнейшим развитием противоположности физического и умственного труда. Существование такой противоположности является основой возникновения и существования противоположности материализма и идеализма.

Противоположность и классовое расчленение общества, они же не вечны. Не вечна противоположность физического и умствен-

ного труда. Вы посмотрите «Немецкую идеологию». В ней отношение идей и действительности и развитие этого отношения до степени противоположности имеет своей основой разделение физического и умственного труда и развитие его до противоположности. Если противоположность физического и умственного труда исчезнет или исчезнет даже их существенное различие, то принципиально изменится и то, что порождается этой основой. И сейчас это уже можно предвидеть. Появляется возможность для создания новой, более продвинутой, если можно так выразиться, формы взглядов на природу, общество и их взаимодействие. Хотя, до тех пор, пока существуют классы, до тех пор, пока существует противоположность физического и умственного труда, об исчезновении материалистического понимания истории не может быть и речи.

Я хочу ещё раз напомнить, что, когда у нас боролись с религией, то боролись с *атеистических* позиций. Но ведь, если присмотреться (и К. Маркс это, собственно говоря, уже понимал, не в общем плане, но применительно к самому термину), атеизм это отрицание религии, не более того. Но это отрицание только тогда имеет смысл, когда есть религия, когда есть теизм. Если нет религии, не нужен атеизм. Ибо нечего тогда отрицать. Значит, эта борьба, атеистическая пропаганда исходили в нашей стране из наличия теизма, и это вполне закономерно и естественно при определённых условиях.

С одной стороны, атеизм предполагает наличие того, что отрицается (а именно – религия), а с другой стороны, предполагает отношение, совершенно исключающее ее. Поэтому отношение к религии с такой точки зрения может быть как только ее исключение, как только ее отбрасывание, как только исключительное ее устранение. А это не диалектическое отрицание религии. Хотя, конечно, религия является социальной иллюзией, но иллюзией не случайно возникающей и не случайно существующей столь длительное время.

Хочу подчеркнуть еще и еще раз. В недиалектическом отрицании атеизмом религии проявляется чисто односторонняя неприемлемость отношения к религии. Атеисты начисто отрицают религию. Но между тем, религию необходимо диалектически «снять». Например, религия накопила ряд приёмов воздействия на психику человека. Освоила некоторые приёмы психотехники. И если вот так с порога отбрасывать всё, мы не увидим этого накопленного опыта. Сказанное мной не означает, что я стою на позициях сохранения религии. Она должна преодолеваться, но более умно. Только и всего. А этот более умный подход и является диалектическим снятием.

Вот более простой пример. Более простой и менее вызывающий, наверное. Свадебные ритуалы. Те, которые ещё идут из докапиталистического прошлого. Что, их надо было отвергать? Прежде, чем их отвергать, их надо было изучить, и понять, каким потребностям людей они соответствовали. Преодолены ли условия, порождающие эти потребности? Если они не преодолены полностью, значит надо было, изучив, создавать свои собственные традиции, учитывающие данный уровень развития людей.

Из сказанного, на мой взгляд, вытекает иное, более историчное, понимание основных законов диалектики. Оказывается, что понимание даже основных законов диалектики зависит от исторических условий. От уровня, от характера, от стадии развития общества. В том числе, даже основные законы диалектики могут интерпретироваться и более того, в какой-то степени, видоизменяться, но, конечно, не в том смысле, что отрицается полностью, к примеру, переход количественных изменений в коренные качественные. Нет, конечно, не об этом идёт речь. Просто речь идёт о более глубоком понимании основных законов диалектики. Они тоже могут быть подвержены снятию.

В заключение я хочу подчеркнуть следующее. К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, в особенности К. Маркс, осуществили громаднейший прорыв в теории. Поэтому просто так, с кондачка, к тому, что они сделали, подходить нельзя. К. Маркс открыл но-

вую историческую эпоху теории, открыл, но не закрыл. Он начал её. Причём открыл совершенно гениально. И то, что он был назван по Интернету мыслителем тысячелетия, это, по-моему, совершенно заслуженно. Ф. Энгельс отмечал, что до К. Маркса писали пухлые и бессвязные книги, но только К. Маркс, первый, если не учитывать Г. Гегеля, который всё это сделал на мистической идеалистической основе, создал такую работу, которая является связным целым. Что значит создать работу, которая является единым связным целым? Это и значит диалектически рассмотреть предмет. Рассмотреть предмет во взаимосвязи, взаимодействии, развитии и т.д. Это первым в истории человечества сделал К. Маркс в «Капитале». И до сих пор «Капитал» остаётся единственным произведением, в котором целая наука — политэкономия капитализма — представлена с позиций сознательного применения диалектического метода, Логики с большой буквы.

На этом я хочу закончить.

Ответы на вопросы

Е.Н. Харламенко. Вы сказали, что Гегель только в «Феноменологии духа» прошёл путь от поверхности к сущности. А в «Логике»?

В.А. Вазюлин. В «Логике» логическим способом — да.

Е.Х. Это была не оговорка? Вы сказали, что движение от поверхности к сущности и от сущности к поверхности является взаимоисключающим движением. Но оно ведь и взаимосвязанное тоже?

В.В. Я об этом и говорил. О том, что это единство противоположных движений. В этом движении на одном этапе играет определяющую роль одно движение, а на другом — противоположное, но единство их сохраняется на всех этапах, если познание совершается сознательно, в соответствии с познанными его закономерностями.

Е.Х. Вы говорите, что Энгельс не вполне понял вот этот метод исследования Маркса. Вопрос: понимал ли его сам Маркс?

В.В. Не вполне. Но, прежде чем ответить собственно на этот вопрос, я хочу сказать, что, по мере того как К. Маркс работал над «Капиталом», обнаруживалась потребность перейти к иному, более широкому предмету исследования, к исследованию всей человеческой истории.

Поэтому следует говорить о понимании К. Марксом исторического применительно не к одному только, а к двум предметам, говоря о «Капитале».

Что касается собственно капитала, то его К.Маркс исследовал действительно так, как писал Ф. Энгельс, в основном следуя за литературой, так или иначе отражающей экономику капитализма.

На мой взгляд, сознательно и достаточно определенно он не поставил вопрос о том, что следующим шагом должно быть специальное историческое исследование капитализма, которое может и должно дать не только собственно знание истории капитализма, но и углубить понимание капитализма, достигнутое логическим способом. Более того, необходим еще следующий этап. Специальное рассмотрение единства результатов исторического и логического способов исследования. Это, во-первых. А во-вторых, по мере того, как К.Маркс переходил к исследованию действительности капитала, когда он стал переходить к рассмотрению государства и классов, встала проблема, которая, к сожалению, не сформулирована им достаточно чётко, встала проблема исследования более широкого предмета, а именно общества в целом и всей его истории. То есть исследования и тех сфер жизни общества, которые покоятся на экономической основе. Эти сферы жизни общества формируются не только на капиталистической экономической почве. Они имеют свою, относительно самостоятельную историю, не сводимую только к их истории при капитализме. Таким образом, для того, чтобы вывести из капиталистической экономики другие сферы жизни общества, необходимо было перейти к исследованию докапиталистического развития и экономики, и других сфер жизни общества. То есть решение проблемы выведения с необходимостью требовало перехода к более широкому предме-

ту исследования – к рассмотрению общества в целом и всей его истории. Можно назвать это переходом к логико-историческому исследованию. К.Маркс в конце жизни перешёл к хронологическим выпискам. А в этих выписках содержится в общем и целом традиционный описательный исторический подход. А между тем именно при решении этой проблемы как раз и требовалось несколько иное понимание исторического процесса. Иной способ исследования. Вот здесь он уже требовался в качестве необходимого.

Е.Х. То есть, если я правильно поняла, то соотношение исторического и логического, которое он продемонстрировал в «Капитале», для него самого тоже осталось неосознанным? Он это сделал, но сам не понял?

В.В. Нет, он понимал, но, видите ли, понимал больше что? Что **ЛОГИЧЕСКИЙ** способ един с историческим. То есть то, в какой мере исторический процесс «снимается» в логике. Но не осознавал необходимости специального исследования историческим способом развития капитализма, как существенно углубляющим логическое понимание.

Димитриос Пателис. Вы говорили об исторической ограниченности, которая отражается в «Философских тетрадах» Ленина и в его работе об империализме. В каком смысле ограниченность В.И.Ленина отразилась в работе об империализме?

В.В. В полной мере ответить на этот вопрос сейчас невозможно, но все же я постараюсь сказать о некоторых существенных моментах. Я говорил в докладе о том, что в эпоху К. Маркса и Ф. Энгельса требовался акцент на *отрицании* капитализма. В ту же эпоху, когда В.И. Ленин писал работу об империализме, – эпоху империалистических войн и социалистических революций – вопрос об отрицании капитализма обострился до *крайней* степени. Поэтому, естественно, те исторические ограниченности во взглядах К. Маркса и Ф.Энгельса, которые связаны с акцентом на отрицании капитализма, с необходимостью присутствуют и в работах В.И. Ленина. И они должны присутствовать в еще более

выраженной форме. Обострение классовой борьбы, доходящее до крайних форм, естественно, должно было вызвать непримиримость, более того, *исключающую противоположность* взглядов защитников капитализма, соглашателей, с одной стороны, и противников капитализма — с другой.

Я уже говорил ранее в этом выступлении, что у В.И.Ленина во фрагменте «К вопросу о диалектике» есть понимание диалектики в значительной степени на уровне именно *исключающей* противоположности. То же самое наблюдается и в работе об империализме. И такое отношение к вопросу о взаимодействии противоположных сторон проявляется, в частности, там, где В.И. Ленин критикует ультраимпериализм К.Каутского. (Кстати, то же самое имеет место в статье В.И.Ленина «О лозунге Соединенных штатов Европы».) Если К.Каутский в своих взглядах на ультраимпериализм существеннейшим образом недооценивает внутриимпериалистические противоречия, то В.И.Ленин в *исключающую* противоположность ему недооценивает возможность объединения империалистических государств в некие сверхгосударства, недооценивает возможность создания Соединенных штатов Европы и переоценивает возможности грядущих социалистических революций, предполагая, что победоносная социалистическая революция произойдет раньше, чем это объединение, в той или иной степени совершится. В действительности, победоносная социалистическая революция произошла в России и в некоторых других странах, но они не устранили процесс интеграции империалистических государств в Европе в сверхгосударственное объединение.

Здесь как раз и проявились переоценка В.И. Лениным возможности социалистической революции и недооценка возможностей капитализма. К. Маркс тоже, когда работал над «Капиталом», стремился как можно быстрее его закончить, до «потопа» (К. Маркс). Он тоже преувеличивал возможности революции. Он тоже предполагал, что революция произойдет раньше, чем это в действительности произошло. А в этом, между прочим, выражается недооценка

возможностей капитализма. Такая недооценка внутренне связана с акцентом во взглядах на отрицание капитализма.

Приведенный пример есть проявление и соответствующего понимания метода, диалектики, Логики. Но более подробно говорить об этом не позволяет время.

В.Г. Голобоков. Есть известное высказывание Ленина о том, что Гегель в своей «Логике» угадал диалектику реального мира. Именно угадал. Как Вы считаете, насколько истинно это высказывание по отношению к Гегелю, что он только лишь угадал? Что диалектическая логика Гегеля лишь плод угадывания диалектики мира?

В.В. Ну, у Маркса есть и другое высказывание по поводу Гегеля, в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», что Гегель, несмотря на мистификацию, т.е. идеализм, первым в истории описал всеобщие формы движения диалектики. Как можно описать основные формы диалектики, если только угадать...?!

Т.И. Яброва. В какой-то мере Димитриос предвосхитил и мой вопрос, но я не вполне удовлетворена в объяснении того, что я хочу услышать. У меня очень заземлённый вопрос. Виктор Алексеевич, когда Вы говорили о работе Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», об ограниченности отрицания в ней капитализма, и вместе с тем развития теории. Нельзя ли понимать Вас так, что имеет основание бытующий сейчас широко в философской среде разговор о том, что наступила новая стадия, — ультраимпериализм.

И второе. Как Вы считаете, в чём развитие методологии Маркса в работе Ленина? Видите ли Вы там развитие самого метода?

В.В. О «бытующих в философской среде разговорах» я отвечу вопросом на вопрос: А кто из философов основательно изучал современный капитализм?! Их позиция — позиция человека, покупающего шапку, не измерившего предварительно головы.

К настоящему времени ещё нет, на мой взгляд, таких опубликованных марксистских работ, в которых бы империализм рассматривался с позиций диалектического «снятия» классической исторической формы марксизма. Все те марксистские работы об империализме, которые опубликованы, написаны с точки зрения, главным образом, отрицания капитализма. В них не учитываются те изменения в методологии, которые должны быть внесены на основе осмысления раннего социализма, его возникновения, развития и гибели в некоторых странах. (Более того, сам ранний социализм ещё в достаточной степени не осмыслен, не поняты глубинные причины его гибели в ряде стран). Поэтому завершённые ответы на поставленные вопросы давать пока, по меньшей мере, сложно, не вызывая реакции непонимания. Изучение работы В.И. Ленина об империализме, как и изучение других работ, могут выявить некоторые необходимые заблуждения, содержащиеся в них и связанные с той эпохой, когда они были написаны, и с учётом углубления в сущность предмета. Я подчёркиваю, что здесь речь идёт о необходимых заблуждениях, а они всегда выявляются, когда происходит процесс диалектического «снятия».

Когда я говорил о ленинской работе, я не подвергал сомнению те выводы, которые он там делал. Я могу пояснить здесь аналогией. Предположим, Маркс, в период формирования философии марксизма. Одно дело, что он написал об экономике капитализма в «Нищете философии», хотя вроде всё писал правильно, и совсем другое дело — в «Капитале». Это разные уровни. Речь идёт о разных уровнях понимания предмета, а не о том, что в этом предмете неправильно выявлены признаки империализма или сделаны неправильные основные выводы.

Если мы начнём изучать империализм с точки зрения диалектического «снятия» исторической формы классического марксизма с соответствующим пониманием диалектического метода, с точки зрения, учитывающей исторический опыт победоносных революций и опыт строительства социализма, а также уроки, следующие из гибели социализма в некоторых социалистических стра-

нах, то мы уже поэтому должны подняться на более высокий уровень осмысления империализма. Мы должны выйти на иной уровень, в том числе и прежде всего, на *новый* методологический уровень. Опять-таки, не в том смысле, что у Ленина всё неправильно. А только в том смысле, что более глубокий уровень изменяет в той или иной степени прежнее наше представление. Такая работа ещё не проделана.

Я написал книгу «Становление метода научного исследования Карла Маркса. Логический аспект» и обнаружил следующее. К. Маркс, идя всё более глубоко, а он в период формирования шёл, по сути дела, от поверхностных слоёв человеческого общества вглубь, к сущности человеческого общества, с одной стороны, шёл к истине и истинно, а с другой стороны, он на каждом уровне допускал необходимые заблуждения. И иначе процесс не может осуществляться. Любой, самый разгениальный исследователь, находится на определённом уровне. Этот уровень необходимо ограничен некоторыми заблуждениями. А эпоха необходимо порождает определённые заблуждения, которые «снимаются» на более глубоком уровне познания. Как ребёнок не может понять каких-то своих заблуждений, пока не станет взрослым, так и К. Маркс не мог устранить заблуждения процесса познания в процессе формирования его философских взглядов, то есть движение от поверхности к сущности, пока не пришёл к завершению этого движения. Исследование не может совершаться, если не допускаются неосознанно, а затем осознанно не «снимаются» необходимые заблуждения. Без этого остановится познание.

То, что я сейчас говорю о К. Марксе, применимо и к работам В.И. Ленина. Но говорить подробно в таком плане о работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» сейчас вряд ли целесообразно в связи с возможной повышенной эмоциональной реакцией. Поэтому я хочу здесь только сказать, в какой-то мере, может быть, и повторить, что исследование всегда есть единство истины и заблуждения, но такие заблуждения обнаруживаются в том слу-

чае, если исследователь переходит к ещё более глубокому постижению сущности.

Если продолжить развитие «Капитала» К. Маркса и, кроме того, продолжить исследования империализма с позиции диалектического «снятия» классической исторической формы марксизма, то мы лишь постепенно придём через некоторые промежуточные звенья к такой теме как империализм.

А В.И. Ленин как бы опустил промежуточные звенья. Ну, иначе было нельзя, это было необходимо практически. Он действительно многое сделал. Но сам он не случайно сказал, что это научно-популярный очерк. Надо к этому прислушаться. Это не просто скромность. Это *реальная* оценка.

Периклис Павлидис. Вы сказали, что Ленин не вполне понимал разницу между противоречием и противоположностью. Как это сказалось на его взглядах насчёт способов и путей строительства социализма в СССР? И в связи с этим, ещё один вопрос: Считаете ли Вы, что такое непонимание разницы между противоречием и противоположностью является характерной чертой всех программ строительства раннего социализма?

В.В. Я думаю, что когда эпоха выдвигает задачу отрицания капитализма, она, естественно, накладывает отпечаток и на понимание будущего общества. Кстати, я не сказал, когда открываются возможности для более глубокого понимания социализма. Когда открывается и требуется проблема снятия социализма. Не тогда, когда социализм идёт по восходящей. Вот когда социализм идёт по восходящей, здесь работает всё то, что было сделано К. Марксом, Ф. Энгельсом, и затем продолжено В.И. Лениным. Всё это не подвергается сомнению. К. Маркс несколько по иному поводу, но, тем не менее, говорил о том, что эпоха понимается тогда достаточно глубоко, когда начинается её самокритика. Т.е., когда *начался* процесс разложения, упадка, тогда появилась, неосознаваемая, конечно, но объективная возможность для того, чтобы понять социализм как историческое явление более глубоко. Тогда, скажем, появилась возможность для того, чтобы понять, то, что у нас было, —

это ранний социализм, со своими особыми чертами. Но необходимый социализм. Необходимая стадия. Иначе быть не могло. Но попробовали бы... ну, об этом никто не мог подумать, когда социализм был на подъёме. О том, чтобы снимать марксизм или иначе относиться к социализму. Но опять же, здесь речь идёт не о том, чтобы отрицать социализм. В смысле зряшного, пустого отрицания. Речь идёт о том, что степень постижения сути социализма в период восходящего социализма не могла быть достаточной для того, чтобы понять его в качестве *раннего*, в качестве определённой исторической стадии социализма. И поэтому отсюда следует, что не могли предвидеть и будущего социализма в нашей стране. Не могли в достаточной степени в то время предвидеть. Это опять естественно-исторический процесс. Как я уже говорил, в тот период, старались только *понимать* Маркса. Диалектическое «снятие» классической исторической формы марксизма могло быть связано только с тем направлением марксистской философии, которое шло по пути исследования фундамента марксизма. А именно «Капитала». И обнаружение возможности и необходимости диалектического снятия происходило по мере углубления в «Капитал», по мере более глубокого понимания метода «Капитала». Вот когда это как система предстало, тогда и обнаружилось, что сама система в своём методологическом содержании является продуктом определённой эпохи. И несёт следы этой эпохи. Только тогда. А сначала речь шла о том, чтобы сравнить логику Гегеля с логикой «Капитала». Причём, это был такой исторический период, когда социализм, в общем и целом, не отрицался как особое общество. Тогда только *начинали* внутри страны появляться «диссиденты», присвоившие себе название «демократы», только тогда стали подвергать сомнению социализм в целом.

Это был как раз такой период, когда стало возможным переосмысление социализма в целом с коммунистических позиций. Не отбрасывать то, что было сделано в СССР, не преуменьшать, а исследовать как явление, достигшее, ну, не зрелого социализма, а достигшее своей высшей точки развития раннего социализма.

Димитриос Пателис. В продолжение того, что было сказано Вами в процессе ответов на вопросы, мне хотелось бы спросить ещё об одном законе. О законе отрицания отрицания. Об уровне этого закона, методологическом уровне понимания этого закона, и о том, как это отражается на теоретическом предвидении и, соответственно, на стратегических задачах, которые ставит перед собой коммунистическое движение?

В.В. У меня есть рукопись об основных законах диалектики, в особенности, о законе отрицания отрицания, об исторической ограниченности понимания этих законов Г. Гегелем и К. Марксом, об историчности понимания этих законов. Но сейчас этот вопрос раскрывать не целесообразно в связи с ограниченностью во времени. Я могу только сказать, что вот такая интерпретация закона отрицания отрицания, которая содержится в трудах К. Маркса. Ф. Энгельса и В.И. Ленина, тоже является исторически ограниченной. Исторически. Это всё время приходится подчёркивать. Не об индивидуальности К. Маркса идёт речь. Он гениальный человек. И преуменьшать тут нечего. И В.И. Ленин гениальный человек. Всё это первоклассные гении. Не о них идёт речь. А речь идёт об эпохе. И том, как эта эпоха с необходимостью должна была отражаться во взглядах. Наступила такая эпоха, когда без снятия марксизма не возродится коммунистическое движение. Оно не пойдёт на подъём. Догматическое представление о марксизме изживает себя. Это не прихоть. Я сам длительное время приписывал Э.В. Ильенкову то, что на самом деле сказал К. Маркс. А то, что появлялось у меня, я приписывал К. Марксу.

Приложение

К ГРЕЧЕСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

В настоящее время многим кажется, что человечество зашло в тупик, в конце которого человеческий род ждёт смерть. Развалился Советский Союз, который в течение нескольких десятилетий был надеждой всех прогрессивных людей мира. В России, в других бывших республиках СССР, в странах Восточной Европы совершилась буржуазная контрреволюция.

Но столь ли уж безвыходно положение человечества? Так ли уж безусловна и окончательна победа капитализма? Так ли уж бесплодны десятилетия существования социализма в СССР и странах Восточной Европы?

На наш взгляд, нет, нет и ещё раз нет. В прошлом, при переходе от феодализма к капитализму, утверждение капитализма происходило волнообразно: буржуазные революции сменялись феодальными контрреволюциями, прежде чем в стране установилось господство капиталистических отношений. При переходе от первобытнообщинного строя к рабовладельческому обществу рабовладельческие государства не единожды завоёвывались варварами, а затем снова возрождалось рабовладение и так продолжалось, пока не установился феодальный строй.

В истории человечества при переходе от одной крупной стадии развития временные откаты истории назад не случайность, а закономерность. Следовательно, сам по себе факт буржуазной контрреволюции не доказывает, что социализм потерпел поражение раз и навсегда. Более того, история человечества — не в силу предопределения, а вследствие естественноисторических причин — имеет общий, закономерный, спиралевидный ход развития, на ос-

нове учёта которого мы можем с уверенностью сказать, что, если человечество не хочет погибнуть (самоистребить себя либо военным путём, либо мирным путем самоудушения отрицательными последствиями своего взаимодействия с природой), оно придёт к коммунизму. Третьего не дано!

Но понять современную эпоху в достаточной степени нельзя, если оставаться на уровне марксизма, как он представлен в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, ибо в мире произошли существенные изменения.

Однако, вместе с тем, развитие марксизма возможно лишь как продолжение марксизма, т. е. развитие, предполагающее действительное знание и понимание взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина.

Изменения, которые произошли в истории человечества, столь значительны, что они вызывают неотложную потребность в диалектическом “снятии” марксизма. “Снятие” же в диалектическом смысле есть не просто отрицание, а отрицание с сохранением в преобразованном виде того, что отрицается.

В предлагаемой книге рассматривается общество как “органическое целое”, его строение и общий закономерный ход истории человечества с позиции диалектического «снятия» марксизма.

Во времена К. Маркса, Ф. Энгельса и даже В.И. Ленина на первый план выступала потребность исследования капитализма с позиции его отрицания. Мы же располагаем опытом попыток создания социалистического общества (как незрелой фазы коммунизма). Этот опыт открывает принципиальную возможность исследования истории главным образом уже с позиции возможного утверждения коммунистического общества. В таком случае существенно изменяется характер исследования. Во-первых, исследование коммунизма (в том числе его низшей фазы) становится центральным. Во-вторых, так как коммунизм – подлинная история человечества, в отличие от предыстории, то рассмотрение коммунизма (в том числе, социализма) необходимо предполагает исследование всей истории, а социалистическая революция также выс-

тупает не только как диалектическое отрицание капитализма, но и как диалектическое отрицание всей предыстории человечества. Отсюда, кстати сказать, следует, что при таком понимании выявляется большая сложность и глубина преобразований общества при совершении социалистической революции, построении социализма, нежели тогда, когда речь идёт об отрицании капитализма. Да и сроки перехода оказываются более длительными.

В-третьих, изменяется и методология рассмотрения истории. К. Маркс как известно, сделал два великих открытия. Из них первое открытие – материалистическое понимание истории. Если внимательно изучить взгляды этого гениального мыслителя, то можно заметить, что понимание им структуры общества и стадий его развития исторически ограничено. Если говорить коротко и в общем виде, то можно сказать, что структура общества, в понимании К. Маркса, оказывается в значительной степени обобщённым выражением структуры капиталистического общества, а история человечества – если рассматривать самую суть – в той или иной мере экстраполяцией этой структуры на предшествующее развитие истории. Хотя, конечно, в «чистом виде», в осознанной форме таких взглядов у К. Маркса нет. Этот подход осуществлялся неосознанно и был обусловлен эпохой, в которой жил К.Маркс.

Между тем, как мы убедились, в истории человечества изменяются – притом закономерным образом – общее строение человеческого общества, производительные силы как таковые, производственные отношения как таковые, диалектика их как таковая и т.д.

В книге «снимается» материалистическое понимание истории. Материалистическое понимание истории имеет своим глубочайшим основанием разделение и даже противоположность физического и умственного труда. Причём это понимание истории возникает тогда, когда противоположность физического и умственного труда созревает, а вместе с тем возникает и реальная возможность её преодоления, отрицания. Рассмотрение с позиции отрицания предполагает с неизбежностью, что анализ ведётся с позиций того времени, когда противоположность физического и умствен-

ного труда, а значит, и противоположность материализма и идеализма не преодолена.

С позиции же утверждения подлинной истории человечества материалистическое понимание истории предстаёт как необходимое для определённых условий, но вместе с тем исторически переходящее.

Нам думается, что, не «сняв» марксизм, нельзя в современную эпоху достаточно убедительно и обоснованно ответить на вопрос: «как возможен коммунизм».

Автор

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., 5-е изд.
4. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
5. Абишев К. Человек. Индивид. Личность. Алма-Ата, 1978.
6. Аверьянов А. Н. Системообразующие факторы // Филос. науки. 1981. № 6.
7. Айзикович А. С., Клягин Н. В., Орлов А. А. Всесоюзное координационное совещание по проблемам исторического материализма // Филос. науки. 1981. № 4.
8. Актуальные проблемы теории общественных отношений (материалы координационного совещания, проведенного в Институте философии АН СССР 26–27 декабря 1977 г.). М., 1978.
9. Акулов В. Л. Философия, ее предмет, структура и место в системе наук. Краснодар, 1976.
10. Алаев Л. Б. Проблемы сельской общины в классовом обществе // Вопр. истории. 1977. № 2.
11. Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1979.
12. Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984.
13. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1969.
14. Андреев И. Л. Системно-генетический анализ и проблема смены формаций // Вопр. философии. 1972. № 4.
15. Андреев И. Л. Происхождение человека и общества (Современные методологические проблемы и критика немарксистских взглядов). М., 1982.
16. Анисимов А. Ф. Духовная жизнь первобытного общества. М.–Л., 1966.
17. Античная Греция. Т. 1–2. М., 1983.

18. Арефьева Г. С. Социальная активность (Проблема субъекта и объекта в социальном познании и практике). М., 1974.
19. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980.
20. Багатурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие К. Маркса. М., 1976.
21. Багатурия Г. А. Категория «производительные силы» в теоретическом наследии Маркса и Энгельса // Вопр. философии. 1981. № 9.
22. Багатурия Г. А. Контуры грядущего. М., 1972.
23. Баилук В. В. Социальный детерминизм: категориальный анализ. Томск, 1983.
24. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
25. Барг М. А. Понятие всемирно-исторического как познавательный принцип исторической науки. М., 1973.
26. Барг М. А. Проблемы социальной истории (В освещении современной западной медиевистики). М., 1973.
27. Барг М. А. Структурный анализ в историческом исследовании // Вопр. философии. 1964. № 10.
28. Барг М. А. Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса // Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970.
29. Барг М. А., Черняк Е. Б. Структура и развитие классово-антагонистических формаций // Вопр. философии. 1967. № 6.
30. Бартов В. Ф. Современный капитализм и природа. М., 1976.
31. Барулин В. С. Диалектика сфер общественной жизни. М., 1982.
32. Барулин В. С. Соотношение материального и идеального в обществе. М., 1977.
33. Батенин С. С. Человек в его истории. Л., 1976.
34. Велик А. П. Социальная форма движения. Явления и сущность. М., 1982.

35. Беляев Д. К. Проблемы биологии человека: генетические реальности и задачи синтеза биологического и социального // Природа. 1976. № 6.
36. Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977.
37. Биология человека и социальный прогресс. Пермь, 1982.
38. Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. М., 1980.
39. Бородай Ю. М., Келле В. Ф., Плимак Е. Г. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974.
40. Бостанджян К. М. Диалектика становления коммунистического способа производства. М., 1967.
41. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1979.
42. Бучева Л. П. Человек: деятельность и общение. М., 1978.
43. Бунак В. В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.
44. Бурлацкий Ф. М. Ленин, государство, политика. М., 1970.
45. Бутенко А. П. Социализм как общественный строй. М., 1974.
46. Вазюлин В. А. Вопросы теории общественно-экономических формаций в трудах К. Маркса (Исторический аспект) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1983. № 2.
47. Вазюлин В. А. Диалектика исторического процесса и методология его исследования. М., 1978.
48. Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968.
49. Вазюлин В. А. Проблема исследования противоречия в «Капитале» К. Маркса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1968. № 2.
50. Вазюлин В. А. Проблемы материалистического понимания истории в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Вести. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1985. № 2.

51. Вазюлин В. А. Противоречие и его отображение в «Капитале» К. Маркса // Философские проблемы «Капитала» К. Маркса. М., 1968.

52. Вазюлин В. А. Система диалектической логики в «Капитале» К. Маркса // Вести. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1971. № 3.

53. Вазюлин В. А. Система логики Гегеля и системы логики «Капитала» К. Маркса // Вести. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1985. № 6.

54. Вазюлин В. А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). М., 1975.

55. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М., 1976.

56. Вербин А. И., Келле В. Ж. Базис и надстройка и механизмы социальной деятельности людей // Филос. науки. 1979. № 1.

57. Виноградов В. Г., Гончарук С. И. Особенности детерминации в общественных процессах // Философ, науки. 1982. № 5.

58. Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977.

59. Волков Г. В. Истоки и горизонты прогресса. М., 1976.

60. Вопросы методологии исторической науки // Труды Моск. ист.-арх. ин-та. Т. 25. М., 1967.

61. Воронович Б. А., Плетников Ю. К. Категория деятельности в историческом материализме. М., 1975.

62. Воронович Б. А. Философский анализ структуры практики. М., 1972.

63. Всемирная история. Т. 1-Х. М., 1956–1965.

64. Гак Г. М. Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960.

65. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. V. М., 1937.

66. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. Т. IV. М., 1959.

67. Гегель Г. В. Ф. Философия истории. Т. VIII. М.–Л. 1935.

68. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Т. VII. М., 1934.

69. Гегель Г. В. Ф. Философия природы Т. II. М.–Л., 1934.

70. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. Т. 1. М.–Л., 1929.
71. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Часть третья. Философия духа. Т. III. М., 1956.
72. Гендин А. М. Предвидение и цель в развитии общества. Красноярск, 1970.
73. Глезерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979.
74. Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973.
75. Гудожник Г. С. НТП: сущность, основные тенденции. М., 1970.
76. Гончарук С. Я. Законы развития и функционирования общества. М., 1977.
77. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.–Л., 1946.
78. Григорьян Б. Т. Философия о сущности человека. М., 1973.
79. Гуревич А. Я. К дискуссии о докапиталистических формациях: формация и уклад // Вопр. философии. 1968. № 2.
80. Гурьев Д. В. Становление общественного производства М., 1973.
81. Гусаров А. С., Радаев В. В. Беседы по НТР. М., 1972.
82. Дёмин М. В. Анализ структуры сознания. М., 1980.
83. Дёмин М. В. Человеческая деятельность, М., 1984.
84. Демичев В. А. Общественное бытие и общественное сознание, механизм их взаимосвязи. Кишинев, 1969.
85. Диалектика в науках о природе и человеке. Человек, общество и природа в век НТР. М., 1983.
86. Диалектика общего и особенного в историческом процессе. Философские проблемы общественного развития. М., 1978.
87. Дилигенский Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей // Вопр. философии. 1976. № 9.
88. Дрейпер Дж. История умственного развития Европы. СПб., 1875.

89. Дубинин Н. П. Наследство биологическое и социальное // Коммунист. 1980. №11.
90. Дубинин Н. П. Что такое человек. М., 1983
91. Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981.
92. Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.
93. Единство диалектического и исторического материализма. М., 1978.
94. Епископосов Г. Л. Социологические проблемы современной НТР. М., 1982.
95. Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерк по истории палеолитического времени. Киев, 1953.
96. Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов Р. М. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
97. Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980.
98. Загладин В. В. Методологические проблемы исследования глобальных процессов мирового развития // Вопр. философии. 1981. № 9.
99. Захаров В. Г. НТР и обновление основных фондов. Л. 1972.
100. Зверыкин А. А., Осьмова Н. И., Чернышев В. И., Шухардин С. В. История техники. М., 1962.
101. Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964.
102. Зельманов А. Б. Методологические и мировоззренческие проблемы. НТР. Томск. 1976.
103. Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры // Избранные экономические произведения. Т. II. М., 1959.
104. Иванчук Н. В. Социологические проблемы изучения потребностей. Свердловск, 1975.
105. Ильенков Э. Б. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960.
106. Историческая наука и проблемы современности. М., 1969.

107. Исторический материализм и актуальные проблемы современности. М., 1980.
108. Исторический материализм как социально-философская теория. М., 1982.
109. Исторический материализм как наука. М., 1974.
110. История Древнего Рима. М., 1981.
111. История первобытного общества. Т. I–II. М., 1983–1986.
112. Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986.
113. Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М., 1974.
114. Кадомцев Б. Б. Интервью корреспонденту «Комсомольской правды» // Комсомольская правда. 1979. 15 авг.
115. Карпинская Р. С., Никольский С. Д. Социобиология и ее сторонники и оппоненты // Филос. науки. 1982. № 2.
116. Категории диалектики. Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976.
117. Категории исторического материализма. М., 1980.
118. Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978.
119. Категории социальной диалектики. Минск, 1978.
120. Кветной М. С. Человеческая деятельность: сущность. структуры, типы (социологический аспект). Саратов. 1974.
121. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Исторический материализм. Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1969.
122. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история (проблемы теории исторического процесса). М., 1981.
123. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Формы общественного сознания. М., 1959.
124. Ким М. П. Проблемы теории и истории реального социализма. М., 1983.
125. Кларк Дж. Доисторическая Африка М., 1977.
126. Ковалев А. М. Взаимодействие общества и природы. М., 1980.
127. Ковалев А. М. Диалектика способа производства общественной жизни. М., 1982.

128. Ковалев А. М. Исторический материализм и научный коммунизм // Исторический материализм как наука. М., 1974.
129. Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969.
130. Колганов М. В. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962.
131. Конрад Н. И. Запад и Восток: статьи. М., 1972.
132. Конфедератов И. Я. К вопросу о периодизации истории техники // Вопр. естествознания и техники. Вып. 4. М., 1957.
133. Косолапов Р. И. Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1982.
134. Крутова О. Н. Человек и история. М., 1982.
135. Куделин Е. Г. Диалектика производства и потребностей. М., 1977.
136. Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Казань, 1972.
137. Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
138. Лилли С. Люди, машины, история. М., 1970.
139. Лооне Э. Современная философия истории. Таллин, 1980.
140. Лысманкин Е. Н. Марксистско-ленинская теория общественно-экономической формации // Филос. науки. 1973. № 1.
141. Майзель И. А. Наука, автоматизация, общество. Л., 1972.
142. Майр Э. Человек как биологический вид // Природа. 1973. №12; 1974. №2.
143. Мамалуй А. А. Методология «Капитала» К. Маркса и системное единство диалектического и исторического материализма. Харьков, 1979.
144. Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979.
145. Марков Н. В. НТР: анализ, перспективы, последствия М., 1973.
146. Маркс – историк. М., 1968.
147. Марксистская этика. М., 1980.

148. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., 1981.

149. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М., 1983.

150. Марксистско-ленинская теория социального развития. М., 1978.

151. Медведев В. А. Развитой социализм как целостность// Научное управление обществом. Вып. 16. М., 1983.

152. Межуев В. М. Культура и история. М., 1979.

153. Методологические проблемы изучения человека в марксистской философии. Л., 1979.

154. Методологические проблемы исторического материализма. Барнаул, 1976.

155. Методология и теория деятельности. Горький, 1982.

156. Момджян К. Х. Категории исторического материализма: системность, развитие. М., 1986.

157. Мочерный С. В. Сущность и эволюция капиталистической собственности. М., 1978.

158. Мысливченко А. Г. Человек как предмет философского познания. М., 1972.

159. Нарский И. С. Отчуждение и труд. М., 1983.

160. НТР и общество. М., 1973.

161. Некоторые вопросы методологии исследования идеологических отношений. Красноярск, 1979.

162. Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.

163. НТР и преимущества социализма. М., 1977.

164. НТР и социальный прогресс. М., 1974.

165. НТР. Общетеоретические проблемы. М., 1976.

166. Нуаре Л. Орудие труда и его значение в истории развития человечества. Киев, 1925.

167. Общественное развитие и НТР. М., 1982.

168. Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978.
169. Общество и сознание. М., 1984.
170. Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972.
171. Палеолит мира. Исследования по археологии древнего каменного века. Л., 1977.
172. Пенкин М. С. Искусство и наука: проблемы, парадоксы, поиски. М., 1982.
173. Первобытное общество. М., 1975.
174. Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (Проблема исторических контактов). М., 1978.
175. Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. Ч. I. М., 1974.
176. Перишц А. П., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982.
177. Плетников Ю. К. Общественная структура: проблемы и перспективы развития // Философ. науки. 1982. № 1.
178. Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М., 1971.
179. Плетников Ю. К. Проблемы дальнейшей разработки теоретической системы исторического материализма // Филос. науки. 1981. № 4.
180. Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. Т. 1. М., 1956.
181. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
182. Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
183. Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. Т. 1–2. М., 1971.
184. Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972.
185. Проблема человека в современной философии. М., 1969.

186. Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968.
187. Проблемы революции и переходного периода в марксистско-ленинской теории исторического процесса. М., 1979.
188. Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Челябинск, 1980.
189. Проблемы социально-экономических формаций (историко-типологические исследования). М., 1975.
190. Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.
191. Ранние земледельцы. Этнографические очерки. Л., 1980.
192. Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. М., 1969.
193. Румянцев А. М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. Первобытное воспроизводящее хозяйство (Политико-экономические очерки). М., 1985.
194. Семенов В. С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977.
195. Семенов С. А. Как возникло человечество. М., 1966.
196. Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983.
197. Семенов С. А. Происхождение брака и семьи. М., 1974.
198. Семенов Ю. И. Происхождение земледелия. Л., 1974.
199. Семенов Ю. И. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
200. Смена стадии общественного развития. Проблема переходных периодов и переходных форм общественных отношений. М., 1982.
201. Современная НТР. М., 1974.
202. Социальная активность: от потребности к деятельности. Челябинск, 1978.
203. Социальное действие. Минск, 1980.
204. Социальная диалектика в категориях исторического материализма. Свердловск, 1980.

205. Социальная структура развитого социалистического общества. М., 1976.
206. Становление классов и государства. М., 1976.
207. Степанов П. Г. Основы взаимосвязи категорий исторического материализма. Томск, 1982.
208. Сэв Л. Марксизм и теория личности. М., 1972.
209. Теоретико-методологические проблемы общественно-го развития. М., 1982.
210. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
211. Теория общественно-экономической формации. М., 1983.
212. Титаренко А. И. Критерий нравственного прогресса М., 1967.
213. Тюхтин В. С. О природе образа. М., 1964.
214. Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980.
215. Уледов А. К. Структура общественного сознания: теоретико-социологическое исследование. М., 1968.
216. Фадеев Е. Т. О сущности НТР // Филос. науки. 1973. № 5.
217. Файнберг Л. А. У истоков социогенеза. От стада обезьян к общине древних людей. М., 1980.
218. Философия и методология истории. М., 1977.
219. Философия марксизма и современная НТР. М., 1977.
220. Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
221. Философские проблемы общественного развития. Вып. 2. М., 1974.
222. Философские проблемы экологии. М., 1983.
223. Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981.
224. Фролов И. Т. Биология и будущее человека // Природа. 1974. № 2.
225. Фролов И. Т. Философия глобальных проблем // Вопр. философии. 1980. № 2.
226. Чагин Б. А. Структура и закономерности общественно-го сознания. Л., 1982.

227. Человек и мир человека. Киев, 1977,
228. Человек – наука – техника. М., 1973.
229. Чудинова П. М. Теоретические основы проблемы потребностей личности. Красноярск, 1976.
230. Шаронов В. В. Психология класса (Проблемы методологии исследования). Л., 1975.
231. Шахназаров Г. К. Куда идет человечество. М., 1985.
232. Шевченко В. Н. Социально-философский анализ развития общества. М., 1984.
233. Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980.
234. Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в Ранней Римской империи. Италия. М., 1971.
235. Шухардин С. В., Кузин А. А. НТР как закономерный исторический процесс // НТР: общетеоретические проблемы. М., 1976.
236. Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. М., 1973.

В.А.ВАЗЮЛИН

ЛОГИКА ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Издание 2-е, переработанное и дополненное

Редактор: С.М. Ерохина

Компьютерная верстка: С.А. Петров

Дизайн обложки: В.В. Сорокин Л.П. Фоменко

Печать офсетная

Формат 60х90/16

Усл. печ. л. 27,0

Тираж 750 экз.

Заказ 4179.

0000.043.089.05/10.13. Тир. 750

Издательство Современного гуманитарного университета

109029, Москва, ул. Нижегородская, 32, корп. 1, к. 206

Телефон: (095)727-12-41 доб. 31-80

E-mail: edit@muh.ru

